

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА УКРАИНЫ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
КРЫМСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ**

**ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК
SUPPLEMENT**

I

THE TOPOGRAPHY OF TAURIC CHERSONESUS

The water cistern of the dwelling house
in the quarter VII (IX-XI centuries)

edited by A.B. Biernacki, E.J. Klenina

TOPOGRAFIA CHERSONEZU TAURYDZKIEGO

Cysterna na wodę domu mieszkalnego
w kwartale VII (IX-XI wiek)

pod redakcją A.B. Biernackiego, E.J. Kleniny

Sevastopol
2006

ТОПОГАРФИЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО
Водосборная цистерна жилого дома
в квартале VII (IX-XI вв.)

под редакцией А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клеиной

Севастополь
2006

УДК

ББК 63.3(0)3 + 63.3(0)4 + 63.48(4УКР - 6КРМ)

X 39 ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК. *Supplement I*. ТОПОГРАФИЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX-XI вв.). Под редакцией А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клевиной. – Издательский дом «Максим», 2006. – 240 с.

Рецензенты:

профессор, д.и.н. А.И. Айбабин – Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины
профессор, д.и.н. Г.Ю. Ивакин – Институт археологии НАН Украины

Коллективная монография представляет материалы раскопок уникального археологического объекта – водосборной цистерны, открытого на территории Херсонесского городища в 2002 г. в рамках украинско-польского научно-исследовательского проекта «Топография римского и ранневизантийского Херсонеса Таврического», который осуществлялся под руководством к.и.н. Е.Ю. Клевиной (Украина) и д-ра А.Б. Бернацки (Польша). Археологические исследования, камеральная обработка и подготовка материалов к публикации финансировались ректором, Институтом истории, Институтом праистории и Фондом Университета им. А. Мицкевича в Познани (Польша). Издание предназначено историкам, археологам, эпиграфистам и всем интересующимся археологией и историей.

Рекомендовано к печати учеными советами Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Института археологии НАН Украины

УДК

ББК 63.3(0)3 + 63.3(0)4 + 63.48(4УКР - 6КРМ)

ISBN 966-8738-07-1

© Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 2006
© Университет им. Адама Мицкевича в г. Познань (Польша), 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (А.Б. Бернацки, Е.Ю. Кленина)	9
ВВЕДЕНИЕ (А.Б. Бернацки, Е.Ю. Кленина)	13
ГЛАВА 1. АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА IX-XI вв. (Н.А. Алексеенко)	17
ГЛАВА 2. АРХИТЕКТУРА, СТРОИТЕЛЬНЫЕ ОСТАТКИ, СТРАТИГРАФИЯ	23
Раздел 1. Архитектура и конструкция цистерны (А.Б. Бернацки)	23
Раздел 2. Стратиграфия (Ю. Беднарчик)	26
Раздел 3. Цистерна в квартале VII (Е. Розпендовски)	29
ГЛАВА 3. КАМЕННЫЕ ДЕТАЛИ, АРХИТЕКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ПРЕДМЕТЫ УТИЛИТАРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ (А.Б. Бернацки)	41
ГЛАВА 4. ИКОНОГРАФИЯ ЦИСТЕРНЫ – ПРОБА ПРОЧТЕНИЯ (А. Бжустковска)	55
ГЛАВА 5. МОНЕТЫ (Н.А. Алексеенко)	85
ГЛАВА 6. КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС (В.А. Нессель)	95
ГЛАВА 7. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ НАХОДКИ (М. Новак)	141
ГЛАВА 8. ОСТЕЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ (О.П. Журавлев)	171
ГЛАВА 9. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ (В.Ю. Радочин)	217
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (А.Б. Бернацки, Е.Ю. Кленина)	219
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	221
РЕЗЮМЕ: The water cistern of the dwelling house in the quarter VII (IX-XI centuries)	227

SPIS TREŚCI

PRZEDMOWA (A.B. Biernacki, E.Ju. Klenina)	9
WPROWADZENIE (A.B. Biernacki, E.Ju. Klenina)	13
CZEŚĆ 1. ZARYS ADMINISTRACYJNO-POLITYCZNEJ HISTORII BIZANTYJSKIEGO CHERSONEZU IX – XI w. (N.A. Alekseenko)	17
CZEŚĆ 2. ARCHITEKTURA, KONSTRUKCJE, STRATYGRAFIA	23
Rozdział 1. Architektura i konstrukcja cysterny (A.B. Biernacki)	23
Rozdział 2. Stratygrafia (J. Bednarczyk)	26
Rozdział 3. Cysterna w kwartale VII (J. Rozpędowski)	29
CZEŚĆ 3. KAMIENNE DETALE I ELEMENTY ARCHITEKTONICZNE ORAZ PRZEDMIOTY UŻYTKOWE (A.B. Biernacki)	41
CZEŚĆ 4. IKONOGRAFIA CYSTERNY - PRÓBA ODCZYTANIA (A. Brzóstkowska)	55
CZEŚĆ 5. MONETY (N.A. Alekseenko)	85
CZEŚĆ 6. ZESPÓŁ CERAMIKI (B.A. Nessel)	95
CZEŚĆ 7. ZABYTKI RUCHOME (M. Nowak)	141
CZEŚĆ 8. MATERIAŁY OSTEologiczne (O.P. Żurawlew)	171
CZEŚĆ 9. MATERIAŁY ANTROPOlogiczne (W.Ju. Radoczin)	217
ZAKOŃCZENIE (A.B. Biernacki, E.Ju. Klenina)	219
SPIS LITERATURY I ŹRÓDEŁ PISANYCH	221
STRESZCZENIE: The water cistern of the dwelling house in the quarter VII (IX-XI centuries)	227

CONTENTS

FOREWORD (A.B. Biernacki, E.J. Klenina)	9
INTRODUCTION (A.B. Biernacki, E.J. Klenina)	13
CHAPTER 1. AN OVERVIEW OF THE ADMINISTRATIVE-AND-POLITICAL HISTORY OF THE BYZANTINE CHERSONESUS (N.A. Alekseyenko)	17
CHAPTER 2. ARCHITECTURE, STRUCTURES AND STRATIGRAPHY	23
Section 1. The Architecture and Design of the Cistern (A.B. Biernacki)	23
Section 2. The Stratigraphy (J. Bednarczyk)	26
Section 3. The Cistern in Quarter VII (J. Rozpędowski)	29
CHAPTER 3. STONE DETAILS, ARCHITECTURAL ELEMENTS AND OBJECTS OF DAILY USE (A.B. Biernacki)	41
CHAPTER 4. AN ATTEMPT TO READ THE ICONOGRAPHY OF THE CISTERN (A. Brzóstkowska)	55
CHAPTER 5. COINS (N.A. Alekseyenko)	85
CHAPTER 6. THE CERAMIC ASSEMBLAGE (V.A. Nessel)	95
CHAPTER 7. MISCELLANEOUS SMALL ARTIFACTS (M. Nowak)	141
CHAPTER 8. OSTEOLOGICAL MATERIAL (O.P. Zhuravlyov)	171
CHAPTER 9. ANTHROPOLOGICAL MATERIAL (V. Radochin)	217
CONCLUSION (A.B. Biernacki, E.J. Klenina)	219
BIBLIOGRAPHY AND LIST OF HISTORICAL SOURCES	221
SUMMARY: The water cistern of the dwelling house in the quarter VII (IX-XI centuries)	227

ПРЕДИСЛОВИЕ

Реализация многолетнего украинско-польского научно-исследовательского проекта «Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического» завершилась в декабре 2001 г. По результатам этой работы была подготовлена и издана многотомная коллективная публикация. Однако обе стороны были готовы продолжить начатую работу. Специалисты Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Университета им. Адама Мицкевича в Познани определили в ходе проведенных совместных исследований ряд научных задач, связанных с изучением топографии Херсонеса Таврического, которые возможно было решить только с помощью плановых археологических раскопок. После жарких дискуссий была одобрена всеми заинтересованными сторонами тема нового научно-исследовательского проекта «Топография римского и ранневизантийского времени Херсонеса Таврического». Договор о многолетнем сотрудничестве между заповедником и Университетом был подписан и охватывал период с 2002 по 2006 год. Осенью 2001 г. руководство нового научно-исследовательского украинско-польского проекта получило предложение принять участие в изучении памятников, расположенных на площади у собора св. Владимира, от заведующего Архитектурно-археологическим отделом заповедника С.Г. Рыжова, занимавшегося в тот период охраняемыми исследованиями на этом участке. Необходимость срочно начать раскопки к северу от собора была обусловлена тем, что во время прокладки необходимых коммуникаций вокруг собора были открыты мощные стены неизвестного ранее сооружения, оштукатуренные цементным раствором. Эта постройка стала объектом наших совместных исследований с 6 августа по 4 октября 2002 г. Работы велись на основании квалификационного удостоверения (Открытый лист) № 42, выданного Институтом Археологии НАН Украины на имя С.Г. Рыжова, и Разрешения на раскопки, полученного в Министерстве культуры и искусств Украины. Первоначально считалось, что исследовать предстоит крипту одного из многочисленных херсонесских храмов византийского времени, поскольку постройка находилась ниже уровня дневной поверхности. Однако первые же дни раскопок показали, что это значительных размеров ранее неизвестная водосборная цистерна прекрасной сохранности. Основным достоинством этого сооружения оказались многочисленные граффити на стенах.

Сложность этого объекта обусловила участие в полевых и камеральных работах значительного числа специалистов двух стран. В состав научно-исследовательской группы с украинской стороны вошли: Е.Ю. Кленина – археолог, ученый секретарь заповедника, руководитель проекта; С.Г. Рыжов – археолог, заведующий Архитектурно-археологическим отделом заповедника; В.А. Нессель – археолог, научный сотрудник Отдела исследований и охраны памятников археологии заповедника; Н.А. Алексеенко – нумизмат, заведующий филиалом "Чембало"; к.и.н. О.П. Журавлев – остеолог, научный сотрудник Института археологии НАН Украины; В.Ю. Радочин – антрополог, научный сотрудник Крымского отделения Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины; П.В. Пересветов – чертежник. Польских специалистов представляли: к.и.н. А.Б. Бернацки – археолог, преподаватель Института истории УАМ, руководитель проекта; Ю. Беднарчик – археолог, преподаватель Института праистории УАМ и сотрудник Фонда УАМ; профессор, д.т.н. Е. Розендовски – архитектор-реставратор, Институт истории архитектуры, искусства и техники Вроцлавского Политехнического Университета; к.и.н. А. Бжустковска – специалист по классической филологии, научный сотрудник Института славистики Познаньского филиала Польской академии наук; М. Новак – археолог, научный сотрудник Института истории УАМ. В полевых исследованиях и работах по составлению полевой документации принимали участие археологи А. Суэцка и А. Романьска, сотрудники Фонда УАМ, а также студентка Института праистории К. Врочиньска и десять студентов-практикантов специальности археология УАМ в Познани.

Земляные работы проводились силами 21 рабочего, среди которых были студенты Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, а также учащиеся школ гг. Севастополя и Харькова.

Археологические исследования и камеральная обработка материалов финансировались ректором Университета им. Адама Мицкевича в Познани, директором Института истории УАМ, Фондом Университета им. Адама Мицкевича и Институтом праистории УАМ.

Все авторы этой монографии благодарят за помощь в финансировании раскопок и понимание проблем профессора, д.х.н. Бронислава Марциняка, проректора Университета; профессора, д.и.н. Богдана Лаписа, директора Института истории УАМ; профессора, д.и.н. Ганну Кочку-Кренц, а также руководство Фонда УАМ. Особую благодарность выражаем профессору, д.х.н. Брониславу Марциняку, который оказал неоценимую финансовую поддержку во время проведения археологических исследований в наиболее критической завершающей стадии.

Хотим выразить признательность за дружелюбие и постоянную поддержку, оказанную со стороны к.и.н. Л.В. Марченко, Генерального директора заповедника, и к.и.н. Г.М. Николаенко, заместителя по науке, а также финансирование настоящей публикации.

Особую благодарность выражаем П.В. Пересветову – постоянному члену всех наших научно-исследовательских проектов в Херсонесе, за выполнение графических копий всех настенных граффити в масштабе 1:1 в течение нескольких месяцев в тяжелых погодных условиях зимой 2002-2003 гг.

Невозможно не восхищаться профессионализмом, оперативностью и безотказностью реставраторов заповедника: О.А. Демьяновой, Ю.С. Рыжовой и И.А. Шведовой. Они помогли отреставрировать и сохранить целый ряд предметов из засыпи цистерны. Огромную благодарность также выражаем хранителям фондовых коллекций заповедника Л.Н. Головченко и Е.М. Кочетковой за чуткость и терпение в работе с исследователями и всестороннюю помощь.

Хотим также сердечно поблагодарить друзей, коллег-археологов и историков, всех научных сотрудников Национального заповедника «Херсонес Таврический», имеющих многолетний опыт работы на памятниках археологии Северного Причерноморья, за возможность получить множество ценных замечаний и обменяться мнениями в процессе работы над этим научно-исследовательским проектом. Наших украинских и иностранных оппонентов и противников благодарим за постоянный прессинг, который в самые трудные моменты работы мобилизовал нашу группу на решение поставленных научных задач и реализацию в срок научно-исследовательских планов.

Этот том открывает целую серию публикаций, объединенную общим названием «Топография Херсонеса Таврического», которая будет представлять не только памятники городища и проблемы его исследования, но и окрестности Херсонеса, являющейся неотъемлемой его частью.

Realizację wieloletniego ukraińsko-polskiego projektu naukowo-badawczego „Wczesnobizantyjskie budowle sakralne Chersonesu Taurydzkiego” zakończono w grudniu 2001 roku. Wyniki tych badań zostały opublikowane w zespolowej, trzytomowej publikacji. W rezultacie obie strony postanowiły nadal kontynuować ukraińsko-polską współpracę naukową. Naukowcy z Narodowego Rezerwatu „Chersones Taurydzki” w Sewastopolu i Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, jeszcze w trakcie wstępnie prowadzonych prac nad pierwszym w projektów zwrócili uwagę na szereg zagadnień związanych z problematyką topografii Chersonesu Taurydzkiego, których opracowanie możliwe było tylko w oparciu o planowe, wieloletnie badania archeologiczne. W wyniku wielogodzinnych i żarliwych dyskusji obie zainteresowane strony uzgodniły temat następnego, nowego projektu naukowo-badawczego „Topografia rzymskiego i wczesnobizantyjskiego Chersonesu Taurydzkiego”. Podpisana wówczas kolejna, umowa o wieloletniej współpracy naukowo-badawczej między Narodowym Rezerwatem Chersones Taurydzki i Uniwersytetem im. Adama Mickiewicza dotyczyła okresu od 2002 do 2006 roku.

Jesienią 2001 roku kierownictwo nowopodpisanego ukraińsko-polskiego projektu naukowo-badawczego otrzymało propozycję wzięcia udziału w badaniach pozostałości obiektów architektonicznych znajdujących się pod dziedzińcem przy soborze św. Włodzimierza. Propozycja ta wypłynęła ze strony Stanisława G. Ryżowa, kierownika Oddziału Architekturo-Archeologicznego Narodowego Rezerwatu Chersones Taurydzki, prowadzącego w tym czasie badania ratunkowe w tej części miasta. Konieczność szybkiego podjęcia badań archeologicznych w północnej części dziedzińca przy soborze św. Włodzimierza podyktowana była faktem, iż kilka tygodni wcześniej w czasie prowadzonych tam prac ziemnych, związanych z przełożeniem instalacji sanitarnych i elektrycznych, natrafiono na masywne mury pokryte zaprawą hydrauliczną, pochodzące z nieznanego wcześniej budowlu. To właśnie ta budowla stała się obiektem naszych wspólnych badań archeologicznych w okresie od 6 sierpnia do 4 października 2002 roku.

Prace prowadzono na podstawie oficjalnego zezwolenia tzw. listu otwartego No 42, wydanego przez Instytut Archeologii Ukraińskiej Akademii Nauk dla St.G. Ryżowa, oraz pozwolenia na badania otrzymanego z Ministerstwa Kultury i Sztuki Ukrainy. Pierwotnie zakładano, że przedmiotem badań jest krypta, kolejnego niezidentyfikowanego wcześniej kościoła bizantyjskiego, tym bardziej, że pozostałości odkryte w trakcie prac budowlanych znajdowały się poniżej poziomu dzisiejszego dziedzińca. Jednakże już pierwsze dni badań wykopaliskowych pokazały, że mamy tutaj do czynienia z nieznaną wcześniej, wyróżniającą się bardzo dobrym stanem zachowania, dużych rozmiarów cysterną na wodę. Szczególną wartość naukowo-badawczą tej cysterny podniosły jeszcze bardziej, liczne graffiti, jakie znaleziono na jej ścianach.

Złożoność i wielowątkowość tego obiektu w naturalny sposób wymogła udział w pracach terenowych jak i gabinetowych licznej, interdyscyplinarnej grupy polskich i ukraińskich specjalistów. W skład międzynarodowego, interdyscyplinarnego zespołu naukowo-badawczego ze strony ukraińskiej weszli: E.Ju. Klenina – archeolog, kierownik projektu naukowo-badawczego, Sekretarz Naukowy Narodowego Rezerwatu Chersones Taurydzki; St.G. Ryżow – archeolog, kierownik Zakładu Architekturo-Archeologicznego Narodowego Rezerwatu; V.A. Nessel – archeolog, pracownik naukowy Zakładu Badań i Ochrony Pomników Archeologii Narodowego Rezerwatu; N.A. Alekseenko – numizmatyk, kierownik Filii Czembalo; dr O.P. Żurawlew – archeozoolog, pracownik naukowy Instytutu Archeologii Ukraińskiej Akademii Nauk; W.Ju. Radoczin – antropolog, pracownik naukowy Krymskiego Oddziału Instytutu Wschodoznawstwa im. A.E. Krymskowo, Ukraińskiej Akademii Nauk; P.W. Pereswetow – rysownik. Ze strony polskiej udział wzięli: dr A.B. Biernacki – archeolog, kierownik projektu, pracownik naukowy Instytutu Historii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza; dr J. Bednarczyk – archeolog, pracownik naukowy Instytutu Prahistorii UAM i Fundacji UAM; prof.dr hab. Jerzy Rozpędowski – architekt i konserwator architektury, pracownik naukowy Instytutu Historii Architektury Sztuki i Techniki Politechniki Wrocławskiej; dr A. Brzóstkowska – filolog klasyczny, pracownik naukowy Instytutu Sławistyki w Poznańskim Oddziale Polskiej Akademii Nauk; mgr M. Nowak – archeolog, pracownik Instytutu Historii UAM. W pracach wykopaliskowych i przy wykonywaniu dokumentacji badań terenowych udział brały

również archeolodzy A. Sujecka i A. Romańska z Fundacji UAM, oraz dziewięciu studentów praktykantów archeologii z UAM w Poznaniu.

Prace eksploracyjne prowadzono przy współudziale 21 robotników ukraińskich, wśród których byli studenci Państwowego Uniwersytetu im. W.N. Karazina w Charkowie, oraz uczniowie szkół średnich z Sewastopola i Charkowa.

Badania archeologiczne i dokumentacyjne finansowane były przez Rektora Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, Dyrektora Instytutu Historii UAM, Fundację Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza i Instytut Prahistorii UAM.

Niniejsza publikacja sfinansowana została przez Narodowy Rezerwat „Chersones Taurydzki”

Autorzy monografii składają serdeczne podziękowania za wszechstronną pomoc, zrozumienie oraz sfinansowanie badań Panom: Prof. dr hab. Bronisławowi Marciniakowi, Prorektorowi do Spraw Nauki Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, prof.dr hab.Bohdanowi Lapisowi Dyrektorowi Instytutu Historii UAM. Analogiczne podziękowania składamy również Pani Prof.dr hab. H. Kócka-Krenz Dyrektorowi Instytutu Prahistorii UAM oraz Dyrekcji Fundacji UAM.

Członkowie międzynarodowego zespołu naukowo-badawczego pragną wyrazić szczególne podziękowania Prof. dr hab. Bronisławowi Marciniakowi i Prof. dr hab. Bohdanowi Lapisowi za nieocenione wsparcie finansowe w szczególnie krytycznym dla nas, końcowym stadium prowadzenia prac wykopaliskowych na terenie cysterny.

Chcemy wyrazić podziękowania za życzliwość i codzienną wszechstronną pomoc, jaką w trakcie realizacji niniejszego projektu badawczego okazali nam: dr L.W. Marczenko - Generalny Dyrektor Narodowego Rezerwatu Chersones Taurydzki i dr G.M. Nikołajenko - Zastępca Dyrektora do Spraw Naukowych Narodowego Rezerwatu. Serdecznie dziękujemy za sfinansowanie niniejszej publikacji.

Specjalne podziękowania należą się Panu P.W. Pereswetowowi – rysownikowi, który w niezwykle ciężkich warunkach atmosferycznych, przez kilka miesięcy, w zimie 2002 na 2003 roku z niezwykłą precyzją i dokładnością przekopiował na folię wszystkie graffiti znajdujące się na ścianach cysterny.

Nie można nie wspomnieć o profesjonalizmie, operatywności i pomocy, z jaką spotkaliśmy się ze strony Pań: O.A. Demianowej, Ju.S. Ryżowej oraz I.A. Szwedowej - konserwatorów z Narodowego Rezerwatu „Chersones Taurydzki”. To właśnie dzięki nim udało się uratować i zakonserwować wiele niezwykle cennych zabytków ruchomych znalezionych w cysternie. Bardzo dziękujemy również Paniom: L.N. Golowczenko i E.M. Koczetkowej - pracownikom Oddziału Zbiorów i Lapidariów Archeologicznych Narodowego Rezerwatu, za niezwykłą opiekę, cierpliwość i wszechstronną pomoc w stosunku do wszystkich członków zespołu naukowo-badawczego.

Pragniemy również podziękować wszystkim przyjaciółom, pracownikom Narodowego Rezerwatu Chersones Taurydzki, kolegom archeologom, historykom, mającym wieloletnie doświadczenia w pracach archeologicznych na terenie antycznych miast Północnego Nadczarnomorza za możliwość wymiany poglądów i wiele cennych uwag w trakcie realizacji niniejszego projektu naukowo-badawczego. Naszym lokalnym i zagranicznym oponentom i przeciwnikom dziękujemy za opinie i stałą presję, dzięki którym nawet w najtrudniejszych momentach naszej pracy znajdowaliśmy w sobie siły i możliwości do realizacji ustalonych harmonogramem prac, zadań badawczych.

Tom ten otwiera serię publikacji, obejmujących szeroko pojętą problematykę „Topografii Chersonesu Taurydzkiego”, które prezentować będą nie tylko obiekty znajdujące się na terenie antycznego miasta wraz z ich materiałem źródłowym, ale także jego nierozłączną część - unikatową chorę Chersonesu.

The long-term Polish-Ukrainian research-and-scientific project “The Early-Byzantine Sacred Architecture of Chersonesus Taurica” was concluded in December 2001, and the results of the studies were published in a three-volume collective monograph. Following this, both parties participating in the project decided to continue their scholarly cooperation. It was still in the course of the initial joint project that scientists and scholars of the National Reserve “Chersonesus Taurica” and of the Adam Mickiewicz University of Poznań identified a number of issues related to the topography of Chersonesus Taurica which might be settled only by means of long-term planned archaeological excavation. After extensive spirited discussions, the cooperating parties approved the topic of the subsequent research-and-scientific project, “The Topography of the Roman and Early-Byzantine Chersonesus Taurica.” The ensuing agreement of long-term research-and-scientific cooperation between the National Reserve “Chersonesus Taurica” and the Adam Mickiewicz University covered the period 2002–2006.

In the autumn of 2001, the managers of the newly established Polish-Ukrainian research-and-scientific project were invited to take part in the exploration of the remnants of the structures discovered under the court of the cathedral of St. Vladimir. The offer was made by Stanislav Ryzhov, the head of the Division of Architectural Archaeology of the National Reserve “Chersonesus Taurica,” which division was at that time conducting emergency investigation in that part of the city. It was necessary to undertake prompt archaeological investigation of the northern section of the court of the cathedral of St. Vladimir because a few weeks earlier, during the excavation work carried out in order to relay the municipal sewerage and power-supply lines, massive walls covered with hydraulic mortar had been discovered, belonging to a previously unknown structure. This new structure constituted the subject matter of our joint archaeological operation in the period from August 6 to October 4, 2002.

The work was conducted pursuant to the official authorization “Open Letter No. 42,” issued by the Institute of Archaeology of the Ukrainian Academy of Science to S. Ryzhov, and a research license obtained from the Ministry of

Culture and the Arts of Ukraine. The investigated structure was at first considered the crypt of a thitherto unknown Byzantine church, if only because the remnants discovered during the municipal excavation work were located below the present level of the court. Still, after a few days of archaeological excavation it transpired that the structure was a previously unknown large water cistern in an outstandingly good condition of preservation. Many graffiti on the walls of the structure additionally enhanced its scientific value.

Due to the high degree of complication of the structure, it had to be studied, both in situ and in the course of office investigation, by a numerous interdisciplinary team of Polish and Ukrainian specialists. The international interdisciplinary research-and-scientific team consisted of the following Ukrainian members: E. Klenina: archaeologist, manager of the research-and-scientific project, Scientific Secretary of the National Reserve "Chersonesus Taurica"; S. Ryzhov: archaeologist, head of the Division of Architectural Archaeology of the Reserve; V. Nessel: archaeologist, research worker of the Division of the Investigation and Protection of Archaeological Relics of the Reserve; N. Alekseyenko: numismatist, head of the Cembalo branch; Dr. O. Zhuravlev: archaeozoologist (osteologist), research worker of the Institute of Archaeology of the Ukrainian Academy of Science; V. Radochin: anthropologist, research worker of the Crimean Division of the A. E. Krymskij Institute of Oriental Studies of the Ukrainian Academy of Science; and P. Peresvetov: draftsman. The Polish party was represented by: Dr. A. B. Biernacki: archaeologist, project manager; research worker of the Faculty of History of the Adam Mickiewicz University [UAM]; Dr. J. Bednarczyk: archaeologist, research worker of the Institute of Prehistory of UAM and the Foundation of UAM; Prof. Jerzy Rozpędowski, Ph.D., D.Sc.: architect and specialist in architectural restoration, research worker of the Institute of the History of Architecture, the Arts and Technology of the Wrocław Polytechnic; Dr. A. Brzóstkowska: classical philologist, research worker of the Institute of Slavic Studies of the Poznań Branch of the Polish Academy of Science; and M. Nowak, M.A.: archaeologist of the Faculty of History of UAM. Participants in the excavation work and the development of the documentation of field studies were also archaeologists A. Sujecka and A. Romańska of the Foundation of UAM and nine students of archaeology of UAM receiving practical training.

Physical labor during the exploration was provided by twenty-one Ukrainian workers, among them students of the V. N. Karazin National University of Kharkiv and of secondary schools of Sevastopol and Kharkiv.

The archaeological and documentation work was financed by the President of the Adam Mickiewicz University, the Head of the Faculty of History of UAM, the Foundation of UAM and the Institute of Prehistory of UAM.

The authors of the monograph express their most heartfelt thanks to Prof. Bronisław Marciniak, Ph.D., D.Sc., Deputy President of UAM in Charge of Science, and Prof. Bohdan Lapis, Ph.D., D.Sc., Head of the Institute of History of UAM, for their extensive assistance, understanding and financing. We also give our thanks to Prof. Hanna Kócka-Krenz, Ph.D., D.Sc., Head of the Institute of Prehistory of UAM, and the Directors of the Foundation of UAM.

The members of the international research-and-scientific team sincerely thank Prof. Bronisław Marciniak and Prof. Bohdan Lapis for their invaluable financial support at the crucial last stage of excavation work at the location of the cistern.

For their kindness and everyday unstinting support for the realization of the present research project, we wish to express our gratitude to Dr. L. Marchenko, the General Director of the National Reserve "Chersonesus Taurica" and Dr. G. Nikolajenko, Deputy Director of the Reserve in Charge of Science. We thank them for financing this publication.

We owe particular thanks to Mr. P. Peresvetov, the draftsman who during the extremely severe winter of 2002/2003 copied all the graffiti from the walls of the cistern to plastic film with strict accuracy.

Furthermore, we deeply appreciate the competence, initiative and kindness of O. Demjanova, J. Ryzhova and I. Shvedova of the National Reserve "Chersonesus Taurica", specialists in architectural restoration. It was thanks to these ladies that we managed to save and preserve many invaluable movable items found in the cistern. We also thank Ms. L. Golovchenko and Ms. E. Kochetkova of the Division of Collections and Precious Stones of the Reserve, for their assistance, patience and support of all the members of the research-and-scientific team.

Finally, we thank all our friends on the staff of the National Reserve "Chersonesus Taurica", fellow archaeologists and historians who shared with us their broad previous experience of archaeological work in the locations of ancient cities of the northern coast of the Black Sea and volunteered many helpful observations during the carrying out of the present research-and-scientific project. To our local and foreign opponents and adversaries, we are grateful for their opinions and constant intellectual pressure which even at the most difficult moments of our work supplied us with the resources necessary to carry out the scheduled research tasks.

The present volume is the first one in a series dealing with the general issues of the topography of Chersonesus Taurica, which is going to describe the structures located within the ancient city and the related source material as well as the peerless chora of Chersonesus, which constitutes an integral part of the city.

*Dr A.B. Biernacki
Listopad 2006 r.
Poznań, Polska*

*Dr. A.B. Biernacki
November 2006
Poznań, Poland*

*к.и.н. Е.Ю. Кленина
Ноябрь 2006 г.
Севастополь, Украина*

*Dr E.J. Klenina
November 2006
Sevastopol, Ukraine*

ВВЕДЕНИЕ

А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клемина

В августе-октябре 2002 г. нашей научно-исследовательской группой в рамках украинско-польского проекта «Топография римского и ранневизантийского Херсонеса Таврического», реализованного на основе многолетнего договора, подписанного между Национальным заповедником «Херсонес Таврический» и Университетом им. Адама Мицкевича в Познани, посчастливилось открыть и исследовать уникальное агротехническое сооружение – водосборную цистерну, являвшуюся частью жилого дома в квартале VII, расположенного к северо-востоку от площади с собором св. Владимира (Рис. 1-4).

Этот участок Херсонесского городища имеет длительную, но не слишком успешную историю исследований. В 1827 г. К. Крузе на площади, где впоследствии был выстроен собор св. Владимира, открыл один из византийских храмов (Айналов 1905: 51; Тункина 2002: 513; Сорочан 2005: 902-903). В 1853 г. архитектором графа А.С. Уварова Медведевым был сделан план этого участка городища (Айналов 1905: 55). В 1861 г. архимандрит о. Евгений перед началом строительства собора провел археологические исследования, в результате которых открыл другие храмы византийского времени и жилые постройки. В том же году по его поручению поручик К. Вяткин составил новый план этого участка, который опубликовал Н.Н. Мурзакевич в Записках Одесского Общества (1863; табл. 6). Большинство исследователей долгое время вслед за Д.В. Айналовым пренебрегали этим последним планом (1905: 55). Однако сопоставление, проведенное профессором, инженером-архитектором Е. Розпендовски, его с современным архитектурным планом показало, что уровень точности выполненного К. Вяткиным чертежа превзошел все наши ожидания (см. глава 2, рис. 5-6).

В 1890-1891 гг. в связи с окончанием строительства собора св. Владимира Императорская Археологическая Комиссия распорядилась провести археологические раскопки там, где это было еще возможно, до материковой скалы. К.К. Косцюшко-Валюжинич в своем отчете о результатах раскопок сокрушается над тем, что так и не представилась возможность более тщательно и методично изучить участок городища у строящегося нового собора (1893а: 2-3). Дополнительные данные, полученные в ходе работ, были нанесены на существующий план К. Вяткина чертежником М. Скубетовым. К.К. Косцюшко-Валюжинич исследовал до скалы участок к северу от строящегося собора, с южной стороны доследованы два византийских храма (№№ 28 и 29 по Д.В. Айналову), основные находки были сделаны к западу от нового собора, в том числе и фрагмент Присяги херсонеситов, которая позволила

считать, что на этом месте находилась агора. Раскопки к востоку от собора оказались невозможными из-за накопившегося в ходе строительства мусора, камней, а также временных сараев (Косцюшко-Валюжинич 1893а: 3-4). На месте, где в 2002 г. нами была открыта цистерна, находилось здание мастерских. В 1896 г. в восточном углу площади у нового собора были исследованы жилые кварталы (Косцюшко-Валюжинич 1898: 167-172). Таким образом, с 1827 г. по 1896 г. исследования в этой части городища не выявили какие-либо следы открытой нами цистерны.

После окончания строительства нового собора проведение исследований на площади возле него стало невозможным.

Археологи сконцентрировали свое внимание на изучении северо-восточной части квартала VII, которая территориально была удалена от площади у нового собора. Исследования продолжил в 1913 году Р.Х. Лепер (дело 89а; 1918: 56-57/1; Гриневиц 1930: 131-139). После окончания Второй мировой войны исследование цистерны было затруднено из-за существовавшего на её месте музейного гаража со смотровой ямой для ремонта машин. Вся юго-западная часть цистерны находилась под бетонными плитами - площадкой для грузовых машин. Во время строительства смотровой ямы частично была использована северо-западная стена, где впоследствии было обнаружено множество граффити.

Возобновить исследования удалось в 1986 г. И.Т. Кругликовой и А.В. Сазанову. В северо-восточной части квартала VII они открыли комплекс жилых построек и трехапсидный крестово-купольный храм византийского времени (дела №№ 2709; 2778; 2865; 2946). Храм находится в непосредственной близости к северу от открытой цистерны.

В 1998-2001 гг. в рамках первого украинско-польского научно-исследовательского проекта «Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического» были проведены анализ историографических и архивных данных, инвентаризация архитектурных деталей, находившихся в то время на площади у собора, и сделаны описание конструктивных особенностей, а также новые архитектурные обмеры базилики № 28 (Седикова 2004: 83-84; Medeksza 2004: 171-174). Другие сакральные памятники не рассматривались, поскольку без дополнительных археологических исследований невозможно было ответить на ряд ключевых вопросов, в том числе и о датировке.

В это же время были возобновлены охранные археологические работы в связи с реставрацией собора св. Владимира (1999-2003 гг.). Возглавил эту работу со стороны заповедника заведующий Архитектурно-археологическим отделом С.Г. Рыжов.

Благодаря этому появился шанс завершить работу многих наших предшественников.

В 2001 г. в связи с ликвидацией старого музейного гаража и прокладкой трассы новой канализации были выявлены стены сооружения, сложенные на цемянковом гидравлическом растворе высокого качества. С.Г. Рыжов, будучи членом нашей научно-исследовательской группы, предложил исследовать этот уникальный объект в рамках нового проекта «Топография римского и ранневизантийского Херсонеса Таврического». Несмотря на то, что уже были начаты работы в квартале с пентапсидным храмом, руководство проекта приняло решение проводить исследования на двух участках, понимая, что, вероятно, это единственная возможность изучить западную часть квартала VII до завершения реконструкции собора XIX в. и передачи его православной церкви в пользование. История повторялась.

В связи с охранным характером исследований и проведением археологических работ одновременно на двух объектах руководство и члены научно-исследовательской группы проекта коллегиально приняли решение, что непосредственно руководить полевыми работами на площади у собора св. Владимира будут С.Г. Рыжов (Национальный заповедник «Херсонес Таврический») и Юзеф Беднарчик (УАМ в Познани). Другие члены научно-исследовательского проекта, в частности руководители проекта Е.Ю. Кленина (НЗХТ), к.и.н. А.Б. Бернацки (УАМ) и архитектор-реставратор недвижимых архитектурно-археологических памятников, профессор, доктор наук Ежэ Розпендовски, были обязаны консультировать во время исследования цистерны.

Первоначально предполагалось, что подземная часть выявленной постройки являлась криптой одного из многочисленных византийских храмов. В первые дни раскопок стало ясно, что это сооружение было предназначено для гидротехнических целей. Однако никто из нашей научно-исследовательской группы не допускал, что цистерна окажется прекрасной сохранности. Появившиеся верхние части фустов колонн позволили по диаметру определить максимальную их высоту, а следовательно, глубину цистерны. Водосборные цистерны закрытого типа являются редкостью для всего причерноморского региона, исключение составляет Константинополь - столица Византийской империи. Византийские архитекторы создали в Херсонесе уменьшенную копию знаменитых цистерн «1001 колонна» и «Затопленный дворец». Обе они датируются VI в. и являлись общественными сооружениями. Конструктивные особенности херсонесского резервуара и радиоуглеродные анализы свидетельствовали, что он был создан не ранее IX в.

Самый неожиданный и приятный сюрприз ждал нас практически у самого дна резервуара. Стены были покрыты различными изображениями животных, птиц, рыб, солярными и сакральными знаками, а также надписями на греческом языке, выполненными в

технике граффити. Наиболее интересным вопросом было происхождение этих граффити. Кто и когда их сделал? От первого предположения, что это были чистильщики цистерны, сразу же пришлось отказаться. Скорее, именно они должны были особенно бережно относиться к гидравлическому покрытию стен цистерны, которое не давало возможности просочиться сквозь стены воде. Вторую догадку высказала на научном совещании, где впервые были представлены результаты нашей работы, заведующая Отделом средневековой истории Херсонеса Т.Ю. Яшаева, предположив, что люди, сделавшие граффити, находились в заключении и не были внизу по доброй воле. Хотим искренне поблагодарить Т.Ю. Яшаеву за поданную идею, которая, как показали дальнейшие исследования, была наиболее верной.

Вполне понятно, что открытие такого объекта вызвало огромный интерес среди специалистов. К сожалению, не все были доброжелательно настроены. Некоторые постарались воспользоваться плодами чужого труда. В мае 2003 г. было принято совместное решение всех заинтересованных сторон, в том числе и С.Г. Рыжова, о проведении в августе 2003 г. дополнительных исследований и подготовке польской стороной проекта консервации цистерны. Предварительно было предложено воспользоваться наиболее щадящей методикой, которая будет легко обратима и не повредит памятник. Е. Розпендовски разработал проект легкой конструкции крыши над цистерной на четырех опорах, чтобы дождевая вода не скапливалась внутри. На расстоянии 0,10 м от стен с граффити должны были быть установлены деревянные щиты, а пространство между ними и стенами засыпано сухим речным песком. Временно законсервированный объект должен был быть оставлен в таком виде до того времени, когда будет подготовлен профессором Ежэ Розпендовски полный проект консервации цистерны и территории возле неё, получены соответствующие средства для его реализации с украинской и польской стороны, а также утвержден этот проект в Министерстве культуры и туризма Украины. Срок подготовки проекта был установлен на сентябрь 2003 г. В рамках подготовки этого проекта к.б.н. М.С. Зеленская провела предварительные микологические исследования стен цистерны.

К сожалению, в июне того же года без предупреждения членов украинско-польского проекта, которые работали на этом объекте, началась так называемая «консервация» цистерны украинско-американской экспедицией под руководством заместителя Генерального директора по научной консервации, к.и.н. Л.В. Седиковой и профессора Дж. Картера (Институт классической археологии Техасского университета, США). В результате этих мероприятий, полное описание которых можно найти в рапорте непосредственного исполнителя К. Клира (Cleer 2003: 19-21), была утрачена последняя надежда даже на дискуссию среди специалистов о назначении, роли и конструктивных особенностях этого

гидротехнического сооружения. Одно из граффити с изображением всадника было также без какого-либо разрешения руководителей проекта опубликовано на страницах цветного путеводителя, изданного в США Институтом классической археологии Техасского университета при участии научных сотрудников Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Crimean Chersonesos: city, museum, and environs 2003: 37). Выше изложенное событие является абсолютным насилием над основными правами авторов, которые принадлежат исследователям археологического объекта. Хотелось бы, чтобы в среде специалистов преобладали отношения, основанные на высоких принципах, принятых во всем научном мире. Этот факт оставляем на суд читателя.

Следующим «исследователем» результатов наших раскопок стал профессор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина С.Б. Сорочан. В его монографии «Византийский Херсон. Очерки истории и культуры» авторы с удивлением прочитали много нового и интересного о цистерне, которую открыли в 2002 г. с целым научно-исследовательским коллективом (2005: 904-907). Посвящены этому объекту четыре неполные страницы с иллюстрациями. Правда, половина текста – это цитаты других исследователей из газетных заметок местного уровня, например, «Славы Севастополя». Хотим подчеркнуть, что С.Б. Сорочан не был участником раскопок, а также консультантом каких бы то ни было работ, не получал он также и официального разрешения на использование архивных материалов нашей экспедиции, хранящихся в Национальном заповеднике и Институте археологии НАН Украины. Нам трудно объяснить такую поспешность, недостойную ученого высокого уровня, к какому всегда относился профессор С.Б. Сорочан. С первых же строк видна небрежность в использовании археологических источников и пренебрежение метрическими данными. Так, в монографии С.Б. Сорочана цистерна имеет квадратную форму в плане, площадью 5,5х5,5 м. На самом деле это слегка неправильной формы прямоугольник со сторонами 6,10/5,90 х 5,40 м, кроме этого, глубина его не составляет 6.30 м. С какой целью читателя с самого начала вводят в заблуждение? Далее, откуда-то появились пятиметровые колонны!? А также предположение, что цистерна вырублена в скале и облицована камнем изнутри. Во время раскопок мы не смогли ответить утвердительно на этот вопрос, поскольку стены были плотно покрыты слоем гидравлического раствора с внутренней стороны, с внешней же стороны раскопки показали, что до скалы цистерна была ограничена двойной стеной. Далее узнаем, что колонны изготовлены из мраморовидного известняка (Сорочан 2005: 905). В то время, как спектральный анализ доказал, что сырьем послужил проконесский мрамор! Инсинуации в отношении датировки со стороны уважаемого всеми профессором не поддаются никакой критике. На каком основании строительство цистерны датируется VI-VII вв.? А радиоуглеродный анализ показал, что цистерна

сооружена в IX в. К.и.н. Н.А. Алексеенко, занимавшийся нумизматическим материалом из цистерны, узнал, что последние монеты в засыпи датируются временем правления Василия II (Сорочан 2005: 906).

На фоне всех неточностей и откровенных подтасовок фактов особенно нравится вывод (вероятно, сделанный в свое оправдание) о том, что цистерна, исследованная в 2002 г., была уже открыта К. Крузе в 1827 г. В этом месте автор приводит описание, сделанное Вербовским 22 ноября 1827 г. (Сорочан 2005: 907). Инженер-подполковник дает описание некоего бассейна и ссылается на план, где он обозначен под литерой Г. И.В. Тункина с сожалением сообщает нам, что план исчез, а следовательно, место нахождения описанного Вербовским резервуара невозможно установить*. Однако вернемся к самому отрывку, где даны размеры этого бассейна. «Бассейн сей имеет 1 сажень в квадрате [4,55 м²]...» (Тункина 2002: 510). Из цитаты ясно, что размеры бассейна, который открыт в 1827 г., невелики и составляют в плане 4,55 м², тогда как цистерна у собора – около 32 м²(!) - и это по внутренним обмерам. С.Б. Сорочан находит этому простое объяснение, что «...общие размеры сооружения [бассейн, описанный в 1827 г. - А.Б.Б., Е.Ю.К.], снятые, видимо, по внутренним обмерам, несколько преуменьшены...». Военные инженеры ошиблись во время обмеров на каких-то 27,5 м².

Кроме этого, профессора С.Б. Сорочана абсолютно не интересует характер залегания слоев и материал из засыпи цистерны, которые свидетельствуют, что стратиграфия не была нарушена, так же как и радиоуглеродные анализы, подтверждающие это (см. глава 2, раздел 2). Продолжая подтасовку фактов, автор считает, что К.К. Косцюшко-Валюжинич специально не упомянул цистерну в своем отчете за 1891 г., поскольку «...не посчитал нужным выделить её особо, видимо, потому, что не уловил особого археологического контекста находки» (Сорочан 2005: 907). Хотелось бы встать на защиту великого исследователя Херсонеса, который был точен в своих описаниях. Весь участок к северо-востоку от нового собора был завален строительным мусором и застроен временными сараями, а на месте цистерны давно было сооружено здание с мастерскими (Косцюшко-Валюжинич 1893а: 3-4).

Отсутствие возможности продолжить исследования в квартале VII приведут, на наш взгляд, к дальнейшим инсинуациям со стороны некоторых исследователей в связи с так называемым дворцом Анны. Можно только сожалеть, что проект полного исследования и консервации квартала, включая цистерну и трехапсидный храм к северу от неё, не был осуществлен из-за передачи собора в пользование православной церкви Московского патриархата. В настоящее время вся территория к северо-востоку от собора св. Владимира засыпана землей и огорожена

*Подробнее об этом смотри в нашей статье в Херсонесском сборнике 15.

забором таким образом, что единый квартал поделен на две части. С грустью следует отметить, что великолепной сохранности гидротехническое сооружение, изучению которого посвящена эта монография, абсолютно вырвано из исторического и архитектурного контекста. Как и прежде, мы можем лишь строить догадки о том комплексе построек и его характере, частью которого являлась цистерна.

Уникальный характер этого объекта, крайне интересные архитектурно-конструктивные особенности, разнообразные граффити, богатые как по тематике, так и по количеству, а также разнообразие индивидуальных находок являются достаточным основанием, по нашему мнению, для того, чтобы мы от имени всех членов научно-исследовательской группы позволили себе представить данную монографию на суд читателей.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

ГЛАВА 1. АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА IX-XI вв.

Н.А. Алексеенко

Анализ исторических свидетельств, содержащихся в письменных источниках, и богатейшего археологического материала, происходящего из раскопок городища, представляет Херсон как типичный провинциальный византийский город, хотя и не лишенный определенного своеобразия и специфики.

На фоне этого главными и, пожалуй, наиболее важными становятся вопросы, связанные с проблемами формирования имперской административно-политической системы в Крыму и в Херсоне в частности. Одной из наиболее сложных проблем в истории последнего по-прежнему остается вопрос эволюции городского управления, так как на него постоянно оказывали большое влияние как внутри -, так и внешнеполитические факторы. Тем не менее, безусловно, общим как для Херсона, так и для других провинциальных центров (особенно пограничных) было вхождение города в состав империи, подчинение ее административной структуре, включение в городское управление императорских чиновников, уплата налогов и податей, а также выполнение военно-стратегических и дипломатических функций на границах империи.

Как известно, письменных источников, отражающих формирование административно-политической системы и основные исторические вехи византийского государства в интересующий нас период, несколько: это, в первую очередь, Табели о рангах (Тактиконы), изданные Ф.И. Успенским, В. Бенешевичем и Н. Икономидесом, сообщения Константина Багрянородного и хроники Феофана и патриарха Никифора. Причем названный первым – Тактикон Успенского (1898), надо полагать, является одним из основополагающих в нашем случае.

Очевидно, не стоит сомневаться в том, что записанные в этом Тактиконе сведения отражали действовавшую в то время структуру фемного управления в причерноморском регионе, где общее руководство было поручено присланному из столицы стратигу, имевшему в непосредственном подчинении ряд местных правителей - архонтов, каждый из которых возглавлял свой собственный небольшой округ, подобно тому, как это было принято, например, в Диррахии и Далмации (Oikonomides 1972: 352; Ферлуга 1964: 117-131; Ferluга 1976: 215-244).

Начало формирования фемного управления в византийской Таврике относится к правлению императора Феофила (829-842), когда в Крыму была образована фема Климатов (Constantine Porphyrogenitus 1967: 182-185; Theophanes Continuatus 1838: 122-123). Как показывают современные исследования, создание фемы в Таврике было продиктовано очередной военной угрозой границам

Византии, возникшей к середине IX в. в Северном Причерноморье (Цукерман 1997: 320; Науменко 1997: 25-26; Цукерман 1997а: 91; 1998: 674-679). В этой связи изменение статуса этой территории, проявившееся в объединении под единым началом нескольких местных архонтий, безусловно, должно было бы способствовать более успешному отражению нашествия врагов и защите имперских интересов в Таврике. Ф. Дёльгер относил эти события к 837 году (Dölger 1924: 52, nr. 431). Но, как показал К. Цукерман, более очевидна дата 841 год, аргументация которой основана на критическом анализе реальных исторических событий: хазарского посольства и возведения Иоанна VII на патриарший престол (Цукерман 1997: 312-316; Zuckerman 1997: 211-222).

Образование в Херсоне византийского военно-административного округа – фемы, по мнению В.А. Анохина, дало возможность местным властям возобновить официальный выпуск городской монеты (Анохин 1977: 127). Видимо, в ходе финансовой реформы императора Феофила (829-842) город вновь получает право на выпуск собственной монеты. Правда на всем протяжении его дальнейшей истории вплоть до гибели города здесь выпускается только литая медная монета, типы которой коренным образом отличаются от общепринятых имперских образцов.

В то же время после создания фемы Климатов Херсон, по-видимому, войдя в структуру новой административной единицы, сохраняет какое-то время свой прежний статус архонтии, являясь при этом главным центром фемы, где размещается ставка стратига. К сожалению, нам неизвестна процедура назначения архонта Херсона на должность и какими полномочиями он располагал. Согласно свидетельству Константина Багрянородного, мы можем судить лишь о его принадлежности к местным аристократическим кругам (Constantine Porphyrogenitus 1967: 184). Скорее всего, здесь можно согласиться с точкой зрения, высказанной В. Зайбтом, что местные архонты выбирались из местного нобилитета с «одобрения императора и пожалования титула» (Seibt 2000: 309). На наш взгляд, архонт Херсона должен был являться полновластным правителем во вверенном ему округе - архонтии, в который, надо полагать, входили собственно город и его ближайшая сельскохозяйственная округа.

Несомненно, именно его место и роль в структуре государственного управления провинцией и обеспечили присутствие этой должности среди прочих чиновников империи в Византийской Табели о рангах.

К сожалению, история не сохранила свидетельств о взаимоотношениях архонта с представителями городской общины, нет и печатей муниципальных

чиновников, относящихся к рассматриваемому периоду. Вместе с тем это, безусловно, не означает отсутствие органов местного управления в предшествующее феме время. Как известно, существование в VIII в. городского протополита и протевонов называют письменные источники (Чичуров 1980: 40, 64, 131, 156, 164). Однако, не являясь представителями чиновничьего аппарата империи, местные функционеры в то время, очевидно, еще не имели права скреплять документы своими печатями. Это положение изменилось лишь с течением времени, когда последние удостоились высоких придворных титулов и званий, вполне соответствовавших рангу руководителей византийской провинциальной администрации (Алексеенко 1996: 164-165), что является подтверждением исполнения ими одновременно и государственной службы.

В руках архонта, вероятно, была сосредоточена вся полнота власти на вверенной ему территории и, в первую очередь, в вопросах войны и мира. Вместе с тем основными направлениями жизнеобеспечения местной общины, по всей видимости, ведал городской Совет, куда, очевидно, входил (если не возглавлял его) и сам архонт, являясь одним из местных аристократов.

Определенное обособление Херсона, сохранение отдельных элементов городского самоуправления, восходящих к традициям античной эпохи, безусловно, не могли не затрагивать интересов византийского двора, всегда стремившегося к усилению императорской власти на местах.

Трансформация фемы Климатов в фему Херсон, произошедшая, видимо, уже к концу 40-х или в начале 50-х годов IX в. (Цукерман 1997: 317; ср. Науменко 1997: 24-26; 1997а: 67-68), скорее всего, повлекла за собой не фактическую отмену должности местного архонта ("традиционно считалось, что усиление центральной власти вызвало ограничение муниципальных свобод и как следствие упразднение института архонтов" (Соколова 1983: 115)), а лишь переименование или же изменение должности местного правителя на стратига, соответствующее его новому статусу. Этим, очевидно, обусловлено и естественное исчезновение печатей архонтов, на смену которым пришли буллы новых представителей государственной власти.

Сопоставляя данные памятников сфрагистики со сведениями письменных источников, мы можем констатировать, что, вне всякого сомнения, со второй половины IX в. византийскую администрацию в Херсоне уже возглавляет стратиг, осуществлявший всю полноту власти в подчиненной ему военно-административной области. В его подчинении находились традиционные провинциальные чиновники по гражданским, хозяйственным и судебным делам. Отдельные из них, например эк просопы и нотариусы (Алексеенко 2004: 4-5; 1998: 221-227), известны и по памятникам сфрагистики. Кроме того, метрополией (Константинополь) было введено и должностное лицо, непосредственно контролировавшее торговлю и отвечавшее за сбор торговых пошлин – коммерциарий (Алексеенко 2004а:

92-102). Таким образом, органы императорской власти становились во главе управления всем городским хозяйством и не только ошутимо ограничивали возможности местных структур власти, но и контролировали практически всю сферу их деятельности.

Как известно, уже зимой 860-861 гг. прославленных просветителей Кирилла и Мефодия, прибывших в Херсон для обретения мощей св. Климента (Уханова 2000: 124-128), встречает правитель фемы – названный *civitatis dux*, что эквивалентно греческому термину стратиг (Meuvaert, Devos 1955: 457; Цукерман 1997: 317). Впрочем, печати стратигов дают даже более раннюю датировку появления должности стратига Херсона – около середины IX в. (Зайбт, Зайбт 1995: 91-92). В «Клиторологии» Филофея (около 899 г.) стратиги Херсона принадлежат третьему классу – императорским спафариям (Oikonomides 1972: 104-105). Исходя из данных моливдовулов, мы также можем констатировать, что самые ранние херсонские стратиги принадлежали именно к классу императорских спафариев, хотя уже в первой половине X столетия наблюдается определенное повышение их ранга. Достаточно вспомнить Иоанна Вогу, который за особые заслуги был удостоен даже ранга придворного первого класса – патрикия (Богданова 1991: 152, прим. 6).

Данная тенденция отмечается и для других фем. И.В. Соколова отмечает, что уже с конца IX в. многие стратиги имеют чин императорского протоспафария (Соколова 1980: 138). Как показывают печати, большинство стратигов X в. принадлежали рангу императорских протоспафариев, а во второй половине столетия отдельные из них удаивались звания императорского протоспафария *ἐπί του Χρυσотρικλίνου* (Соколова 1983: №№ 48-50, 53, 53а; Nesbitt, Oikonomides 1991: nos. 82.11, 82. 16; Alexeenko, Romančuk, Sokolova 1995: 144-145, nr. 7), что, очевидно, являлось результатом дальнейшего продвижения херсонских стратигов по иерархической лестнице византийской знати. А в конце X – середине XI в., по крайней мере, два из них уже принадлежат к сановникам высшего ранга – патрикиям: Михаил Херсонит (Алексеенко 1997: 10-13; Алексеенко 2000: 257-260: №№ 2-4) и Лев Алиат (Латышев 1895: 184-188).

Судя по дошедшим до нас сведениям, стратигами в Херсон назначались, как правило, члены знаменитых византийских семейств, таких как Каматирь, Катафлоронь, Алиаты, Иаситы, Кафары и Протевонь. Несмотря на то, что льянжи этих семейств занимали различное положение в иерархии византийской знати (Каждан 1974: 88-101), очевидно, уже само назначение членов этих родов стратигами в далекую северную провинцию говорит о высокой значимости Херсона для империи. Появление среди стратигов представителей малоизвестных фамилий (Вога, Чула, Катасах(?), Херсонит), не учтенных в иерархической лестнице византийской знати, по всей видимости, как раз-таки и отражает наметившуюся во второй половине X в. тенденцию по отходу от ранее заведенного правила и назначении на этот пост

выходцев из самого Херсона.

Скорее всего, к концу X в. это правило имело свои исключения. И, несмотря на сообщение Константина Багрянородного, назначения на должность стратига в Херсон производились из представителей местной родовой знати или же, по крайней мере, из особо отличившихся херсонитов, несших службу либо при дворе императора, либо занимавших ответственные посты в других провинциях, что в принципе не меняет сути дела. Именно об этом, как нам представляется, в первую очередь, и свидетельствуют печати представителей родов Херсонитов и Цулы. Появление же патрикия во главе византийской администрации Херсона в период начавшегося кризиса фемного строя дает все основания полагать и об очевидном изменении места и роли этого византийского форпоста в системе имперского провинциального управления в Северном Причерноморье, и об имевших место перемещения высокопоставленных придворных чиновников, по-видимому, с целью укрепления государственной власти на местах. Думается, что для Херсона актуальны оба эти положения. Находясь в центре хазаро-византийских и русско-византийских отношений, испытывавший постоянную угрозу враждебно настроенных соседей (Constantine Porphyrogenitus 1967: 1²⁵⁻²⁸, 11³⁻¹³; Повесть временных лет, 1950: 37, 59-83, 49; Лев Дьякон 1988: 91; Golb, Pritsak 1982: 117²¹⁻²³), Херсон в любой момент мог быть захвачен врагом и оказаться по другую сторону границы, что, в известной мере, не могло устраивать византийских императоров. Потеря северных пограничных территорий очень многое значила бы для Византии. Поэтому центральная власть всячески старалась упрочить свое положение в этом стратегически важном регионе. Повышенный интерес к городу со стороны византийского двора не случаен. Пограничный Херсон был «глазами и ушами» империи и зорко следил за любыми приготовлениями своих враждебно настроенных соседей. Напомним, что именно стратиг Херсона информировал императора о военных приготовлениях болгар против империи в начале X в. (Nicholas 1973: 58; Scylitzae 1973: 201-205; Theophanes Continuatus 1838: 386-390; Zonarae 1897: 464-465). Видимо, со второй половины X в. резко возрастает его роль и как центра дипломатических усилий Византии в Северном Причерноморье. Достаточно вспомнить об участии херсонитов в посольствах на Русь (Scylitzae 1973: 277; Zonarae 1897: 87) и особых статьях о Херсоне практически в каждом договоре с русскими князьями (Повесть временных лет 1950: 37, 52; Полное собрание русских летописей 1962: I: 50-51, 73; II: 248; V: 39, 61; VIII: 281, 291; Лев Дьякон 1988: 36-37). Возможно, именно этому обстоятельству мы обязаны назначением Михаила Херсонита, имевшего незаурядные дипломатические способности, о которых сообщает кремонский епископ Лиутпранд (Liudprands von Cremona 1915: 211-217), в родной город, где ему предстояло отстаивать и защищать интересы византийского государства.

Исключительная значимость Херсона особо

подчеркивается в русско-византийских договорах 945, 952 и 971 гг., по которым Русь обязывалась не только не нападать на город, но и защищать его от возможных нападений (Повесть временных лет 1950: 37, 52; Полное собрание русских летописей 1962: 50-51, 73). Заключив ряд союзнических соглашений, византийским императорам не раз приходилось обращаться за помощью к русским дружинам. Так, во время восстания Варды Фоки, захватившего владения империи в Малой Азии и угрожавшего Константинополю, по просьбе императора Василия II киевский князь Владимир послал ему в помощь дружину численностью в 6000 человек (Всеобщая история ... 1864: 200), благодаря которой восстание было подавлено. Однако Византия не спешила исполнить договорные обязательства. Чтобы заставить императора выполнить соглашения (договор 987/988 г.), князь Владимир предпринял поход на Корсунь (так в русских летописях именовался Херсон). Русское войско осаждает и после девятимесячной осады в 989 г. захватывает город (Богданова 1986: 39-46). Византийской стороне пришлось выполнить требования Владимира. В жены князю была послана сестра императора царевна Анна и денежный выкуп за Херсон (Повесть временных лет 1950: 59-83; Шахматов 1906: 46-49). По свидетельству летописи, князь Владимир был крещен в одном из городских храмов, после чего венчался с Анной, передал город византийской администрации, а сам возвратился в Киев, увезя с собой греческих церковнослужителей и богатую военную добычу: многочисленные церковные принадлежности и произведения искусства.

Хотя Херсон и был возвращен империи, однако его дальнейшая судьба не стала мирной и спокойной, как ожидалось.

Начавшийся в конце X в. кризис фемного строя (Glykatzi-Ahrweiler 1960: 67-78) по всем признакам не сразу коснулся Херсона. Безусловно, корсунский поход князя Владимира и связанные с ним тяготы и лишения естественно не могли не отразиться на жизни города и его жителей. Вместе с тем возвращение города Византии и обещание привилегированного положения и долгожданных свобод ни в коей мере не могли быть связаны с каким бы то ни было ослаблением власти стратигов и возможным изменением в административном управлении Херсона. Напротив, в назначении в Херсон стратигом одного из представителей имперского патрициата, скорее всего, следует видеть свидетельство особого внимания к городу со стороны центральной власти и в то же время результат положительной оценки роли местных аристократических кругов в деле управления городским хозяйством. И, как справедливо было отмечено Н.М. Богдановой, сложившееся ранее представление о том, что Херсон в этот период был предан забвению императорами и брошен на произвол местных жителей, похоже на то, не имеет под собой реальной почвы (Богданова 1991: 93-94). Уже отмечалось, что даже члены муниципального Совета Херсона не были обойдены вниманием

императоров и в это время получают высокие византийские придворные титулы. Мы полагаем, что чиновников городских властей Херсона феминого периода следует рассматривать одновременно и как муниципальных, и как имперских служащих (Алексеев 1996: 166-167; ср. Сорочан 2003: 21-46). Именно в этом, по-видимому, заключалось особое положение Херсона, когда город номинально как бы управлялся городским Советом, а фактически руководство городом осуществляла имперская администрация и члены муниципалитета, состоявшие на службе у государства. Как оказалось, для юридической практики Византии в этом нет ничего необычного. Такое положение городского управления мы находим ещё в Законодательных актах Юстиниана (*Corpus Juris civilis* 1906: XV, I, 535; CXXVIII, 16), из которых оно, по всей видимости, и пришло в Херсон, сохранившись вплоть до конца X столетия. В этой связи, как видно, не следует рассматривать появление стратигов из местных как аномалию, которая, по мнению И.В. Соколовой, могла возникнуть при чрезвычайных обстоятельствах, когда произошла смена управления городом и власть попала в руки жителей Херсона (Соколова 1971: 72-73; 1983: 116; Богданова 1991: 105, 118). Вполне очевидно, что восстание херсонитов в 1016 г., в первую очередь, возникло именно из-за жесткой политики центральной администрации в отношении города, который вместо ожидаемых привилегий после похода князя Владимира, наоборот, получил усиление административного и, видимо, фискального гнета Константинополя (Богданова 1991: 119), а отнюдь не было вызвано стремлением местных властей обрести независимость и отложиться от империи. Такое положение дел естественно не могло не затрагивать интересы местных аристократических кругов, среди которых особо выделялось семейство Цулы, возглавившее восставших. Напомним, что в истории Херсона это не единственный пример возмущения горожан. Так, по сообщению хронистов, в 891 г. херсониты расправились с местным стратигом или его сыном Иоанном (Ионой) (*Theophanes Continuatus* 1838: 360 (15), 702 (7), 855 (17)), а в 1066 (6574) г. «котопана побиша каменьем» (ПВЛ 1950: 111; ПСРЛ 1962: 166 (I), 155 (II)).

Однако восстание 1016 г. было жестоко подавлено. Экспедиция византийского флота под командованием эвхарха Монга, сына Андроника, дуки Лидии и при содействии брата князя Владимира Сфенга «подчинили страну, пленив архонта ее Георгия Цулу в первом столкновении» (*Scylitzae* 1973: 354). Исключительную важность этого события для Византии подчеркивает и тот факт, что, несмотря на зиму (январь 1016 г.), когда не практиковались морские перевозки, император все-таки отправил флот в Таврику. Власть Византии в Крыму была восстановлена, и Херсону во избежание новых выступлений, надо полагать, все-таки были дарованы определенные привилегии. Очевидно, именно к этому периоду относится возобновление выпуска

собственной монеты, прекратившегося в связи с захватом города князем Владимиром (Анохин 1977: 123, 128). По крайней мере, в первой половине XI столетия Херсон по-прежнему считается центром византийских владений в Северном Причерноморье. А в присоединении к нему Сугдеи (Латышев 1895: 184-188), вероятно, можно усматривать даже расширение подвластной ему территории на восток Таврики и, соответственно, определенное усиление его собственного положения.

Однако события конца XI в., в первую очередь, характеризующиеся усилением налогового гнета администрации Михаила VII (1071-1078), вносят серьезные коррективы в создававшуюся относительно благоприятную для Херсона обстановку. В общей цепи мероприятий императора по ужесточению фискальной системы была установлена монополия на хлебную торговлю (Дашков 1997: 233-235), которая в свою очередь, скорее всего, повлекла за собой и лишение торговых привилегий всех крымских приморских центров. По всей видимости, не было подтверждено и право Херсона на выпуск собственной монеты. Данные нумизматики свидетельствуют, что после выпусков от имени императоров Романа III (1028-1034) и Романа IV (1067-1071) на херсонском монетном дворе производятся лишь анонимные серии городских монет. Все это не могло не вызвать недовольство и возмущение херсонитов. Однако Византии не хватало сил для усмирения непокорного города, поскольку ей пришлось вести одновременно борьбу и против нескольких противников: Болгарии, где в 1072 г. также вспыхнуло восстание (Лишев 1956: 75; Литаврин 1960: 402; *Attalioatae* 1853: 204-209), и местной знати, стремившейся низложить василевса и его ставленника Никифорицу, сельджуков и печенегов, и даже бороться с наемниками, находившимися в византийской армии (Schlumberger 1922: 78; Васильев 1998: 468-471). Михаил VII вынужден был обратиться за помощью к русскому князю Святославу, просив его выступить против болгар и корсуний (Василевский 1909: 29, 48). Поход против Херсона начался, но после смерти князя в 1076 г. и известии о свержении с престола Михаила VII в 1078 г. русская дружина была возвращена. История умалчивает, чем же все-таки закончилось восстание херсонитов. Но примирение, надо полагать, было достигнуто, поскольку и к концу столетия Херсон все еще остается верным защитником интересов империи и, как в былые времена, является местом ссылки неугодных императору особ и даже открытых бунтовщиков и претендентов на престол. Известно, что около 1092 г. сюда был сослан некий самозванец, выдававший себя за сына Романа IV Диогена и претендовавший на византийский престол (Anne Comnène 1943: X, 2, 191₁₆₋₁₉; Кулаковский 1914: 56-73).

Судя по всему, в этот период прежнее право на торговлю было вновь даровано Херсону. По свидетельству источников, сюда приплывали для торговли корабли куманов (половцев) (Anne Comnène 1943: X, 2, 191₁₆₋₁₉; Кулаковский 1914: 88-89; Якобсон

1950: 23). Но право выпуска монет, скорее всего, было окончательно утрачено. Однако это обстоятельство, пожалуй, уже не слишком волновало херсонские власти, которые попросту продолжили выпуск монет, копируя последний легальный тип, еще оставшийся в обращении, – монеты с монограммой «ро». Такие эмиссии не могли вызвать претензий со стороны византийской администрации, но зато на многие годы обеспечили потребности денежного обращения Херсона и его округа.

Таким образом, анализ данных археологических источников и свидетельств византийских хронистов IX-XI вв., несмотря на значительную отрывочность последних, представляет нам Херсон как типичный провинциальный византийский город и показывает, что на всем протяжении существования здесь военно-административного округа - фемы - деятельность местной администрации находилась под постоянным контролем государственной власти и перестраивалась в соответствии с какими бы то ни было изменениями ситуации в регионе. Изменение статуса архонтии фактически просто заменило традиционную должность архонта на нового правителя области - стратига. Роль и значение стратигов с течением времени крепло. Повышение значимости этих должностных лиц для империи отмечается не только в повышении их места среди списка стратигов фем, но и в возрастании их званий и рангов.

Возникновение конфликтных ситуаций с имперскими властями, по всей видимости, не имели суровых отрицательных последствий для положения Херсона. Город на всем протяжении рассматриваемого периода проводит активный

товарообмен не только на местном рынке, но и поддерживает торговые связи со своими традиционными партнерами Южного Причерноморья, Балкан и Средиземноморья.

Стремление любыми путями сохранить контроль над северными областями в своих руках вынудило византийское правительство искать новые пути в решении старой проблемы: традиционного стремления Херсона к определенной самостоятельности в управлении городским хозяйством. И судя по всему, во второй половине X в. это нашло отражение и в изменении кадровой политики в управлении провинцией, и раздаче высоких придворных чинов представителям местной администрации, и в сохранении вплоть до XI в. некоторых элементов городского управления (возрождение института кураторов города), хотя и подчиненного имперской администрации. Тем самым Византия, должно быть, осуществила необходимый компромиссный вариант решения всех острых вопросов, подчеркивая права на подвластную ей территорию и одновременно с этим отмечая определенную значимость местного управления τὸ πολίτευμα Херсона, ведущую роль в котором, бесспорно, играли известные по письменным источникам, памятникам эпиграфики и сфрагистики представители городского патрициата, такие как Калокир (Scylitzae 1973: 176-177, 288, 295; Лев Дьякон 1988: 36-37, 43-45, 121; Zonarae 1897: 513, 522-523, 527), Михаил Херсонит (Dölger 1924: 92), члены семейства Цулы (Scylitzae 1973: 354; Cedrenus 1839: 464) и другие аристократы Херсона, возглавлявшие городскую администрацию.

ГЛАВА 2. АРХИТЕКТУРА, СТРОИТЕЛЬНЫЕ ОСТАТКИ, СТРАТИГРАФИЯ

Раздел 1. Архитектура и конструкция цистерны

А.Б. Бернацки

В свое время исследования этой территории были затруднены в связи с началом строительства в 1861 г. Владимирского собора и проведением нивелировочных работ. Один из христианских храмов, открытых в 1827 г. К. Крузе, предположительно находится на этой площади (Тункина 2002: 513). В 1861 г. военный инженер–архитектор, поручик К. Вяткин по поручению архимандрита о. Евгения нанес древние строительные остатки на план территории, предназначенной под собор (Айналов 1905: 55). По данному плану в юго-западной части квартала VII находился жилой дом и баня (Сорочан 2005: 886-904). Водосборная цистерна этого дома, расположенная в юго-западной части квартала, была исследована в рамках многолетнего украинско-польского научно-исследовательского проекта в 2002 году (Рис. 1-6). Следует упомянуть о факте публикации в 2005 году С.Б. Сорочаном описания цистерны и предположения о том, что она была открыта К. Крузе (Сорочан 2005: 905-907)*. Мягко говоря, такое «предположение» не соответствует фактам. Раскопки показали, что засыпь цистерны не была исследована до 2002 г., а стратиграфия не нарушена. Описание резервуара для воды, приведенное С.Б. Сорочаном, действительно было сделано в 1827 г. Между тем, точное его место расположения неизвестно (Тункина 2002: 510-511).

Перед началом исследования 2002 г. территория была засыпана строительным и бытовым мусором, который был удален с применением техники. Стены музейного гаража, располагавшегося на этом месте, и частично сохранившиеся стены монастырской мастерской были разобраны. Обнаруженная цистерна во всех отношениях, особенно с точки зрения архитектуры и сохранности, является исключением как

для самого Херсонеса, так и для других античных городов Черноморского бассейна. В нижней части вырубленный в скале резервуар имел форму слегка неправильного прямоугольника, размерами 6,10/5,90 x 5,40 м, со стенами, суженными книзу (5,05 x 5,40 м), со слегка углубленным в середине дном (Рис. 7-9, 12/а, 13). В северо-восточном участке дна было обнаружено овальное углубление размерами 1,20x1,16 м и максимальной глубиной 0,30 м, служившее отстойником для крупно-фракционного осадка и помогавшее проводить очистные работы (Рис. 8, 14/д). Максимальная глубина цистерны составляет примерно 6,00 м. Стены (толщиной 0,40 м) были сложены из каменных блоков одинаковых размеров, скрепленных гидравлическим раствором, и дополнительно усилены с внешней стороны каменной кладкой на глине. Южная стена цистерны (максимальная толщина 0,64 м) была сложена из 2 рядов предварительно обработанных каменных блоков со сторонами 0,32-0,40 м (Рис. 12/а, 13/с). Внутренний ряд камней был скреплен известковым раствором, в то время как с внешней стороны использовалась только глина (Рис. 12/д). Восточная стена (толщиной 0,36-0,40 м) сложена из камней со стороной 0,26-0,30 м (Рис. 13/д). Поверхность стен и дно были покрыты двумя слоями специального гидравлического раствора, толщиной 0,10–0,12 м.

Следует отметить, что к моменту проведения археологических работ гидравлический раствор на нижних частях стен, около дна цистерны, оставался неповрежденным. Во время раскопок в цистерне находилась вода, и мы с уверенностью можем говорить о том, что в конструкции дна цистерны нет ни одной трещины, и она абсолютно не пропускает воду.

На стенах внутри цистерны сохранились уникальные граффити. Они покрывают все стены на высоте от 0,40 до 1,80 м от дна. Наибольшее скопление их наблюдается на северной и западной стенах, а также в южной части восточной стены. Наименьшее скопление граффити находится на южной стене (см. глава 4).

Цистерна была накрыта крестообразным сводом на гуртах, опирающимся на две колонны, сохранившиеся *in situ*, высотой 4,10 м. Элементами колонн, не типичных для херсонесских построек, служили вторично использованные архитектурные

*Этот исследователь, никаким образом не участвовавший в исследованиях настоящего объекта и не имевший ни согласия руководства украинско-польского проекта и участников исследовательской группы на использование документации и археологических находок, ни официального доступа к ним, выполнил архитектурные обмеры, которые не соответствуют действительности, описание и фотографию цистерны и опубликовал эти данные. Такой недостойный способ получения научной информации не может соответствовать уровню этого ученого. С.Б. Сорочан ссылается в своей монографии на популярную статью в городской газете «Слава Севастополя», где помещены сведения дискуссионные, а также читатель не найдет там 60% информации, помещенной в книге С.Б. Сорочана, например, метрические данные, архитектурно-конструктивное описание цистерны и граффити в ней.

детали: две базы, импост и мраморный столбик амвона (Рис. 14/с, е-ж). Сохранившиеся монолитные стволы так называемых сдвоенных колонн, высотой 3,48 м и 3,49 м и диаметром 0,62х0,44 м и 0,65х0,43 м, были изготовлены из мрамора. Базы этих колонн сделаны не очень тщательно, ими служили вторично использованные архитектурные элементы и детали. База южной колонны была изготовлена из прямого импоста, с применением гидравлического раствора (Рис. 14/ж). База северной колонны состояла из мраморного столбика алтарной преграды или амвона и аттической базы на гидравлическом растворе (Рис. 14/е). Капителью сохранившейся северной колонны служила перевернутая мраморная аттическая база (Рис. 14/с). Похоже, что единственным объяснением этой ситуации была необходимость получить соответствующие размеры «абакуса» со стороной 0,645 м, на который опирался консоль гурта. Здесь функцию «абакуса» выполняла плинта аттической базы, которая была развернута на 180 градусов. Скорее всего, что все это было продиктовано нехваткой в Херсонесе во время сооружения цистерны свободной капители, абакус которой имел сторону длиной минимум 0,645 м. Архитектурные детали, составлявшие базы колонн, как минимум на половину своей высоты были «утоплены» в гидравлический раствор, покрывавший пол цистерны. На колоннах сохранились две одинаковых консоли гурта (одна - *in situ*), еще пять обнаружены в стенах цистерны (Рис. 13).

На восточной и западной стене сохранились по два стеновые консоли для межпролетных гуртов и один – на южной стене (Рис. 13/б-д). Гурты начинались на высоте 4,75 м (на западной стене), 4,96 м (на южной стене), 4,70 м (на восточной стене) от дна цистерны. В юго-восточном углу на высоте 5,25 м и в северо-западном углу на высоте 5,32 м обнаружены угловые консоли для продольных гуртов. На лицевой стороне восточной части южной стены сохранилась дуга арки (Рис. 13/с). Длина её большой оси составляет 2,44 м, а малой оси – 1,02 м. Ширина опоры дуги арки - 0,15 м. Межпролетные арки на оси восток-запад имели следующие размеры: 2,40 м (восточный) и 2,25 м (западный) при допустимой высоте дуги около 1,00 м. Длина межколонной дуги арки, скорее всего, была около 1,45 м.

Ширина сохранившегося *in situ* гуртового консоля на северной колонне по оси север-юг была 0,80 м, по оси восток-запад – 0,68 м при сохранившейся высоте 0,88 м. Этот консоль был сделан из кирпичей и камней, скрепленных известковым раствором. Разрезы в межпролетных арках были следующей ширины: 0,70 м и 0,68 м на восточной стене 0,70 м и 0,66 м на западной стене и 0,56 м на южной стене. Непосредственно на мраморной капители северной колонны находились 4 деревянные балки, уложенные горизонтально накрест, их другие концы укладывались в специальные прямоугольные гнезда, обнаруженные в стенах цистерны. Размеры таких гнезд на восточной стене: 0,18х0,14 м, глубина 0,20 м; 0,16х0,12 м, глубина 0,20 м. Аналогичные гнезда на западной стене были

следующих размеров: 0,15х0,15 м, глубиной 0,15 м; 0,15х0,12 м, глубиной 0,15 м. Гнездо для деревянной балки в южной стене было размером 0,18х0,11 м, в то время как размер аналогичного гнезда в северной стене – 0,16х0,11 м, глубина 0,20 м. Размеры этих гнезд показывают, что длина деревянных балок была от 1,80 до 2,75 м, ширина – 0,12–0,18 м. Балки не только связывали обе колонны со стенами цистерны, одна из них также связывала капители колонн. Исходя из расположения гнезд для балок, можно утверждать, что они находились на высоте 3,80–3,86 м от уровня дна цистерны. Эти балки выполняли функцию деревянных соединений, стабилизирующих конструкцию крестообразного свода, закрепленных между колоннами и стенами цистерны. Концы балок, находившиеся на капители колонны, были накрыты монолитным каменным блоком, размерами 0,80х0,66х0,34 м. На этом блоке сохранилась часть консоль межпролетной арки, находившегося на высоте 0,88 м (Рис. 12/б, 14/с).

Особое внимание привлекает конструкция цистерны. В этом отношении она близка к монументальным цистернам, которые известны в Константинополе. Одна из них – это так называемый «Загипленный дворец» - Yerebatan Sarayı, построенная во времена Юстиниана I. Свод её опирается на 336 колонн, и она может вместить 75000 м³ воды (Can 1994: 24-25). Другая – это возведенная около 528 г. цистерна Бинбир-Дирек, или так называемая «1001 колонна», имеющая 224 колонны и вмещающая около 40000 м³ воды (Лихачева 1981: 43-44). Резервуары этих цистерн были разделены на квадраты рядами колонн, над которыми был возведен сферичный свод. Аналогичную конструкцию в уменьшенном варианте мы наблюдаем во вновь открытой цистерне. Наличие деревянных балок, которые не могли находиться в воде, позволяет считать, что уровень зеркала воды в цистерне не мог превышать максимальную отметку 3,40 м, и, скорее всего, находился на отметке приблизительно 3,00 м. Деревянные распорные балки являлись не только элементом конструкции, но также служили для передвижения во время сезонных чисток воды в цистерне.

В сохранившейся верхней части восточной стены обнаружены остатки трех водостоков, служивших для подачи воды в цистерну (Рис. 8-9, 12/с, 14/а-б). Их конструкция требует особого анализа. Лучшее всего сохранился северный водосток, прослеженный на расстояние 1,10 м в направлении запад-восток. Ширина водостока – 0,22 м, глубина 0,10 м.

В этой же стене на расстоянии 0,43 м от юго-восточного угла цистерны в направлении северо-запад – юго-восток была открыта ветка еще одного водостока (длина сохранившегося отрезка 2,40 м) (Рис. 9/Е-Е1). Ширина каменного основания канала - 0,14 м, глубина 0,10 м. Канал был перекрыт каменными прямоугольными плитами размерами 0,80х0,28 м; 0,64х0,36 м. В западном конце этого канала, находившемся в кладке цистерны, была обнаружена пробка из известкового раствора. Она была сделана в

то время, когда канал уже перестал выполнять свою функцию подачи воды. Вышеупомянутый водосток соединялся с каналом, идущим по оси север-юг, на границе участка – на пешеходной тропинке, непосредственно на восточной стене жилого комплекса с цистерной. Этот канал был прослежен в длину на расстояние около 7,00 м, ширина его составляет 0,14 м. Он был перекрыт камнями и плитами различных размеров, самые большие были шириной 0,55 м.

На расстоянии 2,34 м на север от юго-восточного угла в стене цистерны обнаружен третий водосток. Здесь сохранился *in situ* фрагмент керамической трубы, диаметром 0,16 м, толщина стенки 0,025 м (Рис. 9/D-D1). Керамическая труба была вмурована в консоль гурта таким образом, что слив находился у основания продольного лука; это делало поступление воды в цистерну безопасным: верхняя часть стен не заливалась водой. В 0,70 м от выхода водосток поворачивает и идет на восток на расстояние 2,10 м. Ширина внутренней поверхности этой части канала, покрытой гидравлическим раствором, составляет 0,16 м, глубина – 0,15 м. Возле колена этого канала находилась пробка, перекрывающая канал изнутри, что свидетельствует о прекращении каналом своей функции подачи воды. Сохранившееся на этом отрезке ложе канала было накрыто каменными плитами, которые не сохранились.

Этот канал сообщается с еще одним водостоком, идущим в направлении север-юг вдоль пешеходной тропинки; он открыт на расстояние 1,90 м, внутренняя ширина канала 0,26 м, глубина 0,25 м (Рис. 9/E-E1). Он накрыт прямоугольными каменными плитами, сравнительно одинаковыми, размеры которых 0,55x0,30 м; 0,54x0,40 м и 0,46x0,32 м.

Основная проблема состоит в изучении последовательности существования водопроводов и каналов. Следует признать, что самым поздним из них является тот канал, выход которого в цистерну сохранился в виде глиняной трубы. Этот водосток также еще прослежен в специальном канале, шириной 0,40 м, стены которого изготовлены из двух прямоугольных каменных блоков размерами 0,93x0,54x0,36 м и 0,70x0,60x0,32 м. В крайних боковинах этих блоков на внутренней стороне видны специальные продольные ложа, максимальной ширины 0,08 и 0,15 м. В них устанавливалась несохранившаяся каменная плита, завершающая перекрытие канала, ее вероятные размеры 0,90x0,63 м.

Граница жилого квартала VII, вероятно, переулок, шириной около 2,50 м, пролегла посередине, на стыке построек, и делила его по оси юг-север на две части. В южной части квартала находилась обнаруженная нами цистерна.

Расположение цистерны и ее место в комплексе жилых построек в этой части VII квартала Херсонеса требует дополнительных археологических исследований. На основании известных данных можно с уверенностью говорить, что цистерна

находится на территории открытого двора, скорее всего, перестильного. С восточной стороны цистерны открыта вымостка, длиной 5,70 м, из тщательно обработанных монолитных прямоугольных блоков, размерами 0,70x0,53 м; 0,46x0,56 м; 1,46x0,63 м; 1,34x0,63 м; 0,62x0,32 м; 0,52x0,43 м. Она доходит до паза в восточной стене цистерны и находится в 0,40 м от внутреннего края цистерны. На некоторых блоках видны отверстия для конструкций. Эту вымостку из блоков можно интерпретировать как стилобат (?) под восточной колоннадой перестильного двора. Непосредственно с восточной стороны этой вымостки были обнаружены остатки стены, шириной 0,90-0,95 м, сложенной из предварительно обработанных камней на глине, идущей в направлении север - юг. Сохранившаяся длина стены – 7,25 м. Эта стена отделяет двор с цистерной от ранее упомянутой границы – пешеходной дорожки. Эта стена конструктивно связана с другой стеной, шириной 0,80 м, ориентированной по оси запад - восток, на расстоянии 3,30 м на юг от края цистерны (Рис. 12/а). Она сложена в аналогичной технике: из предварительно обработанных камней на глине, с максимальными размерами сторон 0,54x0,35 м; 0,40x0,35 м. Длина этой стены полностью прослежена на расстояние 7,00 м. Западный конец стены впущен в кладку следующей стены, идущей в направлении север - юг. Ширина стены 0,80–1,05 м, кладка аналогична описанным выше. Она доходит до паза, шириной 0,15 м, в западной стене цистерны. Паз был заполнен землей и мелкими камнями. На настоящем этапе исследования этой стены трудно говорить об ее функциональном назначении, однако, нельзя исключать того, что это – остатки стилобата западной колоннады двора. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что огромный объем работ по исследованию конструкции и засыпи цистерны вынудил нас сократить работы по изучению местоположения цистерны в системе построек этого комплекса.

Исследования, проведенные Е. Розпедовским и автором этих строк, по выяснению пространственно-архитектурной ситуации всего VII квартала, а также изучение архивных документов и планов античной застройки этой части городища, позволяют сделать общие выводы о характере вновь открытого объекта. Можно говорить о том, что открытая нами цистерна находилась во дворе большого *domus urbana*, занимающего северо-западную часть VII квартала городской застройки Херсонеса античного и византийского времени. Для полного изучения этого объекта необходимо проведение дальнейших полевых археологических исследований. В этом месте с огромным сожалением следует констатировать факт немедленной «консервации» в июне-июле 2003 г., т.е. засыпи цистерны грунтом из отвала, а также решение церковных властей, в распоряжении которых находится этот участок городища, о прекращении любых археологических работ на этой территории. Все

эти факты сделали невозможным дальнейшие научно-исследовательские работы и архитектурные обмеры

на территории квартала VII*.

Раздел 2. Стратиграфия

Ю. Беднарчик

Площадь под раскоп была разбита на квадраты 5x5 м, ориентация сторон север - юг и запад - восток. Квадратам дана следующая нумерация: А1-А5, В1-В5, С1-С5. За репер был принят пункт 14, 81 м над у.м., расположенный на восточной стене Владимирского собора.

Работы начались с предварительного выравнивания поверхности раскопа. С уровня 13,00-12,80 м над у.м. исследования проводились механическими слоями (Рис. 6, 8, 11):

- слой 1 (12,80 – 12,60 м над у.м.)
в квадратах А3, В4, В5 и частично А2, А3, А4, А5, С4, С5 (площадь 175 кв. м)
- слой 2 (12,60 – 12,50 м над у.м.)
в рамках участка, ограниченного стенами (ок. 100 кв. м)
- слой 3 (12,50 – 11,50 м над у.м.)
в помещении цистерны и зондаже Ю-3 и Ю-В частей
- слой 4 (11,50-11,25 м над у.м.)
в цистерне; работа в границах С-3, С-В, Ю-3 и Ю-В частей, сделан основной разрез по оси 3-В
- слой 5 (11,25 – 11,00 м над у.м.)
- слой 6 (11,00 – 10,50 м над у.м.)
- слой 7 (10,50 – 10,00 м над у.м.)
- слой 8 (10,00 – 9,50 м над у.м.)
- слой 9 (9,50 – 9,00 м над у.м.)
- слой 10 (9,00 – 8,50 м над у.м.)
- слой 11 (8,50 – 8,00 м над у.м.)
- слой 12 (8,00 – 7,50 м над у.м.)
- слой 13 (7,50 – 7,00 м над у.м.)
- слой 14 (7,00 – 6,50 м над у.м.)

В результате археологических работ были открыты остатки жилого дома – *domus urbana* - с великолепно сохранившейся цистерной для воды. Кроме этого, в процессе исследования были обнаружены следующие объекты:

- ПОМЕЩЕНИЕ 1 – подвал;
- ОБЪЕКТ 1 - хозяйственная яма;

Также были открыты фрагменты стен строительного комплекса, частью которого являлась цистерна.

Стратиграфия помещения цистерны достаточно сложна и отличается в разных её частях. Главный стратиграфический разрез по оси запад - восток только частично иллюстрирует характер заполнения. В процессе полевых работ было выделено около 40 подслоев, отличающихся составом, структурой, цветом и толщиной. В ходе предварительного анализа

они были соединены в показанной ниже последовательности (слои 1-8), соответствующей стратиграфическим фазам.

Слой 1 – слой засыпи, образовавшийся в результате хозяйственной деятельности, связанной со строительством собора, монастырской конюшни и музейного гаража. Мощность 0,80 м (механические слои 1, 2, частично 3; глубина 12,00 – 12,80 м над у.м.). В северо-восточной части слой разрушен постройкой гаража, в центральной части – траншеей. Слой состоит из мягкой земли разных оттенков, насыщенной большим количеством мелких камней. На глубине 12,70/12,80 м над у.м. на поверхности появилась южная стена; на глубине 12,30/12,50 м над у.м. – остальные стены цистерны. В механическом слое 1 (12,60 м над у.м.) обнаружены:

- 5 металлических предметов (квадраты В3, В4, цистерна), в том числе бронзовая накладка (п/о № Р 47/02 СН);
- 3 фрагмента стеклянных изделий (квадрат В4, цистерна): браслета, сосуда, а также одна бусина;
- 2 фрагмента костяных изделий, сильно поврежденных;
- 4 монеты (В3, В5, цистерна): 1 – античная, III-II вв. до н.э., 1 – Василия I, 867-888 гг., 1 – Романа I, 920-944 гг., 1 – XIII в.**

Слой 2 – верхняя часть засыпи, образовавшейся после запустения помещения 1. Мощность 0,40 – 0,60 м (механический слой 3, глубина 11,40/11,50 – 12,00 м над у.м.). Засыпь частично разрушена: в северо-восточном углу около смотровой ямы гаража, в средней части – около траншеи. Засыпь состоит из мягкой земли, насыщенной мелким строительным мусором – в северо-западной части, и камнями разных размеров – в центральной части. На глубине 11,85 м над у.м. появились филяры северной колонны, а также камни конструкции объекта 1 (хозяйственной ямы). В механическом слое 3 (глубина 12,50-11,50 м над у.м.) обнаружены:

*Неожиданное решение о «консервации» цистерны было принято в одностороннем порядке без каких-либо консультаций с другими членами украинско-польской научно-исследовательской группы, которые принимали участие в археологических исследованиях на территории квартала VII. Несмотря на то, что во второй половине мая 2003 г. все заинтересованные стороны проекта, включая С.Г. Рыжова, утвердили объем и круг исследовательских работ на этом объекте на сентябрь и октябрь этого же года и достигли договоренности по подготовке польской стороной проекта консервации цистерны.

**Подробное описание материала дано в главах 3, 5-9.

- 1 железный предмет (квадрат В4, цистерна);
- 3 фрагмента стеклянных браслетов (квадрат В3, цистерна);
- 2 монеты (квадраты В3, В4, цистерна): Василия I, 867-886 гг.;
- 1 архитектурная мраморная деталь (квадрат В3, цистерна), III-IV вв.

Слой 3 – образован в результате обрушения свода цистерны и хозяйственной деятельности на последней стадии существования помещения. Мощность 1,20–1,70 м (механические слои 4–6, частично 7, 8, глубина 9,80/10,30 – 11,40/11,50 м над у.м.). Завал каменных блоков, фрагментов аркад, кусков известкового раствора розового цвета и кусков штукатурки, каменных блоков со следами известкового раствора находился в южной части цистерны, завал черепицы – в северо-западной части. По всей мощности слоя был бутовый камень. В центре, на глубине 11,00 – 11,50 м над у.м., находился так называемый объект 1 – яма (описанный отдельно), в северо-восточном углу, на глубине 9,90 – 11,40/11,50 м над у.м., расположено помещение 1 – подвал (описанное отдельно). На глубине 10,50–10,28 м над у.м. появилась верхняя часть колонн. Рядом с южной колонной обнаружен упавший с нее филяр, сохранившаяся высота которого 0,70 м.

В механическом слое 4 (11,50–11,25 м над у.м.) обнаружена:

- 1 монета (квадрат В4, цистерна) – Константина VII и Романа II, 948-949 гг.

В механическом слое 5 (11,25 – 11,00 м над у.м.) обнаружены:

- 1 свинцовый отвес (квадрат В4, цистерна) (п/о № Р 58/02 СН);
- 1 костяная накладка (квадрат В3, цистерна) (п/о № Р 145/02 СН);
- 1 монета (квадрат В4, цистерна) – Михаила III, 842-867 гг.;
- известняковая база колонны (квадрат В4, цистерна).

В механическом слое 6 (11,00 – 10,50 м над у.м.) обнаружены:

- 1 поясная бронзовая накладка (квадрат В4, цистерна) (п/о № Р 57/02 СН);
- 1 монета (квадрат В4, цистерна) – Романа I, 920-944 гг.

В механическом слое 7 (10,50 – 10,00 м над у.м.) обнаружены:

- 1 фрагмент бронзового предмета (квадрат В4, цистерна);
- 17 фрагментов смальты (квадраты В4, В3, цистерна);
- 2 монеты (квадрат В4, цистерна) – Василия I, 867-886 гг., и Василия II, 968-988 гг.

Слой 4 – тонкий горелый слой с углями и пеплом. Мощность – 0,02 – 0,15 м. Слой (механический слой 7) появляется на глубине 10,10/10,30 м над у.м. у южной стены и понижается в сторону северной стены до глубины 9,80/10,10 м над у.м. (механический слой 8). Верхняя часть северной колонны и найденные возле нее архитектурные детали имеют следы копоты. Археологический материал в этом слое не найден.

Слой 5 – нивелировочная засыпь (?). Мощность 0,60–1,20 м (механические слои 8 (в южной части) и 9). Глубина 9,00 – 10,10 м над у.м. Засыпь представляет собой слой коричневой земли с камнями больших и средних размеров, фрагментами черепицы, находящейся в основном в центральной части (мощность 0,15 – 0,20 м). В южной части, на глубине 9,50–10,00 м над у.м. зафиксировано значительное скопление смальты.

В механическом слое 8 (10,00 – 9,50 м над у.м.) обнаружены:

- 8 металлических предметов (квадраты В3, В4, цистерна), в том числе свинцовая амфорка для благовоний (п/о № Р 60/02 СН) и бронзовый наперсток (п/о № Р 65/02 СН);

- 159 фрагментов стеклянных изделий (квадраты В3, В4, цистерна): 1 фрагмент браслета, 158 кусочков смальты (концентрация на границах квадратов В3 и В4);

- 2 монеты (квадрат В4, цистерна): Константина VII, 920-944 гг., и Никифора II, 963-969 гг.;

- 5 архитектурных деталей (квадраты В3, В4, цистерна): известняковая миска, 2 известняковых архитектурных элемента с гнездом для балки, известняковый карниз, известняковый блок архивольты.

В механическом слое 9 (9,50 – 9,00 м над у.м.) обнаружены:

- 5 металлических предметов (квадраты В3, В4, цистерна), в том числе фрагмент бронзовой фибулы, бронзовое кольцо, 2 железных гвоздя;

- 9 фрагментов стеклянных браслетов (квадраты В3, В4, цистерна);

- монета (квадрат В3, цистерна) – Василия II и Константина, 1016-1025 гг.;

- 8 архитектурных деталей (квадраты В3, В4, цистерна): известняковый мортарий, 3 известняковых архитектурных элемента с гнездом для балки, фрагмент известнякового углового карниза, 1 фрагмент известнякового карниза, известняковый блок архивольты или аркады, фрагмент мраморной плиты с надписью на древнегреческом языке.

Слой 6 – засыпь мощностью 1,10-1,30 м (механические слои 10, 11 и частично 12; глубина 7,70/7,90 – 9,00 м над у.м.). Слой состоит из переотложенной земли различных оттенков, с углями и мелкими камнями. По сравнению с предыдущими слоями, здесь найдено значительно большее количество керамики, в том числе тонкостенной, а также металлических предметов, стеклянных браслетов и находок других категорий.

В механическом слое 10 (9,00 – 8,50 м над у.м.) обнаружены:

- 18 металлических предметов (квадраты В3, В4, цистерна), в том числе нож железный, 5 фрагментов бронзовых пластин, 1 бронзовый гвоздь, 4 железных гвоздя, бронзовая фибула (п/о № Р 67/02 СН);

- 25 стеклянных предметов (квадраты В3, В4, цистерна), в том числе 20 фрагментов браслетов, 3 кусочка смальты, 2 фрагмента сосудов;

- 2 фрагмента костяных изделий (квадрат В3, цистерна), в том числе шило (п/о № Р 148/02 СН);

- 2 каменных предмета (квадраты В3, В4, цистерна): грузило (п/о № Р 152/02 СН);

- 1 керамическое грузило для сетей (квадраты В3, В4, цистерна);

- 13 монет (квадраты В3, В4, цистерна): 2 – античные, II в. до н.э.; 1 - IV-VI вв.; 1 - Василия I, 867-886 гг.; 1 - Василия II, 968-988 гг.; 5 - Василия II и Константина, 1016-1025 гг.; 1 - Романа III, 1025-1034 гг.; 1 - Романа IV, 1067-1071 гг.; 1 – конца XI в.;

- ранневизантийская плита алтарной преграды (квадрат В3, В4, цистерна).

В механическом слое 11 (8,50 – 8,00 м над у.м.) обнаружены:

- 22 металлических предмета (квадраты В3, В4, цистерна), в том числе 4 бронзовых предмета, фрагмент железного ножа, бронзовая палочка, 3 фрагмента бронзовых бляшек, 1 фрагмент бронзовой ленты, 10 железных гвоздей;

- 20 стеклянных предметов (квадраты В3, В4, цистерна), в том числе 12 фрагментов браслетов, 7 кусочков смальты, 1 фрагмент сосуда;

- 14 монет (квадраты В3, В4, цистерна): 1 - 491-518 гг., 1 - Романа I, 920-944 гг., 1 – Константина VII, 920-944 гг., 1 - Константина VII и Романа II, 948-949 гг., 4 - Василия II и Константина, 1016-1025 гг.; 1 - Романа III, 1025-1034 гг.; 2 - Романа IV, 1067-1071 гг.; 1 – конца XI в.

В механическом слое 12 (8,00 - 7, 50 м над у.м.) обнаружены:

- 16 металлических предметов (квадраты В3, В4, цистерна), в том числе железный кузнечный инструмент (?), 9 бронзовых предметов, 1 фрагмент бронзовой ленты, 1 бронзовый гвоздь, 4 железных гвоздя;

- 25 стеклянных находок (квадраты В3, В4, цистерна), в том числе 12 фрагментов браслетов, 12 кубиков смальты, 1 фрагмент сосуда (п/о № Р 248/02 СН);

- 1 игральная кость (квадрат В3, цистерна) (п/о № Р 340/02 СН);

- 2 каменных предмета, в том числе антропоморфная фигурка (п/о № Р 298/02 СН);

- фрагмент керамического светильника (квадрат В3, цистерна);

- 8 монет (квадрат В3, В4, цистерна): 1 - 383-408 гг., 1 - Василия I, 867-886 гг., 1 - Льва VI, 886-912 гг., 1 - Константина VII, 913-919 гг., 1 - Константина VII, 920-944 гг., 1 - Романа I, 920-924 гг., 1 - Романа II, 960-961 гг.;

- 1 известняковая миска (квадрат В3, цистерна).

Слой 7 – завал, образовавшийся на поверхности пола тюрьмы 2 периода, мощность 0,30-0,80 м (механические слои 12, 13, глубина 7,10/7,20 – 7,70/7,90 м над у.м.) представляет собой слой одинаковых по величине камней, в том числе и обработанных блоков, а также больших фрагментов черепицы и земли светло-коричневого цвета. В слое обнаружено значительное количество тонкостенной керамики.

В механическом слое 13 (7,50 – 7,00 м над у.м.) обнаружены:

- 4 металлических предмета (квадраты В3, В4, цистерна);

- 10 стеклянных предметов (квадраты В3, В4,

цистерна), в том числе 3 фрагмента браслетов, 7 кусочков смальты;

- 3 монеты (квадраты В3, В4, цистерна): 1 – конца XI в., 2 – плохой сохранности.

Слой 8 – каменная вымостка, приподнимающая уровень пола цистерны после смены ее функции (на тюрьму), мощностью 0,40–0,60 м (механические слои 13, 14; глубина 6,30/6,50 – 7,10/7,20 м над у.м.). Вымостку образуют неплотно уложенные скальные обломки, без следов обработки. Этот слой насыщен большим количеством створок раковин, вероятно, входивших в рацион узников, а также многочисленными фрагментами столовых кувшинов. На камнях видны следы железистых натечек, аналогичных обнаруженным на колоннах и стенах цистерны на высоте около 0,40 м от дна и свидетельствующих о наличии здесь воды в то время, когда уже существовала тюрьма.

В механическом слое 14 (глубина 7,00–6, 50 м над у.м.; квадраты В3, В4, цистерна) обнаружены:

- 8 металлических предметов, в том числе 2 фрагмента бронзовой ленты, 2 фрагмента бронзовых предметов плохой сохранности, 4 железных гвоздя;

- 8 фрагментов стеклянных изделий, в том числе 2 фрагмента браслетов, 2 кусочка смальты, фрагмент горла сосуда (п/о № Р 368/02 СН) и фрагмент ножки сосуда (п/о № Р 338/02 СН);

- 1 фрагмент костяной булавки (квадрат В3, цистерна);

- 1 каменный оселок (квадрат В4, цистерна);

- 1 керамическое грузило (квадрат В3, цистерна);

- 5 монет: 2 – античные (плохой сохранности), 1 – Василия I, 867-886 гг., 1 - X в., 1 - византийская (плохой сохранности);

- 2 архитектурные детали: 1 мраморный прямой импост с крестом, VI в.; 1 фрагмент известнякового блока с греческой надписью и процарапанным крестом.

Значительная часть бронзовых и железных предметов, обнаруженных в этом слое, была сильно повреждена, вследствие чего большинство находок не поддавалось определению.

ПОМЕЩЕНИЕ 1 - ПОДВАЛ

Подвал находился в северо-восточном углу цистерны, частично разрушен смотровой ямой музейного гаража, в плане имел трапециевидную форму, с внутренними размерами 1,85x1,60/1,80 м. В качестве одного из углов подвала выступал филяр над северной колонной цистерны. Стены подвала, стоящего на слое подсыпки из мелкого камня, имели ширину 0,60 – 0,80 м и были сложены из трех рядов камней (средних размеров) без связующего раствора. С внешней стороны они были дополнительно усилены слоем камней, шириной 0,40 – 0,50 м.

Засыпь подвала состояла из мягкой земли с большим количеством камней, из обрушившихся верхних частей стен. В засыпи обнаружено небольшое количество обломков керамики и невыразительных находок других категорий. В подвале обнаружены: фрагменты бронзовой бляшки и ленты, 4 железных гвоздя, 3 кусочка смальты, 2 известняковые миски,

фрагмент известнякового карниза, фрагмент ранневизантийского вермени плиты алтарной преграды.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЯМА

Хозяйственная яма находилась в центральной части помещения цистерны, на уровне верхних слоев засыпи цистерны (механические слои 4-5, глубина 11,60/11,50 м над у.м.). В плане яма имела неправильную форму, близкую к овалу (размеры

около 3,20x2,10/2,30 м). С южной стороны ямы были плиты (0,40 м), с северной – углубление (0,55 м). Стенки ямы были выложены в 1 ряд бутовыми камнями разных размеров, некоторые камни были утрачены в результате позднейшей хозяйственной деятельности. Заполнение ямы состояло из черной земли, с небольшим количеством обломков керамики и костей животных, вероятно, находившихся в переложном состоянии.

Раздел 3. Цистерна в квартале VII

Еж. Розпендовски

Cysterna na wodę pitną w Chersonesie Taurydzkim zlokalizowana jest w kwartale przylegającym krótszym bokiem do głównej ulicy Chersonesu, prowadzącej ze wschodu na zachód (Rys. 5). Kwartal oznaczono na użytek badań archeologicznych numerem VII. Sąsiadujący z nim od zachodu kwartał IX, kryje prawdopodobnie dawną agorę, na której – w latach 1861-1888, nad starym kościołem położonym przy targu – postawiono sobór (Rys. 6). W kościele tym zapewne ochrzczono księcia Rusi – Włodzimierza. Według kroniki, księcia Włodzimierza ochrzczono w 988 roku „w cerkwi świętego Bazylego, a znajduje się cerkiew ta w Korsuniu w środku grodu, gdzie targ odbywają Korsunianie; pałac zaś Włodzimierza wedle cerkwi stoi do dzisiejszego dnia, a carówny pałac tuż za ołtarzem”. O niepewności miejsca chrztu kronikarz dalej odnotowuje „Nie znający zaś prawdy mówią, jakoby ochrzcił się [Włodzimierz] w Kijowie, inni za mówią – w Wasylewie, a jeszcze inni inaczej opowiadają” (Повесть временных лет 1950: 287-289; Sielecki, Suszko 1987: 72). Archiwalne plany i opisy dziewiętnastowiecznych badań prowadzonych na terenie IX kwartału nie dają jasnej odpowiedzi czy istniała tu agora, pomimo dużego zagęszczenia występujących tu świątyń, i pomimo domniemań wielu badaczy, o istnieniu w tym miejscu antycznego centrum.

Jak wynika z badań, połowa VII kwartału od strony zachodniej znalazła się w obrębie placu otaczającego sobór. Czy był to kwartał leżący przy starej agorze? Wyjaśnić to mogły dalsze badania archeologiczne, niepotrzebnie przerwane na skutek niezrozumiałej jednostronnej decyzji St. Ryżowa, w czerwcu 2003 roku, a więc ponad dziewięć miesięcy po odkryciu cysterne i niewielkiej części jej otoczenia. Powtórzyła się tym samym sytuacja z jaką mieliśmy do czynienia w sześćdziesiątych latach XIX wieku, gdy ówczesni geodeci i inżynierowie przygotowujący miejsce pod projektowany sobór, już wówczas narzekali na pośpiech i uniemożliwienie im dokończenie badań inwentaryzacyjnych nowoodłoniętego kwartału.

Żałować należy, że po raz kolejny zaprzepaszczona

została okazja dokładniejszego rozpoznania wschodniej części placu cerkiewnego. Zaniechanie kontynuacji badań, pomimo niezwykle interesujących wyników prac archeologicznych na terenie cysterne i jej najbliższego otoczenia oraz rezygnacja z przygotowanego przez stronę polską projektu konserwatorskiego, nie znajdują racjonalnego wytłumaczenia.

Analiza zabudowań kwartału VII wskazuje, że był on podzielony na dwie połowy – wzdłuż osi prostopadłej do głównej ulicy. U styku obu połówek mógł występować tzw. Miedzuch - wąski trakt pieszy, ewentualnie rynna, mieszcząca instalacje wodnokanalizacyjne. W północno-zachodniej części tego kwartału, właśnie u styku z miedzuchem, odkryto omawianą cysternę. Od strony miedzucha prowadzą też rury ceramiczne, ongiś zaopatrujące cysternę w wodę. Ze względu na dość pokaźną pojemność, cysterna mogła służyć zaopatrywaniu w wodę nie tylko jednego kwartału. Pamiętać należy że w kwartale tym, poza omawianym zbiornikiem, znajdowały się też inne cysterny i studnie. Aby jednak zdobyć pewność co do tego, ile domostw zaopatrywał w wodę omawiany zbiornik, koniecznym byłoby przeprowadzenie uzupełniających badań archeologicznych i architektonicznych. Na które to badania, pomimo zgłaszanych propozycji, wspomniany wyżej St. Ryżov nie wyraził zgody.

Wstępne badania kwartału wykazały, że podzielony on był zapewne na trzy części, liniami granic biegnącymi poprzecznie w stosunku do osi wzdłużnej tak, że pierwotnie mógł składać się z 6 dużych parcel. Oczywiście są to wstępne wnioski, tak jak i ten dotyczący agory, która mogła znajdować się również na osi głównej ulicy, na wschodzie miasta, tuż nad morzem, a nie w proponowanym dotychczas miejscu, pod placem soborowym. W dyskursie należy też widzieć miejsce cysterne jako ważnego obiektu, być może nie tyle prywatnego, co miejskiego, w którym w X/XI wieku zlokalizowano więzienie. Datowanie na X wiek więzienia w cysterne, jest też przyczynkiem do podjęcia ogólniejszej dyskusji nad problemem miejsca chrztu księcia

Włodzimierza i zdobycia przez niego Chersonesu (Korsunia), a także problemu lokalizacji agory. Wymieniane przez kronikarza, budowle pałacowe, lokalizowane w pobliżu cerkwi św. Bazylego, tym bardziej uzasadniają konieczność ich identyfikacji metodą archeologiczną. Nie odrzucałbym *a priori* żadnej z hipotez (Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 551-557).

Cysternę założono na planie niemal kwadratowym, ma wymiary 5,40x6,10 m, częściowo wykuta jest w skale wapiennej na głębokość około sześciu metrów. Ściany jej uformowano lekko zbieżnie ku dołowi, dno uzyskało tym samym wymiary 5,05x5,40 m. Górne partie ścian cysterny, o grubości 40 cm wykonano z łamanego kamienia, a całe ściany od wewnątrz pokryto zaprawą hydrauliczną. Pośrodku cysterny ustawiono dwie podpory – „kolumny”, dzielące jej wnętrze na dwie prostokątne nawy. Nakrywały je po trzy przęsła krzyżowych sklepień wspartych na gurtach, po których pozostały resztki nasad (8 z 10) i zarys przyściennej wysklepki grubości 15 cm. Poza tym, na jednej z podpór – kolumn, nad głowicą ocalała prostopadłościenna nadbudowa - rodzaj filara 80 x 80 cm, wysoka na 88 cm z resztkami spływów gurtów, pozwalająca na dość wierną rekonstrukcję całego sześciopoleowego nakrycia sklepiennego. Na wysokości 4,10 m, odpowiadającej poziomowi abakusów głowic podpór, zachowały się otwory (12x18 cm) po gniazdach drewnianych kotew, stabilizujących konstrukcję sklepień, krzyżowo rozpiętych między „kolumnami” i ścianami. Na osiach gurtów, w czterech ścianach zachowało się sześć oporów i cztery po krzyżujących się kotwach w podstawie filara wznoszącego się nad „kolumną”. Na dnie cysterny, w skrajnym przęśle północno-wschodnim zachowała się zagłębiona na 30 cm miskowata niecka o średnicy 120 cm, służąca zapewne jako osadnik do okresowego czyszczenia cysterny. W pionie nad nią, musiał znajdować się otwór do czerpania wody, której dopływ znajdował się we wschodniej ścianie cysterny, mniej więcej w połowie wysokości sklepienia.

Podpory sklepienia w postaci kolumn, są wykonane ze spoił marmurowych – wtórnie użytych detali, pochodzących z budowli okresu wczesnobizantyjskiego. Wtopienie ich baz w zaprawę hydrauliczną podłogi świadczy o tym, że już w momencie projektowania cysterny przewidziano ich obecność. Zdecydowanie nie zostały one wbudowane w późniejszym czasie. Pod północną „kolumną” znajdujemy słupek z przegrody, występujący zwykle pomiędzy pionowymi płytami balustrady. Jako bazę pod południową kolumnę użyto odwróconej imposty pochodzącej z nad głowicy niezidentyfikowanej starszej kolumny. Omawiane podpory, umownie nazywane przez nas „kolumnami” o wysokości 3,48 m również pochodzą z dawnych słupów dzielących w biforiach i triforiach. W przekroju poziomym, są to w zasadzie prostokątne filarki, do których dłuższych boków dostawiono półkolumny, tworząc wydłużone podpory ustawione zwykle poprzecznie w stosunku do osi wzdłużnej interkolumnium. Zaznaczone z dwóch stron na osi poprzecznej każdej z podpór prostokątne listwy (krótsze boki środkowego filarka) mają zwykle odpowiednik w bazie i w głowicy zwieńczenia. Takie detale

można znaleźć w zasobach lapidariów Chersonesu, a podobną „kolumnę” można znaleźć jako eksponat na tzw. dziedzińcu włoskim z fontanną przy schodach do budynku muzeum.

Jako głowicy do kolumny północnej użyto starej bazy, odwracając ją plintą ku górze. Zastosowanie wysmukłych nadbudów w postaci filarów stawianych nad głowicami kolumn oraz wyniesienie czasz sklepiennych ponad poziom głowic około 2 m, stworzyło nową przestrzeń nad kolumnowym parterem.

W pełni ilustruje to podobna konstrukcja architektury wnętrza kościoła św. Jana Chrzciciela w Kerczu z XII w. Kościół jest różnie datowany, ostatnie badania archeologiczne wskazują na jego powstanie w okresie średnibizantyjskim X-XI w. Trójnawową kolumnową halę tego kościoła podwyższono, przez nastawienie nad poziomem głowic i krzyżujących się belek stężających, następnej filarowej konstrukcji nakrytej sklepieniem. Podwojono w ten sposób wysokość kościoła, wysmuklając wnętrze ponad miarę. Ten sposób kreacji wnętrza odróżnia je od bazylik okresu wczesnobizantyjskiego.

Konstrukcja architektury cysterny zasługuje na uwagę, jednak nie mniej ciekawe są *graffiti* którymi pokryto ściany przyziemia cysterny do wysokości około 1,80 m. Powstały one w czasie, gdy cysternę użytkowano jako więzienie w XI wieku. Liczne napisy greckie, znaki, symbole i wyobrażenia przedmiotów (np. żaglowce), jeźdźcy na koniach, zwierzęta i postaci ludzkie w różnych układach, są świadectwem zachowań pewnych grup społecznych. Studia nad *graffiti* przeprowadzone przez dr Alinę Brzóstkowską z Instytutu Sławistyki PAN w Poznaniu dały niezwykle interesujące wyniki (por. A. Brzóstkowską w tym tomie, część 4).

Zachowanie i ekspozycja *graffiti* jest naszym zadaniem nie tylko konieczna, ale i realnie możliwa w wstępnie zaprojektowanym przez nas specjalnym pawilonie osłaniającym pozostałości cysterny. Dół cysterny do wysokości poziomu skotwień można wydzielić, a wewnątrz utrzymać w odpowiednim mikroklimacie. Górą, częściowo można odtworzyć sklepienie, by pokazać jego formę i konstrukcję, a na poziomie podłogi założonej na sieci drewnianych kotew urządzić lapidarium, eksponując część odnalezionych w gruzowisku detali architektonicznych. Ryty na tynkach przerysowane na folii można umieścić na ścianach pawilonu w specjalnych szklanych osłonach. Jego prosta architektura z czterospadowym dachem krytym dachówką nie kolidowałaby z otoczeniem soboru bo pojawiłaby się podobnie jak ekspozycje wczesnobizantyjskich kościołów, na wygradzonym już dziedzińcu cerkiewnym (Rys.10). Pod względem architektonicznym pawilon ten mógł nawiązywać wyglądem i konstrukcją do współczesnej dzwonnicy wzniesionej w południowo-zachodnim narożniku dziedzińca. Żałować należy że w wyniku absolutnie niezrozumiałych decyzji, nie uzgodnionych w żaden sposób, z badającymi ten obiekt polskimi naukowcami, cysterna została „zakonserwowana” poprzez zasypanie.

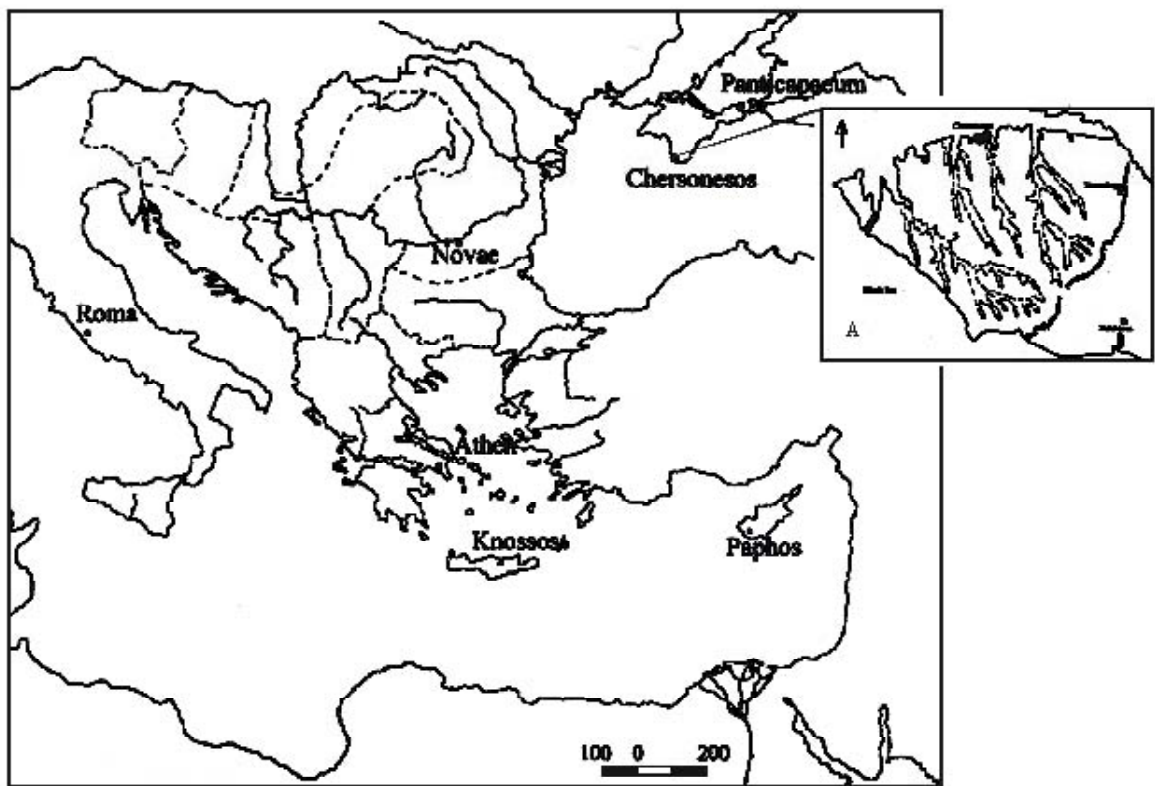

Рис. 1. Карта восточной части Римской империи. А – расположение Херсонеса Таврического

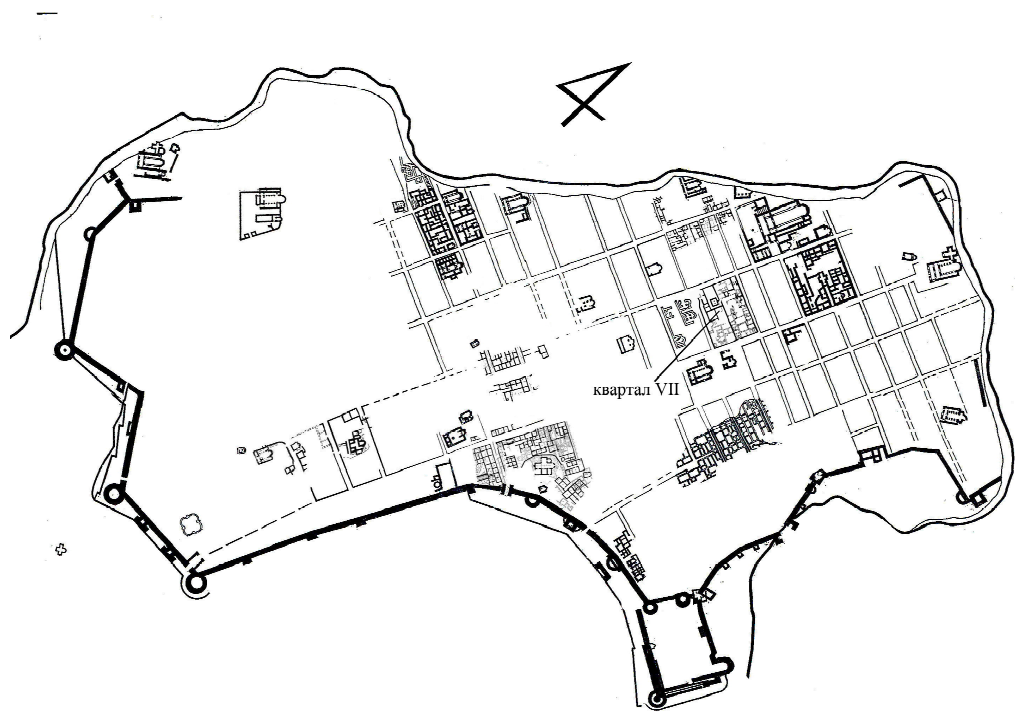

Рис. 2. План Херсонеса Таврического с сеткой кварталов

Рис. 3. Восточная часть Херсонесского городища. Вид с запада (фото Е.Ю. Клеиной, 2005 г.)

Рис. 4. Квартал VII после проведения консервации. Вид с северо-востока (фото Е.Ю. Клеиной, 2005 г.)

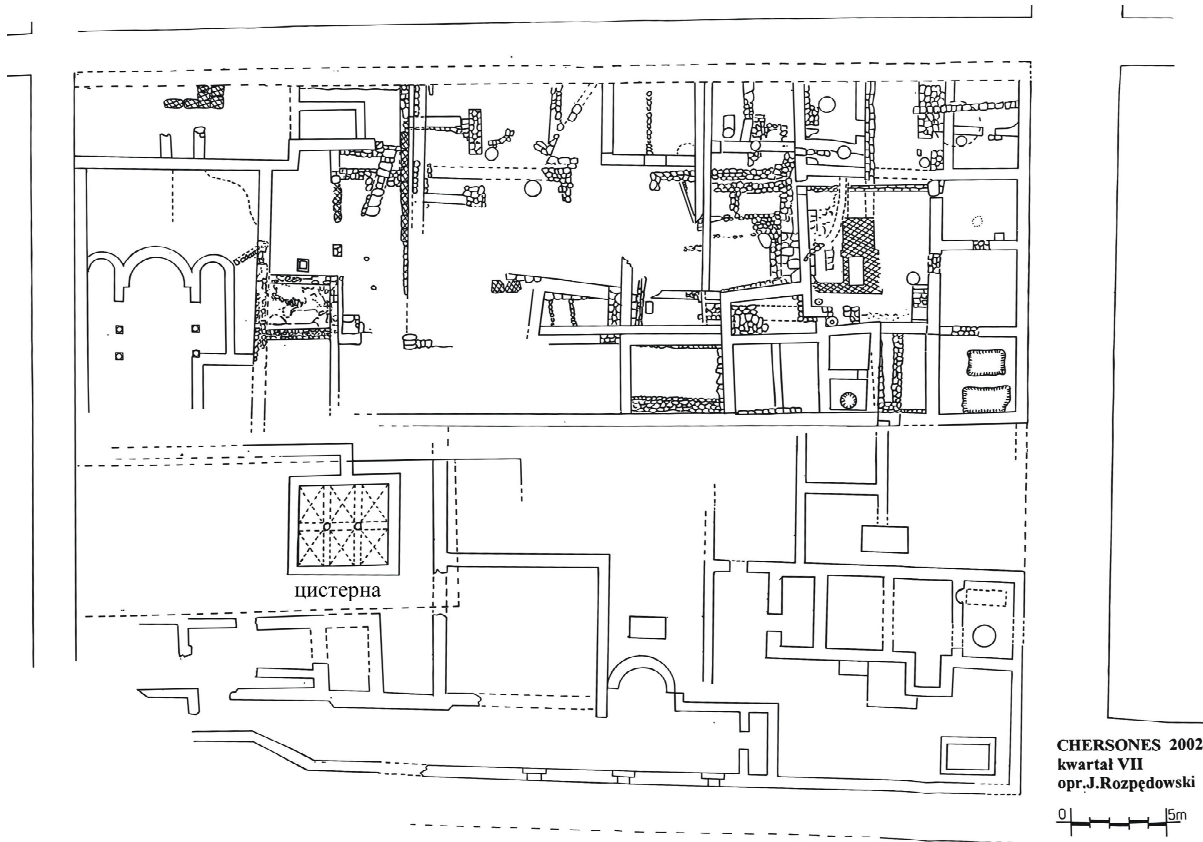

Рис. 5. Общий архитектурный план квартала VII (выполнил Е. Розпендовски)

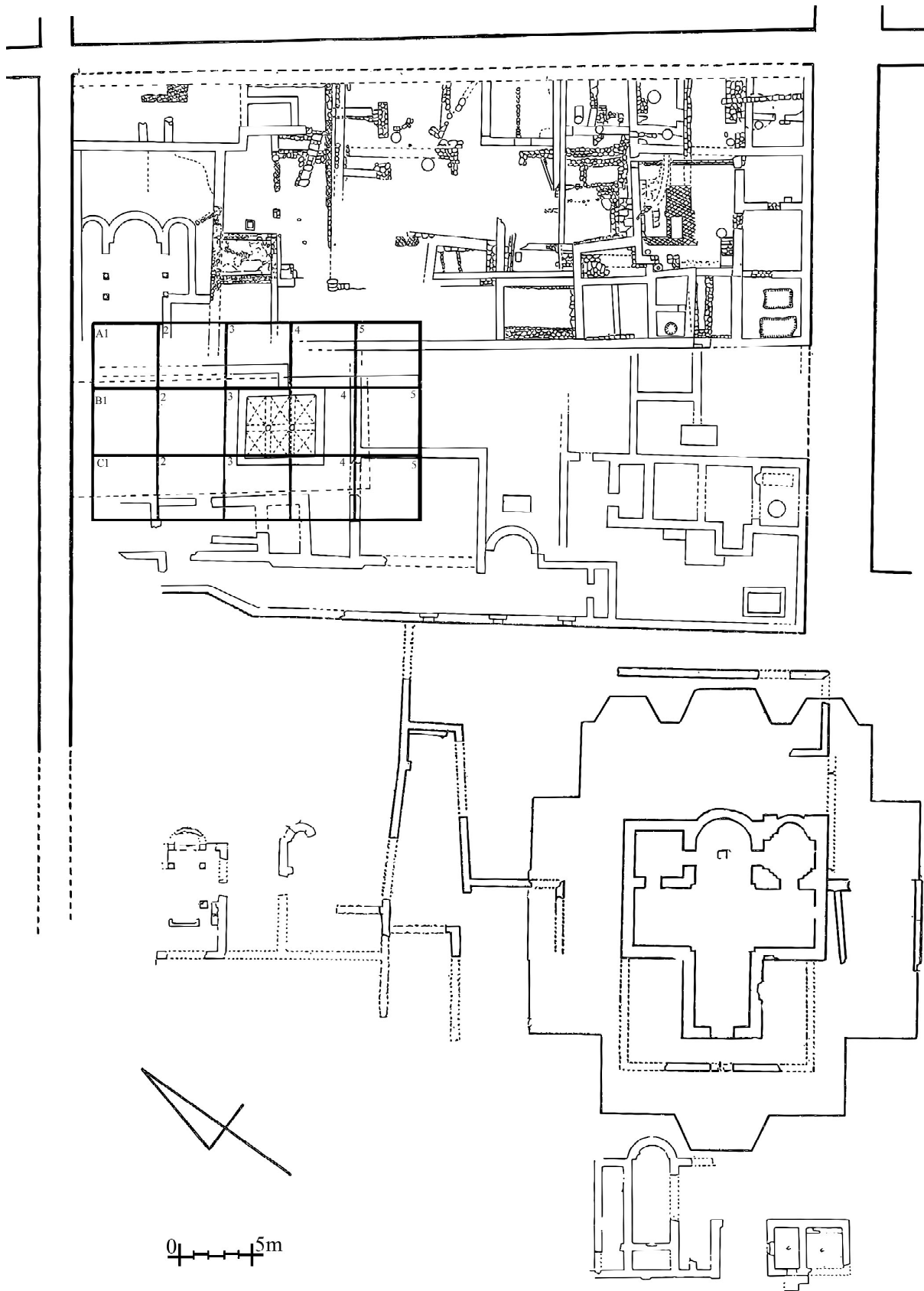

Рис. 6. План центральной части городища с кварталом VII с указанием сетки квадратов раскопа

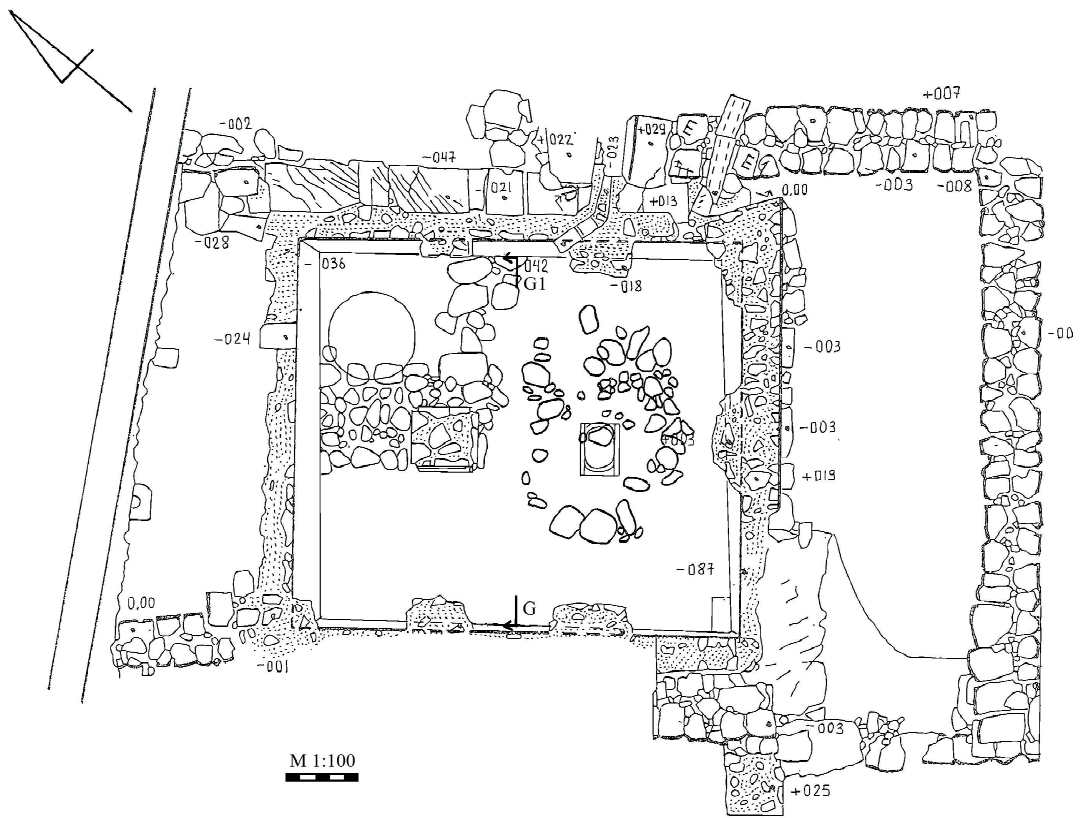

Рис. 7. Архитектурный план цистерны с локализацией помещения 1 и хозяйственной ямы

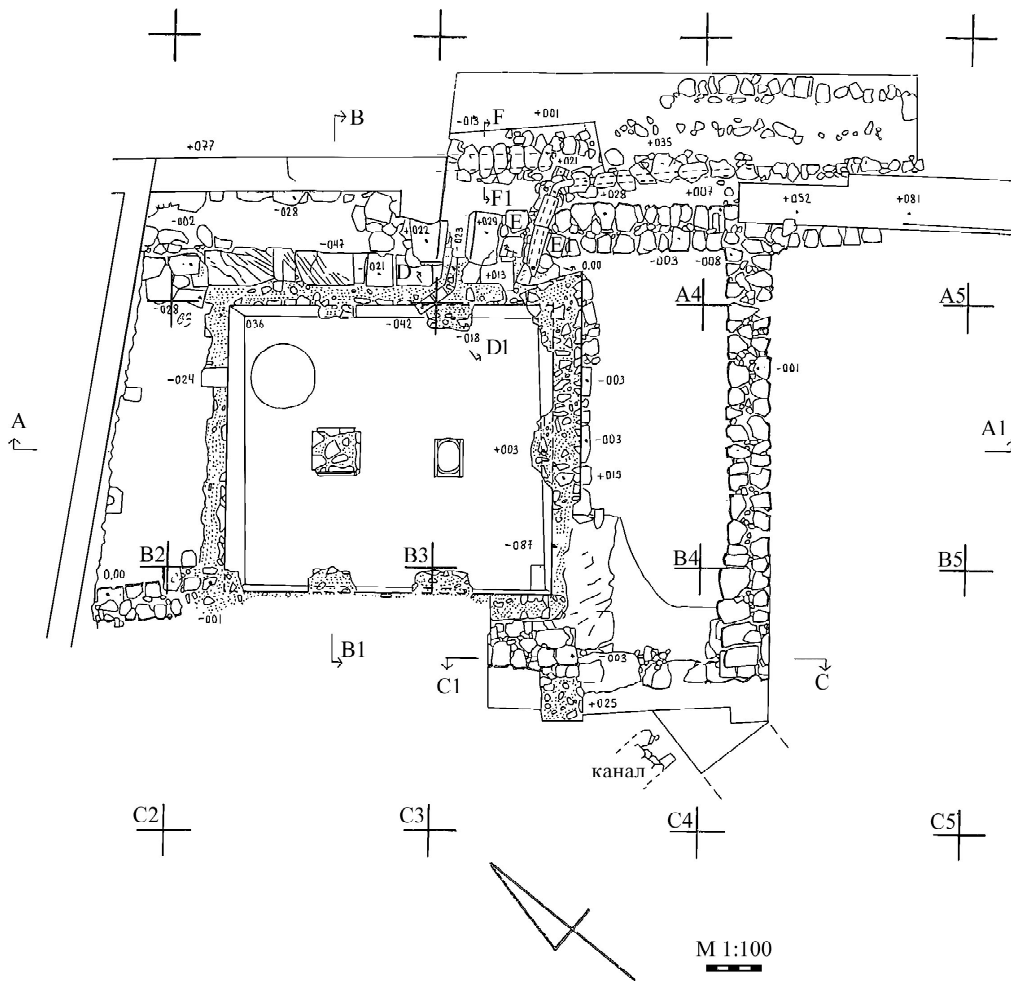

Рис. 8. Архитектурный план открытой цистерны и прилегающей территории с указанием сетки квадратов и разрезами

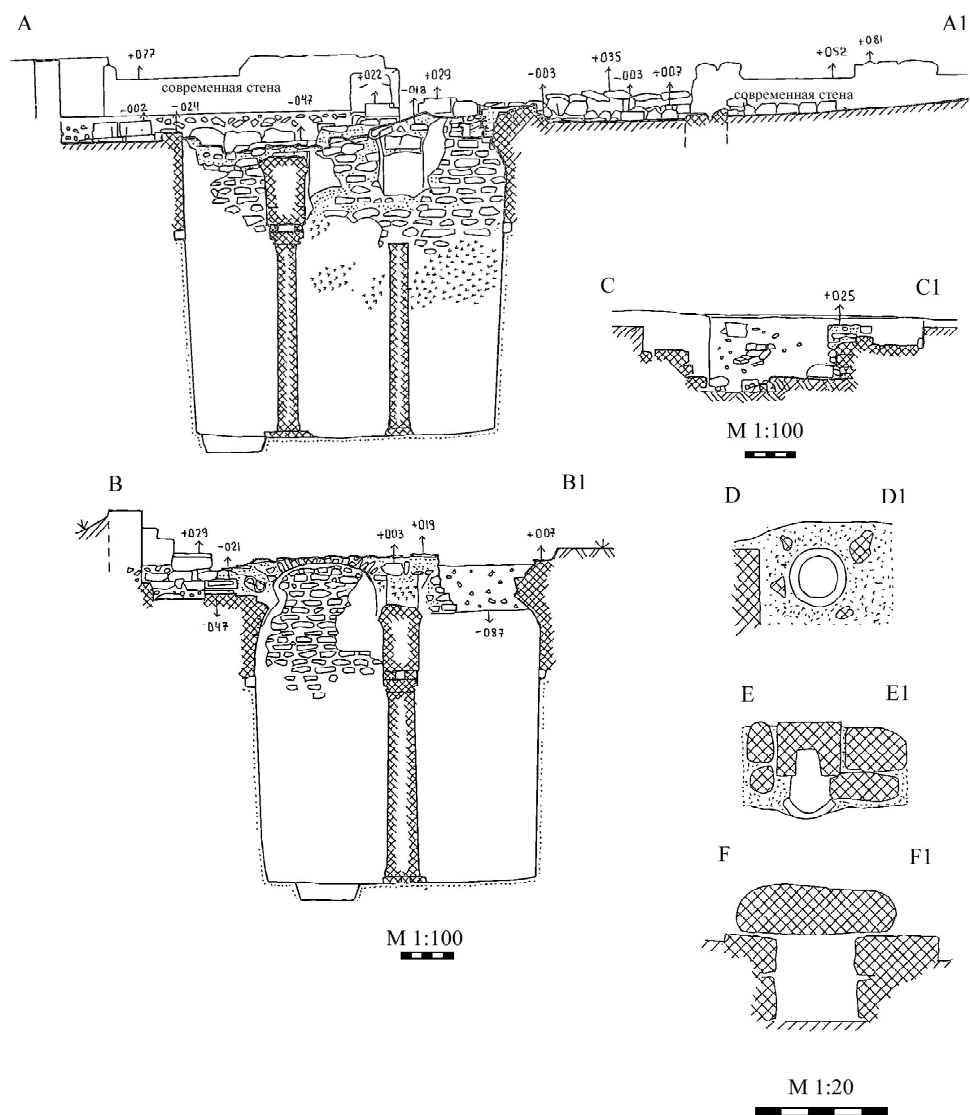

Рис. 9. Разрезы и фасировки цистерны, водосточных каналов и других построек

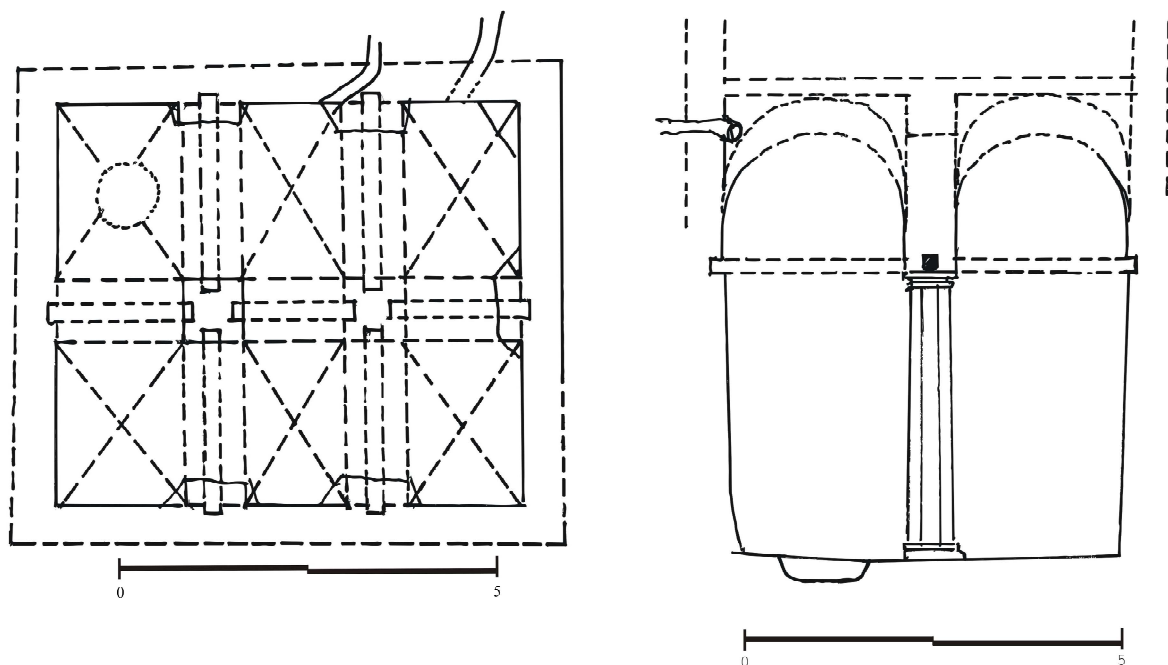

Рис. 10. Архитектурная реконструкция цистерны: план и разрез (выполнил Е. Розпендовски)

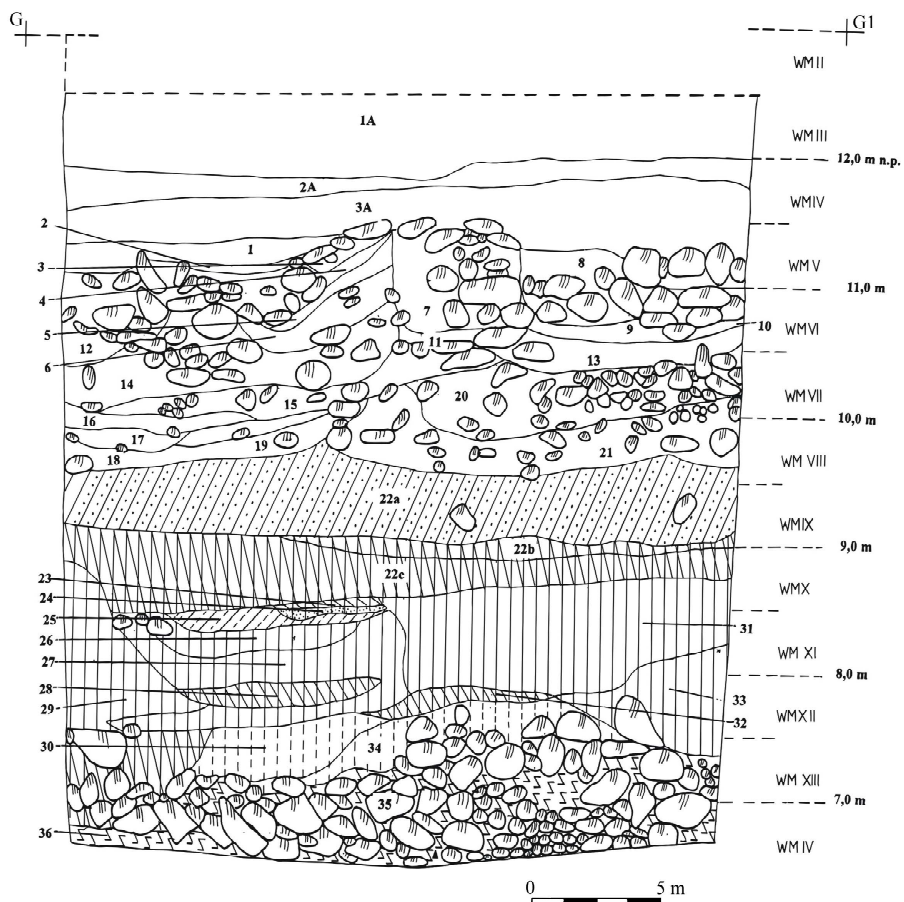

Рис. 11. Стратиграфический разрез G-G1

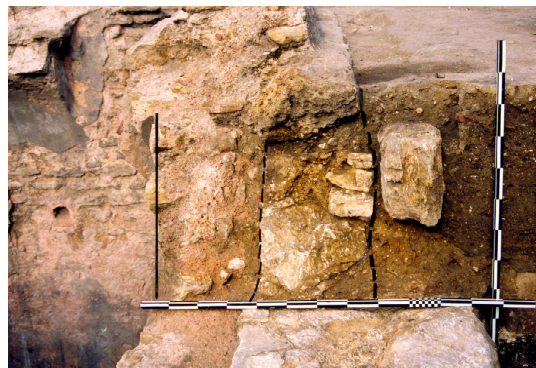
а

б

с

д

Рис. 12. Водосборная цистерна в квартале VII:
 а – общий вид цистерны с юга;
 б – помещение 1 в северном углу цистерны, вид с юга;
 с – восточная стена цистерны, вид с севера;
 д – южная стена цистерны, вид с запада

а

б

с

д

Рис. 13. Водосборная цистерна:
а – северная стена, вид с юга;
б – западная стена, вид с востока;
с – южная стена, вид с севера;
д – восточная стена, вид с запада

а

б

с

д

е

ж

Рис. 14. Водосборная цистерна: а - восточная стена цистерны с водостоками, вид с востока; б – центральная водосточная труба, вид с запада; с – северная колонна с филяром *in situ*, вид с юго-запада; д – отстойник в северном углу цистерны, вид с юго-запада; е – база северной колонны; ж - база южной колонны

ГЛАВА 3. КАМЕННЫЕ ДЕТАЛИ, АРХИТЕКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ПРЕДМЕТЫ УТИЛИТАРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

А.Б. Бернацки

Прежде всего, необходимо изучить и проанализировать обнаруженные детали и архитектурные элементы, которые позволят дать интерпретацию конструкции цистерны. Особое внимание привлекает конструкция и постройка цистерны. В этом отношении они близки к монументальным цистернам Константинополя. Одна из них – это так называемая «Затопленный дворец» *Yerebatan Sarayı*, построенная во времена Юстиниана I (Can 1994: 24-25). Другая – это возведенная около 528 г. цистерна Бинбир Дирек, или так называемая «1001 колонна» (Лихачева 1981: 43-44). Резервуары этих цистерн были разделены на квадраты рядами колонн, над которыми был возведен сферичный свод. Аналогичную конструкцию в уменьшенном варианте мы наблюдаем во вновь открытой цистерне.

Цистерна была перекрыта крестообразным шестидольным сводом на гуртах, опирающимся на две колонны, находившиеся *in situ*, высотой 4,10 м. Сохранившиеся монолитные фусты так называемых сдвоенных колонн, высотой 3,48 м и 3,49 м и диаметром 0,62x0,44 м и 0,65x0,43 м, были изготовлены из мрамора (Рис. 1/a-b)*. Такая характерная форма фустов колонн была популярна в двойных и тройных оконных проемах в ранневизантийских базиликах Херсонеса. Следует отметить, что среди сохранившихся целиком экземпляров аналогичных колонн, обнаруженных в лапидарии Херсонеса, представлены исключительно фусты высотой от 1,375 м до 1,637 м. Открытые в цистерне фусты значительно выше и не находят аналогий среди материалов, найденных на территории Херсонеса. Близкие аналогии открытым в херсонесской цистерне колоннам обнаружены на территории современной Македонии в городе Конух (*Tranupara* (?)). В центральной части храма-ротонды *extra muros* середины VI в. находились сдвоенные фусты колонн, высотой 2,15 м (Лилчи́к 2002: 571, 575-577). Они несколько отличаются от обнаруженных нами колонн в цистерне, в частности размерами, однако одновременно являются подтверждением использования такого типа колонн в качестве опор свода ранневизантийских храмов. Столь значительная высота сохранившихся в цистерне колонн позволяет нам предположить, что они первоначально находились в здании сакрального или публичного назначения, отличавшемся значительными размерами и особой архитектурой от других аналогичных сооружений Херсонеса.

Базы обеих колонн в цистерне сделаны не очень тщательно, ими служили вторично использованные

архитектурные элементы и детали. База южной колонны была изготовлена из прямого импоста с применением гидравлического раствора (Рис. 3/a-b). Особый интерес представляет северная колонна благодаря тому, что все её элементы находятся *in situ*. База северной колонны состояла из мраморного столбика алтарной преграды и аттической базы, закрепленных на гидравлическом растворе (Рис. 2/a-b). Можем утверждать, что столбик алтарной преграды с такого типа завершением в виде полной полусферы является первым на территории Херсонеса. Аналогичные столбики найдены в епископской базилике в Стоби и датируются первой половиной VI в. (Николајевић-Стојковић 1957: 27, 59/144). Однако, по мнению Б. Сариа и В. Лилчи́к, большинство обнаруженных в епископской базилике в Стоби столбиков являются частью балюстрад между нефами храма и датируются концом V - началом VI в. (Сариа 1933: 17; Лилчи́к 2002: 833). Столбик, открытый в цистерне, следует, по моему мнению, датировать первой половиной VI в. Архитектурные детали, составлявшие базы колонн, как минимум наполовину своей высоты были «утоплены» в гидравлический раствор, которым был покрыт пол цистерны.

Капителью северной колонны служила вторично использованная, перевернутая мраморная аттическая база (Рис. 1/c-d). Типологические характеристики позволяют её датировать достаточно широко - II-VI вв. н.э. (Буйских 2001: 15-16/2.1). Похоже, что единственным объяснением такой ситуации была необходимость иметь соответствующих размеров абакус, на который опиралась консоль гурта. Здесь функцию абакуса выполняла плинта аттической базы, развернутая на 180°. Скорее всего, все это было продиктовано нехваткой в Херсонесе во время сооружения цистерны свободных капителей, абакус которой имел бы сторону длиной минимум 0,645 м.

На колоннах сохранились две одинаковые консоли гурта (одна - *in situ*), еще пять обнаружены в стенах цистерны (см. глава 2, рис. 13).

Среди открытых в процессе археологических исследований деталей и архитектурных элементов особое внимание привлекает фрагмент известняковой дорической капители (инв. № 91/37375) с сохранившимся фрагментом каннелированного ствола колонны (Рис. 4/a-b). Капитель датируется последней четвертью IV в. до н.э. (Буйских 1996: 51-52).

Следующая архитектурная деталь – это тщательно обработанный фрагмент известнякового импоста с латинским крестом, скорее всего, узкого филяра или опоры (инв. № 89/37375) и фрагмент прямого импоста (инв. № 90/37375), вероятно, пристенного пилястра (Рис. 2/c-d, 3/a-b). Обе эти архитектурные детали

*Фотографии деталей выполнены А.Б. Бернацки, чертежи - П.В. Пересветовым.

следует датировать VI в.

Открытая база под колонной (инв. № 92/37375), диаметром 0,34 м, является полуфабрикатом, подготовленным для транспортировки, изготовлена из мрамора по позднеримским образцам (Рис. 3/с-d). База, вероятно, была подготовлена как составляющая часть *cyborium* для ранневизантийского храма или баптистерия. По мнению N. Asgari, подготовленные для продажи базы в мастерских на о. Проконес обрабатывались только до так называемого третьего этапа и предлагались в двух вариантах А или В (1992: 75,78). Прежде всего, это было связано с длительной транспортировкой сухопутным или морским путем, в результате которой архитектурные детали могли легко быть повреждены.

Среди небольших фрагментов мраморных архитектурных деталей выделяются: фрагмент карниза тонкой работы (п/о № P387/02СН), два фрагмента плит алтарной преграды (п/о №№ P278/02СН, P393/02СН) (Рис. 7/а-с). Также были найдены три фрагмента плит прямого карниза, в том числе один угловой (п/о №№ P395/02СН, P312/02СН), три грубой работы известняковые элементы арок, возможно, архивольты (п/о №№ P390/02СН, P276/02СН), известняковый фрагмент карниза с валиком прямой формы и сводчатым выступом (п/о № P394/02СН).

Среди конструктивных элементов следует отметить предварительно обработанные известняковые блоки с вырубками–ложами и гнездами для горизонтальных и вертикальных деревянных балок (п/о №№ P314/02СН, P316/02СН, P317/02СН, P308/02СН, P388/02СН, P389/02СН, P391/02СН) (Рис. 6).

В заполнении цистерны были обнаружены фрагменты относительно обработанных каменных прямоугольных мисок и поилок для скота с небольшим углублением, max. 0,10 м (п/о №№ P311/02СН, P313/

02СН, P315/02СН, P392/02СН), а также две примитивные миски-поилки меньших размеров (п/о №№ P320/02 СН, P384/02 СН) (Рис. 5). Здесь же был найден небольшой фрагмент мортария (Рис. 8/d).

Также были открыты два небольших фрагмента греческой надписи (инв. № 88, 93/37375). На одном из них был обнаружен вырезанный крест. В настоящее время полное прочтение этих надписей затруднено.

Упомянем также еще об одном фрагменте, который был частью прямоугольного ящика, на дне которого был внешний выступ, или, что наиболее вероятно, частью каменного основания, в которое устанавливалось древко штандарта, или частью *labarum* /?/ (Рис. 8/с).

В засыпи цистерны были найдены предметы утилитарного назначения из камня, в том числе верхняя часть жернова (п/о № P386/02СН), грузило для рыболовной сети (Рис. 8/а, 10/4).

Обнаруженные архитектурные элементы и детали имеют очень широкие хронологические рамки от эллинистического (фрагмент дорической капители) до ранневизантийского (столбик алтарной преграды и плиты преград между нефами) и византийского времени. Чаще всего эти детали использованы вторично. Ярким примером многократного использования архитектурных деталей могут служить колонны в цистерне. Следует помнить, что большинство архитектурных элементов и деталей, обнаруженных в засыпи цистерны, более или менее повреждены. Факт их обнаружения здесь объясняется тем, что они попали сюда в качестве мусора, когда из-за износа или повреждения перестали выполнять свою первоначальную функцию. Этот факт объясняет огромное разнообразие обнаруженных деталей и архитектурных элементов.

КАТАЛОГ

1. Trzon podwójnej półkolumny

Nr inv. P 417/ 02 CH (Ryc. 1a)

Pomieszczenie: cysterna

Lokalizacja: *in situ* na posadzce hydraulicznej,

Surowiec: marmur

Wymiary: wysokość – 3,48 m; średnica półkolumny – górna 0,385 m; średnica półkolumny – dolna 0,43 m; szerokość podwójnej półkolumny górna – 0,57 m; szerokość podwójnej półkolumny dolna - 0,65 m

Uwagi: pierwsza tego typu podwójna półkolumna odkryta na terenie Chersonezu Taurydzkiego

2. Trzon podwójnej półkolumny

Nr inv. P414/ 02 CH (Ryc. 1b)

Pomieszczenie: cysterna

Lokalizacja: *in situ* na posadzce hydraulicznej, Surowiec: marmur

Wymiary: wysokość – 3,49 m; średnica półkolumny – górna 0,41 m; średnica półkolumny – dolna 0,44 m; szerokość podwójnej półkolumny górna - 0,535 m; szerokość podwójnej półkolumny dolna - 0,62 m

Uwagi: drugi egzemplarz tego typu podwójnej półkolumny odkryty na terenie Chersonezu Taurydzkiego

3. Baza attycka

Nr inv. P413/ 02 CH (Ryc. 1c-d)

Pomieszczenie: cysterna

Lokalizacja: *in situ* na trzonie podwójnej półkolumny w charakterze kapitelu⁸

Surowiec: marmur

Wymiary: wysokość plinty – 0,106 m; długość boku – 0,645 m
torus dolny: wysokość - 0,056 m; średnica – 0,645 m
trochilus: wysokość – 0,068 m; średnica – 0,50 m
torus górny: wysokość – 0,03 m; średnica – 0,525 m
średnica trzonu kolumny – 0,50 m

Datowanie wg. A.B. Буйских bardzo utrudnione praktycznie od okresu pierwszych wieków naszej ery po okres wczesnochrześcijański (2001: 15-16, ryc. 2.1)

4. Impost prosty z krzyżem łacińskim (relief wypukły)

Nr inv. P 406/02 CH (H3XT № 89/37375) (Ryc. 2c-d)

Pomieszczenie: cysterna

Lokalizacja: wewnątrz cysterny

Surowiec: marmur

Warstwa wypełniskowa XIII – XIV

Wymiary: długość zachowana – 0,602 m; szerokość – 0,425 m; wysokość – 0,198 m; listwa górna wysokość – 0,042 m; listwa skośna – 0,108 m; wspornik dolny wysokość - 0,048 m;

wspornik dolny szerokość – 0,16 m
Uwagi: impost z prostokątnego filara lub przypory (?)
Datowany prawdopodobnie na VI wiek

5. Impost prosty bez reliefu

Nr inw. P420/02 CH (H3XT № 90/37375) (Ryc. 3a)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: wewnątrz cysterny
Warstwa wypełniskowa
Surowiec: marmur
Wymiary: długość zachowana – 0,55 m; szerokość – 0,50 m; wysokość – 0,17 m; listwa górna wysokość – 0,03 m; listwa skośna – 0,07 m; wspornik dolny wysokość – 0,07 m; wspornik dolny szerokość – 0,33 m
Uwagi: impost prawdopodobnie z przypory przyściennej
Datowany prawdopodobnie na VI wiek

6. Kapitel doryckci

Nr inw. P 266/02 CH (H3XT № 91/37375) (Ryc. 4a-b)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: przy oczyszczaniu transzei
Warstwa: XIII – XIV
Surowiec: wapień
Wymiary: długość zachowana - 0,535 m; wysokość zachowana - 0,19 m; wysokość abakusa - 0,08 m; wysokość echinusa – 0,04 m; wysokość anuli – 0,01 m; wysokość hipotracheliona – 0,06 m; średnica trzonu – 0,42 m
Typ II wg. A.B. Буйских (1996: 51-52)
Datowany na ostatnią ćwiartkę IV wieku pne.

7. Baza kolumny

Nr inw. P 273/02 CH (H3XT № 92/37375) (Ryc. 3c-d)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: kwadrat B4, od S – 2,30 m; od E – 0,20 m, głębokość – 11.16 m
Surowiec: marmur
Wymiary: plinta: wysokość – 0,05 m; długość boku – 0,425 m; torus dolny: wysokość - 0,02 m; średnica – 0,41 m; trochilus (skośny) wysokość – 0,04 m; średnica – 0,33 m; torus górny prosty: wysokość – 0,063 m; średnica – 0,34 m; średnica trzonu kolumny – 0,34 m
Uwagi: baza – półfabrykat w tzw. fazie transportowej.

8. Słupek przegrody ołtarzowej lub balustrady międzynawowej (?)

Nr inw. P 416/02 CH (Ryc. 2a-b)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: *in situ* pod trzonem podwójnej półkolumny w charakterze bazy
Surowiec: marmur (Proconnesos)
Wymiary: długość - 0,90 m; szerokość- 0,293 m; grubość – 0,10 m (na tyle widoczna ponad poziom posadzki); średnica gałki – 0,18 m; wysokość gałki- 0,06 m
Uwagi: słupek przegrody ołtarzowej, trudno w pełni zidentyfikować detal ze względu, iż istniała możliwość tylko częściowego jego przebadania. Większa jego część jest zatopiona w warstwie zaprawy hydraulicznej tworzącej posadzkę cysterny. Detal architektoniczny wtórnie użyty, pochodzący z wystroju bazyliki wczesnochrześcijańskiej. Import z warsztatów w Proconnesos lub Konstantynopolu datowany na pierwszą połowę VI wieku

9. Misa kamienna (?)

Nr inw. P 315/02 CH (Ryc. 5b)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: kwadrat B3
Warstwa: VII - VIII

Surowiec: wapień
Wymiary: długość – 0,57 m; szerokość zachowana – 0,36 m; grubość – 0,16 m; głębokość wnętrza – 0,06 m; długość wnętrza – 0,425 m
Uwagi: wnętrze lekko zwężające się

10. Misa kamienna /?/

Nr inw. P 311/02 CH; P 392/02 CH (Ryc. 5a)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: kwadrat B3; od S – 3,50 m; od E – 2,00 m
Warstwa: 1 fr. – VIII, głębokość – 9,50 m; północno-wschodnia część cysterny; 2 fr. – VIII, z południowej części murku profilowego
Surowiec: wapień
Wymiary: długość – 0,84 m; szerokość zachowana – 0,30 m; grubość – 0,23 m; głębokość wnętrza – 0,115 m; długość wnętrza – 0,68 m
Uwagi: odkryto dwa fragmenty tej misy

11. Misa kamienna

Nr inw. P 313/02 CH (Ryc. 5c)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: kwadrat B3
Warstwa: VII – VIII, ćwiartka NE – z murku profilowego
Surowiec: wapień
Wymiary: długość – 0,315 m; szerokość zachowana – 0,215 m; grubość – 0,175 m; głębokość wnętrza – 0,095 m; długość wnętrza – 0,235 m;

12. Misa kamienna /?/ lub poidło

Nr inw. P 320/02 CH (Ryc. 5e)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: kwadrat B3
Warstwa: XII, z ćwiartki północno-zachodniej
Surowiec: wapień
Wymiary: długość – 0,197 m; szerokość – 0,19 m; grubość – 0,153 m; głębokość wnętrza – 0,075 m; wymiar wnętrza – 0,14 x 0,095 m
Uwagi: wykonany w nieregularnym bloku kamiennym

13. Misa kamienna (?) lub poidło

Nr inw. P 384/02 CH (Ryc. 5d)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: kwadrat B3
Warstwa: XI - XIV
Surowiec: wapień
Wymiary: długość – 0,165 m; szerokość – 0,14 m; grubość – 0,10 m; głębokość wnętrza – 0,06 m; wymiar wnętrza – 0,085 x ? m;
Uwagi: wykonany w nieregularnym bloku kamiennym

14. Mortarium

Nr inw. P 421/02 CH (Ryc. 8d)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: kwadrat B3
Warstwa: IX
Surowiec: wapień
Wymiary: wysokość – 0,20 m; szerokość – 0,23 m; grubość – 0,08 m

15. Element architektoniczny z lożem i wycięciem na belki

Nr inw. P316/02 CH (Ryc. 6c; 10/1)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: kwadrat B3
Warstwa: IX
Surowiec: wapień
Wymiary: długość – 0,503 m; szerokość – 0,325 m; grubość –

0,165 m

Uwagi: jedno kwadratowe wycięcie w narożniku na belkę drewnianą, drugie łoże na belkę w krótszym boku bloku kamiennego

16. Element architektoniczny z wycięciem na belkę

Nr inw. P 314/02 CH (Ryc. 6a)

Pomieszczenie: cysterna

Lokalizacja: kwadrat B3

Warstwa: VII – VIII, z ćwiartki północno-wschodniej, z murku profilowego

Surowiec: wapień

Wymiary: długość – 0,24 m; szerokość – 0,183 m; grubość – 0,305 m

Uwagi: jedno kwadratowe wycięcie w krawędzi bocznej bloku na belkę drewnianą

17. Element architektoniczny z łożem na belkę

Nr inw. P 389/02 CH (Ryc. 6e; 10/3)

Pomieszczenie: cysterna

Lokalizacja: ćwiartka południowo-wschodnia

Warstwa: IX

Surowiec: wapień

Wymiary: długość – 0,295 m; szerokość – 0,27 m; grubość – 0,378 m;

Uwagi: łoże na belkę drewnianą w krótszym boku

18. Element architektoniczny z łożem na belkę

Nr inw. P 391/02 CH (Ryc. 6b; 10/2)

Pomieszczenie: cysterna

Lokalizacja: w południowej części kwadratów B3/4, z murka profilowego

Warstwa: VIII

Surowiec: wapień

Wymiary: długość – 0,325 m; szerokość – 0,225 m; grubość – 0,403 m

Uwagi: łoże na belkę drewnianą w krótszym boku

19. Element architektoniczny z gniazdem na belkę

Nr inw. P 317/02 CH (Ryc. 6f; 10/5)

Pomieszczenie: cysterna

Lokalizacja: kwadrat B 3/4, od S – 5,00 m; od E – 2,50 m

Warstwa: VII-VIII

Surowiec: wapień

Wymiary: długość – 0,242 m; szerokość – 0,215 m; grubość – 0,163 m; gniazdo w boku - 0,075 m; gniazdo głębokość – 0,015 m

Uwagi: jedno kwadratowe gniazdo na belkę drewnianą

20. Element architektoniczny z łożem na belkę

Nr inw. P 388/02 CH (Ryc. 6d; 10/6)

Pomieszczenie: cysterna

Lokalizacja: ćwiartka południowo-wschodnia

Warstwa: IX

Surowiec: wapień

Wymiary: długość – 0,315 m; szerokość – 0,20 m; grubość – 0,26 m

Uwagi: łoże na belkę drewnianą w krótszym boku

21. Fragment gzymsu korynckiego

Nr inw. P 387/02 CH (Ryc. 7a)

Pomieszczenie: cysterna

Lokalizacja: wewnątrz cysterny

Warstwa: III

Surowiec: marmur

Wymiary: długość – 0,126 m; szerokość – 0,54 m; wysokość – 0,63 m

Uwagi: datowanie III-IV wiek n.e. wg. A.B. Буйских (2001: 28-29)

22. Fragment płyty przegrody międzynawowej

Nr inw. P 393/02 CH (Ryc. 7c)

Pomieszczenie: cysterna

Lokalizacja: wewnątrz cysterny, w południowej części, w murku profilowym

Warstwa: VIII

Surowiec: marmur (Proconnesos)

Wymiary: długość – 0,26 m; szerokość – 0,065 m; wysokość – 0,22 m

Uwagi: profilowanie po obu stronach płyty składające się z układu listew płaskich, podciętych i skośnych. Płyta przegrody międzynawowej z wystroju jednej z bazylik wczesnochrześcijańskich

Datowanie druga połowa V- VI wiek

23. Fragment płyty przegrody międzynawowej

Nr inw. P 278/02 CH (Ryc. 7b)

Pomieszczenie: cysterna

Lokalizacja: kwadrat B3/4, południowo-wschodnia część cysterny

Warstwa: X

Surowiec: marmur (Proconnesos)

Wymiary: długość – 0,183 m; szerokość – 0,58 m; wysokość – 0,131 m

Uwagi: profilowanie po obu stronach płyty składające się z układu listew płaskich i skośnej. Płyta przegrody międzynawowej z wystroju jednej z bazylik wczesnochrześcijańskich

Datowanie druga połowa V- VI wiek

24. Fragment gzymsu narożnikowego

Nr inw. P 395/02 CH (Ryc. 7e; 9/1)

Pomieszczenie: cysterna

Lokalizacja: cysterna, południowa część cysterny, z murku profilowego

Warstwa: IX

surowiec: wapień

Wymiary: długość – 0,453 m; szerokość – 0,425 m; wysokość – 0,143 m; płyta gzymsu wysokość – 0,07 m; skocja – wysokość - 0,073 m

25. Fragment gzymsu

Nr inw. P 422/02 CH (Ryc. 7f; 9/3)

Pomieszczenie: cysterna

Lokalizacja: cysterna, południowa część cysterny, z murku profilowego

Warstwa: IX

Surowiec: wapień

Wymiary: długość – 0,30 m; szerokość – 0,323 m; wysokość – 0,140 m; płyta gzymsu wysokość – 0,063 m; skocja – wysokość - 0,077 m

26. Fragment gzymsu

Nr inw. P 312/02 CH (Ryc. 7g; 9/2)

Pomieszczenie: cysterna

Lokalizacja: kwadrat B3, od S – 3,50 m; od E – 2,00 m; północno-wschodnia część cysterny

Warstwa: VIII, głębokość 9,20 m

Surowiec: wapień

Wymiary: długość – 0,53 m; szerokość – 0,303 m; wysokość – 0,131 m; płyta gzymsu wysokość – 0,062 m; skocja – wysokość - 0,071 m

Uwaga: odkryty gzyms składa się z pięciu części

27. Fragment gzymsu

Nr inw. P 394/02 CH (Ryc. 7d)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: południowa część cysterny, z murku profilowego
Warstwa: VIII
Surowiec: wapień
Wymiary: długość – 0,18 m; szerokość – 0,20 m; wysokość – 0,13 m; średnica wałki – 0,11 m

28. Blok archiwolty lub arkady

Nr inw. P 390/02 CH (Ryc. 7h; 9/4)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: południowo-wschodnia część cysterny
Warstwa: IX
Surowiec: wapień
Wymiary: długość – 0,51 m; szerokość – 0,118 m; wysokość – 0,193 m

29. Blok archiwolty (dwa fragmenty)

Nr inw. P 276/02 CH (Ryc. 7i-j)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: B4, południowo-wschodnia część cysterny
Warstwa: VIII
Surowiec: wapień
Wymiary: długość – 0,363 m, 0,340 m; szerokość – 0,275 m, 0,210 m; wysokość – 0,160 m, 0,170 m

30. Fragment bloku z inskrypcją i rytym krzyżem łacińskim

Nr inw. P 385/02 CH (H3XT № 93/37375) (Ryc. 4c-d)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: B3
Warstwa: XIII - XIV
Wymiary: długość – 0,14 m; szerokość – 0,194 m; wysokość – 0,17 m
Surowiec: wapień
Uwaga: inskrypcja grecka ..*IC X*
 ..*NI K*
 Jezus Chrystus Zwycięza

31. Fragment bloku z inskrypcją

Nr inw. P 154/02 CH (H3XT № 88/37375) (Ryc. 4e)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: kwadrat B4, południowo-wschodni narożnik cysterny

Warstwa: IX
Surowiec: marmur
Wymiary: długość – 0,108 m
 szerokość – 0,075 m
 wysokość – 0,04 m
Uwaga: inskrypcja grecka ..*ANIM.*

32. Fragment rozcieracza (?)

Nr inw. P 386/02 CH (Ryc. 8a-b; 10/4)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: wnętrze cysterny
Warstwa: wypełniskowa
Surowiec: wapień
Wymiary: długość – 0,22 m; średnica – 0,19 m; grubość – 0,07 m

33. Fragment podstawy kamiennej

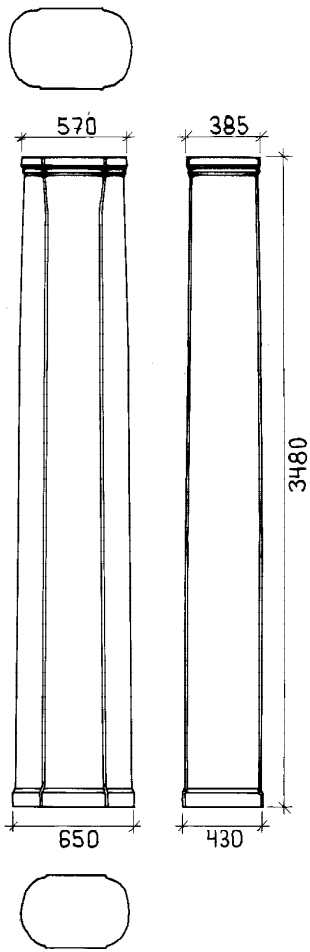
Nr inw. P 423/02 CH (Ryc. 8c)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: wnętrze cysterny
Warstwa: wypełniskowa
Surowiec: wapień
Wymiary: długość – 0,37 m; średnica – 0,31 m; wysokość – 0,30 m; grubość ścianki – 0,08 m; średnica otworu – 0,065 m

34. Niezidentyfikowany przedmiot kamienny

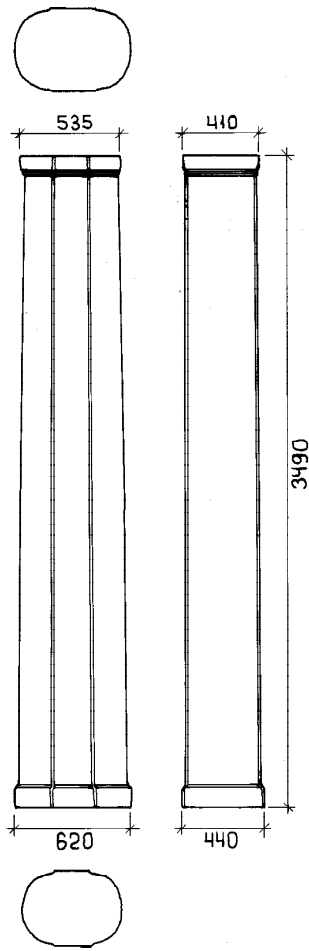
Nr inw. P 424/02 CH (Ryc. 8f)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: wnętrze cysterny
Warstwa: wypełniskowa
Surowiec: marmur
Wymiary: długość – 0,278 m; średnica – 0,115 m; grubość – 0,10 m; grubość podstawy – 0,035 m

35. Ciężarek kamienny rybacki do sieci

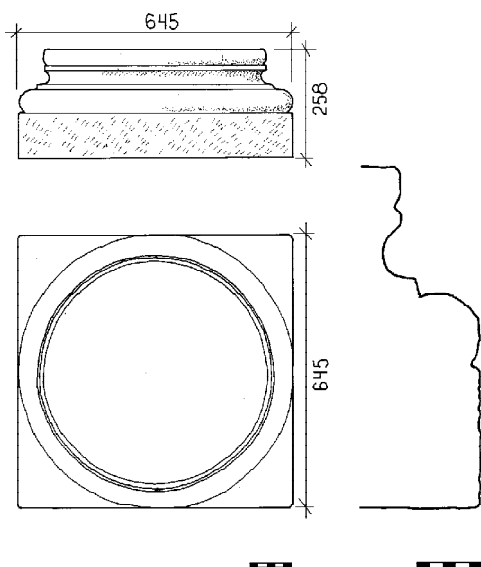
Nr inw. P 425/02 CH (Ryc. 8e)
Pomieszczenie: cysterna
Lokalizacja: wnętrze cysterny
Warstwa: wypełniskowa
Surowiec: wapień
Wymiary: długość – 0,114 m; grubość – 0,034 m; wysokość – 0,088 m

a

b

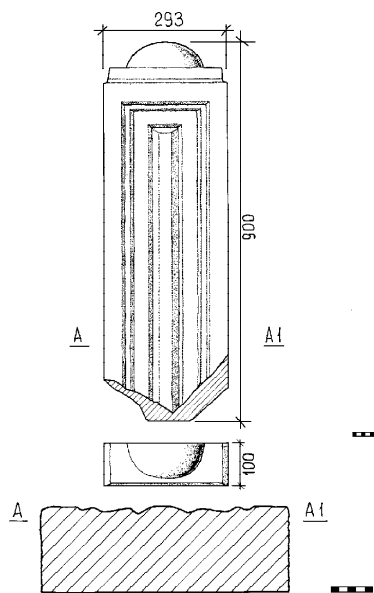

c

d

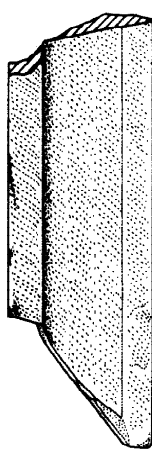
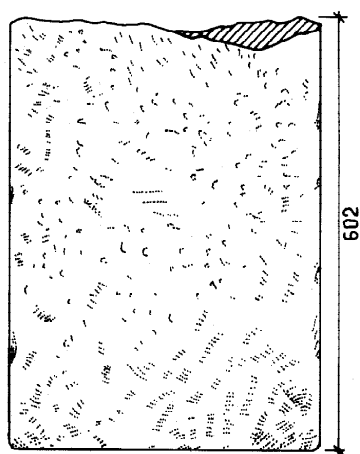
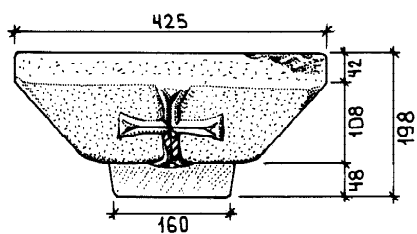
Rys. 1

a

b

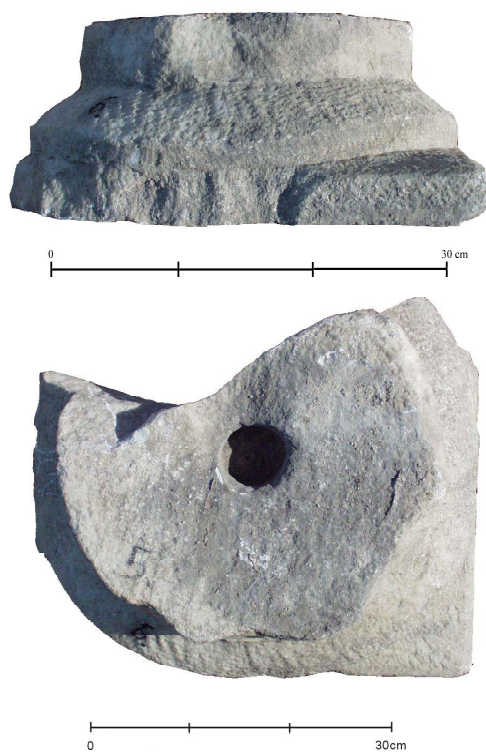
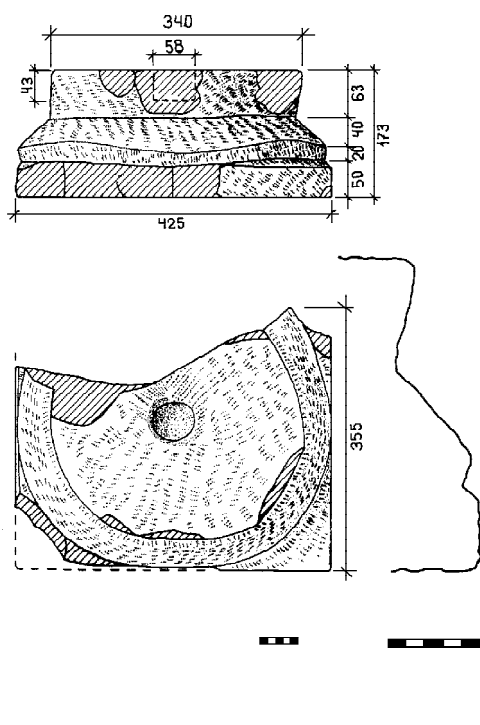
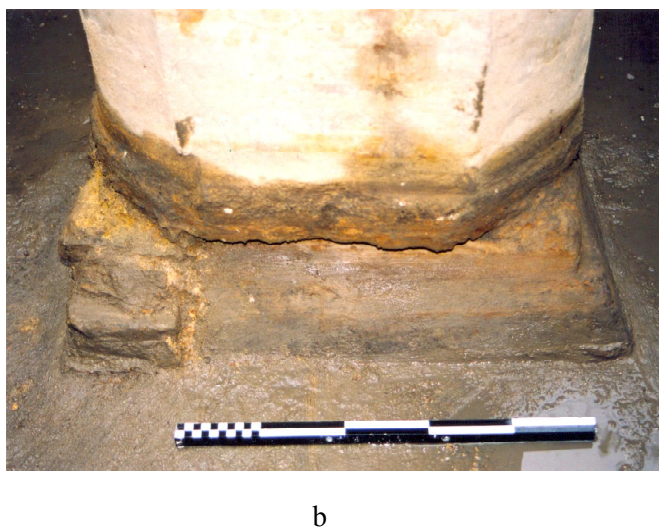
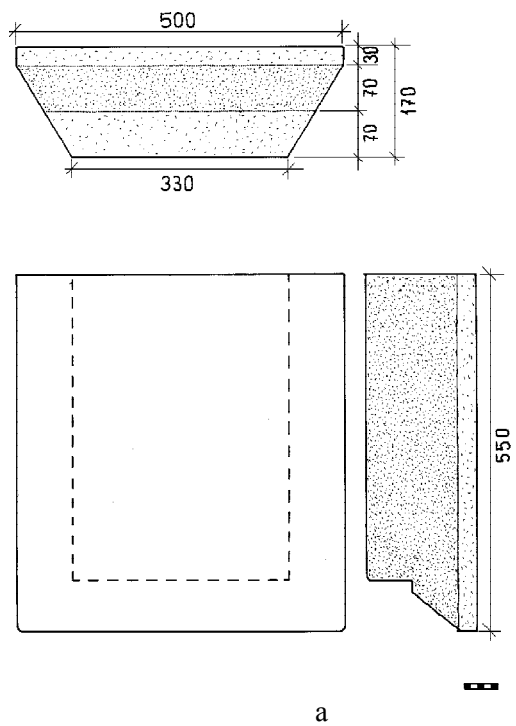
c

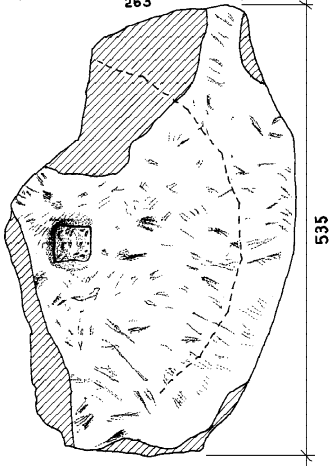
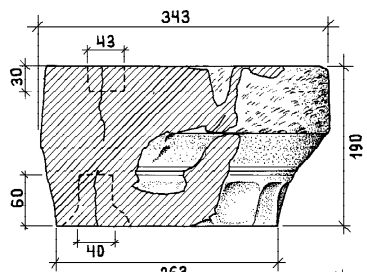
0 20 cm

d

Rys. 2

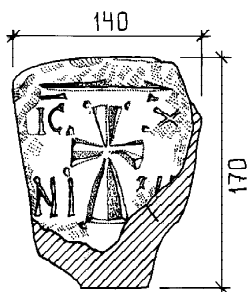
Rys. 3

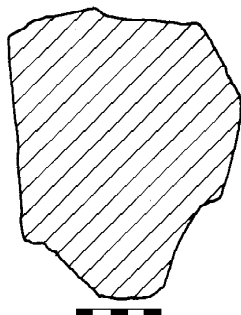
a

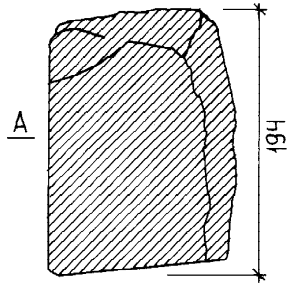
b

A

A1

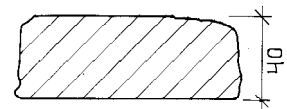
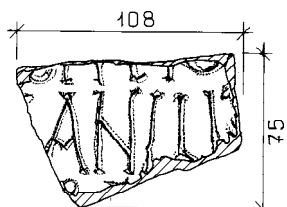
A

A1

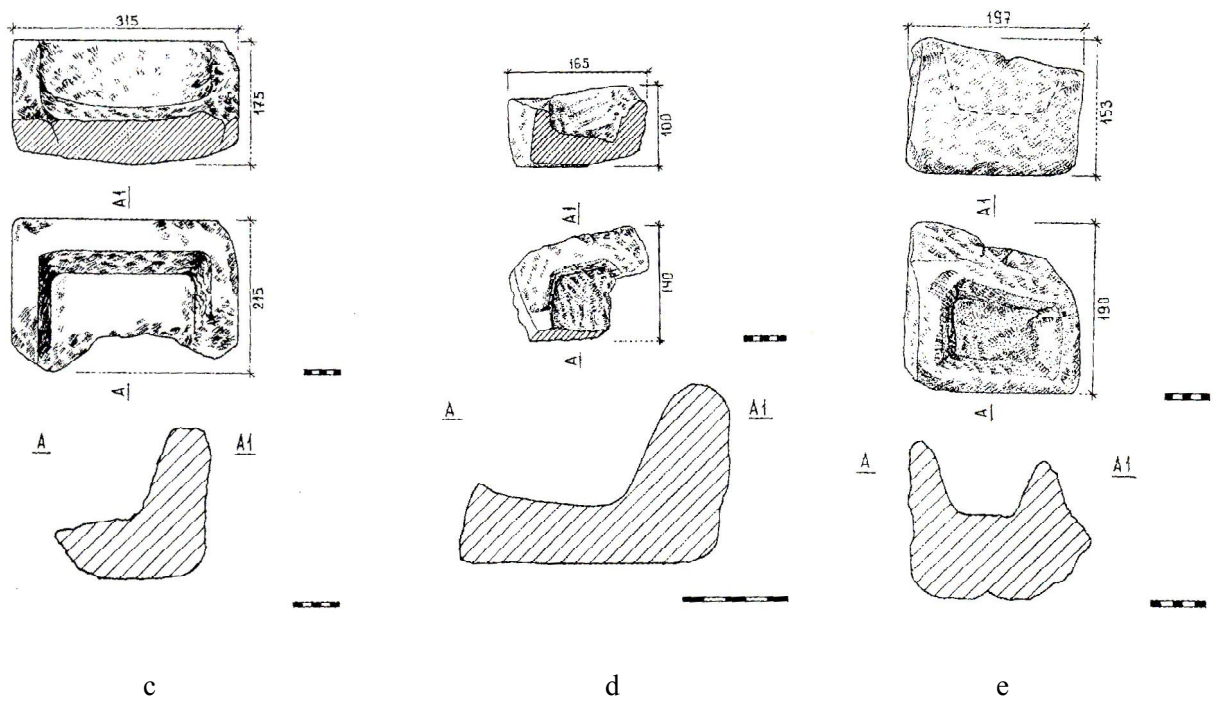
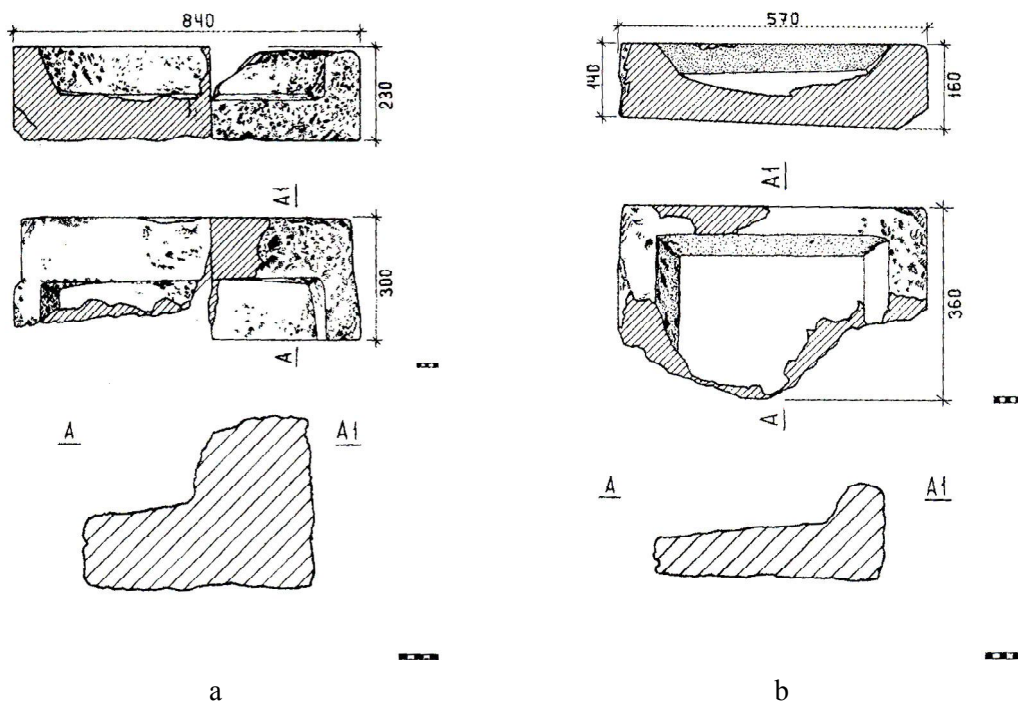
c

d

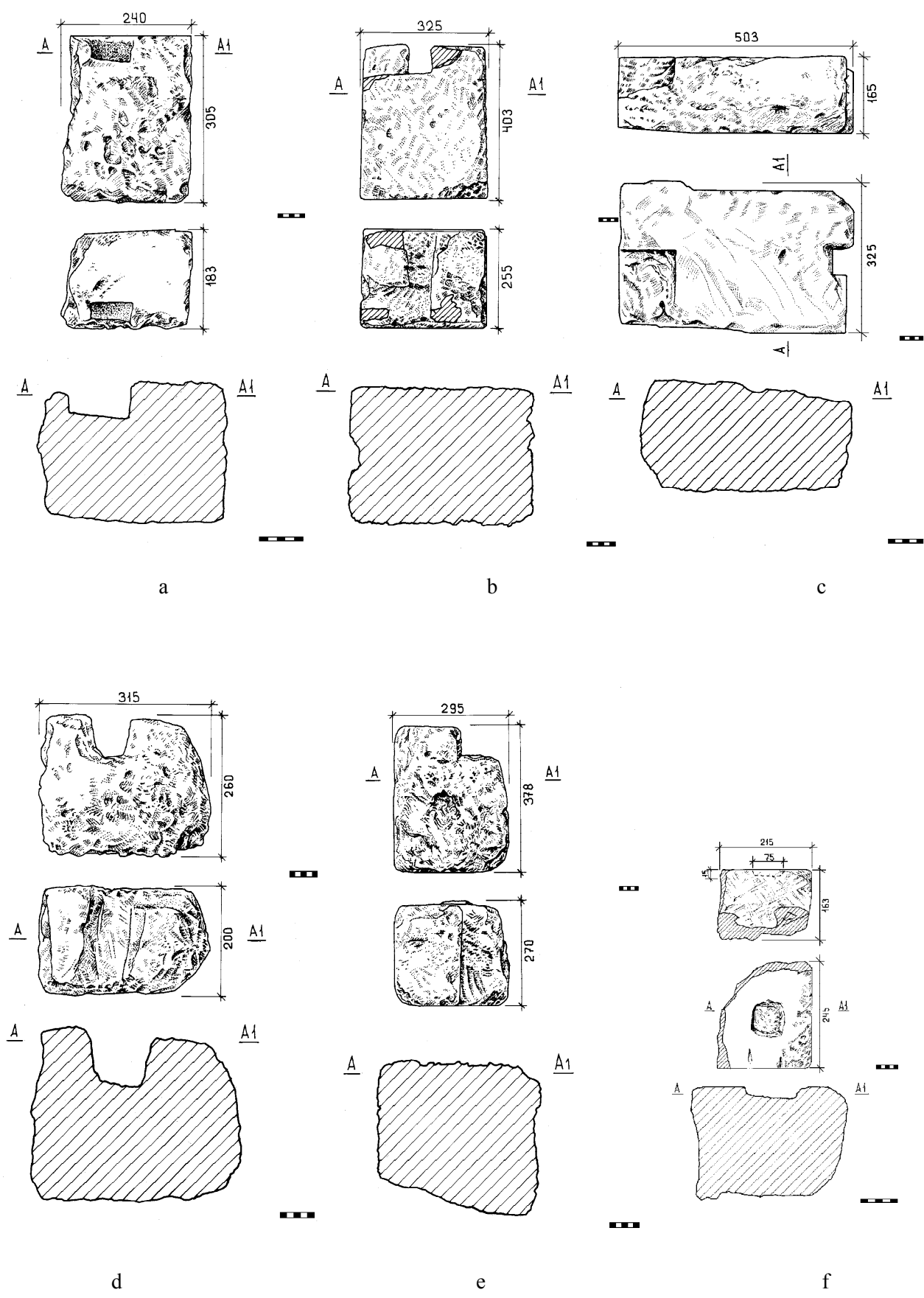

e

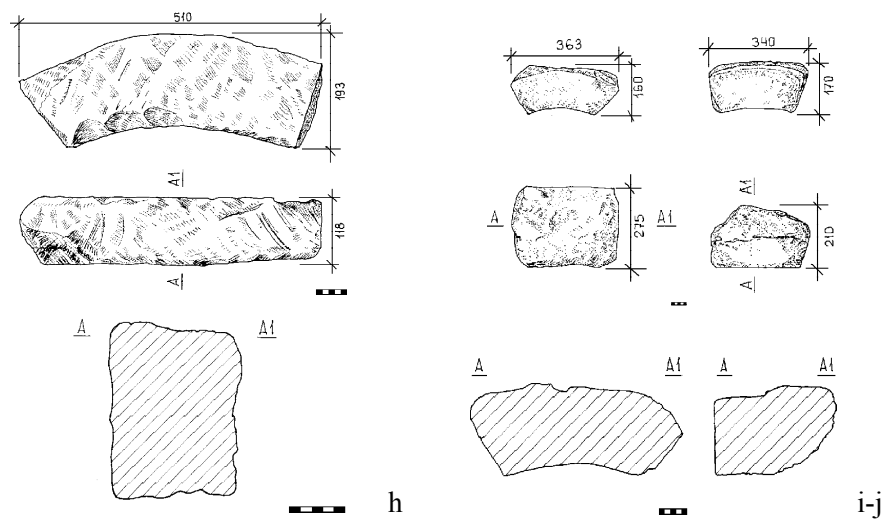
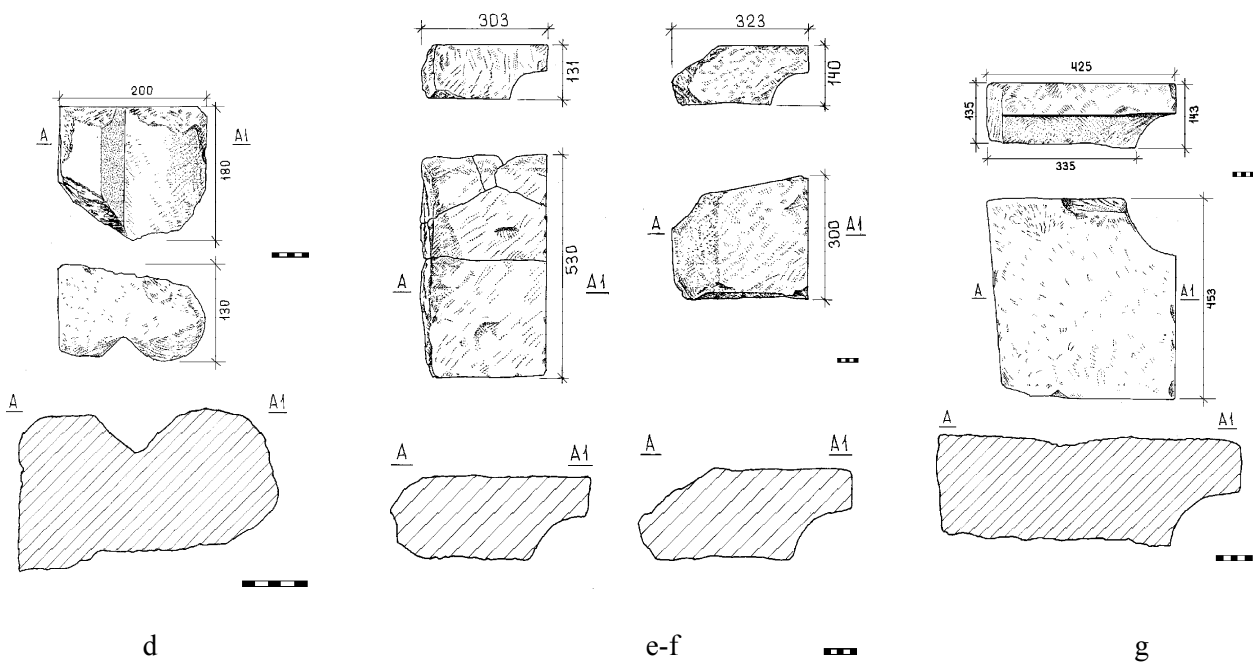
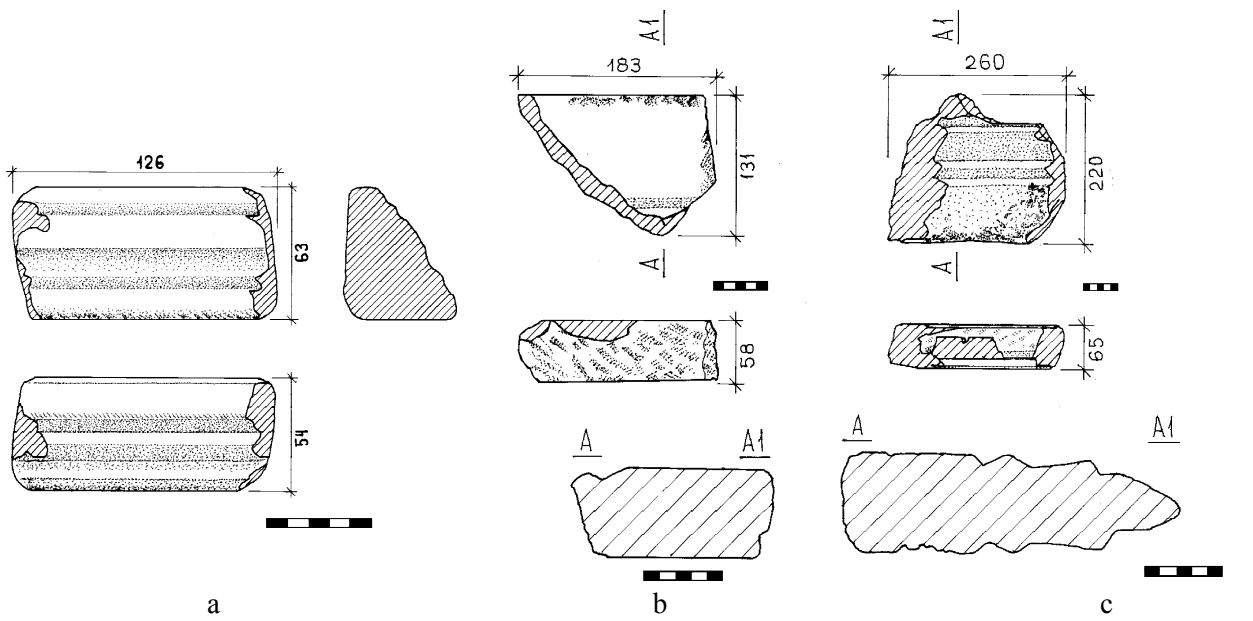
Rys. 4

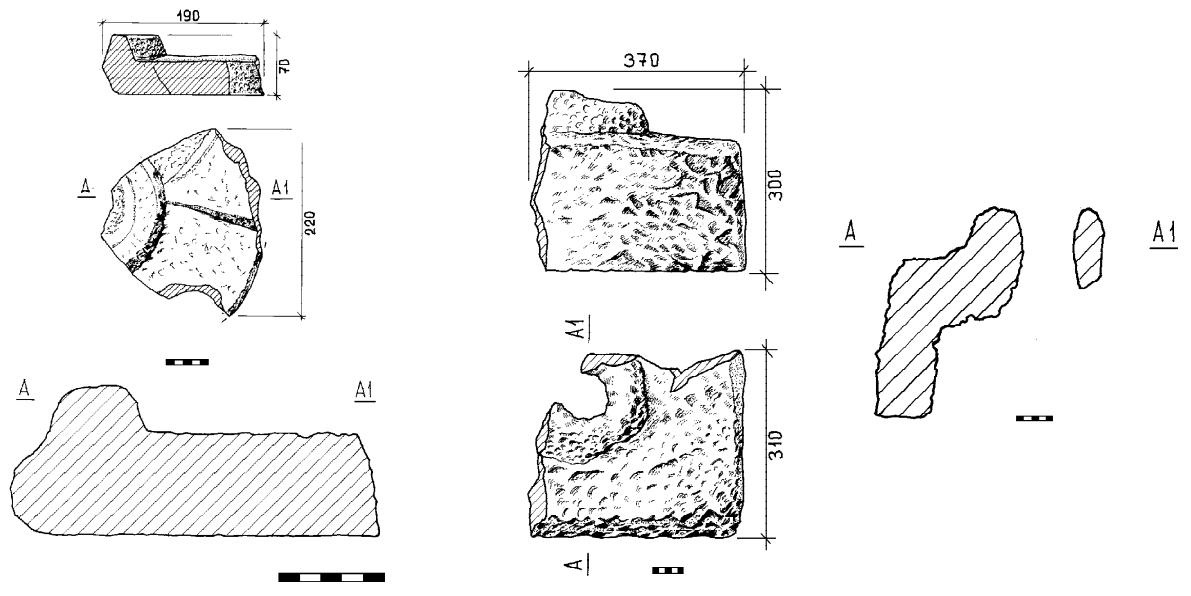
Rys. 5

Rys. 6

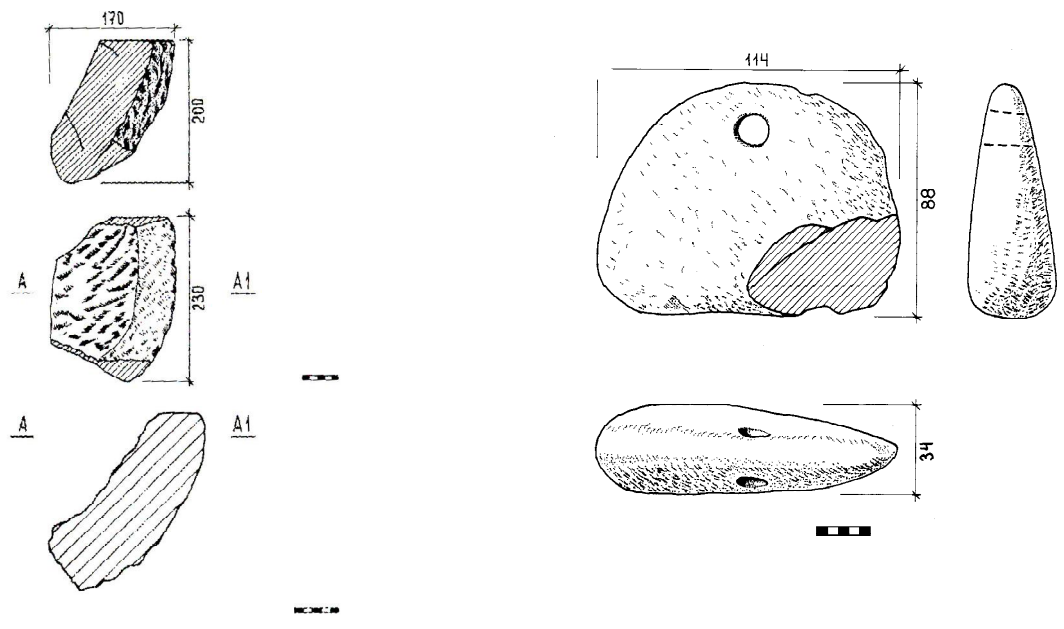

Rys. 7

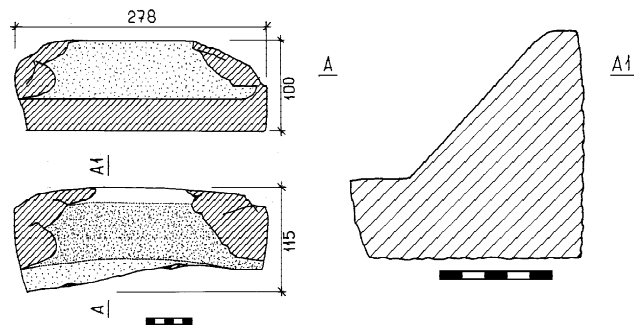
a

b

c

d

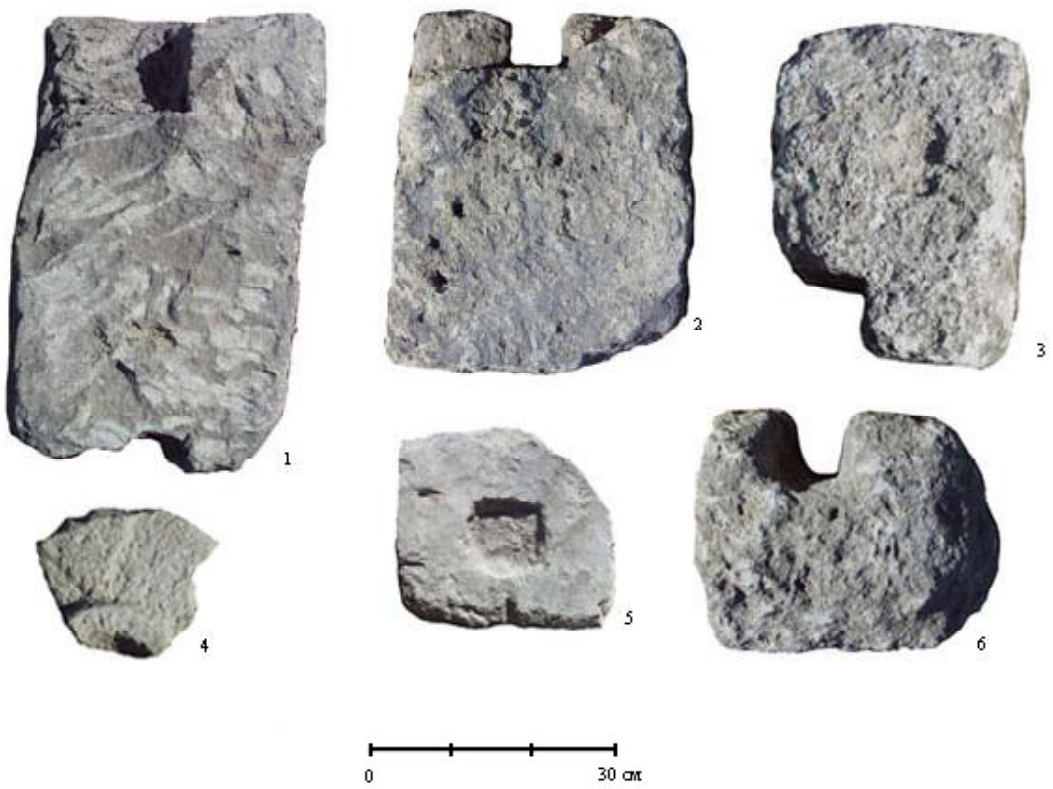

e

Rys. 8

Rys. 9

Rys. 10

ГЛАВА 4. ИКОНОГРАФИЯ ЦИСТЕРНЫ – ПРОБА ПРОЧТЕНИЯ

А. Бжустковска

Epigrafika Chersonezu Taurydzkiego wzbogaciła się o nowe odkrycie dokonane w roku 2002 w kwartale VII na ścianach cysterny. Po wydobyciu zasypiska ujawniły się tam kompleksy rysunków i napisów wykonane metodą graffiti. Wpisują się one do rejestru zabytków tego rodzaju sztuki znanych z Krymu, Grecji, Italii, Bałkanów, czy Rusi, jak też innych regionów świata.

Napisy i rysunki wyrte ostrym narzędziem zazwyczaj w kamieniu, kości, glinie, czy metalu, zwane graffiti, wykonywano już od starożytności. Sztuka ta miała charakter indywidualny, odzwierciedlała bowiem zdarzenia istotne dla konkretnych osób, nie odnosiła się natomiast do ważnych wydarzeń politycznych ani społecznych (Łajtar 1999: 369; Овчаров 1985: 536-538; Добрев, Попкостантинов 1985: 662-666). W przeciwieństwie do sztuki monumentalnej można by ją określić jako sztukę popularną, dostępną dla każdego odbiorcy i każdy zarazem mógł ją tworzyć. Na temat istoty rysunków-graffiti, ich techniki wykonania, zawartości ideowo-estetycznej i plastyczności trafnie wypowiedział się D. Овчаров. Podkreśla on najważniejszą cechę graffiti, która odróżnia je od innych zabytków sztuki ikonograficznej, a mianowicie tzw. "strukturę otwartą". W odróżnieniu bowiem od fresków czy ikon, które stanowią zamkniętą całość zarówno tematyczną (struktura zamknięta), jak też pod względem powierzchni, sztuka graffiti nie jest związana ze ściśle wyznaczonym miejscem ani tematyką, co pozwala na dodawanie nowych elementów pisemnych lub obrazowych do wcześniejszych, istniejących już kompozycji (Овчаров 1989: 378). Wprawdzie D. Овчаров spostrzeżenie swoje sformułował na podstawie średniowiecznych rysunków bułgarskich, ale teorię jego możemy odnieść także do innych podobnych zabytków, w tym - do ikonografii cysterny. Twórcy graffiti operowali często schematycznymi i lakonicznymi środkami wyrazu, co może dawać podstawy do postrzegania graffiti, jako kompozycji chaotycznych i przypadkowych. Jednak zgromadzenie w jednym miejscu pewnej grupy wyobrażeń i napisów przemawia za tym, że ich autorom towarzyszyła jakaś idea i koncepcja, która sprawiała, iż stawały się one - jak się uważa - świadectwem duchowości ludzi średniowiecza (Овчаров 1989: 388). Za takie właśnie świadectwo uznać wypada omawiany tu zbiór graffiti chersoneskich. Na ich wymowę wpływ miał niewątpliwie kontekst ściśle z nimi związany, czyli to szczególne miejsce, w którym zostały umieszczone. Okoliczności, uwięzienia ludzi w cysternie, wzbudziły w nich potrzebę uzewnętrznienia przeżyć i doświadczeń, a to zadecydowało o subiektywnym charakterze obrazów. Przedstawione w cysternie wątki tematyczne zaczerpnięte z życia codziennego zawierają także elementy sztuki sakralnej. W związku z tym warto przytoczyć spostrzeżenie Ch. Waltera poczynione na temat istoty

sztuki bizantyjskiej, iż jej wartości estetyczne były podporządkowane głównie kultowi religijnemu oraz przekazowi idei (Walter 1992: 18; Hunger 1965: 74-96; Awierincew 1991: 184-186). Pogląd ten w pełni daje się zastosować do jej niższej i skromniejszej odmiany, zwanej graffiti. Właśnie w tej sztuce, spontanicznej i nieprofesjonalnej, najlepiej czytelny zdaje się być zawarty w niej przekaz myśli i przekonań, bardziej też wyraźna jest jej funkcja informacyjna niż dekoracyjna. Wymienione tu treści z natury swej wybiegają poza obręb samej cysterny wskazując, jak się wydaje, szerszy kontekst etniczno-kulturowy. A zatem na tematykę i formę omawianego zespołu graffiti oddziaływać musiał także charakter samego miasta, zasiedlonego od wieków przez ludność heterogeniczną, ponadto - jego przygraniczne położenie oraz najbliższe sąsiedztwo. Procesy te i specyfika Chersonezu omówione przez A.I. Romančuk (1993: 58-64) miały wpływ na obraz życia religijnego mieszkańców Chersonezu, o czym pisał w X wieku Symeon Metafrastes. Stwierdził on w swym *Żywocie Apostoła Andrzeja*, że: "...mieszkańcy Chersonezu wykazują skłonności nie ku prawdziwej wierze lecz ku herezjom". Oznaczało to - jak zauważył S.B. Soročan -, że w chrystianizowanym od VII wieku Chersonezie religia chrześcijańska w jej wersji ortodoksyjnej nie zakorzeniła się na tamtejszym gruncie etnicznym, przywiązany jeszcze w IX w. do kultów pogańskich lub heterodoksyjnych odłamów chrześcijaństwa (Сорочан 2002: 128). Wspomniane tu zagadnienia mogły znaleźć swe odzwierciedlenie w rysunkach i napisach graffiti.

Kompozycje ikonograficzne zachowały się na trzech ścianach cysterny. Przemawiają one do nas bogactwem wyobrażeń figuralnych, a wkomponowane w nie napisy są dodatkowym elementem zbliżającym nas do ukrytej w nich tajemnicy. Najwięcej wyobrażeń odkryto na ścianie południowo-zachodniej. Ta grupa graffiti zawierająca rysunki jeźdźców, koni, psów, pawi, zwierząt łownych, czy statków rozciąga się na długości około 3 metrów oraz szerokości około 2 m. Wszystkie zwierzęta wyobrażone są w ruchu, i podobnie jak jeźdźcy, podążają w prawo. Skupienie w jednym miejscu takich elementów, z jakimi się tu spotykamy nie należało do rzadkości. Świadczą o tym przykłady graffiti z innych terenów pozostających pod wpływem kultury Bizancjum, np. z Pliski, Presławia, czy Murfatlaru, pochodzące z X-XI wieku, czyli z tego samego okresu, na jaki najprawdopodobniej przypada powstanie zabytków z cysterny.

W obrębie tego cyklu graffiti na szczególną uwagę zasługują różne modele statków i łodzi. Dwa z nich znajdują się na ścianie południowo-zachodniej, jeden po prawej stronie (tablica I), a drugi u dołu (tablica II). Schematyczność i znaczne uproszczenie, charakterystyczne dla wszystkich tego rodzaju zabytków utrudnia ich dokładną klasyfikację. Mimo to przyjmując

je za świadectwo epoki spróbujemy przeprowadzić ich przybliżoną identyfikację. Ogólne zarysy omawianych jednostek oraz najważniejsze szczegóły wyposażenia wskazują na to, iż są to statki żaglowo-wiosłowe, a znaczna ilość wiosł przemawia za ich wojskowym przeznaczeniem. Mieszkańcom Chersonezu Taurydzkiego znane były z autopsji różne środki transportu wodnego, a przede wszystkim: jednostki bizantyjskiej floty wojennej, rodzimej (chersoneskiej) floty handlowej, jak też łodzie. Przykłady pierwszej z wymienionych kategorii zdają się zawierać tablice I i II. Z analizowanymi tu rysunkami doskonale koresponduje fragment dzieła Konstantyna Porfirogenety, opisujący wyprawę Petronasa Kamaterosa w połowie IX w. przez Chersonesz w kierunku ujścia Donu. Autor informuje o dwóch rodzajach statków z różnym przeznaczeniem. Najpierw chodzi o statki wojenne zwane chelandionami (χελάνδια), które Kamateros pozostawił w Chersonesie, a następnie - o chersoneskie statki handlowe zwane karabosami (καράβια), na których kontynuował on wraz ze swą żoną, dalszą podróż (Constantine Porphyrogenitus 1967: 182-183; Романчук 1981: 320). Termin chelandion, szeroko stosowany przez Porfirogenetę, określa ogólnie wojenny statek bizantyjski; występujący niekiedy z terminem pamfyle, obok dromonu stanowił typową dla floty cesarskiej jednostkę wojenną (Toynbee 1973: 331-333; Christides 2001: 19, 28-29, 63-65). Mogą jej odpowiadać graffiti z tablic I i II, przy czym statek na tablicy II zaopatrzony jest w chorągiewki ze znakami, które mogą stanowić kod flagowy. Podobne wyposażenie okrętów wojennych przedstawiają miniatury rękopiśmienne ilustrujące tekst *Kynegetika* Pseudo-Oppiana, z XI w. (Christides 2001: ryc. 9). Zgodnie z przekazem Porfirogenety, do innych celów i na inne trasy przeznaczone były wspomniane już karabosy. Posiadały one większe zanurzenie (wyrażone w przymiotniku καματέρα), co decydowało zapewne o wykorzystaniu ich do żeglugi kabotażowej. Przykłady karabosów mogą zawierać tablice III i IV. W obu wypadkach chodzi o rodzaj lekkich łodzi lub statków poruszanych jednym rzędem wiosł, które towarzyszyły zwykle wielkim okrętom (dromonom) pełniąc przy nich rolę łodzi pomocniczych lub ratunkowych (Christides 2001: 22-23). Powyższym danym zdaje się odpowiadać jedna z miniatur (168, V) iluminująca fragment tekstu *Przeglądu dziejów* Jana Skylitza w rękopisie madryckim (zwanym zwykle Skylitzes Matritensis). Miniatura ta utrwala moment ucieczki Leona Kuropalatesa z synem Nikeforem z wygnania z wyspy Prote do Konstantynopola w roku 971 (Skylitzac 1973: 303). Kodeks ten uznany został za główny zabytek bizantyjskiego malarstwa książkowego, datowany przez jednych badaczy na wiek XIII/XIV (Skylitzac 1973, I. Thurn: XXIV), przez innych - na XII-XIII w. (Божков 1972; Ševčenko 1984: 117-130). Autor analizy wybranych miniatur z tego kodeksu, a wśród nich najbardziej nas interesującej (168, V) wprawdzie przyznaje, że trudno określić charakter przedstawionej tam łodzi, to jednak przyjmuje za możliwą identyfikację z monerą, czyli jednorzędowcem, służącym zapewne do żeglugi przybrzeżnej (Божков 1972: 107, 220).

Nie wiadomo, czy rysunki te tworzą kontekst z

towarzyszącymi im napisami. Poniżej pierwszego z nich (tablica I) znajdują się słowa składające się z następujących liter:

[.]MH
[...]K[.]OΛA
ΓE OΓHC O
MHXAΛ (foto 1)

Mogą one oznaczać imiona: NIKOΛAOC, ΓEOPΓIOC (?), MHXAHA, które będąc może "podpisami", nie wykazują jednak głębszego związku z rysunkiem, przy którym zostały umieszczone.

Równocześnie pomiędzy obu statkami od góry ku dołowi rozciąga się inny napis, około dziesięciowierszowy:

WEPMHAI[.]HHEC
MHCTA + [...]CΦP
CEP [...]AM A [...]
[.]MA
[.]MA
M[.]CO CΦP [...]IC
TOΓHAAMAGB
COYTHAAMAGB (foto 2).

Chociaż niektóre litery są czytelne, to jednak nie wystarcza, by z zapisu tego wydobyć jego sens. W drugim i trzecim wierszu oraz w dwóch końcowych (ostatni z nich zdaje się być poprawioną wersją przedostatniego), znajdują się jak się wydaje, znaki obce, alfabetowi greckiemu, bliższe natomiast cyrylicy (?). Przedmiotem badań może stać się ponadto skrót (?) na końcu drugiego wersetu, oraz to, czy sekwencja liter CΦP w wersecie trzecim od dołu jest tamtego powtórzeniem. Pozostawiając to zagadnienie nierozstrzygnięte powracamy do wątku żeglugi.

Poza treścią bezpośrednią i dosłowną ryty statków lub łodzi mają także wymowę pośrednią. Sprowadza się ona do wskazówki lub paradygmatu umożliwiającego poznanie ich głębszej, niewidocznej warstwy znaczeniowej. Okręt bowiem lub statek jako symbol podróży morskiej, jak podkreśla G.I. Šapovalov, wywarł ogromny wpływ na życie duchowe narodów, wielu epok historycznych i kultur. Może on zatem i tu nawiązywać do wierzeń, w których świat pozagrobowy oddzielony jest od świata realnego wodną przegrodą i zmarły pokonuje ją w czółnie. Szczególnym tego potwierdzeniem są pochówki kultury katakumbowej (Шаповалов 1997: 29-30, 32).

Na ten "graniczny" aspekt egzystencji człowieka w ogóle, a "uwięzionych" w cysternie w szczególności zdaje się wskazywać napis, znajdujący się w zespole ikonograficznym na ścianie północno-zachodniej. Wersja grecka wrytych słów:

[...]OCOΔHN]
TON ZONTA EIC THN]
TAΦOC TON ΦHΛON]
ΔOKIMACTHC KE TA]
EXΘPON H TEΛΨHC HC]
ΠATAΛHN KE XA [...]N]
ΠANTH ΦHΛO CY N] (foto 3)

może mieć następujące znaczenie:

[.....] *pieśń*
Tego który za życia w]

Grób przyjaciół]
Ty który doświadczasz także]
Nieprzyjaciół lub dostarczasz [?].]
Dóbr i la[ski].]
Każdemu przyjacielowi Twojemu]

Pod względem paleograficznym tekst ten (podobnie jak pozostałe) napisany jest majuskułą grecką (zwaną też uncją) charakterystyczną dla pisma epigraficznego od IX do XI w. Zaznaczyć jednak wypada, iż krój liter: *alfa* (Α) tzw. niesymetryczne (z ukośną poprzeczką łączącą koniec lewej łaski ze środkiem prawej), *epsilon* (Ε) i *sigma* (Σ) półokrągłe, *omikron* (Ο) owalne, romboidalne, lub ostrołukowe to cechy typowe dla epigrafiki zarówno pobliskiego Bosporu Kimeryjskiego (dzis. cieśnina Kercz) w różnych okresach rozwoju inskrypcyjnego pisma greckiego na tym terenie, jak też w obrębie Morza Egejskiego od VI wieku p.n.e. - IV w.n.e. (Намойлик 2004: 92-93). Pod względem językowym zaś spotykamy się tu z typowymi dla języka potocznego zmianami, szczególnie ortograficznymi. Przejawiają się one w tzw. błędzie "iotacyzmu" występującym w takich słowach, jak ΦΗΛΟΝ zamiast ΦΙΛΟΝ (w.3), ΠΑΝΤΗ zamiast ΠΑΝΤΙ (w.7), a ponadto - w monoftongizacji dyftongów widocznej w uproszczonej formie spójnika ΚΑΙ (ΚΕ), być może pisanej fonetycznie. Pamiętać też trzeba, że występujące w naszym materiale nieprawidłowości pisowni, obecne były już we wcześniejszym języku inskrypcyjnym, także graffiti, z okresu od V do VII wieku (Kiourtzian 2000: 20-23). Zjawiska te mogą świadczyć o pochodzeniu autorów napisów, oraz ich powiązaniu z jakimś zhellenizowanym etnosem. Podobne wyrażenia niepoprawne gramatycznie spotykamy np. w inskrypcjach pochodzących z wieku VIII-IX, pisanych w języku greckim przez Protobułgarów. Wracając do przytoczonej wyżej inskrypcji pragniemy zwrócić uwagę na jej treść i formę. Pierwsze słowo dające się w niej odczytać: ΟΔΗΝ (zamiast ΩΔΗΝ), czyli 'pieśń' przemawia za tym, że wykorzystano tu jakiś utwór wierszowany. Potwierdza to analiza metryczna zachowanego fragmentu, przeprowadzona przez greckiego epigrafika Georgiosa Velenisa. Badacz ten stwierdza, że cały tekst, z którego zachowała się tylko lewa część, napisany był dwunastozgłoskowcem i powstał w XI wieku*. Twórca tego zabytku graffiti posłużył się utworem, którego wymowa musiała odpowiadać charakterowi miejsca oraz losowi uwięzionych. Za pośrednictwem zawartej w tekście antytezy pojąć: ζῶντα - τάφος, czyli "żyjącego" - "grób", pragnął on - być może - ukazać istnienie swoje i towarzyszy niedoli w perspektywie eschatologicznej. Na temat nieznanego nam losu uwięzionych i jego przyczyn oraz niezwykłego przeznaczenia cysterny snuć można różne przypuszczenia. Pewne wydaje się tylko to, że wyrażenie τάφος napisane w cysternie przybliży nam jedynie odczucia uwięzionych.

Omawiany tekst nakreślony został w dolnej części tego zespołu graffiti tak, iż pierwsze jego słowa nakładają

*Pragnę w tym miejscu podziękować Panu Profesorowi Georgiosowi Velenisowi (Uniwersytet Arystotelesa w Salonikach) za sprostowanie i sugestie dotyczące możliwości odczytu niektórych napisów oraz ich chronologii.

się na rysunki przypominające łodzie. Powyżej zaś, po lewej stronie znajduje się wyobrażenie jakby kadłuba statku w przekroju pionowym (tablica III). Przez środek tego rysunku przebiega pionowa linia w górnej części zakończona krzyżem. Do motywu tego jeszcze powrócimy. Tymczasem zatrzymamy się nad napisami w przestrzeni pomiędzy domniemanym "kadłubem" a "łodziami". W górnej części widoczne są litery, które można odczytać jako [ΧΠΙ]CTOC, czyli *Chrystus* (?), lub - [Α]ΓΙOC - *Święty*. Poniżej wyraźnie czytelne jest słowo ΖΩΝΤΩΝ, czyli *żyjących*, pisane z uwzględnieniem omegi, w kroju kursywnym typowym dla uncjały wieku X odpowiadającym literze 'W' w alfabecie łacińskim. 'Omega' uncjalna przybierała tę formę, (jak też "kwadratową" lub zaokrągloną) już wcześniej, na wyspach cykladzkich (Gardthausen 1913: tab.3; Kiourtzian 2000: 21). Pod tym względem pisownię tę uznać należy za wyjątkową, gdyż w pozostałych dostępnych nam napisach omegę zastąpiono literą 'O'. Dalsze litery na tym samym poziomie - to [Τ(?).]ΦOC. Wyraz ten można zrekonstruować, jako znane nam już słowo ΤΑΦOC - *grób* lub ΤΡΟΦOC - *opiekun* (jeżeli pierwsza litera, to rzeczywiście - Τ), które łącząc się z poprzedzającym wyrazem ΖΩΝΤΩΝ, tworzy zwrot: *grób żyjących lub opiekun żyjących*. Nasuwa się tu porównanie ze znaną formułą ΙΧΘΥΣ ΖΩΝΤΩΝ, umieszczoną na płytach nagrobnych (Kobielus 2000: il. 94); może mamy tu do czynienia z jakąś jej modyfikacją (?).

Wreszcie jeszcze niżej, jakby pomiędzy elementami takielunku (?) wkomponowane są słowa: ΚΕ [ΒΟ]ΗΘΗ, czyli: *Panie przybądź z pomocą* (foto 4). Jest to przykład rozpowszechnionej w ikonografii chrześcijańskiej od późnego antyku inwokacji modlitewnej, inspirowanej zwrotami biblijnymi: np. z Psalmu 18: Κύριε βοήθῃ μου (*Panie wspomóżycielu mój*) lub - z Ewangelii (wg Mateusza 15, 25; Marka 9, 24): Κύριε βοήθει μου lub μοι (*Panie, wspomogaj mnie*). Należą one do wielu zwrotów inwokacyjnych kierowanych do Boga przez psalmistę, takich jak: *anasta kyrie, soston me* - powstań Panie, wyratuj mnie (Ps. 3), *katharison me* - oczyść mnie (Ps. 18), *didakson me, odegesson me, mnestheti, fylakson, rysai me*, czyli - poucz mnie, prowadź mnie, wspomnij, strzeż i ratuj mnie (Ps. 24); (Łajtar 1999: 405). Znana była także formuła Χριστέ βοήθει, którą wykorzystał np. strateg bizantyjski Bazyli Apokapes jako hasło do rozpoczęcia bitwy z Turkami pod Mantzikertem w roku 1048 (Skylitzae 1973: 463).

W krótkim analizowanym przez nas napisie widoczne jest zjawisko "iotacyzmu", polegające na zastąpieniu końcówki - EI literą - H w odmianie czasownika βοήθει, powtarzające się w napisach z cysterny, jak też często spotykane w innych inskrypcjach, nie tylko graffiti i nie tylko z Chersonesu.

Wracając do znajdującego się w powyższym kontekście rysunku, teoretycznie przyjąć możemy, że przedstawia on przekrój pionowy statku. Pogląd taki nasuwa się nam przez porównanie z rekonstrukcją starożytnego okrętu bojowego (pentery, lub triery, czyli pięcio- lub trójrzędowca - Hellenische Poleis 1974: tab. 36). Nie jest to jednak jedyna propozycja interpretacji, nie można bowiem zaprzeczyć, że wyglądem swym

domniemany kadłub statku przypomina dwuząb lub trójząb. Te z kolei, jak się przypuszcza, mogą stanowić stylizację kotwicy, symbolu żeglugi (Шаповалов 1997: 123-124). Tematyka żeglowania charakterystyczna dla ludności krain nadmorskich, bliska zatem także mieszkańcom Chersonesu, przewija się przez wszystkie grupy ikonograficzne cysterny. Jeśli w omawianym przypadku rzeczywiście mamy do czynienia z kotwicą lub trójzębem (zwieńczonym krzyżem ?), to w Chersonesie nie byłby to zabytek odosobniony. Badania archeologiczne dowiodły, że symbolem tym w wiekach VIII-XII zdobiono elementy architektoniczne świątyni chrześcijańskich, znaczone ceramikę, wreszcie kotwicę umieszczano na monetach Chersonesu bizantyjskiego w wiekach X-XII (Шаповалов 1997: 123). Ponadto krzyżo-kotwice noszone także przez chrześcijan od VIII-X w. posiadały, podobnie jak amulety, funkcję apotropaiczną, czyli chroniącą przed złem (Шаповалов 1997: 128). Takie samo znaczenie mógł mieć analizowany rysunek, wraz z towarzyszącymi mu napisami dla twórcy (lub twórców) graffiti chersoneskiej cysterny, jak też innych, których napisy, w słowach ζώντων oraz φήλων zdają się tu przywoływać. Nie można przy tej okazji nie wspomnieć o dwuzębach i trójzębach, wyrytych metodą graffiti na pieczęciach oraz wytłoczonych na monetach władców Rusi Kijowskiej od X-XI wieku (Шаповалов 1997: 125-126; Duczko 2000: 487-490). Do symbolu tego powrócimy jeszcze pod koniec opracowania.

Dwie łodzie znajdujące się poniżej (tablica III oraz pochodzący z innego miejsca statek jednomasztowy - foto 5) należą do tej samej serii tematycznej. Wśród kilku szczegółów nakreślonych cienką kreską dopatrzeć się można znaków krzyża, jakie tworzą maszty wraz z rozpiętymi na nich rejami. W sztuce bowiem, podobnie jak w literaturze chrześcijańskiej często posługiwano się tego rodzaju środkami wyrazu dla podkreślenia wymowy przedstawianego obrazu lub tekstu. Problematykę tą chętnie wykorzystywali w swych dziełach Ojcowie Kościoła, spośród których najlepszym przykładem są słowa św. Hieronima :”Krzyż jako reja niech będzie umocowany na przodzie” [domyślne: statku] (Jundziłł 1977: 28-41; 1990: 827).

Jakby ten właśnie zamysł wspomnianego autora znalazł stosowną ilustrację w innym zespole graffiti - na ścianie północno-wschodniej, u dołu jej prawej strony (tablica IV). Wyrity tam rysunek w odróżnieniu od innych posiada niewątpliwie symboliczne znaczenie. Jego twórca pospieszenie naszkicował wiosła, dwa maszty i może żagiel, natomiast krzyż wyraźnie pogrubiony, który wraz z reją tworzy jeden z masztów, jest jedynym elementem tego rysunku wyraźnym i nie budzącym wątpliwości, z tą jedynie różnicą, że umieszczony tu został nie na dziobie lecz na rufie. Bezpośrednio nad nim widnieje napis poprzedzony znakiem krzyża greckiego:

+KYPHE ΘΥCO [?]

PYOCA [I]

A[. O]ΔE

TAXHO [.]

ANA ... (foto 6)

Ta z kolei inwokacja stanowi może swobodną adaptację początku Psalmu 7 oraz Psalmu 30 (werset 16).

W pierwszym wierszu analizowanego napisu dopatrujemy się nieprawidłowości w słowie KYPIE polegającej na zastąpieniu I literą H. Z taką pisownią tego słowa spotykamy się w innych inskrypcjach (Frolow 1956: 104). Kolejne litery uważamy za skrót, który rozwiązujemy jako ΘEOY YIE, na końcu wiersza - prawdopodobny zarys liter: C i O rozszyfrowujemy jako COCON lub COTHP. Werset ten może oznaczać : *Panie Synu Boga wybaw, (lub: Zbawco)*; w następnym - wyraźnie wyrte litery mogą być nieprawidłową formą czasownika, zamiast właściwej formy (PYCAI), czyli: *ratuj*, dalej - może: ΑΠΟ ΔΕ[OKONTON](?) - *od ścigających (?)*; w następnym wierszu - sekwencja liter [T]AXHO[C], wreszcie na końcu - być może imię piszącego tę inwokację.

Teksty takie wykorzystywano jako modlitwę w różnych sytuacjach krytycznych, także na morzu. Znaną jest jedno z wielu graffiti podobnej treści wyrte na kamiennym zboczu przylądka wyspy Syros na Morzu Egejskim. W tym miejscu treść jej uznano za wyjątkową, gdyż żadna z pozostałych inwokacji znalezionych na tej wyspie, nie wiązała się w swej wymowie, z odczuciem grożącego niebezpieczeństwa (Kiourtzian 2000: 141, 160-161, inskrypcja 90, tabl. XXIX).

Ponad omówioną wyżej kompozycją widnieje jednorzędowiec ze sternikiem (tablica V). Przyglądając się tej części rysunku przyjąć możemy z dużym prawdopodobieństwem, że bezpośrednio przy maszcie przedstawiono jeszcze jedną osobę z załogi (pomocnika ?) (foto 7). Sam sternik siedzący na nadbudówce rufowej, trzyma linę nawiniętą na koło (?), niezbędną do pracy przy dwu sterach, o czym pisze J. Jundziłł powołując się na odpowiednie fragmenty listu św. Hieronima (1977: 30). Może taką właśnie sytuację przedstawiono w cysternie, kreśląc trzy wiosła na rufie, z których dwoma operuje domniemany sternik, trzecie wiosło natomiast, wyraźnie przypisane jest owej drugiej postaci. Na dziobie zaznaczono stanowisko dla kapitana, nawigatora, lub wyznaczonego do tych funkcji doświadczonego marynarza. Statek ten przypomina inny, zachowany u dołu ściany południowo-zachodniej (por. tablica II). Podobnie jak tamten - wyposażony jest on w rząd wioseł i jakby “kod flagowy” w postaci kresiek, krzyży i kwadratów umieszczonych na chorągiewkach wskazujących kierunek wiatru, tym samym kierunek podróży. Rozmiary tych jednostek, szczegóły takielunku oraz urządzeń pokładowych przemawiają za ich przeznaczeniem transportowym.

Nasze szczególne zainteresowanie wzbudza ponadto jeszcze jeden typ - łodzi bezmasztowej z zagiętymi ku górze końcami, (może czołno lub łódź rybacka), poruszanej, jak się wydaje, poprzez odpychanie się od dna lub brzegu. Dwa takie rysunki uwidocznione zostały na ścianie północno-zachodniej, jeden w pełni zachowany (foto 8), drugi natomiast - fragmentarycznie (foto 9); w tym ostatnim przypadku łódź stanowi jedynie element uzupełniający dla głównego obiektu, którym jest czapla lub kormoran. Podobny ryt łodzi zachował się na ścianie bazyliki w pobliżu nekropoli w Besarabii w Dobrudży (Oвчаров 1982: 151, tabl. CV-5; Gajewska 2003: 191, ryc.4a). Także jeden ze statków wyrtych na skale wapiennej w Plisce (Oвсаров 1982: 142, tabl. LXVI -1) wyglądem swym

przypomina obie łodzie z cysterny. Czy można je odnieść do zabytków omawianych przez G.I. Šapovalova i umieścić je w kręgu “łodzi Słońca”, jak też przypisać im znaczenie apotropaiczne (Шаповалов 1997: 43, 50-51)? Możliwe że nasze zabytki mają coś wspólnego z kultową łodzią Słońca, lub łódką Charona, charakterystycznymi dla kultu grzebalnego, zdobięcymi ściany krypt i grobowców starożytnych, także na wybrzeżu Morza Czarnego. Nawiązując do tego, co dalej stwierdził wspomniany badacz, sądzić możemy, że niezależnie od typu, statki z cysterny mogą także zawierać treści symboliczne (Шаповалов 1997: 57-58). Nasuwa się jednak jeszcze inne porównanie. Łodzie te mają cechy charakterystyczne dla łodzi skandynawskich (czyli w tym wypadku - wareskich), których wyobrażenia przypadające na wiek IX-XI, wyrzyte metodą graffiti odkryto w Starej Ładodze i Pskowie (Сорокин 1999: 102; 1/6). Byłyby to więc równocześnie jeden z ruskich śladów w cysternie.

Graffiti tekstowe znajdujemy w cysternie w kilku miejscach. Jeden z takich zabytków umieszczono w lewym górnym rogu ściany północno-zachodniej (tablica VI). Forma graficzna zachowanego w cysternie napisu (tablica VI/1) jest następująca:

KYPYEBO
 ΗΘΗ [ΔΟΥΛΟ]
 CY+
 NHKΟΛΑ [O] (foto 10)

co oznacza: *Panie przybądź z pomocą słudze Twemu Mikołajowi.*

Także tu widoczne są odstępstwa ortograficzne, i tak w pierwszym słowie druga litera Y zastępuje I; w wierszu 2 - forma ΒΟΗΘΗ (zamiast βοήθει), w obu wypadkach to wspomniany już błąd iotacyzmu; ciąg dalszy jest zniszczony, lecz domyślamy się tam słowa δοῦλος w datiwie; w w. 3 zastosowano skrót dla ‘o’ (σου), niezaznaczony; w imieniu NHKΟΛΑ brakująca litera O (w tym miejscu zamiast Ω), prawdopodobnie rezultat abrewiacji; poza tym pisownia tego imienia w takiej właśnie formie (zamiast ΝΙΚΟΛΑΟΣ), charakteryzująca cysternę, była często spotykana także z ligaturą dla trzech pierwszych liter: NHK (Kiourtzian 2000: 158). Uważa się, iż zastosowana tu prawidłowa konstrukcja gramatyczna czasownika βοηθεῖν w dativem, od połowy IX w. (a nawet wcześniej) w różnego rodzaju inwokacjach stawała się coraz rzadsza, ustępując miejsca konstrukcji z genetivem (Kiourtzian 2000: 149). W piśmie zauważalny jest trójkątny krój liter: ‘rho’ i ‘beta’, oraz ostrołukowy i romboidalny ‘omikron’, potwierdzone także w Nympheionie nad Bosporem Kimeryjskim w wieku III po Chr. (Намоѣлик 2004: 93). Niezależnie od form gramatycznych, graficznych i ortograficznych, słowa tej aklamacji umieszczano na różnych obiektach i przedmiotach oraz w różnych sytuacjach. Niezwykle popularna była ona na pieczęciach bizantyjskich. Wersetem tym posługiwali się także pielgrzymi, którzy pozostawiali je w miejscach kultu, na ścianach kościołów, klasztorów lub na skałach. Analogię stanowić może płyta kamienna z wyrzytym na niej krzyżem i napisem, przechowywana w Chersoneskim Muzeum Klasztornym, odkryta w murze klasztornym pod koniec XIX w., wykorzystana tam zapewne wtórnie, jako materiał budowlany (Латышев 1908: 32). Poza tym inwokacje

inspirowane psalmami stosowano także jako napisy nagrobne. Dowodem na to jest zabytek, pochodzący z wieku V-VI, odkryty w komorze grobowej w Callatis (dzis. Mangalia) (Barnea 1995-1996: 183-186).

Omawiany napis z cysterny umieszczono przy prawej ręce postaci człowieka. Przy lewej jego ręce natomiast znajduje się krzyż monogramatyczny z formułą chrystologiczną IHCOYC XPICTOC NIKA (*Jezus Chrystus zwycięża*) w postaci skróconej do sigli: IC XC powyżej poprzeczki, oraz NHKA bez skrótów - poniżej (tablica VI/3). Trudno stwierdzić przy tym stanie zachowania graffiti, czy abrewiacje są w jakiś sposób zaznaczone, czy też nie. W drugiej części napisu zdaje się być widoczna pisownia słowa NIKA z tzw. błędem iotacyzmu, czyli z ‘eta’ zamiast ‘ioty’, spotykanym także w innych zabytkach (np. w rękopisie homilii Grzegorza z Nazjanzu, iluminowanym w latach 860-880 - Frolow 1956: 107). Przykładem tego może być także pisownia słowa κομμερκηάριος na pieczęciach, czy imienia Κυρήλος. Dostrzegalna jest również ligatura NH. Zapis tej formuły umieszczony w ramionach krzyża przyjął się w epigrafice od VII wieku. W cysternie (warstwa XIII-XIV) natrafiono na analogiczny zabytek, w postaci inskrypcji wykonanej na bloku wapiennym przez profesjonalnego kamieniarza. Potwierdza ona wykorzystywanie tej formuły w miejscach publicznych, w tym wypadku najprawdopodobniej na obiekcie sakralnym lub w jego wnętrzu. W takim właśnie miejscu znajdował się zapewne inny podobny zabytek opisany przez V.V. Latyševa, zawierający słowa omawianej aklamacji w zmienionym szyku: NI KA X C, umieszczone poniżej ramion krzyża (Латышев 1896: 30). Słowa te wytłaczano także na każdym chlebie eucharystycznym używanym od VII w. w liturgii greckiej (Łajtar 1999: 404; Forstner 1990: 337). Później zauważa się prawdziwą ekspansję tego ideogramu od początku VIII, a szczególnie w IX w. Pojawiał się on na monetach bizantyjskich, od Leona III (717-741) do Jana Tzimiskesa (969-976), obok rysunku krzyża (Kiersnowski 1988: 329). W analizowanej przez nas kompozycji, przestrzeń między aklamacją a krzyżem zajmuje postać człowieka, stanowiąca jakby centrum tej sceny (tablica VI/2). Dobrze widoczna głowa w nimbie (foto 11), rozpostarte ramiona oraz skrzyżowane nogi zdają się wskazywać na Ukrzyżowanie. Te trzy elementy (postać oraz napisy) tworzą integralną całość. Analogiczną kompozycję graffiti (trochę inaczej skomponowaną) znaleziono w Plisce na murach twierdzy. Podobnie jak sądzi D. Ovčarov odnosząc się do zabytku bułgarskiego datowanego na wiek X, także tutaj postać w nimbie bliska jest wizerunkowi oranta, jakiegoś świętego lub Chrystusa ukrzyżowanego (Овчаров 1982: 82-83, 148, tabl. XCIV-1). Schematyczne odwzorowanie człowieka na omawianym rysunku przypomina stylizację sylwetek znanych z ceramiki chazarskiej (Флѣрова 1997: 126, tabl. XII). Podobieństwo to może się okazać tylko pozorne, ale przenikanie kultury chazarskiej do strefy wpływów cywilizacji bizantyjskiej na terenach nadczarnomorskich nie budzi wątpliwości. Potwierdzają to badania archeologiczne w rejonie Krymu i Tamani. Znana badaczka tych terenów V.E. Florova zauważyła ponadto, że zbieżność motywów powstałych niezależnie od siebie na Kaukazie północnym, na obszarze Chazarii,

w sztuce pierwszego państwa bułgarskiego oraz u plemion altajskich może być pozostałością jakiejś wspólnoty kulturowej lub zapożyczeń utwalonych w dorobku wspomnianych etnosów (Флѣрова 1997: 13, 16). Podobne zjawisko mogło dotyczyć także zróżnicowanej stylistycznie i tematycznie ikonografii chersonizeckiej cysterny. Źródło owej niejednorodności kryło się zapewne w podwójnej tożsamości twórców graffiti, gdyż mogli nimi być zasymilowani z Grekami cudzoziemcy, którzy zamieszkiwali Chersonizę. Wpływy chazarskie natomiast w bizantyjskim Chersonizie, uzasadnione były bliskim sąsiedztwem Chazarów (czy też raczej zróżnicowanej etnicznie ludności kaganatu chazarskiego), ich chrystianizacją przez misjonarzy bizantyjskich, bizantyjsko-chazarskimi kontaktami handlowymi, przede wszystkim jednak warunkami politycznymi, jakie zapanowały w Taurydzie w wiekach VII-IX, kiedy to tereny góryste i nadmorskie stały się przedmiotem walki o wpływy między Bizancjum a Kaganatem Chazarskim. Na przełomie IX i X wieku sytuacja jeszcze bardziej się skomplikowała po pojawieniu się Węgrów, Pieczyngów i Rusów na północ od Morza Czarnego z jednej strony, oraz po wprowadzeniu przez Bizancjum organizacji kościelnej - z drugiej (Науменко 2003: 124).

Wracając do rysunków antropomorficznych cysterny zauważamy odmienną wizerunku człowieka zachowanego w lewym górnym rogu ściany południowo-zachodniej (tablica VII). Charakteryzuje się on mniejszą schematycznością, wynikającą, być może, ze związku z inną tematyką i - ręką innego rysownika. Widoczna jest tam postać człowieka z rozpostartymi ramionami, obok niego zaś - czworonożne zwierzę, najprawdopodobniej z odwróconą ku tyłowi głową (uległa zniszczeniu), pokazane w ruchu podczas ucieczki lub upadku. Człowiek ów trzymający w swej prawej ręce coś, co przypomina rybę, w lewej zaś wędkę (?), z którą identyfikujemy długą poziomą linię, może być rybakiem (?). Jednak jego nakrycie głowy, widoczna osłona tułowia, a na nogach - buty, to wyraźne atrybuty szamana (Овчаров 1982, 70-71).

Wśród wyobrażeń antropomorficznych ważne miejsce zajmują jeźdźcy (tablica VIII). W tej grupie rysunków również nie znajdujemy cech jednorodności. Niektóre z nich, mimo iż są tylko naszkicowane, to jednak - z widocznym znawstwem zarówno tematu, jak i formy, inne natomiast wykonane jakby niewprawną ręką. Różnorodność wiąże się także z różnymi tradycjami kulturowymi, odzwierciedlonymi w ikonografii cysterny; we wszystkich zachowanych seriach graffiti przeplatają się bowiem wpływy sięgającej z głąb półwyspu krymskiego kultury stepowej z nadmorską. Motyw jeźdźcy, jak świadczy zgromadzony przez nas materiał, w obu tradycjach stał się ważnym środkiem wyrazu. Dwa spośród czterech wizerunków jeźdźców wyrytych na ścianie południowo-zachodniej zdają się nawiązywać do tematyki stepowej (tablica VIII/1-2). Kontekst kilku koni w którym znajdujemy pierwszą z omawianych postaci, to po prostu realia życia koczowniczych (tablica IX), w drugim zaś - może scena polowania (?) (por. tablica XV). Jest też możliwe, że podobnie jak w kulturze Protobułgarów, jeździec związany był ze starożytnym kultem konia, którego uważano za ucieleśnienie ducha (Овчаров 1982:

62-63; Forstner 1990: 275). Inaczej natomiast przedstawiają się trzy pozostałe sylwetki jeźdźców (tablica VIII/3-5). Zwłaszcza ostatni z nich, w pozycji zwycięskiej, umiejscowiony przy łodzi wyciągniętej na brzeg (?) oraz na tle symbolicznej Golgoty (tablica VIII/5) staje się symbolem chrześcijańskim. Te właśnie elementy morskie i chrześcijańskie wiążą omawiany przykład z kulturą osadnictwa stałego. Poza tym jeździec uzbrojony, a koń wsparty na tylnych nogach może mieć jakiś związek z wizerunkami tzw. świętych wojowników, czczonych w Bizancjum. Istnienie ich kultu w Chersonizie wydaje się tym bardziej uzasadnione przygranicznym położeniem miasta, w którym obrona wojskowa odgrywała szczególną rolę. Takie same cechy posiada inny jeździec, ze ściany północno-zachodniej (postać człowieka jest tu słabo widoczna), który znajduje się w niedalekim sąsiedztwie omówionej wcześniej kompozycji z krzyżem monogramatycznym (tablica VIII/3). Według badaczy symboliki chrześcijańskiej znaczenie jeźdźcy (lub konia) w takim kontekście nie może budzić wątpliwości (Forstner 1990). Podobne zespoły ikonograficzne znane są z innych okolic basenu Morza Czarnego. Na uwagę zasługują dwa zabytki graffiti odkryte i datowane przez archeologów rumuńskich na wiek X-XI, jeden - na bloku kamiennym w miejscowości Aliman, drugi - na ścianach grobowca hellenistycznego w Mangalii. W pierwszym przypadku znajdującemu się wśród rytów naskalnych rysunkowi jeźdźcy, przez wzgląd na towarzyszące mu krzyże, badacze skłonni są mu przypisać znaczenie religijne; w drugim natomiast dopuszczają możliwość łączenia widniejących na ścianach grobowca wyobrażeń jeźdźców ze św. Teodorem Tironem, uważanym za patrona konnicy (Papasima, Chera 1999: 293, tabl. II; Papasima, Georgescu 1994: 228, tabl. I/2-3). Interpretacja ta bliska jest naszemu stanowisku względem niektórych obrazów w cysternie chersonizeckiej. Przykładem tego rodzaju ikonografii typowo sakralnej, niech będą reliefy drzwi drewnianych z kościoła św. Mikołaja w Ochrydzie z wieku X/XI, które zawierają motywy charakterystyczne dla sztuki wczesnochrześcijańskiej, w tym jeźdźców z atrybutami świętych w pozycji zwycięskiej (Tschilingirov 1978: 39, fot. 59).

Poza symboliką chrześcijańską stylizacja niektórych rysunków jeźdźców chersonizeckich przypomina zarówno chazarski ryt naskalny odkryty w Majackim Gorodiszczy, jak też graffiti znane z Pliski (Pletnjova 1978: 94 fot. 71; Плиска-Преслав 1985: 82-83). Motyw jeźdźcy był wreszcie jednym z popularnych znaków ceramicznych zachowanych na dachówkach chersonizeckich budowli (Романчук 2004: 13, 160; tabl. VI, 32; Белов, Якобсон 1953: 134, рис. 25).

W ten sposób przeszliśmy do grupy wyobrażeń zoomorficznych. Świat zwierząt jest w cysternie bogato reprezentowany. Środowisko ludów koczowniczych odcisnęło swój ślad w cysternie w takim samym stopniu jak kultura osadnictwa stałego. Pierwsze z nich, znamionuje różnorodność zwierząt związanych ze stepem nadczarnomorskim. Do najważniejszych należy motyw konia rozpowszechniony w sztuce i wierzeniach ludów od Tracji po Kaukaz. Reminiscencje życia nomadów kryje w sobie niewątpliwie grupa koni pędzonych przez jeźdźcy

(tablica IX), która może być również sceną polowania. Poza tym w starożytności koń uchodził, jak już wspomnieliśmy, za ucieleśnienie ducha, a jako szybkiego biegacza poświęcano go słońcu. Upatrywano w nim także symbol szybkiego biegu życia oraz zwycięskiego dążenia do wiecznego celu, toteż umieszczano go często na wczesnochrześcijańskich płytach nagrobnych (Forstner 1990: 272, 274-275). Ideom tym odpowiada przedstawienie konia w biegu, na północno-zachodniej ścianie cysterny (tablica X). Zajmuje on miejsce pod napisem mówiącym o "grobie żyjących" oraz nad wrytym imieniem NHK0AA. Analogii dostarcza sztuka prabułgarska z Pliski i Cervenu, czy Murfatlaru w Besarabii (Oвчаров 1982: 138, 146, 157; Barnea, Stefanescu 1971: 208). Zarówno sam koń, jak też omówiony wyżej jeździec są elementem wspólnym dla obu kultur - i stepowej i osadniczej, czy to z racji bliskości stepu, który sięga w głąb Krymu, jak się sądzi - aż do Gór Krymskich, czy też niezależnie od warunków geograficznych.

Inna kompozycja na tej samej ścianie przedstawia wilka polującego na pasące się zwierzę (tablica XI). Zdaniem zoologów ostatnie z wymienionych posiada cechy typowe dla eurazyjskiej antylopy, zwanej suhakiem (*saiga tatarica* - Komosińska, Podsiadło 2002: 258-259; Sokolov 1974: 1-4)*. Gatunek ten zasiedlał przed wiekami tereny stepu eurazyjskiego i dla zamieszkującej go ludności był atrakcyjną zdobyczą. Z dużym prawdopodobieństwem, można z suhakiem identyfikować dwa inne rysunki wyobrażające zwierzęta łowne (tablica XII), tym bardziej, iż wiodły one żywot stadny. Podobne sceny powtarzają się w różnych zabytkach, których autorstwo przypisuje się nomadom. Tytułem przykładu warto zwrócić uwagę na petroglify zawierające odwzorowania zwierząt określonych jako jeleniowate, pojedyncze lub w grupach, odkryte na skałach w rejonie Ałtaju, przyporządkowane przez archeologów kulturze wczesno-scytyjsko-syberyjskiej (800-500 przed Chr.-Bourgeois et al. 2000: 122-129). Mimo znacznej przestrzeni czasowej, dzielącej je od graffiti cysterny, obie grupy zabytków mieszczą się we wspólnej tradycji rytów.

Omawiany zbiór graffiti obejmuje także inne zwierzęta czworonożne, jak np. dzikie świnię. Przywoływać je mogły - jak twierdzą paleozoologowie - dwie sylwetki zoomorficzne pochodzące ze ściany północno-wschodniej (tablica XIII/2-3); (Komosińska, Podsiadło 2002: 99-105). Wskazuje na to ich klinowata głowa z wyciągniętym ryjem i sterzącymi uszami, tułów pokryty sierścią, którą na rysunku uwidacznia zakreskowane pole, i wreszcie - zakręcony ogon. Przedstawione są w ruchu, jakby uciekające przed psem (tablica XIII/1), umieszczonym po ich lewej stronie, ku któremu odwracają głowy. Pies jako strażnik domostwa odpędza więc zwierzęta będące uosobieniem pustoszącej siły, nieczystości i nieumiarkowania, za jakie uważano dzikie świnię. Do

czworonożnych należą ponadto dwa inne przedstawienia, najprawdopodobniej owiec które może przypominać ryt zoomorficzny w górnej części ściany południowo-zachodniej (por. tablica VII) oraz jeden z trzech rytów zwierzęcych obok domniemanych dzików (por. tablica XIII/4).

Z kulturą ludów zamieszkujących step pontyjski wiążą się liczne wyobrażenia ptaków. Spośród nich na czoło wysuwa się wizerunek króla ptaków - orła, zachowany po lewej stronie u dołu ściany północno-zachodniej. Przedstawiony został w pozie heraldycznej z zaznaczeniem kilku szczegółów: głowa zwrócona w lewo, na niej - oko i otwór nosowy (woskówka), charakterystyczne pióra na szyi w układzie dachówkowatym oraz rozpostarte skrzydła (foto 12, tablica XIV). Mniej szczegółowy rysunek-graffiti orła, lecz w tej samej pozie, a ponadto w symbolicznej kompozycji ze znakiem solarnym oraz węzłem pochodzi z Presławia, nieco odmienny z Veliko Tarnovo, a jeszcze inny z Pliski. Tu orzeł ze złożonymi skrzydłami naszkicowany został na glinianym naczyniu (Oвчаров 1982: 75, 147-148, 151, tabl. LXXXVII-2, XCI-1, CVI-3). Najprawdopodobniej w cysternie nie mamy do czynienia z podobną grupą wyobrażeniową, gdyż wąż utrwalony wśród rytów ściany południowo-wschodniej (foto 13) nie tworzy, jak się wydaje, motywu wspólnego z żadnym wyobrażeniem. Z kolei wizerunek "chersoneskiego" orła odbiega od innych szczegółowością rysunku, pozwalającą na określenie go jako orła stepowego lub przedniego, a może nawet cesarskiego (*Aquila rapax lub orientalis, Aquila chrysaetos, Aquila heliaca* - Cramp et al., 1980: 216-219, 225-227; Ferens et al 1967: 183-188; Шепѡак 1994: 328-333). Autor rysunku musiał być nie tylko wprawnym rytownikiem, ale i wnikliwym obserwatorem otaczającego go środowiska.

Uwagę naszą przyciąga inne wyobrażenie zoomorficzne przypominające pawia. Jego sylwetka z charakterystyczną koroną oraz trenem ogona, znajduje się w kilku miejscach na ścianie południowo-zachodniej (tablice XV-XVII). Każde z tych przedstawień stylizowane w ten sam sposób, wkomponowane zostało pomiędzy inne, bez widocznych z nimi powiązań treściowych. Niejasny jest np. kontekst skupiska rytów w górnej części tej ściany, w których domniemany paw pada ofiarą innych zwierząt (por. tablica XV). Nie mógł on być celem polowania, o czym również można wnosić z tej sceny, gdyż (importowany z Indii) w Grecji, Rzymie i Bizancjum, był ptakiem udomowionym, głównie dla ozdoby parków i ogrodów. W związku z tym jako ptak luksusowy egzystował zapewne także w posiadłościach bizantyjskiego Chersonesu. Na ścianie cysterny widnieje on zatem, wyrwany ze swego idyllicznego "kontekstu", z którym zwykle był utożsamiany, może jako symbol spokojnego życia i jego reminiscencja (?). Paw jest tym przykładem graffiti, który wyróżnia przedstawienia cysterny spośród innych podobnych zabytków. W różnych bowiem kompozycjach, które tu przywołujemy jako analogie, właśnie ten typ zoomorficzny nie znalazł swego miejsca. W ikonografii szerzej rozumianej, znany jest motyw dwóch pawi po obu stronach kantarosu, zdobiący mozaiki i reliefy na obszarze całej ojkumeny

*Wszystkie informacje oraz bogata literatura zoologiczna dotycząca zarówno tego okazu, jak też innych analizowanych w niniejszym opracowaniu, zostały zebrane i udostępnione mi przez dr Agnieszkę Ważną oraz mgr Jana Cichockiego, pracowników Instytutu Biotechnologii i Ochrony Środowiska Uniwersytetu Zielonogórskiego, za co składam wymienionym badaczom gorące podziękowania.

chrześcijańskiej. W tym kontekście paw stanowił uproszczony obraz rajy i symbol wieczności (Forstner 1990: 244-245; Engemann 1993: kol. 2026-2027). Nie jest wykluczone, iż jego wizerunki wyryte na ścianach cysterny mogły z tą symboliką mieć jakiś związek, pomimo odmiennej, niż przyjęta we wspomnianych zabytkach, konfiguracji.

Ryty obu ptaków, orła i pawia, łączy cecha wspólna - ich ucieleśniony majestat, oba też mogły stać się "pieczęcią" ludności Chersonesu, której kształtowanie rozpoczęło się od spotkania etnosu greckiego z niegreckimi koczownikami, by przez wieki podtrzymywać wieloetniczną koegzystencję. W cysternie, miejscu uwięzienia przedstawicieli tejże ludności, ptaki te stają się, jak gdyby, symbolami utraconej przez nich wolności: orzeł przypominający może niektórym z nich dawną, stepową ojczyznę (jeżeli to rzeczywiście orzeł stepowy) lub potęgę cesarstwa (jeżeli to orzeł cesarski), innym zaś paw przywoływał, być może, ziemskie domostwo, którego był ozdobą.

Grupę ptaków powiększają też okazy: sępa (tablica XVIII/1) (*Gyps fulvus* lub *Aegypius monachus* - Cramp et al. 1980: 73-80; 89-92; Ferens et al 1967: 180-182; Щепбак 1994: 334-337), może ibisa (tablica XVIII/ 2) i dropia (tablica XVIII/ 3) (*Otis tarda* - Cramp et al. 1980: 659-664) oraz innych ptaków brodzących (tablica XIX). Środowiskiem naturalnym tych ostatnich były ujścia rzek Dniestru, Bohu i Dniepru do Morza Czarnego oraz - Donu do Morza Azowskiego. Poza tymi realiami trudno byłoby przypisać im znaczenie podobne do tego, jakie ptaki te posiadały w kulturze Prabułgarów. Upatrywali oni w nich szczególnej mocy wywodzącej się z szamanicznych wierzeń ludów Sybiru, wyrażających się w amuletach, które przetrwały w Bułgarii nawet po jej chrystianizacji (Тотев 1981: 183). Niewątpliwie do ciekawszych w cysternie zaliczyć należy, wspomniane już wcześniej przedstawienie czapli lub kormorana (por. foto 9). Jego smukła sylwetka i precyzja rysunku nie są jedynymi walorami, które cieszą oko widza. Ptak ten bowiem uwieczniony został, jak się wydaje, w trakcie polowania na ryby. Na czynność tę wskazuje jego skrepowana szyja, jednak na tyle tylko, by nie mógł przelknąć złapanej zdobyczy, oraz - sąsiedztwo łodzi. Możliwe, że podobnie jak na Dalekim Wschodzie, w ten sam sposób wykorzystywano je na Krymie. Znacznie mniej oczywiste wydaje się znaczenie innego zwierzęcego wizerunku, umieszczonego w podobnym, jak poprzedni, środowisku (foto 8, 14). Zdaniem specjalistów - przyrodników także ten okaz reprezentuje ptaka i według wszelkich danych najprawdopodobniej jest nim kura. Niejasny natomiast pozostaje kontekst łodzi, przy której się znajduje, gdyż środowisko wodne było jej obce.

Poza wyobrazeniami figuralnymi tradycja rytów przekazuje najpierwotniejsze przejawy sztuki, do których należą proste kreski i rozmaite znaki symboliczne. Dla człowieka pozostawiającego ślady swej obecności, także te najmniejsze formy wyrazu miały swoje znaczenie, tym większe dla osób uwięzionych w cysternie. Odkryty w niej system znaków graficznych to świadectwo zróżnicowania religijno - kulturowego Chersonesu i okolic, będący także potwierdzeniem obecności myśli religijnej

w różnych sferach życia (Aleksejenko, w druku).

Szczególne miejsce w ikonografii różnych epok zajmuje krzyż. Jego znak graficzny był nie tylko głównym symbolem chrześcijaństwa, lecz także motywem sakralnym ludów pierwotnych wszystkich kontynentów. W chrześcijaństwie jednak stał się on najbardziej rozpowszechnionym przedmiotem kultu religijnego, jako pieczęć Chrystusa. W ikonografii bizantyjskiej krzyż odegrał wyjątkową rolę w dobie obrazoburstwa, gdyż tolerowany był przez ikonoklastów jako jedyny wizerunek sakralny, szczególnie - wizerunek Chrystusa (Restle 1991: kol. 1496-1497; Iwaszkiewicz-Wronikowska 2004: kol. 37; Galavaris 1991: kol. 219). Na ścianach cysterny znajdujemy różne formy graficzne, jakie znak ten przybierał na przestrzeni wieków (tablica XX), zwłaszcza zaś greckie, łacińskie i podwójne, które w Bizancjum w okresie poikonoklastycznym (czyli od przywrócenia ortodoksji w połowie IX w.) miały największe znaczenie (Galavaris 1991: kol.223; Gigilewicz 2004: kol. 30-34).

Krzyż równoramienny, grecki - widoczny na ścianie północno-wschodniej został wpisany w kwadrat (tablica XX/1). Motyw ten zwany *forma quadrata mundi* w czasach archaicznych miał znaczenie magiczne, w średniowieczu odniesiony do Krzyża Chrystusa, rozumiany był jako symbol jedności i harmonii, które wprowadził on do wszechświata (Kobielius 2000: 210-213, ryc. 96-99). W ten sposób krzyż połączył w sobie znaczenie teologiczne i kosmologiczne. Analogii dostarczają nam petroglify odkryte w Jaskini Studenckiej w pasmie wzgórz Karabi-Jajla w rejonie Krymu południowo-wschodniego datowane na wiek IX-XIII (Typ 2003: 324-325, 326, 335, ryc.3:15; 4:35, 36). Znaleźiska te zasługują na szczególną uwagę, gdyż pochodzą z terenu uznanego za graniczny pomiędzy światem koczowników i światem osiadłym, odpowiadającym więc charakterowi pobliskiego Chersonesu.

Krzyż łaciński - wieńczący maszt statku/łodzi (tablica XX/2; por. tablica IV) ma zapewne znaczenie apotropaiczne.

Krzyż na symbolicznej Gołgocie (tablica XX/3; por. tablica VI/3) to krzyż podwójny (zwany później patriarchalnym), z krótką poprzeczką nad belką poziomą (nawiązującą do zapisu winy - titulus). Umieszczony w nim napis IC XP NI KA nadaje mu, podobnie jak w innych kompozycjach krzyża z tym napisem, znaczenie tropaionu, czyli szczególnego znaku zwycięstwa i chwały; rywnocześnie motyw ten także w cysternie staje się apotropaionem, czyli symbolem odpędzającym złe moce, umieszczanym np. na szatach, czy w sarkofagach (Galavaris 1991: kol. 233, 239-241, 279).

Krzyż zwany laskowanym (wszystkie ramiona krzyża zakończone poprzeczkami), to najczęściej spotykana w IX i X wieku w Bizancjum odmiana krzyża łacińskiego z dodatkowymi elementami. Typ ten znajdujemy na ścianie północno-zachodniej w grupie trzech krzyży (foto 15), w której dwa skrajne, to laskowane, środkowy zaś - z ramionami zakończonymi okrągłymi otworami. W jednym ze skrajnych wyraźnie widoczne jest ukośne suppedaneum.

Obraz krzyża zdaje się zawierać rysunek graffiti, przedstawiający nieporadnie nakreślony krzyż wpisany

w prostokąt lub kwadrat (tablica XX/4). Może być on typową postacią wspomnianej już *forma quadrata mundi*. Elementy wzbogacające belką pionową mogły ponadto nawiązywać do wątku drzewa życia, wplatanego często do krzyża chrześcijańskiego. Nie jest też wykluczone, że w analizowanym przykładzie mamy do czynienia z wpisaniem krzyża Chrystusa w kontekst symboliki kosmologicznej i solarnej (Skrzyniarz 2004, 44). Aspekt kosmologiczny wiąże się bowiem z harmonijnym obrazem świata, jaki w budownictwie chrześcijańskim IX i X wieku, wyrażał plan krzyża greckiego wpisanego w kwadrat.

Krzyż-kotwica (tablica XX/5) to graficzny obraz połączenia dwóch symboli chrześcijańskich. Znak ten rozpowszechnił się w chrześcijaństwie w wiekach VIII-X, szczególnie w postaci apotropejów - enkolpionów. Tradycja ta była równie żywa w Bizancjum, jak i na Rusi Kijowskiej, dokąd przeniknęła za pośrednictwem Chersonozu (Шаповалов 1997: 123-125, 128-129, 132). Identyczny sposób przedstawienia krzyża charakteryzuje rysunek odkryty wśród typów graffiti w Sarkelu, w warstwie datowanej na drugą połowę X wieku (Флѣрова 1997: 153).

Krzyż tzw. maltański (tablica XX/7) to odmiana poświadczona w zabytkach na terenie Gruzji od V w. oraz Zakaukazia w wiekach VI-VII, gdzie występowała zarówno w sztuce monumentalnej, jak też w mniejszych formach (Galavaris 1991: kol. 223).

Krzyż z rozwidłonymi ramionami - trzy takie przykłady narysowane zostały jeden pod drugim (tablica XX/6), w pobliżu jedyne go statku z załogą (por. tablica V).

Do tej samej serii włączamy jeszcze jeden rysunek, zwieńczony krzyżem (tablica XX/8). Charakter tego obiektu nie jest jasny, jego wygląd upodabnia go może do wieży - symbolu kościoła (Forstner 1990: 380-381).

Podobnie jak w innych wspomnianych już zbiorach graffiti, także w cysternie uzewnętrznili się, obok chrześcijaństwa, kultury i wyznania heterodoksyjne. Należał do nich kult solarny. Głównym jego symbolem było słońce, przedstawione w postaci promieni wpisanych w koło lub kwadrat; oba przykłady znajdujemy niezależnie od siebie na dwu ścianach, pierwszy u dołu ściany północno-wschodniej (tablica XXI/1), drugi - na południowo-zachodniej (tablica XXI/2). Ranga kultu Słońca w wierzeniach wielu narodów, spowodowała przejście go przez chrześcijaństwo i przeniesienie na osobę Chrystusa. Symbolem tym posługiwały się różne grupy etniczne, zarówno w pełni schryścianizowane, jak też te, które mimo przyjęcia chrześcijaństwa, z nową religią słabo się identyfikowały. Przywiązanie niektórych narodów Krymu do wierzeń pogańskich, jawne lub utajone potwierdzają greckie źródła hagiograficzne (Сорочан 2002: 127).

Z symboliką solarną związany jest także pentagram lub heksagram, czyli gwiazdka pięcio - lub sześcioramienna, narysowana jednym ruchem ręki. W cysternie zachowały się dwa takie przykłady, oba połączone z krótkim napisem. Pierwszy z nich, to opatrzona gwiazdką znana nam już grecka formuła modlitewna, w której dobrze widoczne są litery: KE BOHΘH, oraz Δ - w następnym wierszu (foto 16). Istniejące ramiona tej gwiazdki oraz jej uszkodzona część, w tym wypadku

przemawiałyby raczej za postacią heksagramu. Przykład drugi zawiera również napis, trudny jednak do rozszyfrowania (foto 17). Gwiazdka natomiast przy nim figurująca wydaje się być pentagramem. Oba symbole zachowane w cysternie, charakteryzuje nieporadność rysunku, gdyż prawidłowe ich nakreślenie linią nieprzerwaną wymagało zręczności, tym większej od rytownika. W ikonografii różnych etnosów pentagram należał do znaków solarnych i zawsze miał znaczenie sakralne - apotropaiczne (Флѣрова 1997: 27). W związku z tym w wierzeniach pierwotnych znak ten miał odpędzać wszelkie zło, w średniowieczu - chronił przed działaniem sił demonicznych i jako taki umieszczany był np. na amuletach, odrzwiach, czy skałach. Jeżeli towarzyszyły mu słowa modlitwy, jak to widzimy w naszym materiale, to właśnie ten kontekst mógł zmienić pierwotne magiczne znaczenie tego symbolu. Pentagram (lub heksagram) w zastępstwie krzyża otwierający inskrypcję, stawał się podobnym do niego ideogramem, funkcjonującym w świecie symboliki chrześcijańskiej. W tym duchu najprawdopodobniej, pentagram charakteryzował również graffiti bułgarskie z wieków IX-X i towarzyszył napisom tak greckim, jak i cyrylicy z Pliski i Presławia (Гочев 1961: 106, tabl. VIЖ, VIIБ, Xб, XVIIIБ, XXIX; Овчаров 1982: 69.). Symbolem chrześcijańskim mógł być pentagram na monecie bizantyjskiej z XI w. znalezionej w naddunajskim Satu Nou (Custurea 2000-2001: 584-585). Jeżeli natomiast chodzi o liczne analogie z twierdz położonych nad Donem, szczególnie z Majackiego Gorodisča, będące świadectwem kultury chazarskiej, trudno powiedzieć, z jakimi praktykami religijnymi są one najsilniej powiązane (Флѣрова 1997: 27, 97, 155).

Do znaków rozpowszechnionych w cysternie zaliczyć należy kraty lub siatki i drabinki (tablica XXII; foto 18-19). Przybierają one różne formy i rozmiary, są wśród nich niewielkie, całkowicie zamknięte w prostokątnych ramkach, lub otwarte większe oraz mniejsze, jakby niedokończone z dużą ilością przecinających się linii poziomych i pionowych, jak też ukośnych. Ich przeznaczenie nie jest jasne. Przyjmuje się, że u Alanów i Bułgarów symbole te miały znaczenie sakralne, a dla narodów Północnego Kaukazu - magiczne, nie całkiem wyjaśnione (Флѣрова 1997: 56). Najwięcej analogii znajduje się na zabytkach pochodzących z dorzecza Donu, czyli chazarских, gdzie należą one do podstawowych typów ikonograficznych (Флѣрова 1997: 155, tabl. XXI). Wszystkie te wyobrażenia odgrywały najprawdopodobniej ważną rolę w praktykach religijnych poszczególnych grup etnicznych. Na podstawie powyższych ustaleń przypuszczać możemy, że pozostawione w cysternie ryty krato - lub sieciopodobne są śladem Chazarów lub Protobułgarów i mogą mieć jakiś związek z szamanizmem. Uważa się bowiem, że ta właśnie forma wierzeń, zaliczanych do pogaństwa prototureckiego bliższa była półkoczowniczym Chazarom, niż chrześcijaństwo, jako jeden z ich rodzimych kultów religijnych (Nagrodzka-Majchrzyk 1975: 454-456).

Wyrazem tych tradycji zdaje się być także znacznie rzadziej spotykany motyw - dwuząb. Przemawia za tym zaszeregowanie go przez badaczy tej tematyki do rodowych znaków własności, zwanych tamgami, którymi

tureccy koczownicy od Azji Centralnej po Morze Czarne znakowali swoją broń, stada i różne przedmioty (Флѣрова 1997: 45-47, 56, 114; Белецкий 1998, passim; Filip 1969: 1429; Украинский Советский Энциклопедический словарь 1989: 335). Według wszelkiego prawdopodobieństwa jest nim w cysternie znak przedstawiony u stóp jednego z jeźdźców w taki sposób, jakby był jego atrybutem (tablica XXIII; foto 20). Wiadomo też, że prosty dwuząb był najstarszym znakiem, którym pieczętowali się pierwsi Rurykowicze od Ruryka (?) do Jaropelka (czyli do końca X wieku) (Белецкий 1998: 196, rys. 2: 8-13, Typ 2003: 326). Włodzimierz, następca Jaropelka i Olega, pierwszy władca chrześcijański posługiwał się trójzębem, który pozostał herbem książąt kijowskich (Белецкий 1998: 203). Znak w cysternie można by zatem łączyć z Rusami, pamiętając równocześnie o jego chazarskiej proveniencji. W tej kwestii warto przytoczyć pogląd W. Duczko badającego genezę symboli władzy na Rusi, iż zarówno w tytulaturze władców ruskich, jak też w przejętych przez nich symbolach władzy mamy do czynienia ze swego rodzaju "imitatio Chazarica" (Duczko 2000: 486-489). Równocześnie nasz przykład bliski wydaje się teorii, zgodnie z którą dwuząb jest najprostszą stylizacją kotwicy, spotykaną w zabytkach ośrodków pontyjskich (Шаповалов 1997: 121). Schematyczny rysunek dwuzębu, jako jeden z wielu różnych znaków graffiti zachowanych na fragmentach ceramiki znaleziono w Tamamskim Gorodisču, identyfikowanym ze średniowieczną Tamatarczą/Tmutorokaniem, w warstwie datowanej na połowę X do XI wieku (nad warstwą przypisywaną epoce chazarskiej - Макарова, Плетнева 2003: 172, 179, 237, tabl. 70). Kompozycja jeźdźca z omawianym znakiem, w cysternie może stanowić jakieś nawiązanie do ikonografii pieczęci ruskich XI-XII w. ze św. Jerzym i kotwicą - dwuzębem.

Przedmiotem naszego zainteresowania jest jeszcze jeden rysunek w górnej części ściany południowo-zachodniej (tablica XXI/3), to podwójny krąg, ku któremu zmierza paw. Niejasny pozostaje dla nas wzajemny kontekst, który łączy poszczególne elementy tej części graffiti. Trudno ten zespół ikonograficzny poddać interpretacji, pozostawiamy go zatem bez komentarza.

Podsumowując przedstawioną analizę różnych form

graffiti z chersoneskiej cysterny, włączając w to także napisy nierozszyfrowane oraz pozostawione bez wyjaśnień rysunki, widzimy, iż ikonografia cysterny wyrasta z wieloetniczności i wieloznaczności Chersonesu i Krymu. Na specyficzny charakter tego właśnie pogranicznego terytorium cesarstwa zwrócił ostatnio uwagę G. Dagron, nadając mu określenie mikrokosmos (Dagron 2000: 289-293). Rozwijając to pojęcie powiedzieć możemy, iż był to oddalony od stolicy "mały wszechświat" skupiony na swoich realiach. Te ostatnie miały swe korzenie zarówno w zachodniej, jak i wschodniej części basenu Morza Czarnego, co uwidoczniło się na ścianach cysterny. Jej program ikonograficzny jest wyrazem spotkania różnych nacji, a wraz z nimi kultur i religii.

Wszystkim badaniom prowadzonym w obrębie tego obiektu towarzyszy jedno pytanie: kto i dlaczego się tam znalazł. Ponieważ w zebranych materiale nie znajdujemy dodatkowych informacji dotyczących osób kryjących się pod wrytymi imionami, dlatego najbardziej prawdopodobne wydaje się autorstwo niepokornych względem władzy w Konstantynopolu obywateli miasta, którzy padli ofiarą represji. Przymusowy pobyt w cysternie był zapewne dla uwięzionych w niej ludzi sytuacją "graniczną", która zmuszała ich do szukania pomocy i ratunku w sferze sacrum. Umieszczenie tekstów modlitewnych i symboli religijnych, szczególnie zaś krzyży spowodowała, iż przestrzeń "niesakralnej" cysterny, niezależnie od zamierzeń twórców graffiti, uległa sakralizacji. Mimo iż cysterna nie była ani skalną kaplicą z rysunkami i napisami typu graffiti, ani grobem *sensu stricto*, to jednak program ikonograficzny zmienił jej charakter i upodobił do wymienionych obiektów. Wspólne dla nich motywy wyobrażeniowe powszechnie stosowane były w sztuce nagrobnej i katakumbowej na obszarach całej ekumeny chrześcijańskiej (Deichmann 1994: 237). Do tego właśnie kręgu zagadnień zbliża się omawiany przekaz ikonograficzny kreujący - naszym zdaniem - tematykę przejścia do innego świata. W ten sposób ikonografia cysterny stała się jeszcze jednym potwierdzeniem przytoczonego na wstępie poglądu, że sztuka graffiti jest świadectwem duchowości ludzi średniowiecza.

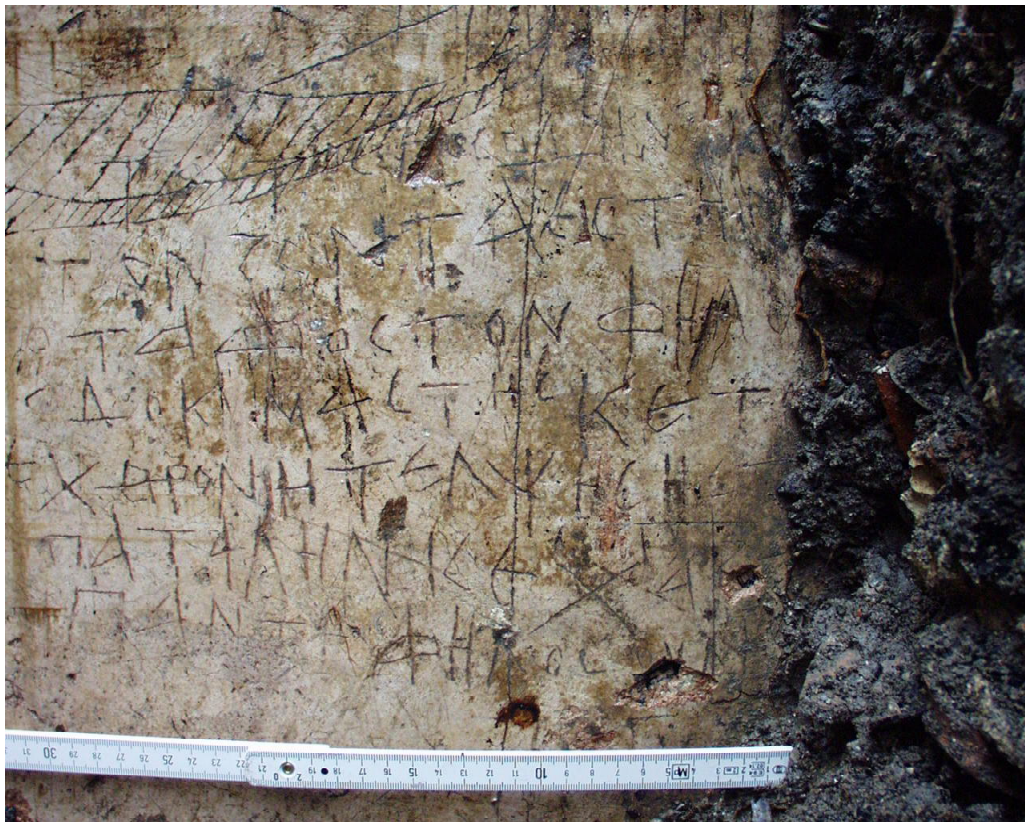
Foto 1. Napis pod żaglowcem jednomasztowym - ściana południowo-zachodnia

Foto 2. Napis 9-wierszowy nad jednorzędowcem z chorągiewkami - ściana południowo-zachodnia

a

b

Foto 3. Napis ze słowem ΤΑΦΟΣ– ściana północno-zachodnia

Foto 4. Napis ponad łodziami – ściana północno-zachodnia

Foto 5. Statek jednomasztowy

Foto 6. Napis nad żaglowcem dwumasztowym – ściana północno-wschodnia

Foto 7. Jednorzędowiec z żalagą - ściana północno-wschodnia

Foto 8. Łódź bezmasztowa – ściana północno-zachodnia

Foto 9. Fragment łodzi bezmasztowej i czapla (kormoran?) - ściana północno-zachodnia

Foto 10. Formuła modlitewna - ściana północno-zachodnia

Foto 11. Głowa w nimbie postaci antropomorficznej - ściana północno-zachodnia

Foto 12. Orzeł - ściana północno-zachodnia

Foto 13. Wąż - ściana północno-wschodnia

Foto 14. Prawdopodobnie drop – ściana północno-zachodnia

Foto 15. Trzy krzyże (dwa tzw.laskowane) - ściana północno-zachodnia

Foto 16. Formuła modlitewna z gwiazdką (heksagram) - ściana północno-zachodnia

Foto 17. Napis z pentagramem

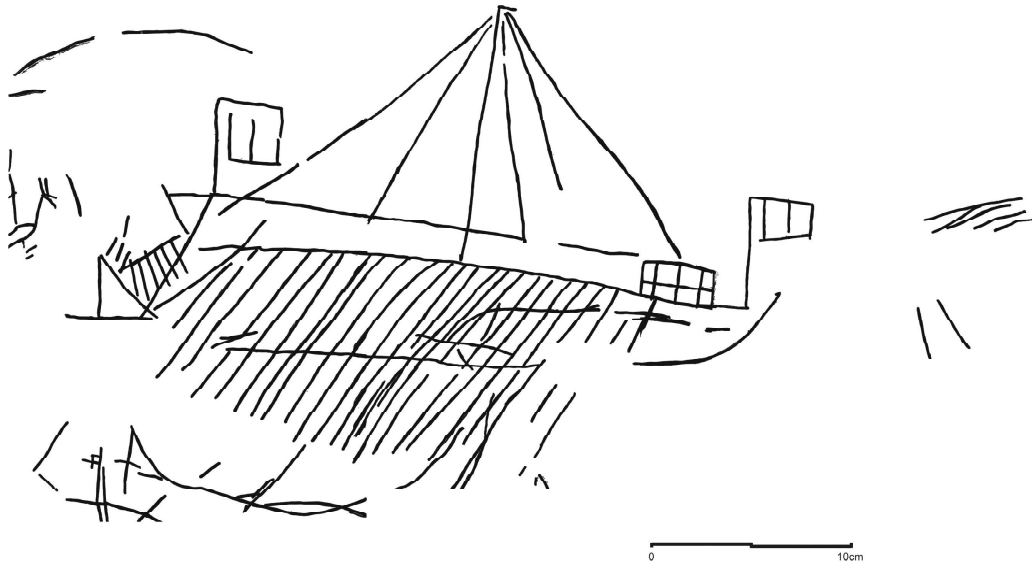
Foto 18. Siatka z dwóch stron zamknięta

Foto 19. Siatki

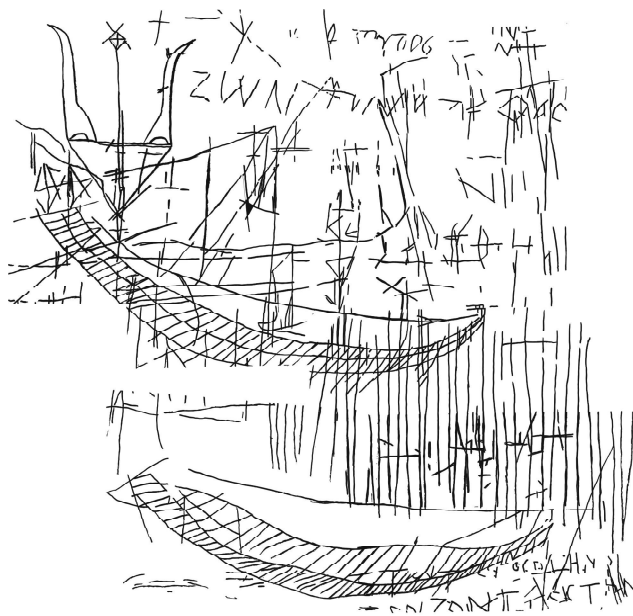
Foto 20. Jeździec – wojownik, obok dwuząb - ściana północno-zachodnia

Tablica I

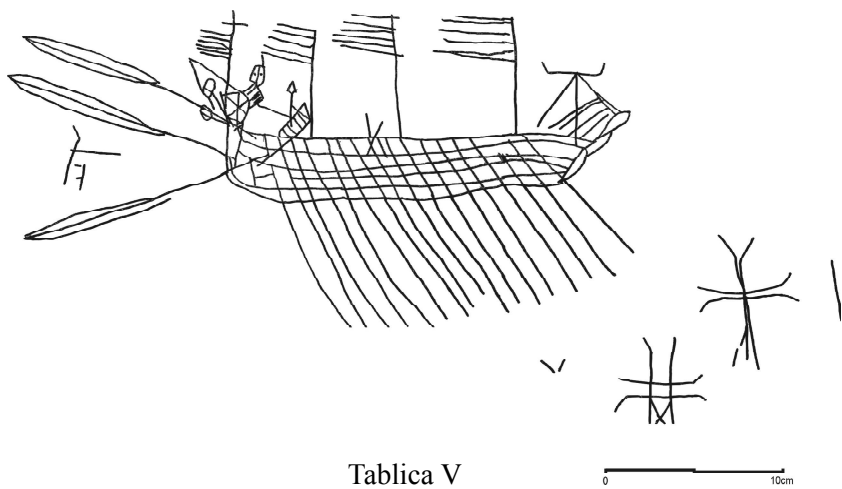
Tablica II

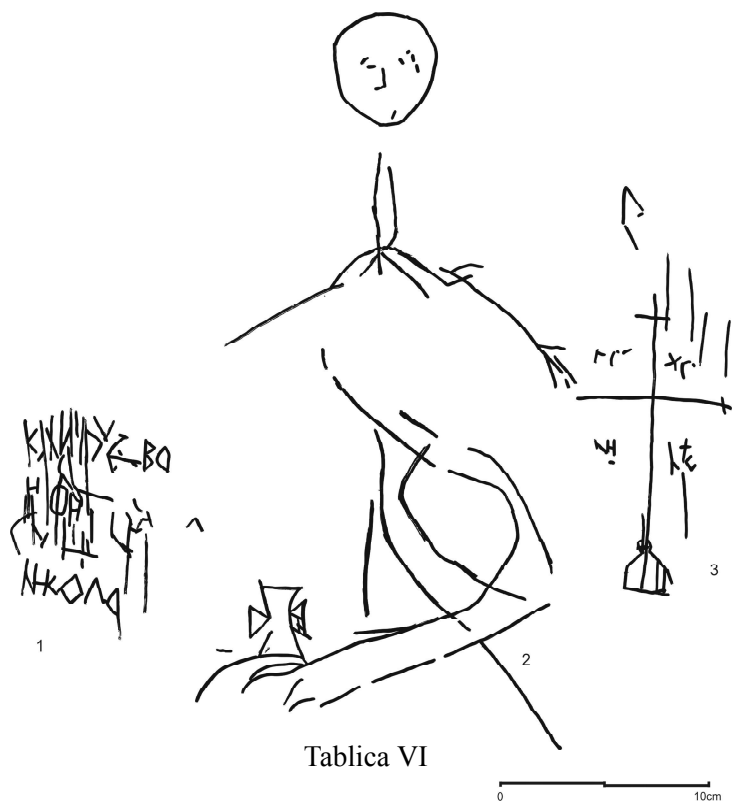
Tablica III

Tablica IV

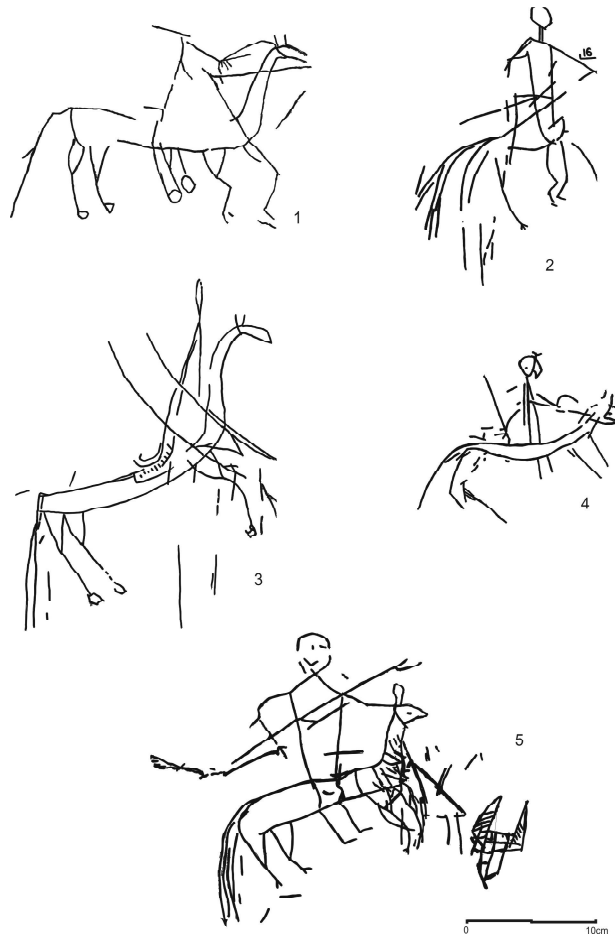
Tablica V

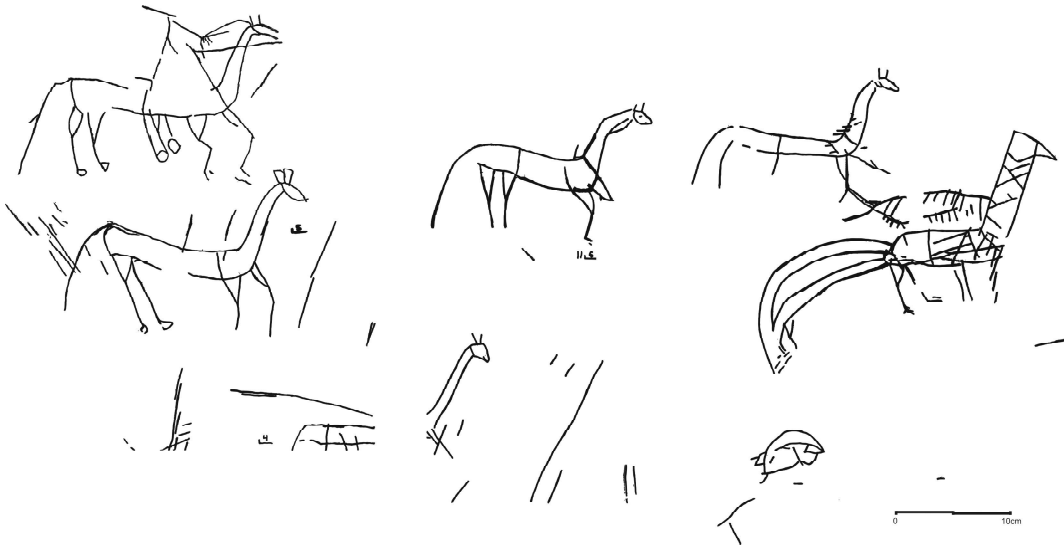
Tablica VI

Tablica VII

Tablica VIII

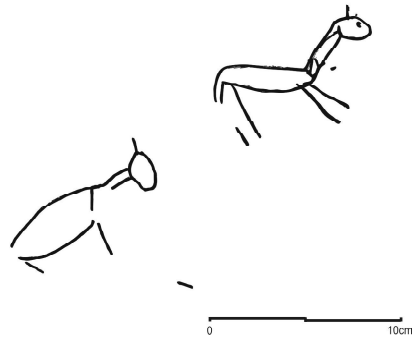
Tablica IX

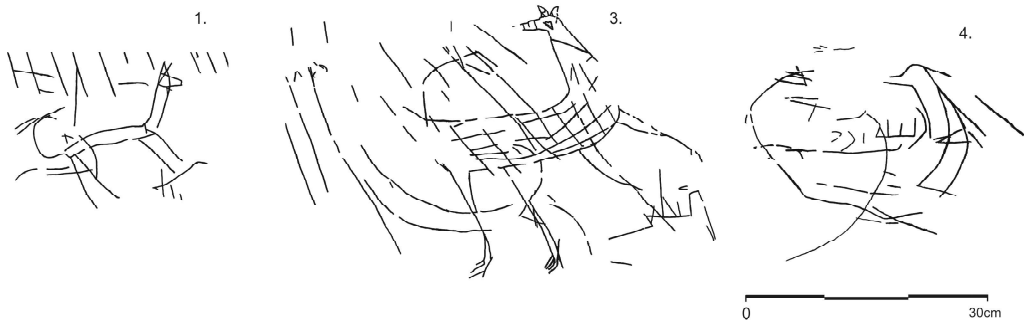
Tablica X

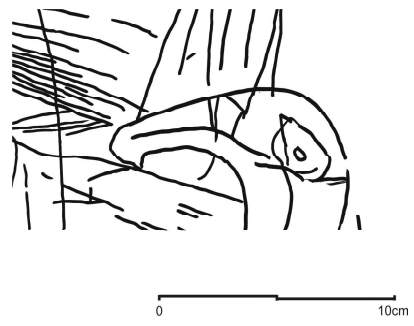
Tablica XI

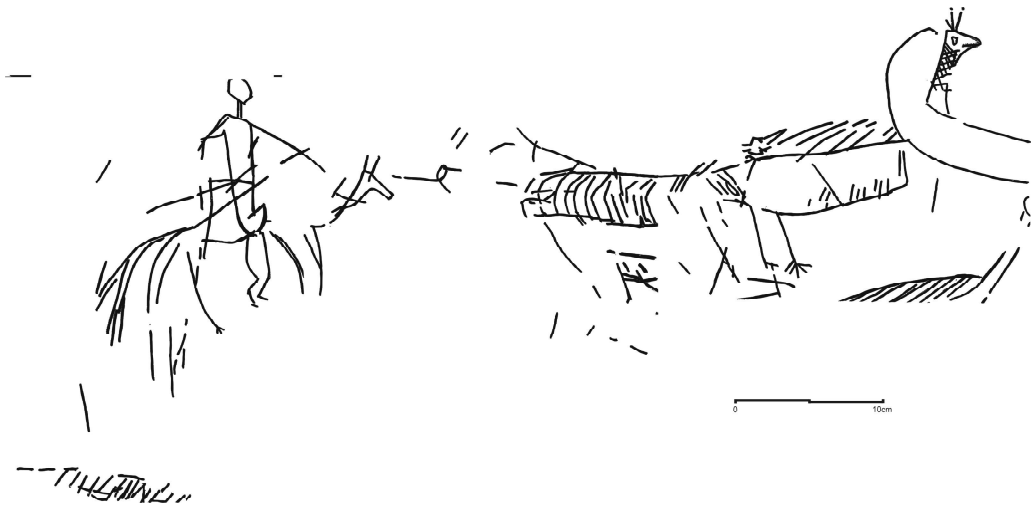
Tablica XII

Tablica XIII

Tablica XIV

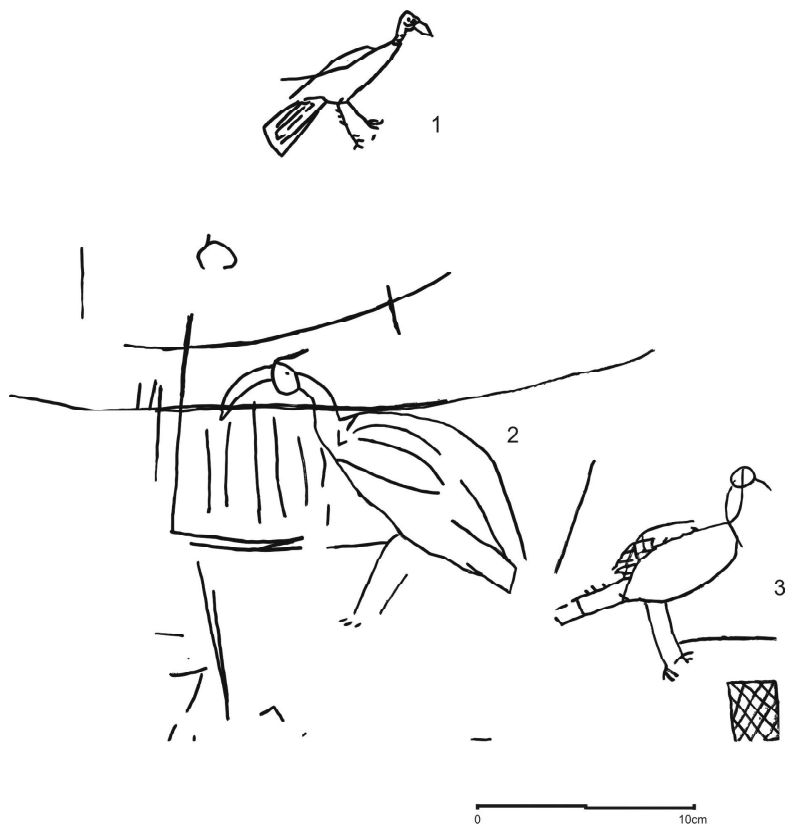
Tablica XV

Tablica XVI

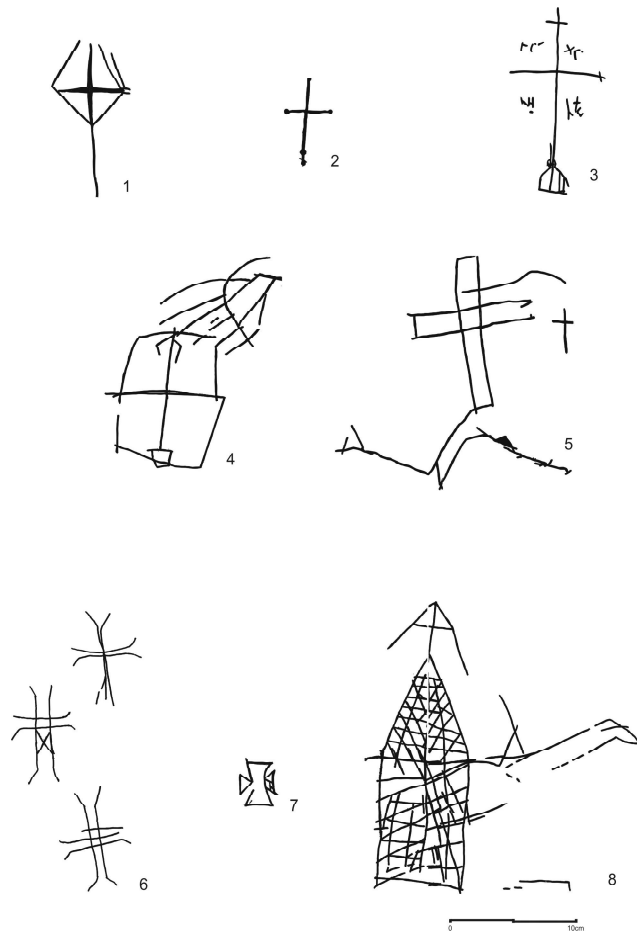
Tablica XVII

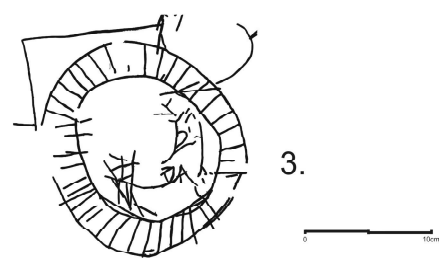
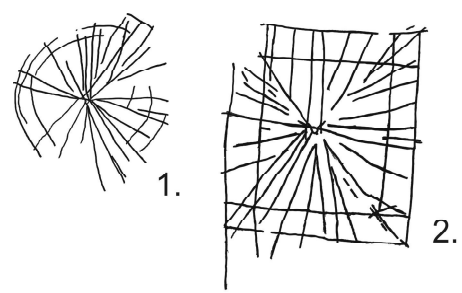
Tablica XVIII

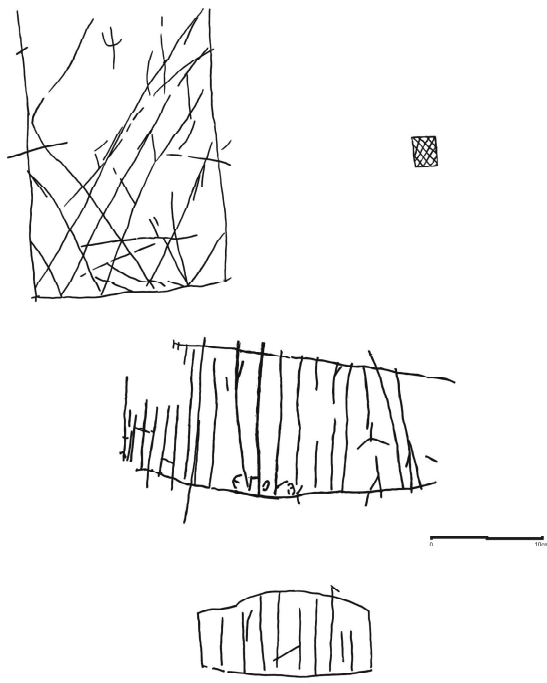
Tablica XIX

Tablica XX

Tablica XXI

Tablica XXII

Tablica XXIII

ГЛАВА 5. МОНЕТЫ

Н.А. Алексеенко

Комплекс большой водосборной цистерны-тюрьмы, расположенной в одном из богатых византийских домов в центральном районе херсонесского городища, интересен не только своеобразием архитектурной конструкции и уникальностью ее двойного использования, но и богатством археологических находок. Немалую роль в этом играет и нумизматический комплекс, в известной степени отражающий специфику денежного обращения средневекового Херсона.

Всего на территории рассматриваемого участка было обнаружено 80 медных монет. Однако в ходе реставрации выяснилось, что три экземпляра не являются таковыми. Два из них представляли собой просто сгустки окиси с оттисками монет на грунте. Причем в одном случае удалось не только установить тип изображения – монограмму «полис Херсон», но и ее происхождение от реверса херсонского пентануммия Юстиниана I (см. Каталог № 11).

Еще пять экземпляров происходят со смежных с цистерной участков. Это традиционные херсоно-византийские выпуски:

Юстиниан I (527-565) – 2 экз.

Роман I (920-944) – 1 экз.

Константин VII и Роман II (945-959) – 1 экз.

Неопределенная монета очень плохой сохранности – 1 экз.

К сожалению, из общего числа монет 6 экземпляров из-за неудовлетворительной сохранности атрибутировать так и не удалось.

Таким образом, для качественного анализа нумизматического комплекса цистерны приемлемыми оказались лишь 66 монет. Вместе с тем они дают ценную информацию не только о времени существования и гибели сооружения, но и, как нам представляется, проливают свет на отдельные, все еще спорные моменты в монетном деле средневекового Херсона, а также характеризуют его денежное обращение в этот период.

Стратиграфически монеты распределяются по трем основным слоям, неравномерно расположенным по глубине залегания.

Верхний слой представлял собой сильно перемешанный грунт, неоднократно потревоженный человеческой деятельностью: вначале при строительстве Владимирского собора во второй половине XIX столетия, когда была произведена нивелировка всей поверхности вокруг храма, а затем в конце XX в. при его реконструкции и благоустройстве прилегающей территории. Он состоял из различной величины бутового камня вперемешку с землей, отходами строительных материалов и мусора, где содержался и разрозненный археологический материал, в том числе и монеты. Глубина залегания

слоя около 2,0 м от современной поверхности. Его нумизматический материал представлен 18 разновременными монетами, что, безусловно, также подтверждает его смешанный характер:

Античная III–II вв. до н.э. – 1 экз.

Аркадий (383–408) – 1 экз.

V–VI вв. – 1 экз.

ХЕРСОНО-ВИЗАНТИЙСКИЕ (15):

Юстиниан I (527–565) – 1 экз.

Василий I (867–886) – 7 экз.

Лев VI и Александр (886–912) – 1 экз.

Роман I (920–944) – 4 экз.

Константин VII (2-е правление: 944–959) – 1 экз.

Анонимная первой половины XIII в. – 1 экз.

Как видим, хронологически монеты здесь распределяются практически по всем периодам истории Херсонеса – от III в. до н.э. до XIII в.

Находка самой поздней монеты (см. Каталог № 71), тип которой в свое время нам удалось выделить в отдельную серию, выпускавшуюся на херсонском монетном дворе в первой половине XIII в. (Алексеенко 1996: 239–244; Алексеенко 1997: 187–191), видимо, обусловлена присутствием в северо-восточном углу участка раскопа остатков поздневизантийской постройки с подвалом, перекрывавшей уже засыпанную цистерну. Характерные усадьбы первой половины XIII столетия широко представлены в смежных кварталах (VII/X/Ха) городища, непосредственно примыкавших к исследованному участку с севера и востока.

Остальные же монеты, в первую очередь, из-за очевидной неоднократной переотложенности грунта не передают реальной стратиграфической картины в рассматриваемом горизонте и, следовательно, не могут хронологически характеризовать слой, в котором они находились. Часть из них происходит из дернового слоя или современной траншеи, проложенной при реставрационных работах, часть – из потревоженных при закладке Владимирского собора средневековых и даже античных горизонтов. В этой связи совсем неудивительно, что рядом встречены и полисная монета, и римская, а херсоно-византийские представлены от Юстиниана до городских выпусков XIII в.

Наиболее ценную информацию дают монеты, находившиеся во втором слое – непосредственной засыпи цистерны, не потревоженной никакой позднейшей деятельностью. Она представляла собой достаточно однородный горизонт, хотя и содержащий несколько прослоек. Верхняя часть засыпи состояла в основном из каменного завала и была не очень богата на археологический материал. В то же время нижняя часть (состоявшая из стратиграфических слоев X–XII), имевшая лишь незначительное количество мелкого

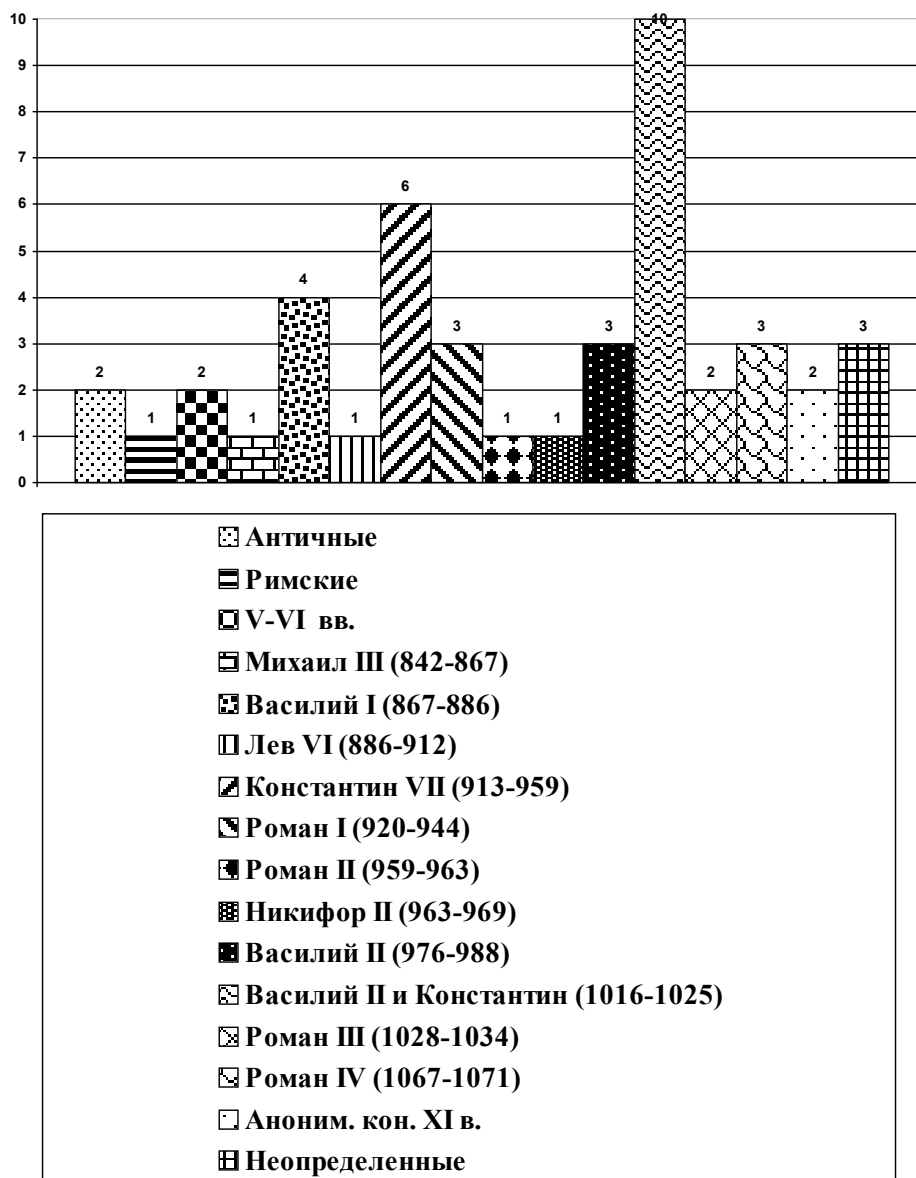

Диаграмма 1. Распределение монет в засыпи цистерны (слои X-XII)

камня, изобиловала фрагментами разнообразной керамики, стеклянных изделий и монетами.

Анализ представленных в засыпи находок позволяет достаточно точно определить хронологические границы засыпи данного сооружения. Немалую роль в этом играет и нумизматический комплекс.

В слое засыпи цистерны обнаружено доминирующее число монет - 46 экземпляров, абсолютное большинство из которых местные городские выпуски:

- Херсонес II в. до н.э. – 1 экз.
- Диоскуриада II в. до н.э. – 1 экз.
- Аркадий (383-408) – 1 экз.
- IV-VI вв. – 1 экз.
- Анастасий I (491-518) – 1 экз.
- ХЕРСОНО-ВИЗАНТИЙСКИЕ (38):**
- Михаил III (842-867) – 1 экз.
- Василий I (867-886) – 4 экз.

- Лев VI и Александр (886-912) – 1 экз.
- Константин VII (1-е правление 913-920) – 4 экз.
- Роман I (920-944) – 3 экз.
- Константин VII (2-е правление 944-959) – 1 экз.
- Константин VII и Роман II (945-959) – 1 экз.
- Роман II и Василий II (959-963) – 1 экз.
- Никифор II Фока (963-969) – 1 экз.
- Херсоно-византийская X в. – 1 экз.
- Василий II и Константин VIII (976-1025) – 13 экз.
(Выпуск 976-989 гг. – 3 экз.; выпуск после 989-1025 гг. – 10 экз.)
- Роман III (1028-1034) – 2 экз.
- Роман IV (1067-1071) – 3 экз.
- Анонимный выпуск конца XI в. – 2 экз.
- Неопределенные монеты плохой сохранности – 3 экз.

Несмотря на то, что монеты из засыпи, так же как и в верхнем слое, представлены различными хронологическими группами, тем не менее мы имеем

прекрасную возможность для относительно точной датировки данного комплекса. Единичность античных, римских и ранневизантийских монет (лишь 5 экз.), а также херсоно-византийских выпусков IX в. (6 экз.) на общем фоне основной группы монет X-XI вв. (35 экз.), безусловно, свидетельствует об очевидной естественной монетной примеси монет ранних периодов, весьма характерной для слоев средневекового Херсона. Примеров тому можно привести достаточно много на различных участках херсонесского городища. Это, скорее, правило, чем исключение. Кроме того, не исключено, что при засыпи цистерны грунт мог браться не с одного места, а с разных и к тому же еще и разновременных, где вполне могли содержаться и более ранние монеты.

Как видно из представленного выше перечня монет, они представляют достаточно компактную группу, представленную в основном херсоно-византийскими выпусками X-XI вв., которые, очевидно, и определяют хронологические границы существования и время гибели рассматриваемой постройки.

Третий, самый нижний слой цистерны, непосредственно связанный с заключительным периодом существования рассматриваемого сооружения, но уже не как хранилища для водных запасов, а как темницы для узников, представляет собой устроенный на дне каменный дренаж, предназначенный для просушки сырого помещения. Археологический материал здесь не столь многочислен, как в предыдущем слое, но монеты присутствуют. Однако даже те несколько экземпляров, которые обнаружены, никак не противоречат основным выводам относительно хронологии данного сооружения.

К сожалению, постоянная сырость на дне цистерны способствовала резкому ухудшению сохранности монет. Тем не менее, их абсолютное большинство, за исключением двух полностью коррозированных, все-таки удалось атрибутировать. Всего в слое было обнаружено восемь монет:

Античные неопределенные – 2 экз.

ХЕРСОНО-ВИЗАНТИЙСКИЕ (4):

Василий I (867-886) – 1 экз.

Константин VII (2-е правление 944-959) – 1 экз.

Херсоно-византийская X в. – 1 экз.

Анонимный выпуск конца XI в. – 1 экз.

Средневековые (?) неопределенные – 2 экз.

Как видим, и здесь доминируют монеты X-XI вв. Причем присутствие в комплексе монеты одного из городских выпусков конца XI столетия (см. Каталог № 70), обнаруженной непосредственно на плитах дренажа, являвшихся своеобразным полом устроенной в цистерне темницы, еще одно дополнительное свидетельство очевидности датировки данного слоя тем же периодом, что и предыдущий. Безусловно, невозможно безошибочно определить принадлежность данной монеты периоду существования в цистерне темницы или уже времени ее засыпи. Ясно лишь одно - монеты данной серии (их всего 3 экз.) указывают на то, что цистерна во всех

своих ипостасях прекращает существование и засыпается где-то в конце XI в. или же на рубеже XI/ XII вв.

Возвращаясь к качественному анализу состава монетного комплекса цистерны, следует отметить, что представленные в нем выпуски в известной мере характеризуют состав денежного рынка Херсона, особенно в период существования здесь византийской фемы. Несмотря на малочисленность и кажущуюся на первый взгляд нерепрезентативность данной выборки, присутствие в ней не только общеизвестных распространенных серий, но и даже редких для Херсонеса (см. Каталог №№ 36, 46) выпусков ставит ее в разряд важных и ценных источников по истории развития денежного обращения, экономики и торговли этого важного византийского центра в Северном Причерноморье.

Образование в Херсоне в начале 40-х гг. IX в. византийского военно-административного округа – фемы (Цукерман 1997: 312-316), по мнению В.А. Анохина, дало возможность местным властям возобновить официальный выпуск городской монеты (Анохин 1977: 127).

Несмотря на полную экстравагантность этих серий, идущих вразрез с традиционной византийской монетной техникой этого периода (появление литья вместо чеканки), на монетном дворе Херсона выпускались монеты от имени практически всех правящих византийских императоров с середины IX в. по третью четверть XI в.: от Феофила (829-842) до Романа IV Диогена (1067-1071) включительно, а далее следовали анонимные выпуски вплоть до середины XIII в. Более того, следует отметить, что херсонские монетарии настолько четко реагировали на малейшие изменения в правящем доме, происходившие в столице, что на местных литых монетах представлены не только полноправные императоры и их соправители, но и узурпаторы, захватывавшие византийский трон (Анохин 1977: 161-166, №№ 385-464), и даже члены семей отдельных правителей (Анохин 1977: 162, №№ 401-403). Достойной иллюстрацией всех этих процессов являются и монеты, содержащиеся в нашем комплексе. И хотя в нем представлены далеко не все серии городских эмиссий Михаила III (842-867), Василия I (867-886), Льва VI и Александра (886-913), Константина VII Багрянородного (913-959), Романа I Лакапина (920-944), Романа II (959-963), Никифора II Фоки (963-969), Василия II и Константина (976-1025), Романа III Аргира (1028-1034), Романа IV Диогена (1067-1071) и анонимных выпусков XI-XII вв., но даже эта случайная выборка дает представление о планомерной работе местного монетного двора, обеспечивавшего нужды денежного рынка крымского региона и, видимо, не только его. В комплексе цистерны не представлены монеты лишь единственного императора X в. - Иоанна I Цимисхия (969-976), хотя они и не столь редки в нумизматике Херсона как, например, экземпляр, выпущенный от имени Романа II и Василия II, представленный в нашем комплексе (см. Каталог № 46).

Как известно, обратившись к отливке денег в

качестве монетных типов, херсониты стали использовать монограммы имен императоров, состоявшие из одной-двух или нескольких греческих литер, что одновременно и облегчает, и затрудняет определение той или иной серии. Особенно это касается монет одноименных императоров. Тем не менее исследователям в целом удалось составить относительную хронологию монетных выпусков в средневековом Херсоне, хотя она и не избежала научных споров и полемики при датировке отдельных типов монет (Анохин 1968: 99-113; Соколова 1968: 86-98; Соколова 1983: 53).

В этой связи, учитывая некоторые особенности нашего комплекса, хотелось бы обратить внимание на одну из серий херсоно-византийских монет, представленных в нем доминирующей группой из 10 экз., в вопросах атрибуции и датировки которых пока нет единого мнения у исследователей.

Речь идет о хорошо известных крупных монетах с монограммой из трех греческих букв KBW на лицевой стороне и изображением креста на возвышении на оборотной (Орешников 1905: 10, № 23, табл. IX; Анохин 1968: 105-106; Анохин 1977: 165, № 445-448; Соколова 1983: 41). И.В. Соколова вслед за А.В. Орешниковым и другими исследователями по-прежнему относит их ко времени правления Василия I (Соколова 1983: 41). В то же время В.А. Анохин высказал сомнение в принадлежности этой серии времени Василия I (Анохин 1968: 106). Основываясь на данных кладов херсоно-византийских монет (Гилевич 1964: 150-158; ср.: Gilevich 1996: 245-251), а также монетных комплексов с городища, образование которых, как правило, связывают с походом князя Владимира на Херсон, исследователь пришел к выводу о необходимости датировать данную серию монет временем, близким этому событию, а не IX столетием (Анохин 1977: 122-123).

Комплекс из засыпи цистерны-тюрьмы по своему составу весьма похож на большинство обнаруженных в Херсоне монетных кладов или находок кладового характера, относящихся ко времени взятия города киевским князем Владимиром, с тем лишь отличием, что в нем присутствуют еще и монеты XI столетия. Напомним, что здесь также традиционно присутствует совсем незначительное количество монет императоров IX в., а доминанту составляют выпуски второй половины X столетия. Очевидно, согласно сложившейся в Херсоне традиции в обращении участвуют как монеты новых эмиссий, так и серии, выпущенные от имени предшествовавших императоров. Сложившуюся практику, по-видимому, можно объяснить еще одним, на наш взгляд, немаловажным обстоятельством. Как известно, за редким исключением большинство правителей Византии этого периода были потомками Василия I и принадлежали к представителям Македонской династии. Очевидно, в этой связи любые эмиссии (будь-то выпуски Василия I Македонянина или Василия II Болгаробойцы), к тому же выполненные в большинстве своем по образу и подобию и мало отличавшиеся по размеру и весу, могли

рассматриваться в качестве официальной монеты правящей династии и свободно участвовать в денежном обращении. Это, пожалуй, наиболее вероятное объяснение присутствия монет ранних императоров-македонцев в составе как кладов, так и в закрытых комплексах на полах помещений Херсона, датирующихся X-XI вв., а иногда и даже более поздним временем.

Как представляется, дополнительным прекрасным подтверждением более поздней датировки монет с монограммой KBW является и самый значительный из кладов херсоно-византийских монет, обнаруженный в последнее время на городище Херсонеса (раскопки Золотарева, 1991 г.). В нем среди более чем 500 монет, в основном датирующихся второй половиной X в., присутствует незначительное количество монет Василия I (38 экз.). А вот интересующие нас монеты отсутствуют. Трудно представить, что при таком значительном объеме клада достаточно распространенные монеты с монограммой KBW не попали в его состав. Он, вне всякого сомнения, датируется концом X столетия и, надо полагать, так как и другие, связан с известными событиями, когда Владимир осаждал Херсон-Корсунь. Датируют его более чем 140 экз. широко известных монет Василия II с монограммой «деспот» (Анохин 1977: 164, №№ 441-444).

Еще одним весомым, на наш взгляд, аргументом принадлежности монет рассматриваемой серии ко времени правления Василия II является их размер и вес. Более крупные и тяжелые монеты с монограммой KBW во время Василия I, безусловно, должны бы были означать введение более крупного номинала, как это полагала И.В. Соколова (Соколова 1983: 54-55). Однако причин для появления такого в этот период нет ни в исторической практике столицы, ни самого Херсона. Напротив, на всем протяжении второй половины IX и практически весь X в. херсонские монетарии выпускают близкие по размеру и весу монеты, надо полагать, в соответствии с необходимыми требованиями центральной власти, что, в свою очередь, несомненно значительно упрощало проведение торговых операций на рынке, так как соответствовало устоявшимся традициям Херсона и тем самым способствовало продолжению распространения уже привычной херсонской монеты и в соседних землях.

Здесь, на наш взгляд, весьма справедливо и замечание В.А. Анохина об очевидной типологической и, как следствие, хронологической близости монет с монограммой KBW и наиболее ранних серий с монограммой «ро» (См. монограммы №№ 19-20), которые мы вслед за В.А. Анохиным все-таки склонны относить ко времени правлений Романа III Аргири (1028-1034) и Романа IV Диогена (1067-1071), а не датировать XII-XIII вв., как предлагает И.В. Соколова. Исследователь обратил внимание на использование одного и того же штампа для оборотных сторон этих серий (Анохин 1977: 123, табл. XXIX-XXX, №№ 445, 453). Наиболее «сработанный» штамп оборотной стороны уже на монетах Романа III, вне

всякого сомнения, свидетельствует об их очевидном более позднем происхождении. Причем здесь следует отметить, что и в дальнейшем при выпуске монет от имени Романа IV на монетном дворе продолжают применять тот же, но еще более сглаженный штамп, что несомненно свидетельствует о его очень длительном использовании.

Таким образом, анализ нумизматического материала Херсона показывает, что монет с монограммой KBW практически нет ни в составе кладов, ни среди жилищных комплексов IX-X вв. Те единичные находки, которые все же известны в литературе, мы склонны отнести к несовершенству методик по фиксации и атрибуции находок, повлекших за собой ошибочные интерпретации материалов, а также смешение находок из более поздних слоев с комплексами конца X в.

Известные события конца X в., связанные с походом князя Владимира, и восстание херсонитов под предводительством Георгия Цулы в 1016 г., вне всякого сомнения, наложили свой отпечаток на дальнейшую судьбу Херсона.

Захват города русским войском, безусловно, не мог не отразиться на его благосостоянии и экономике. Однако, приняв непосредственное участие в решении исторической судьбы империи, горожане несомненно ожидали адекватных действий со стороны византийских императоров. Но, несмотря на то, что город был возвращен Византии и в нем была восстановлена имперская администрация, обещанных привилегий или свобод, очевидно, так и не последовало. И вполне возможно, что это так или иначе спровоцировало восстание херсонитов в 1016 г. (Scylitzae 1973: 354; Cedreni 1839: 464), которое, в первую очередь, было направлено против жесткой политики центральной администрации в отношении города, который вместо ожидаемых помощи и привилегий после похода Владимира, наоборот, получил усиление административного, а быть может, и фискального гнета Константинополя (Алексеев 1999: 155). Такое положение не могло устраивать местные аристократические круги, во главе которых стоял стратег Георгий Цула. Последовавшие в связи с этим события: мятеж, снаряжение карательной экспедиции в Таврику и реставрация имперской власти - как нельзя лучше свидетельствуют о сохранении значительного интереса к этому стратегически важному пункту на северных границах Византийского государства. И не исключено, что находка в Херсоне печати императоров Василия II и Константина VIII (Соколова 1991: 204-205, № 5) может иметь отношение равно как и к походу Владимира, так и к событиям, связанным с восстановлением имперской власти после восстания 1016 г., одним из следствий которого, надо полагать, явилось право на возобновление работы монетного двора, прерванной в связи с захватом города русичами.

Источники свидетельствуют о том, что в первой половине XI в. город все еще был включен в сферу имперских интересов и, видимо, продолжал играть немаловажную роль.

В середине столетия к Херсонской феме присоединяется Сугдейская область. Город проводит активный товарообмен не только на местном рынке, но и поддерживает торговые связи со своими традиционными партнерами Южного Причерноморья, Балкан и Средиземноморья. Продолжается выпуск собственной монеты. Как и ранее, находится в центре внимания византийского двора забота об усилении обороноспособности Херсона. К 60-м годам XI в. проводятся ремонтные и восстановительные работы, вызванные, по-видимому, вновь возникшей угрозой нападения печенегов.

Однако события второй половины XI в. вносят серьезные коррективы в создающуюся относительно благоприятную для Херсона обстановку. Внутренняя политика императора Михаила VII (1071-1078) отличалась особенно широкими масштабами выколачивания финансов из населения. В его правление резко увеличивались существовавшие налоги и вводились новые. Была установлена монополия на хлебную торговлю. В общей цепи мероприятий императора, надо полагать, оказалось и лишение крымских приморских центров, в том числе и Херсона, торговых привилегий. Скорее всего, не было и подтверждено право Херсона на выпуск собственной монеты. Все это не могло не вызвать недовольства херсонитов. И город вновь восстал (Theophanus Continuatus 1838: 360 (15), 702 (7), 855 (17); Повесть временных лет 1950: 111; Полное собрание русских летописей 1962, 1/ 166; 2/155). Восстание носило затяжной характер. Михаил VII вынужден был обратиться за помощью к русскому князю Святославу с просьбой выступить против болгар и корсунян. Поход против Херсона начался, но после смерти князя в 1076 г. и известии о свержении с престола Михаила VII в 1078 г. русская дружина была возвращена. История умалчивает, чем же все-таки закончилось восстание херсонитов. Но примирение, надо полагать, было достигнуто, поскольку, спустя некоторое время, Херсон снова служит местом ссылки опасных для империи лиц (Комнина 1965: 266; Кулаковский 1914: 56-73).

В связи со всем выше перечисленным находка цистерны-тюрьмы в Херсоне весьма примечательна и ценна. Как видим, монетный комплекс из цистерны свидетельствует об абсолютном совпадении ее датировок с народными волнениями, происходившими в Херсоне на протяжении XI столетия. В сохранившихся на стенах граффити также можно усматривать отражение тех событий. И не исключено, что узниками темницы могли являться как сподвижники и соратники Георгия Цулы, так другие городские аристократы, возглавившие мятеж спустя полвека, или же ревнительные стражи имперских интересов, присланные из столицы. К сожалению, история об этом умалчивает. Но тем не менее введение в оборот еще одного комплекса, так или иначе связанного с этими тревожными событиями XI в., не только открывает новую страницу в истории этого византийского центра в Северном Причерноморье, но и обогащает нас ценнейшей информацией в различных областях исторической науки, в том числе и нумизматике.

КАТАЛОГ

АНТИЧНЫЕ:

1. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 13).
Диаметр – 15x18 мм; соотношение осей - ?
III – II вв. до н.э. *Æ*. Не атрибутирована.
Л.С. Голова вправо.
Об.С. Коррозирована.

2. НЗХТ. Инв. № Н-18555.
Диаметр – 17x19 мм; соотношение осей - 2.
II в. до н.э. *Æ*. Дихалк. Херсонес.
Л.С. Горова Афины Паллады в шлеме вправо.
Об.С. Грифон, бегущий вправо. Легенды не сохранились.
Анохин 1977: 145, № 159-160.

3. НЗХТ. Инв. № Н-18538.
Диаметр – 16 мм; соотношение осей - 12.
Конец II в. до н.э. *Æ*. Диоскуриада.
Л.С. Шапки Диоскуров, увенчанные звездами.

Об.С. Тирс, по сторонам которого надпись в столбик:
[Δ]I - ΟΣ | ΚΟΥ - ΡΙ [Α] | [Δ] - ΟΣ.
SNG IX 1993: pl. XXXVIII, 1021-1023.

4. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 66).
Диаметр – 21 мм; соотношение осей - ?
Æ. Определению не подлежит.
Л.С. Коррозирована. Голова вправо?
Об.С. Коррозирована.

5. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 67).
Диаметр – 22 мм; соотношение осей - ?
Æ. Определению не подлежит.
Л.С. Коррозирована. Голова вправо?
Об.С. Коррозирована.

ПОЗДНЕРИМСКИЕ:

Аркадий (383-408) – 2 экз.

6. НЗХТ. Инв. № Н-18518.
Диаметр – 21 мм; соотношение осей - 12.
Æ 2. Чекан Никомедии.
Л.С. Легенда стерта. Бюст императора в доспехах с копьем вправо. Вверху десница Божья с венком.
Об.С. Император в рост, держит лабарум и опирается на щит, слева сидящий пленник. В обрезе: *SMN?.
Толстой 1917 (I): табл. 3, 85.

7. НЗХТ. Инв. № Н-18542.
Диаметр – 23 мм; соотношение осей - 7.
Æ 2. Выпуск Фессалоник?

Л.С. DN...D...FAVG. Бюст императора в доспехах, держащего копье вправо.
Об.С. ...LORIARO.... Император в доспехах в рост, держит лабарум и опирается на щит. Слева у ног пленник. Под обрезом: ?
Толстой 1917 (I): 35, табл. 3.83.

Позднеримская - ранневизантийская.

IV–V вв. – 1 экз.

8. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 38). *Æ* 3.
Диаметр – 15 мм; соотношение осей - ?
Л.С. Бюст императора вправо (?).
Об.С. Стерта.

ВИЗАНТИЙСКИЕ:

V–VI вв. – 1 экз.

9. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 14).
Диаметр – 15 мм; соотношение осей - ?
Æ. Деканумий ?
Л.С. Стерта.
Об.С. Знак номинала в 10 нуммий (I)?

Анастасий I (491-518) – 1 экз.

10. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 40).
Диаметр – 13 мм; соотношение осей - 2.
Æ. Пентануммий. Чекан Константинополя.
Л.С.VG. Бюст императора в диадеме вправо.
Об.С. Большая литера *Є*; справа: v.
Толстой 1917 (II): табл. 14, 66, 68.

ХЕРСОНО-ВИЗАНТИЙСКИЕ:

Юстиниан I (527-565) – 3 экз.

11. НЗХТ. Инв. № Н-18516.
Диаметр – 16 мм; соотношение осей - 6.
Æ. Пентануммий.
Л.С. Легенда не сохранилась. Бюст императора в диадеме вправо.
Об.С. Монограмма «полис Херсон». Таблица 1.
Анохин 1977: 157, № 314.

12. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 23).
Диаметр – 23 мм; соотношение осей - ?
Æ. Пентануммий.
Л.С. Легенда не сохранилась. Бюст императора в диадеме

вправо.
Об.С. Монограмма «полис Херсон». Таблица 1/4.
Анохин 1977: 157, № 314.

13. НЗХТ. Инв. № Н-18554.
Диаметр – 15 мм; соотношение осей - 8.
Æ. Пентануммий.
Л.С. ...ANV.PP. Бюст императора в диадеме вправо.
Об.С. Монограмма «полис Херсон». Таблица 1/1.
Анохин 1977: 157, № 314.

Михаил III (842-867) – 1 экз.

14. НЗХТ. Инв. № Н-18527. *Æ*. Литье.

Диаметр – 10 мм; соотношение осей – 12.
Л.С. Монограмма из литер М и В. Таблица 1/2.
Об.С. Монограмма «полис Херсон». Таблица 1/3.
Анохин 1977: 158, № 342.

Василий I (867-886) – 12 экз.

15. НЗХТ. Инв. № Н-18524. АЕ. Литье.
Диаметр – 13 мм; соотношение осей - 2.
Л.С. Монограмма имени Василий: В+. Таблица 1/4.
Об.С. Монограмма «полис»: П+. Таблица 1/5.
Анохин 1977: 159, № 354-357.

16. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 1). АЕ. Литье.
Диаметр – 17 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма имени Василий. Таблица 1/6.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 160, № 367.

17. НЗХТ. Инв. № Н-18513. АЕ. Литье.
Диаметр – 16 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма имени Василий. Таблица 1/6.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 160, № 378.

18. НЗХТ. Инв. № Н-18515. АЕ. Литье.
Диаметр – 18 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма имени Василий. Таблица 1/6.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 160, № 363.

19. НЗХТ. Инв. № Н-18521. АЕ. Литье.
Диаметр – 15 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма имени Василий. Таблица 1/6.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 160, № 361.

20. НЗХТ. Инв. № Н-18523. АЕ. Литье.
Диаметр – 17 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма имени Василий. Таблица 1/6.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 160, № 363.

21. НЗХТ. Инв. № Н-18525. АЕ. Литье.
Диаметр – 17 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма имени Василий. Таблица 1/6.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 160, № 363.

22. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 21). АЕ. Литье.
Диаметр – 15 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма имени Василий. Таблица 1/6.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 160, № 363.

23. НЗХТ. Инв. № Н-18532. АЕ. Литье.
Диаметр – 16 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма имени Василий. Таблица 1/6.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 160, № 367.

24. НЗХТ. Инв. № Н-18556. АЕ. Литье.
Диаметр – 17 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма имени Василий. Таблица 1/6.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 160, № 365.

25. НЗХТ. Инв. № Н-18545. АЕ. Литье.
Диаметр – 17 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма имени Василий. Таблица 1/6.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 160, № 365.

26. НЗХТ. Инв. № Н-18553 АЕ. Литье.
Диаметр – 16 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма имени Василий. Таблица 1/6.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 160, № 367.

Лев VI и Александр (886-912) – 2 экз.

27. НЗХТ. Инв. № Н-18519. АЕ. Литье.
Диаметр – 15 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма из литер Л и А. Таблица 1/7.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 161, № 389.

28. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 52). АЕ. Литье.
Диаметр – 17 мм; соотношение осей - 2.
Л.С. Монограмма из литер Л и С. Таблица 1/8.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 161, № 385-387.

Константин VII (1-е правление 913-920) – 4 экз.

29. НЗХТ. Инв. № Н-18531. АЕ. Литье.
Диаметр – 18 мм; соотношение осей - 5.
Л.С. Монограмма имени Константин. Таблица 1/9.
Об.С. Портрет императора в фас.
Анохин 1977: 162, № 397-400.

30. НЗХТ. Инв. № Н-18539. АЕ. Литье.
Диаметр – 17 мм; соотношение осей - 5.
Л.С. Монограмма имени Константин. Таблица 1/9.
Об.С. Портрет императора в фас.
Анохин 1977: 162, № 397-400.

31. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 50). АЕ. Литье.
Диаметр – 17 мм; соотношение осей - 5.
Л.С. Монограмма имени Константин. Таблица 1/9.
Об.С. Портрет императора в фас.
Анохин 1977: 162, № 397-400.

32. НЗХТ. Инв. № Н-18551. АЕ. Литье.
Диаметр – 19 мм; соотношение осей - 6.
Л.С. Монограмма имени Константин. Таблица 1/9.
Об.С. Портрет императора в фас.
Анохин 1977: 162, № 397-400.

Роман I (920-944) – 8 экз.

33. НЗХТ. Инв. № Н-18511. АЕ. Литье.
Диаметр – 17х21 мм; соотношение осей - 6.
Л.С. Монограмма имени Роман. Таблица 1/10.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 162-163, № 411-413.

34. НЗХТ. Инв. № Н-18514. АЕ. Литье.
Диаметр – 18 мм; соотношение осей - 7.
Л.С. Монограмма имени Роман. Таблица 1/10.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 162-163, № 411-413.

35. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 15). АЕ. Литье.
Диаметр – 17 мм; соотношение осей - 6.
Л.С. Монограмма имени Роман. Таблица 1/10.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 162, № 409.

36. НЗХТ. Инв. № Н-18522. АЕ. Литье.
Диаметр – 15 мм; соотношение осей - 11.
Л.С. Монограмма имени Роман. Таблица 1/11.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 163, № 426-427.

37. НЗХТ. Инв. № Н-18528 АЕ. Литье.
Диаметр – 17 мм; соотношение осей - 6.
Л.С. Монограмма имени Роман. Таблица 1/10.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 162, № 411-413.

38. НЗХТ. Инв. № Н-18529. АЕ. Литье.
Диаметр – 19 мм; соотношение осей - 6.
Л.С. Монограмма имени Роман. Таблица 1/10.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 163, № 419-421.

39. НЗХТ. Инв. № Н-18546. АЕ. Литье.
Диаметр – 17 мм; соотношение осей - 7.
Л.С. Монограмма имени Роман. Таблица 1/10.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 163, № 419-421.

40. НЗХТ. Инв. № Н-18548. АЕ. Литье.
Диаметр – 21 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма имени Роман. Таблица 1/10.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 163, № 419-421.

Константин VII (2-е правление 944-959) – 3 экз.

41. НЗХТ. Инв. № Н-18517. АЕ. Литье.
Диаметр – 18 мм; соотношение осей - 7.
Л.С. Монограмма имени Константин. Таблица 1/9.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 163, № 418.

42. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 75). АЕ. Литье.
Диаметр – 17 мм; соотношение осей - ?
Л.С. Стерга. Монограмма имени Константин. Таблица 1/9.
Об.С. Крест на ступенях ?
Анохин 1977: 163, № 414-418.

43. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 78). АЕ. Литье.
Диаметр – 16 мм; соотношение осей - ?
Л.С. Стерга. Монограмма имени Константин. Таблица 1/9.
Об.С. Крест ?
Анохин 1977: 163, № 414-418.

Константин VII и Роман II (945-959) – 2 экз.

44. НЗХТ. Инв. № Н-18526. АЕ. Литье.
Диаметр – 18 мм; соотношение осей - 6.
Л.С. Монограмма имени Константин. Таблица 1/12.
Об.С. Монограмма имени Роман. Таблица 1/10.
Анохин 1977: 163, № 428-430.

45. НЗХТ. Инв. № Н-18544. АЕ. Литье.
Диаметр – 19 мм; соотношение осей - 6.
Л.С. Монограмма имени Константин. Таблица 1/12.
Об.С. Монограмма имени Роман. Таблица 1/10.
Анохин 1977: 163, № 428-430.

Роман II и Василий II (959-963) – 1 экз.

46. НЗХТ. Инв. № Н-18552. АЕ. Литье.
Диаметр – 18 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма имени Роман. Таблица 1/13.
Об.С. Монограмма имени Василий. Таблица 1/14.
Анохин 1977: 164, № 431-432.

Никифор II Фока (963-969) – 1 экз.

47. НЗХТ. Инв. № Н-18530. АЕ. Литье.
Диаметр – 18 мм; соотношение осей - 6.
Л.С. Монограмма имени Никифор. Таблица 1/15.
Об.С. Монограмма «деспот». Таблица 1/16.
Анохин 1977: 164, № 435-437.

Василий II и Константин VIII (976-1025) – 13 экз.

Выпуск 976-989 гг. (3 экз.)

48. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 29). АЕ. Литье.
Диаметр – 16 мм; соотношение осей - ?
Л.С. Монограмма имени Василий. Таблица 1/17.
Об.С. Стерга. Монограмма титула «деспот». Таблица 1/18.
Анохин 1977: 164, № 441-444.

49. НЗХТ. Инв. № Н-18557. АЕ. Литье.
Диаметр – 17 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма имени Василий. Таблица 1/17.
Об.С. Стерга. Монограмма титула «деспот». Таблица 1/18.
Анохин 1977: 164, № 441-444.

50. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 77). АЕ. Литье.
Диаметр – 17 мм; соотношение осей - ?
Л.С. Монограмма имени Василий. Таблица 1/17.
Об.С. Стерга. Монограмма титула «деспот». Таблица 1/18.
Анохин 1977: 164, № 441-444.

Выпуск после 989-1025 гг. (10 экз.)

51. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 35). АЕ. Литье.
Диаметр – 24 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма из литер К, В и W. Таблица 1/19.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 165, № 445-446.

52. НЗХТ. Инв. № Н-18558. АЕ. Литье.
Диаметр – 22 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма из литер К, В и W. Таблица 1/19.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 165, № 445-446.

53. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 37). АЕ. Литье.
Диаметр – 22 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма из литер К, В и W. Таблица 1/19.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 165, № 447-448.

54. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 39). АЕ. Литье.
Диаметр – 21 мм; соотношение осей - ?
Л.С. Монограмма из литер К, В и W. Таблица 1/19.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 165, № 447-448.

55. НЗХТ. Инв. № Н-18534. АЕ. Литье.
Диаметр – 25 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма из литер К, В и W. Таблица 1/19.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 165, № 445.

56. НЗХТ. Инв. № Н-18540. АЕ. Литье.
Диаметр – 23 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма из литер К, В и W. Таблица 1/19.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 165, № 446.

57. НЗХТ. Инв. № Н-18541. АЕ. Литье.
Диаметр – 21 мм; соотношение осей - 1.
Л.С. Монограмма из литер К, В и W. Таблица 1/19.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 165, № 446.

58. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 59). АЕ. Литье.
Диаметр – 21 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма из литер К, В и W. Таблица 1/19.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 165, № 446.

59. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 62). АЕ. Литье.
Диаметр – 21 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма из литер К, В и W. Таблица 1/19.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 165, № 446.

60. НЗХТ. б/н Н-18550. АЕ. Литье.
Диаметр – 24 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма из литер К, В и W. Таблица 1/19.
Об.С. крест на ступенях.
Анохин 1977: 165, № 446-447.

Херсоно-византийские X в. – 2 экз.

61. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 71). АЕ. Литье.
Диаметр – 20 мм; соотношение осей – ?
Л.С. Монограмма. Коррозирована.
Об.С. Коррозирована.
Очень плохой сохранности.

62. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 76). АЕ. Литье.
Диаметр – 20 мм; соотношение осей – ?
Л.С. Монограмма. Коррозирована.
Об.С. Коррозирована.
Обломки очень плохой сохранности.

Роман III (1025-1034) – 2 экз.

63. НЗХТ. Инв. № Н-18536. АЕ. Литье.
Диаметр – 25 мм; соотношение осей - 7.
Л.С. Монограмма из литер Р и W. Таблица 1/20.
Об.С. Сглажена. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 165, № 453.

64. НЗХТ. Инв. № Н-18547. АЕ. Литье.
Диаметр – 27 мм; соотношение осей - 7.
Л.С. Монограмма из литер Р и W. Таблица 1/20.
Об.С. Сглажена. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 165, № 453.

Роман IV (1067-1071) – 3 экз.

65. НЗХТ. Инв. № Н-18537. АЕ. Литье.
Диаметр – 24 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма из литер Р и W. Таблица 1/21.
Об.С. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 165, № 457.

66. НЗХТ. Инв. № Н-18543. АЕ. Литье.
Диаметр – 26 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма из литер Р и W. Таблица 1/21.
Об.С. Сглажена. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 165, № 457.

67. НЗХТ. Инв. № Н-18549. АЕ. Литье.
Диаметр – 24 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма из литер Р и W. Таблица 1/21.
Об.С. Сглажена. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 165, № 457.

Анонимный выпуск конца XI в.

68. НЗХТ. Инв. № Н-18533. АЕ. Литье.
Диаметр – 25 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма из литер Р и W. Таблица 1/21.
Об.С. Сглажена. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 165, № 460-463.

69. НЗХТ. Инв. № Н-18535. АЕ. Литье.
Диаметр – 25 мм; соотношение осей - 12.
Л.С. Монограмма из литер Р и W. Таблица 1/21.
Об.С. Сглажена. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 165, № 460-463.

70. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 46) АЕ. Литье.
Диаметр – 26 мм; соотношение осей - ?
Л.С. Монограмма из литер Р и W. Таблица 1/21.
Об.С. Сглажена. Крест на ступенях.
Анохин 1977: 165, № 460-463.

Анонимный выпуск первой половины XIII в.

71. НЗХТ. Инв. № Н-18512. АЕ. Литье.
Диаметр – 23 мм; соотношение осей - ?
Л.С. Монограмма из литер Р и W. Таблица 1/21.
Об.С. Гладкая (Крест ?).
Алексеевко 1996: 187-191.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ :

72. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 61).
Диаметр – 19 мм; соотношение осей - ?
АЕ. Очень плохой сохранности.
Л.С. Коррозирована.
Об.С. Коррозирована. Минерализована.

73. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 65).
Диаметр – 19 мм; соотношение осей - ?
АЕ. Очень плохой сохранности.
Л.С. Стерта.
Об.С. Стерта.

74. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 70).
Диаметр – 22 мм; соотношение осей – ?
АЕ. Очень плохой сохранности.
Л.С. Коррозирована.
Об.С. Коррозирована.

75. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 73).
Диаметр – 16 мм; соотношение осей – ?
АЕ. Очень плохой сохранности.
Л.С. Стерта.
Об.С. Стерта.

76. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 74).
 Диаметр – 12 мм; соотношение осей – ?
 А. Очень плохой сохранности.
 Л.С. Коррозирована.
 Об.С. Коррозирована.

77. НЗХТ. б/н (п/о 2002 № 80).
 Диаметр – 13 мм; соотношение осей – ?
 А. Очень плохой сохранности.
 Л.С. Коррозирована.
 Об.С. Коррозирована.

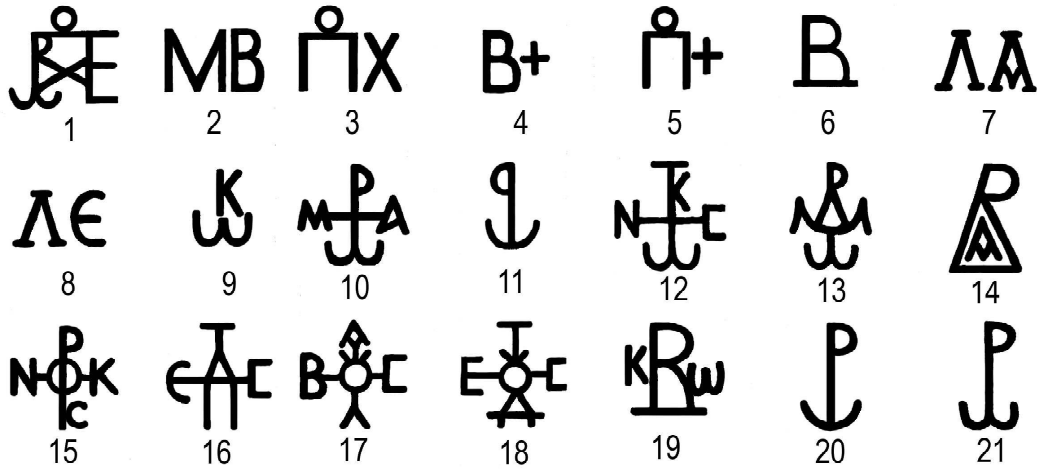

Таблица 1. Монограммы на херсоно-византийских монетах VI-XIII вв.

ГЛАВА 6. КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

В.А. Нессель

Обнаруженная цистерна представляет вырубленный в скале резервуар прямоугольной формы, размерами 6,10/5,90x5,40 м, при максимальной глубине около 6,00 м. В северо-восточном углу дна цистерны находилось заложённое камнями углубление-отстойник. Среди камней, перекрывавших углубление, встречались мелкие обломки керамики, в основном принадлежавшие плоскодонным амфорам-кувшинам с плоскими ручками и амфорам с дуговидными ручками.

После того, как отстойник был заложён, первоначальный пол цистерны был приподнят на высоту 0,40-0,60 м вымосткой из необработанных камней. На этой вымостке вместе с многочисленными обломками амфорной тары и разнообразной столовой посуды присутствовало значительное скопление створок раковин морских моллюсков. Среди обнаруженной здесь тарной керамики преобладают амфоры с дуговидными ручками и амфоры с «воротничковым» венчиком, среди находок столовой посуды выделяется заметное число белоглиняных поливных сосудов.

Вымостку перекрывал слой каменного завала, мощностью 0,30-0,80 м, над которым начиналась основная засыпь цистерны, составляющая свыше 4,00 м. Нижняя часть засыпи была насыщена большим количеством обработанных камней. В заполнении цистерны обнаружены различные архитектурные детали, около 9000 фрагментов керамических изделий, многочисленные обломки стеклянных и металлических предметов, кости животных. В засыпи было найдено 80 монет, большинство из них относится к первой половине-середине X – второй половине XI в. Керамический материал в основной массе хронологически однородный; наибольшая плотность залегания обломков была отмечена в нижней части заполнения, откуда происходит значительное количество фрагментов кровельной черепицы, амфорной тары и тонкостенной посуды. Однако следует отметить присутствие в засыпи «примеси снизу», состоящей из обломков ранневизантийских амфор (амфор с рифлением типа набегающей волны, амфор с воронковидным горлом), попавших в заполнение вместе с грунтом и составляющих ок. 3 % находок. В верхних слоях засыпи встречались разрозненные фрагменты керамики поздневизантийского времени.

После засыпи цистерны в ее северо-восточном углу было устроено подвальное помещение трапециевидной формы. Это помещение, размерами 1,85x1,60/1,80 м, с сохранившейся высотой стен до 1,40 м, располагалось на высоте от 5,20 м от поверхности дна цистерны. В центральной части бывшей цистерны, на высоте 4,70 м от уровня ее дна,

находилась хозяйственная яма. Керамический материал из этих объектов представлен фрагментированной кровельной черепицей, обломками плоскодонных амфор-кувшинов с плоскими ручками, «воротничковых» амфор, амфор с высокоподнятыми ручками, ангобированных красноглиняных амфор с бугристой внутренней поверхностью, а также значительным количеством фрагментов красноглиняной поливной посуды, в основном относящейся к группе монохромных изделий с орнаментом «сграффито».

Верхний слой, перекрывавший остатки постройки и хозяйственной ямы, возведенных над цистерной, был образован в процессе строительных работ, проводимых в середине XIX в. при сооружении Владимирского собора. Керамические находки из этого слоя принадлежат различным историческим периодам - от эллинистического (фрагменты херсонесских, синопских и гераклейских амфор, чернолаковой посуды и т.д.) до позднесредневекового (обломки красноглиняных амфор с белым ангобом, куманов, поливных тарелок). Присутствие таких разновременных находок объясняется осуществлявшимся перед возведением собора выравниванием всего пространства площади и, как следствие, перемещением для этой цели грунта, залегавшего в разных местах городища.

Комплекс керамических находок из заполнения цистерны достаточно многочислен и разнообразен*. Обнаруженные изделия принадлежат различным категориям: строительная керамика, тарные сосуды, простая гончарная и поливная посуда. Большинство встреченных в комплексе форм и типов керамических изделий византийского и поздневизантийского времени широко известно по раскопкам Херсонеса и синхронных памятников Крыма.

В настоящей публикации керамический материал из заполнения цистерны представлен по категориям, согласно функциональному назначению и способу изготовления. Следует отметить, что в составе комплекса доминирующее положение занимает простая гончарная керамика (35% находок в комплексе цистерны), на втором месте по представительности находится категория тарных сосудов (31%), чуть меньше находок строительной керамики (30%). В общем керамическом массиве доля поливной посуды незначительна, всего 4%, однако ее присутствие как в нижних, так и в верхних слоях засыпи особенно важно для датировки комплекса (Рис. 1).

Находки античных и раннесредневековых сосудов,

* Все рисунки керамических находок выполнены П.В. Пересветовым.

в очень незначительном количестве присутствовавшие в заполнении цистерны, в данной работе не рассматриваются.

СТРОИТЕЛЬНАЯ КЕРАМИКА

При изучении обнаруженной строительной керамики нами за основу были приняты типологии и датировки, предложенные А.Л. Якобсоном (1959: 316-322; 1979: 93-108; 147-157) и А.И. Романчук (2000: 123-126). Фрагменты кровельной черепицы (30% от общего количества керамических находок) встречались повсеместно на всех уровнях засыпи цистерны, но наибольшее их скопление наблюдалось в нижней части. Из-за сильной раздробленности и разрозненности обломков подобрать целые формы оказалось невозможно. Анализ найденных фрагментов показал, что при сооружении кровли цистерны были использованы следующие типы черепицы (Рис. 2):

1. Керамиды из комковатой глины красно-коричневого и коричневого оттенка, со значительной примесью шамота и крупного песка, на внешней поверхности имелись водосливные валики. Фрагменты этих керамид составляют 49% от числа находок строительной керамики. На 6 обломках обнаружены метки (Рис. 6: 1-4, 7, 13, 24-28). В Херсонесе черепица этого типа датируется широким хронологическим промежутком с кон. IX по XIII вв. (ср.: Якобсон 1959: 316-317; 1979: 93-94; Романчук 2000: 123-124, гр. 2).

2. Керамиды из плотной глины темно-красного и темно-оранжевого цвета, содержащей незначительные включения известковых частиц; внешняя поверхность покрыта светлым ангобом (38% находок). На 4 обломках – рельефные метки (Рис. 6: 5, 8, 9, 12, 14-23). По материалам Херсонеса время бытования этого типа черепицы определяется XI-XIII вв. (ср.: Якобсон 1979: 147-148; Романчук 2000: 123-126, гр. 1).

3. Калиптеры (12%) из плотной глины красно-оранжевого цвета, с мелкими включениями известковых частиц. На 2 фрагментах – рельефные метки (Рис. 6: 10, 11, 29, 30).

На 13 фрагментах черепицы имелись строительные метки (11 – на керамидах, 2 – на калиптерах). Большинство из них – буквенные; есть также одна метка со схематическим изображением животного (Рис. 6: 1-5, 7-13). Почти все эти знаки известны по находкам из Херсонеса и Юго-Западного Крыма (Якобсон 1979: 95-96, 58:108,131-134, 59:90,153-154, 97:62-68, 98:75)*, только для одной метки, выполненной в высоком рельефе на черепице из плотной, сильно шамотированной глины, не удалось найти точной аналогии (Рис. 6: 6). Вероятно, этот знак следует отнести к группе меток VIII-IX вв. (Якобсон 1979: 64-66).

Кроме черепицы и калиптеров, в заполнении цистерны встречались фрагменты строительной

плинфы (1%), изготовленной из плотной красно-оранжевой глины, содержащей включения мелкого песка, шамота, известковых частиц (Рис. 6: 31). Интересной является находка двух сильно фрагментированных керамических труб, бывших в длительной эксплуатации: их внутреннюю сторону покрывал толстый известковый налет. Трубы (сохр. длина 21 и 30 см; макс. диаметр 18 и 22,6 см) изготовлены из рыхлой темно-коричневой глины, в глиняном тесте присутствует большая примесь мелкого песка, известковых частиц. Такие трубы известны по прежним раскопкам в Херсонесе, где они были найдены вместе с материалом IX-X вв. (Белов 1938: 281-282, 115) (Рис. 6: 32, 33).

ТАРНАЯ КЕРАМИКА

Находки тарной керамики составляют 31% в комплексе из заполнения цистерны. В эту категорию вошли обнаруженные в засыпи пифосы, амфоры и тарные сосуды других форм. Распределение типов тарной керамики см. на рис. 2.

ПИФОСЫ

В рассматриваемой категории керамического материала пифосы составляют 2% находок и представлены сосудами двух типов:

1. Пифосы с высоким массивным венцом треугольной формы, плоской верхней гранью. Глина плотная, красно-коричневого, красно-оранжевого цвета, содержит включения мелкого песка, частиц известки. Диаметр венца – 36-38 см (Рис. 7: 1, 2).

В Херсонесе сосуды такого типа известны по находкам в слоях VIII-IX вв. (Якобсон 1979: 35-36, 16)

2. Пифосы с невысоким треугольным венцом, слегка отогнутым наружу; верхняя грань венца плоская, украшена волнистой линией или рядом глубоких ямок, иногда волнистая линия расположена на нижней грани венца. Глина темно-коричневого цвета, промешана неровно; примесь песка, шамота, известковых включений. Диаметр венца – 22-28 см (Рис. 7: 3-6).

А.Л. Якобсон относил эти сосуды к IX в. (1979: 36, 17), А.В. Сазанов, основываясь на материале из Керчи, увеличивает время бытования данной формы пифосов до второй половины XI - начала XII в. (1998: 51-52, 1:2-4)

АМФОРЫ

Из заполнения цистерны была получена довольно обширная и интересная коллекция амфор, состоящая из сосудов тринадцати типов; большинство из них известны по находкам в херсонесских комплексах IX-XIII вв. Определение типов амфорной тары сделано на основе классификаций, разработанных И.А. Антоновой, В.Н. Даниленко, Л.П. Ивашутой, В.И. Кадеевым, А.И. Романчук (1971: 81-101) и А.И. Романчук, А.В. Сазановым, Л.В. Седиковой (1995)*. По количеству находок доминирующее положение в этой группе керамического материала занимают амфоры-кувшины с плоскими ручками (класс 41 по Романчук и др.), несколько меньше доля амфор с

* В сноски курсивом обозначены рисунки и таблицы и порядковые номера в них.

* Далее в тексте – херсонесская классификация и классификация Романчук и др. соответственно.

дуговидными ручками и «воротничковых» амфор (классы 42 и 43 по этой же классификации). Такое распределение амфорных находок характерно для херсонесских комплексов середины XI в. (Сазанов 2000: 136). В настоящей публикации обнаруженные сосуды рассматриваются в хронологической последовательности.

1. Красноглиняные желобчатые амфоры с невысоким горлом (класс 36 по классификации Романчук и др. (1995: 60-61, 23: 128-129) составляют 2 % находок. Горло заканчивается валикообразным венчиком; овальные ручки профилированы невыразительным ребром. Глина плотная, темно-красного, красно-коричневого цвета, иногда с темным закалом посередине, содержит мелкие включения частиц извести, песка. Диаметр венчика - 6,5-7 см (Рис. 8: 1-3).

Эти амфоры входят в группу амфор так называемого «причерноморского типа», исследованию которых посвящена обширная научная литература. Основные проблемы, связанные с производством, эволюцией и датировкой амфор данного типа рассмотрены в ряде современных исследований (Баранов 1990: 26-34; Рыжов, Седикова 1999: 314-315; Паршина, Тесленко, Зеленко 2001: 52-81). В Херсонесе амфоры класса 36 встречаются в комплексах IX–XI вв. (ср. Романчук и др. 1995: 60-61; Седикова 1995: 434-440; Рыжов, Седикова 1999: 313-315; Сазанов 2001: 245).

2. Красноглиняные амфоры с перетяжкой в нижней части тулова и округлым дном (тип XIX по херсонесской классификации (1971: 91, 19), класс 37 по классификации Романчук и др. (1995: 61, 23: 130, 131) - 2 %. Сосуды снаружи покрыты серо-коричневым ангобом. На придонной части имеются 2-3 глубоких широких бороздки; на дне - небольшое углубление, диаметром 1-1,2 см. На внутренней поверхности дна амфор сохранились следы от грубого заглаживания. Глина плотная, неровного обжига, красно-оранжевого цвета, с темно-серым закалом; включения мелкодробленого песка (Рис. 8: 4-6). По материалам Херсонеса этот тип амфор относится к VIII-X вв. (ср.: Антонова и др. 1971: 91; Романчук и др. 1995: 61; Седикова 1995: 434-440).

3. Амфоры-кувшины с плоскими ручками (тип XX по херсонесской классификации (1971: 91-92, 20-21), класс 41 по классификации Романчук и др. (1995: 63-66, 30: 135-138, 31: 139-140, 142-143) - 33%. У амфор этого типа высокое горло, расширяющееся в верхней части в виде раструба, иногда украшено двумя-тремя горизонтальными или волнистыми линиями. Венчик, как правило, двучастный. Ручки некоторых сосудов украшены рядами точечных углублений и миндалевидными вдавлениями; на ручке одного сосуда имеется буквенная метка, нанесенная по сырой глине. Дно плоское. Внутренняя поверхность большинства экземпляров была покрыта черным смолистым веществом. Глина красно-коричневого, оранжево-коричневого, кирпичного оттенков, рыхлой структуры; примесь мелкого песка, частиц шамота, извести. Диаметр венца - 7,8-11 см, диаметр дна - 8-

12 см (Рис. 9).

Амфоры-кувшины с плоскими ручками составляют массовый материал на всех памятниках средневекового времени в Северном Причерноморье. Основная библиография по этим сосудам приведена в ряде статей (Плетнева 1959: 249; Якобсон 1979: 32-33; Сазанов 1998: 55). В Херсонесе бытование этой формы сосудов приходится на вторую половину – последнюю треть IX – конец XI – начало XII в. (Антонова и др. 1971: 92; Романчук и др. 1995: 63-66; Сазанов 2001: 232-239).

4. Амфоры с желобчатым туловом грушевидной формы и дуговидными ручками (класс 42 по классификации Романчук и др. (1995: 66-68, 33: 144-145, 28: 146), тип I по Günsenin (1989: 269-271, 2) - 12%. Горло у этих сосудов короткое, кверху слегка расширяется и заканчивается валикообразным венцом. Ручки, овальные или с небольшим ребром посередине, прикрепленные к венцу или сразу под ним, горизонтально отходят от горла, иногда приподнимаясь на уровень венца, и вертикально опускаются на плечи. На верхней части многих сосудов, а также на ручках имелись граффити; на одном экземпляре в месте нижнего прилепа ручки – монограмма, нанесенная по сырой глине. Сосуды покрыты жидким ангобом бледно-желтого – белого оттенка. Глина плотная, тонко отмучена, светло-коричневого, светло-оранжевого цвета, с большим содержанием частиц слюды. Диаметр венца - 8,8-10,4 см (Рис. 10: 1-12, 11: 11; 12: 1-8).

Принято считать, что амфоры этого типа изготавливались в районе Константинополя. Эти сосуды были широко распространены на территории Византийской империи и за ее пределами в X-XII вв. К настоящему времени накоплена обширная научная литература, посвященная амфорам с дуговидными ручками (Artur 1989: 79-83; Bjelajac 1989: 109-118, type 1; Мыц 1991: 86; Джанов, Майко 1998: 160-161; Сазанов 1998: 55-56). Очень часто у амфор этого типа имеются клейма и граффити (Якобсон 1959: 315-316; Дюженко 2001: 93-103; Зеленко 2001: 82-92; Зоценко 2001: 165-197 и др.); такие знаки встречались и на многих обнаруженных в цистерне сосудах. В Херсонесе амфоры с дуговидными ручками относятся ко времени последней трети X – XI в. (Романчук и др. 1995: 66-68).

5. Тонкостенные желобчатые амфоры с уплощенно-овальными дуговидными ручками. Доля этих амфор составляет менее 1 % среди находок тарной керамики. Эти небольших размеров сосуды изготовлены из хорошо отмученной глины светло-коричневого цвета, содержащей включения слюды, и покрыты светлым ангобом. На горле и плечах сосудов имеются граффити (Рис. 10: 13-15).

Прямых аналогий этим сосудам не выявлено, но по качеству и составу глины они близко примыкают к описанным выше амфорам с дуговидными ручками.

6. Грушевидные амфоры с воронкообразным горлом и венчиком «воротничкового» типа (тип XXI по херсонесской классификации (1971: 93, 22-23), класс 43 по классификации Романчук и др. (1995: 68-

70, 34: 147-149), тип II по Günsenin (1989: 269-271, 5-7) - 9 %.

Обнаруженные в засыпи цистерны амфоры этого типа отличаются разнообразием вариантов*:

а) Амфоры с широкими уплощенно-овальными ручками, поднятыми до уровня массивного венца. Горло, как правило, гладкое, однако на некоторых экземплярах прослежено широкое рифление. Внешняя поверхность покрыта ангобом светло-желтого или белого цвета. Глиняное тесто плотное, хорошо промешано, содержит включения мелкого дробленого песка; цвет глины – розовато-бежевый. Диаметр венца - 9, 6 – 11 см (Рис. 13: 1-5).

б) Амфоры с широкими, но более плоскими, чем в предыдущем варианте, ручками, которые отходят от горла почти горизонтально или слегка приподняты до уровня венца. Горло в нижней части слегка желобчатое. На плечах и в нижней части корпуса амфор имеются широкие желобки. В одном случае тулово амфоры было украшено врезной извилистой линией. Поверхность амфор покрыта ангобом светло-бежевого – светло-зеленого оттенков. У некоторых экземпляров на внутренней поверхности имелись следы черного смолистого вещества. Глина плотная, хорошо промешана, в редких случаях в изломе видны мелкие лакуны; включения мелкого песка, известковых частиц; цвет от розовато-оранжевого до красно-коричневого. Диаметр венца - 10,2 – 10, 6 см (Рис. 13: 6-14).

На многих фрагментах, принадлежащих амфорам этого варианта, имеются граффити (Рис. 14: 11-21). Интерес вызывает находка клейма на одной из амфорных ручек (Рис. 14: 22).

в) Амфоры с широкими уплощенно-овальными ручками, которые прикреплены в верхней части горла и высоко поднимаются над венцом. На нижней части горла и на плечах проведены несколько широких желобков. Сосуды покрыты светлым ангобом. Глина светло-коричневого, розовато-бежевого цвета, на поверхности и в изломе видны лакуны от сгоревшей соломы; включения мелкого песка, известковых частиц. Диаметр венца - 9,6 – 10,6 см (Рис. 14: 1-8).

Особо следует отметить уникальную находку надписи-дипинто, выполненной красной краской, которая была нанесена на горло одной из амфор этого варианта (Рис. 14: 7). Подобные надписи известны только на амфорах, обнаруженных в самом Константинополе и за его пределами практически не встречаются. К настоящему времени известен лишь один фрагмент надписи на «воротничковой» амфоре, обнаруженный при раскопках Судака (Булгаков 2001: 162).

г) Амфоры с широкими уплощенными ручками, вероятно, крепившимися так же, как на сосудах предыдущего варианта (на ручках в верхней части отчетливо видны следы от соприкосновения с внешней гранью венца, полученные в процессе формовки

изделия). Венчик у этих сосудов менее массивный, чем у описанных выше амфор. Стенки сосудов более тонкие. Ангоб в большинстве случаев отсутствует. Глина красно-оранжевого оттенка; примесь мелкого песка, частиц извести и мелких включений слюды. Диаметр венца - 10,6 см (Рис. 14: 9, 10).

В херсонесских классификациях амфоры с «воротничковым» венчиком традиционно датируются концом X - началом XI в. (Антонова и др. 1971: 93; Романчук и др. 1995: 68-70). К настоящему времени исследованиями, посвященными этим амфорам, выделены три основных типа сосудов: ранний тип (X в.) - амфоры из пористой глины, с грушевидным туловом, массивными овальными ручками, прикрепленными почти горизонтально к горлу; и поздние типы (рубеж X/XI – начало XII в.) - амфоры из более плотной, с мелкими лакунами, глины, с уплощенно-овальными ручками, несколько приподнятыми над венцом; и амфоры с высоко поднятыми над венцом овальными ручками (ср.: Плетнева 1959: 244-246, 31; Антонова и др. 1971: 93; Якобсон 1979: 109-111, 68: 1-4; Мыц 1991: 87-88; Романчук и др. 1995: 68-70; Майко 2001: 118-122, 1: 1, тип 1). Если следовать предложенному эволюционному ряду, то наши сосуды вариантов (а, б) следует отнести к раннему типу, несмотря на существенные различия в составе глиняного теста у амфор варианта (б), которое у некоторых экземпляров весьма напоминает глину позднесредневековых плоскодонных сосудов (ср. описание состава глины: Романчук и др. 1995: 82-88). Сосуды варианта (в) соответствуют позднему типу. Для амфор варианта (г) прямых аналогий не выявлено; вероятно, в них тоже надо видеть разновидность позднего типа «воротничковых» амфор.

7. Амфоры с высокоподнятыми дуговидными ручками (тип XXIII по херсонесской классификации (1971: 94, 25), класс 45 по классификации Романчук и др. (1995: 73-77, 35: 152, 36: 151, 37: 153, 38: 154), тип IV по Günsenin (1989: 274-276, 12-14) - 1 %. На тулове амфор имеется мелкое рифление; ручки овальные в сечении. Внешняя поверхность амфор покрыта жидким светлым ангобом. Глина светло-коричневого – светло-оранжевого оттенков, тонко отмучена, содержит мелкие включения слюды. Диаметр венца - 5,5–8 см (Рис. 15: 1-6).

Хронологически амфоры этого типа приходят на смену описанным выше амфорам с дуговидными ручками и являются продукцией того же центра. В Херсонесе эти амфоры были найдены в комплексах конца XIII - XIV в. (Антонова и др. 1971: 94; Романчук и др. 1995: 73-77; Голофаст, Рыжов 2003: 193-194).

8. Тонкостенные желобчатые амфоры с дуговидными ручками составляют менее 1% находок. У этих небольших сосудов узкое горло, слегка расширенное к венчику. Венчик в форме полувалика, на одном экземпляре он имеет косо срезанную верхнюю грань. Овальные в сечении ручки слегка приподняты над уровнем венца. Глина у этих амфор темно-коричневая, с включениями слюды и мелкого песка. Диаметр венца - 6-7 см (Рис. 15: 7-9).

В материалах из херсонесских комплексов точных

* За основу при выделении вариантов нами были приняты формообразующие признаки: профиль венца, ширина ручек и их положение, толщина стенок и т.д.

аналогий таким сосудам выявить не удалось, однако положение ручек и состав глины позволяют видеть в них привозные изделия поздневизантийского времени.

9. Красноглиняные плоскодонные амфоры с ангобированной внешней поверхностью (тип XXV по херсонесской классификации (1971: 95, 27-30), класс 52 по классификации Романчук и др. (1995: 83-88, 28: 188, 193, 42: 181-183, 46: 184-187) - 7%. У этих амфор невысокое прямое горло заканчивается слегка закругленным венцом; ручки уплощенно-овальной формы, прикреплены к средней части горла. Дно широкое; на одном фрагменте имеется граффити, процарапанное с внешней стороны дна. Внутренняя поверхность сосудов бугристая. Глина плотная, красно-коричневого цвета, со значительным включением известковых частиц. Диаметр венца - 7,5-8 см; диаметр дна - 14-19 см (Рис. 15: 10-17).

В Херсонесе амфоры с ангобированной поверхностью составляют массовый материал в слоях второй половины XIII - XIV в. Предполагается, что такие амфоры могли изготавливаться в местных мастерских (Антонова и др. 1971: 95-98; Романчук и др. 1995: 83-88; Золотарев, Ушаков 1997: 30-45; Золотарев, Коробков, Ушаков 1998: 182-194; Голофаст, Рыжов 2003: 194).

10. Красноглиняная амфора с воронковидным горлом и дуговидными ручками представлена единичной находкой. Горло имеет резкое сужение в средней части; на этом уровне прикреплены округлые в сечении ручки. Венчик слегка скошен внутрь. Глина кирпичного оттенка, неровного обжига, с серым закалом; черепок в изломе имеет рыхлую структуру; с включением мелкого шамота и песка. Гладкая внешняя поверхность сосуда покрыта ангобом цвета глины. Диаметр венца - 9,6 см (Рис. 16: 1).

Среди амфор из комплексов византийского Херсонеса точных аналогий нашему сосуду выявить не удалось. Сосуды подобной формы, но изготовленные из другой глины, встречались при раскопках Саркела, где их связывают с продукцией местных мастерских и относят к IX-X вв. (Плетнева 1959: 241-244, 28: 2).

На долю рассматриваемых ниже типов плоскодонных амфор приходится 22% находок.

11. Красноглиняные плоскодонные амфоры с высоким воронковидным горлом и дуговидными ручками. Край горла слегка закруглен. Круглые в сечении ручки крепятся посередине горла, которое внизу может быть украшено несколькими рядами неглубоких бороздок. Тулово в придонной части покрыто широким рифлением. На дне видны следы от среза ниткой. Внешняя поверхность сосудов покрыта ангобом светло-коричневого и серого оттенков. У большинства экземпляров внутренняя поверхность неровно заглажена, имеются следы формовки на гончарном круге. Характерной особенностью этих амфор является то, что толщина дна у них заметно меньше толщины стенок. Амфоры изготовлены из плотной глины, обжиг неровный, с темно-серым закалом; у многих сосудов цвет глины варьируется от красно-коричневого – в верхней части

сосуда – до серого – в нижней. В глиняном тесте содержится значительная примесь известковых частиц, как и у известных амфор «причерноморского типа». Диаметр венца - 9-10 см; диаметр дна - 10-14 см (Рис. 16: 2, 3, 11, 13).

По форме эти сосуды очень близки к предыдущему типу, однако имеют отличия в составе глины. В Херсонесе две подобные амфоры были найдены в усадьбе XI-XII вв. Портового района (Романчук 1975: 16, 10). Возможно, в этих сосудах следует видеть варианты местных позднесредневековых плоскодонных амфор (ср. Романчук и др. 1995: 86, 49: 191).

12. Красноглиняная плоскодонная амфора с коротким прямым горлом и слегка приподнятыми дуговидными ручками. Венчик немного отогнут наружу и закруглен. Ручки в сечении круглые. Снаружи сосуд покрыт темно-серым ангобом, внутри – ярко-оранжевым. Глина красно-коричневая, по структуре аналогична представленному выше типу. Диаметр венца - 8 см; диаметр дна - 14 см (Рис. 16: 4, 14).

С представленными выше сосудами данную амфору связывает состав глиняного теста и способ обработки внешней поверхности. Скорее всего, она также относится к обширному классу плоскодонных амфор местного производства (ср. Романчук и др. 1995: 83-89).

13. Красноглиняные амфоры с коротким горлом в виде раструба и овальными ручками. Венчик имеет слегка скошенную наружу верхнюю грань. Дно, вероятно, плоское. Ручки профилированы валиком, расположенным посередине. На тулове в верхней части проведены широкие неглубокие бороздки. На внутренней стороне сосудов видны отчетливые следы от формовки. На 4 ручках этого вида амфор имеются одинаковые клейма в виде четырех квадратов, составляющих равноконечный крест. Ангоб и глина этих сосудов аналогична описанным выше типам. Диаметр венца - 8,6-9 см (Рис. 16: 5-10, 12).

Аналогичные клейма на ручках подобных амфор были обнаружены на Северном берегу Херсонеса в слоях X-XIII вв. (Византийский Херсон 1991: 135, 141), а также во втором строительном горизонте Партенит, который датируется серединой X в. (Паршина 1991: 79, 6).

ПРОБКИ для амфор, изготовленные из черепицы, представлены тремя находками. Глина у этих изделий плотная, розовато-оранжевая, содержит включения известковых частиц, мелкого песка. Размеры пробок - 6x5 см; 7x6 см; 7x7 см (Рис. 30: 1-3).

В керамическом комплексе из засыпи цистерны были обнаружены фрагменты других тарных сосудов, представленных изделиями двух типов:

1. Крупные тарные сосуды с горизонтальными ручками. Найдены обломки двух таких сосудов. Один из них, изготовленный из плотной красно-коричневой глины, украшен рельефными волнистыми линиями, расположенными на уровне ручки (Рис. 8: 8). У другого сосуда, сформованного из рыхловатой оранжевой глины, внешняя поверхность была

покрыта светло-серой обмазкой, на которой ложилом был нанесен «сетчатый» орнамент. Ручка этого сосуда была орнаментирована горизонтальными линиями, исполненными тем же способом (Рис. 8: 9). Тарные сосуды с таким же положением ручек встречались при раскопках средневековых поселений Южного берега Крыма (Паршина 1974: 63, 7).

2. Тарные (?) сосуды с высокоподнятой ручкой представлены двумя экземплярами. Горло широкое, венчик прямой или слегка отогнутый. Уплощенно-овальная в сечении ручка, высоко поднятая над горлом, симметрично крепится к верхнему краю венца. У одного сосуда этой формы ручка украшена орнаментом из прямых, пересекающихся крест накрест, и волнистых линий, нанесенных по сырой глине. Сосуды изготовлены из плотной глины красно-оранжевого оттенка, содержащей включения песка. Диаметр венца у таких сосудов составляет 17 см (Рис. 8: 7, 10).

Аналогий этим сосудам среди материала из Херсонеса и других средневековых памятников Крыма не найдено. Эта крайне редкая для византийского времени форма сосудов, вероятно, является продолжением античных традиций: точно такое же положение ручек наблюдается у некоторых сосудов первых веков н.э., найденных на Афинской Агоре (Robinson 1959: 92, 22: *M88-M89*).

ПРОСТАЯ ГОНЧАРНАЯ ПОСУДА

Поскольку к настоящему времени не существует единых и четких критериев разделения простой гончарной посуды на столовую и кухонную (Сазанов 2001: 246), мы объединили в эту категорию керамического материала все найденные в заполнении цистерны неполивные сосуды. Следует сразу отметить, что основная часть этих сосудов находилась в нижней части заполнения цистерны. По количеству находок и разнообразию типов сосудов, вошедших в данную категорию, рассматриваемый керамический комплекс заметно превосходит синхронные херсонесские комплексы (Сазанов 2001: 246-245; Голофаст, Рыжов 2003: 195-198). Простая гончарная посуда (35% находок) выделяется среди прочих категорий керамики, происходящих из цистерны, числом целых и графически восстанавливаемых форм. Значительная часть этих сосудов изготовлена из одной глины, близкой по составу местным «причерноморским» амфорам и приходящим им на смену плоскодонным ангобированным амфорам, и покрыта с внешней стороны ангобом одинакового оттенка. Вероятно, что это продукция местных керамических мастерских (Ивашута 1975: 15; Седикова 1995: 173; Рыжов, Седикова 1999: 195; Голофаст, Рыжов 2003: 195), о чем также свидетельствуют встречавшиеся в засыпи изделия, деформированные в процессе изготовления.

При описании все сосуды были разделены по группам, согласно их назначению: кувшины, горшки, миски, чашки, тарелки, изделия специального назначения. Доля каждой группы простой гончарной посуды показана на рис. 4. Обнаруженные в

заполнении цистерны белоглиняные сосуды без глазурованного покрытия, включенные нами в данную категорию находок, рассматриваются отдельной группой.

КУВШИНЫ (60% среди всех найденных простых гончарных сосудов)

Все обнаруженные в засыпи кувшины можно разделить на пять основных типов.

1. Тонкостенные кувшины с широкими ленточными ручками представлены наибольшим числом находок. В зависимости от высоты горла и оформления венца можно выделить следующие варианты этих сосудов:

а) Кувшины с высоким прямым горлом, завершающимся двучастным венчиком (Рис. 17: 2, 3).

б) Кувшины, имеющие короткое горло в виде раструба, которое заканчивается плоско срезанным или слегка заостренным краем; на венчике с внешней стороны могут быть один-два неглубоких желобка (Рис. 17: 1, 4, 6).

в) Кувшины, у которых горло слегка расширено к венчику с плавно отогнутым краем (Рис. 17: 5, 8).

Диаметр венца большинства сосудов - 8-9 см; диаметр дна - 8-11 см; ширина ручек: 4-6 см. У некоторых кувшинов на ручках в месте нижнего прилепа имелись граффити (Рис. 18: 1, 2). Интересной находкой являются кувшины с горизонтальными ручками, крепившимися внизу сосуда (Рис. 18: 3, 4).

На внешней стороне некоторых сосудов имелось широкое неглубокое рифление, на дне видны следы от среза ниткой. Большинство кувшинов было покрыто ангобом серо-коричневого и серого оттенков. Глина плотная, содержит включения известковых частиц; обжиг неровный; цвет глины варьируется от красно-коричневого до серого даже в пределах одного сосуда.

Кувшины с ленточными ручками составляют массовый материал при раскопках жилых кварталов средневекового Херсонеса, однако чаще всего они встречаются в слоях XIII-XIV вв. (Золотарев, Ушаков 1997: 34; Голофаст, Рыжов 2003: 197).

2. Ойнохойи. Среди кувшинов этого типа встречаются сосуды различных форм и размеров.

а) Одноручная ойнохойя, украшенная гофрировкой в верхней части горла. Уплощенная ручка прикреплена посередине горла. Поверхность сосуда покрыта светло-оранжевым ангобом. Ойнохойя изготовлена из серо-коричневой плотной, хорошо промешанной глины, содержащей включения мелкодробленного песка, известковых частиц. Высота горла этого сосуда - 7,5 см (Рис. 19: 1).

Прямых аналогий данной ойнохойи не обнаружено, однако сосуды с подобным оформлением горла присутствовали в засыпи херсонесского водохранилища среди материала первой половины IX в. (Седикова 1993: 134, 1: 2). В Сарашанах близкий по форме кувшин обнаружен в комплексе начала XII в. (Hayes 1992: 141, 84: 51).

б) Одноручная ойнохойя с широким коротким горлом, с несколькими рядами бороздок в нижней его части. Уплощенная ручка прикреплена под венчиком и опускается на покатое плечо сосуда. Глина

оранжевого цвета, с примесью мелкого песка. Высота горла - 5,5 см (Рис. 19: 2). Точных аналогий для этого типа ойнохойи не выявлено.

в) Одноручные узкогорлые кувшинчики с ойнохоевидным горлом. Венчик слегка отогнут наружу и закруглен. В нижней части горла имеется выступающее ребро. Уплощенно-овальные ручки крепятся к средней части горла, в месте прилепа они украшены пальцевым вдавлением. Некоторые сосуды покрыты коричневым ангобом. Глина плотная, неровного обжига, оттенок варьируется от красно-коричневого до серо-коричневого. В глиняном тесте содержатся включения мелкого песка, частиц извести. Один сосуд был изготовлен из рыхлой глины красно-оранжевого цвета, в большом количестве содержащей кварцевый песок. Высота горла этих сосудов - 5-6 см (Рис. 19: 3-5).

Среди опубликованных материалов из Херсонеса и памятников Южного и Восточного Крыма точных аналогий этим сосудам не выявлено. Но наличие пальцевого вдавления на ручках позволяет установить нижнюю границу существования этой формы – не ранее IX в. (Седикова 1995а: 172; 1995б: 123; Рыжов, Седикова 1999: 322).

Кувшины остальных типов были найдены в единичных экземплярах.

3. Кувшин с шаровидным туловом и воронкообразным горлом. Верхняя и нижняя части горла украшены рельефными поясками, на которые нанесена волнистая линия. Поверхность сосуда покрыта серым ангобом. На тулове вверху расположены спиралевидные окружности, нанесенные лощиком, под ними – неглубокий желобок, с двумя рядами наклонных линий, также выполненных лощиком. Центральная часть тулова украшена поясом «сетчатого» орнамента, исполненного в той же технике. На уровне орнамента на тулово нанесено граффито. Глина светло-оранжевого цвета, рыхлая, с примесью мелкого песка и известковых частиц. Диаметр венца - 10 см. Кувшин графически восстанавливается на высоту 28,5 см (Рис. 20: 1). Точных аналогий этому кувшину не обнаружено.

4. Тонкостенный одноручный кувшинчик с шаровидным туловом, украшенным вертикальными вдавлениями. Тулово и овальная в сечении ручка покрыты вертикальными извилистыми врезными линиями. На ручке в месте верхнего прилепа – пальцевое углубление. Глина плотная, оранжево-коричневого оттенка, содержит включения мелкого песка. Высота сохранившейся части – 14,5 см (Рис. 20: 2).

Прямых аналогий этому кувшинчику не выявлено, но сосуды с вертикальными вдавлениями на тулове встречаются в Херсонесе в слоях конца IX - X в. А.Л. Якобсон считал, что такой прием украшения керамических сосудов имитирует декор изделий из металла, и связывал появление в Херсонесе изделий с вмятинами на тулове с влиянием стран Закавказья, где обнаружено значительное количество керамических сосудов, украшенных подобным

образом (Якобсон 1979: 83, 50:1-3).

5. Куманы красноглиняные. Носик одного сосуда украшен налепным жгутом с поперечными насечками. Глина очень плотная, хорошо отмучена, красно-оранжевого цвета, с включением известковых частиц (Рис. 20: 3-5). Эта форма сосудов характерна для позднесредневекового Херсонеса и датируется XIII-XIV вв. (Якобсон 1979: 117, 72:8; Романчук 1982: 96-97, 3:12-13; Византийский Херсон 1991: 181-183; Золотарев, Ушаков 1997: 95).

6. Миниатюрные тонкостенные кувшинчики представлены двумя вариантами:

а) Сосудики с приземистым или слегка вытянутым туловом. Обнаружены только нижние части этих кувшинчиков. Дно плоское, слегка вогнуто внутрь. Ручка уплощенно-овальная, нижний прилеп расположен чуть выше дна. Один экземпляр был покрыт светло-бежевым ангобом. Глина плотная, кирпично-оранжевого, светло-серого оттенков; содержит включения мелкого песка, известковых частиц. Диаметр дна - 4-6,8 см; высота сосудов (сохр.) – 4,5-6,5 см (Рис. 24: 9-11).

б) Сосудик с широким приземистым туловом, на плоском, чуть вогнутом дне. Верхняя часть тулова украшена рельефными бороздками. Глина плотная, красно-коричневого цвета, с включением мелкого песка, известковых частиц. Диаметр дна - 5,6 см. Сосуд сохранился на высоту 2,5 см (Рис. 24: 12).

Кувшинчики, близкие к первому варианту, предположительно, детские игрушки, встречались в керамическом комплексе X в. из цистерны № 5, расположенной в квартале X «Б» Северного района Херсонеса (Рыжов, Седикова 1999: 321, 6: 9-12). Для сосуда второго варианта прямых аналогий не выявлено.

ГОРШКИ И ГОРШОЧКИ (34%)

Обнаруженные в заполнении цистерны плоскодонные горшки и небольших размеров горшочки имеют традиционную для средневекового Херсонеса форму: шаровидное тулово, чаще всего гладкое, заканчивается широким горлом с отогнутым наружу венчиком; как правило, у таких горшков есть одна, иногда две уплощенно-овальных в сечении ручки (Якобсон 1979: 62, 34:1; Ивашута 1975: 17-18, 4: в; Романчук 1975: 15, 9:1; Седикова 1995а: 176, 9: 9-12; Рыжов, Седикова 1999: 323-324, 8: 5,9; Сазанов 2001: 250, тип 3, 16: 1-4).

Однако состав глиняного теста, из которого были изготовлены все эти сосуды, различен: часть изделий сформована из плотной красно-коричневого, серо-коричневого или серого цвета глины, в изломе черепка видны мелкие включения частиц извести и мелкодробленого песка; у других сосудов глина рыхлая, светло-коричневого оттенка, содержит большую примесь кварцевого песка и крупных частиц шамота. Вероятно, это продукция разных керамических мастерских.

По наличию характерных деталей выделяются два типа крупных горшков:

1. Горшки с шаровидным, сильно раздутым в верхней части туловом и одной, реже – двумя ручками.

Венчик высокий, слегка отогнут наружу. У некоторых сосудов на верхней грани венчика имеется небольшой уступ для установки крышки. Уплощенная в сечении ручка, чаще всего имеющая пальцевое вдавление в месте верхнего прилепа, закреплена на венчике и опускается на середину тулова. На ручках отдельных сосудов есть отверстие для подвешивания. Тулово, как правило, гладкое, но встречаются сосуды, декорированные одной-тремя врезными горизонтальными линиями, расположенными в верхней части тулова. Плоское дно слегка вогнуто внутрь; видны следы от подреза ниткой. Размеры горшков сильно варьируются: диаметр венца от 10 до 20 см, диаметр дна от 8 до 15 см, высота сосудов 18-25 см.

С внешней стороны все горшки покрыты темно-серым или серо-коричневым ангобом; изготовлены из глины двух упомянутых выше типов глины (Рис. 21: 1-9 - горшки из рыхлой глины; Рис. 22: 1-15, 27: 2, 11 - горшки из плотной глины).

Форма горшков с шаровидным туловом имеет достаточно широкие хронологические рамки. Среди херсонесских находок наиболее близкие аналогии нашим сосудам обнаружены в комплексах IX-XI вв.; однако подобные горшки встречаются и в более позднее время (ср.: Ивашута 1975: 17-18, 4; Романчук 1975: 15, 9: 2, 4-5; Романчук 1982: 95, 2: 1-4; Рыжов, Седикова 1999: 323, 8: 4-6; Сазанов 2001: 249, 15: 1; Голофаст, Рыжов 2003: 195-196, 4). В Керчи горшки с шаровидным туловом присутствуют в слоях конца IX - первой половины XI в. (Сазанов 1998: 57-60, III: 23, IV: 30-31).

2. Одноручный горшок с ойнохоевидным горлом. По плечу сосуда проведена врезная горизонтальная линия. Уплощенно-овальная в сечении ручка крепится прямо к краю венца и опускается на верхнюю часть шаровидного тулова. Высота горла горшка - 5 см (Рис. 19: 6). Сосуд изготовлен из рыхлой глины пористой структуры.

Ближайшие аналогии этому типу происходят из Портового района Херсонеса, где такие сосуды обнаружены в слоях XII-XIII вв. (Ивашута 1975: 18, 5: а).

Тонкостенные ГОРШОЧКИ представлены сосудами двух типов:

1. Одноручные шаровидные горшочки с гладким или желобчатым туловом. Форма, профилировка отдельных деталей и состав глины этих сосудов совершенно аналогичны представленным выше крупным горшкам, от которых они отличаются лишь своими размерами: диаметр венца - 10-12 см, высота - 8-13 см. Среди горшочков обнаружен один бракованный сосуд с сильно деформированной во время обжига ручкой (Рис. 23: 1-6 - горшки из плотной глины, Рис. 23: 7 - горшок из рыхлой глины). Горшочки этой формы появляются в Херсонесе в VIII-IX вв. и бытуют вплоть до XIII в. (ср.: Якобсон 1979: 62, 34: 1; Ивашута 1975: 17-18, 4: в; Романчук 1975: 15, 9: 1; Седикова 1993: 135, 3: 10-12; Рыжов, Седикова 1999: 323-324, 8: 5, 9; Сазанов 2001: 250, 16: 1-4; Голофаст, Рыжов 2003: 196, 4: 5).

2. Тонкостенные одноручные горшочки с приземистым туловом и венчиком в виде квадрифолия или многолепестковой розетки. Внешняя поверхность тулова этих сосудов гладкая, редко украшена двумя-тремя желобками в верхней части; переход к горлу обозначен острым ребром. Плоское дно, как правило, оформлено в виде низкой подставки, слегка вогнутой внутрь. На дне с внешней стороны имеются следы от среза ниткой. Горло высокое, прямое, расширяется к венчику. Петлевидная уплощенная ручка чаще всего украшена пальцевым вдавлением в месте верхнего прилепа. На тулове одного из таких горшочков имелось граффито. Большинство найденных сосудов были покрыты ангобом светло-коричневого - серо-коричневого цвета. Глина тонкая, хорошо промешана, серого, серо-коричневого, светло-коричневого цвета, содержит включения известковых частиц. Диаметр горла - 6,5-11,5 см; диаметр дна - 5-8 см; высота сосудов - 8-9 см (Рис. 24: 1-8).

Сосуд с подобным оформлением горла обнаружен среди материала XIII-XIV вв., полученного из засыпи колодца возле Уваровской базилики в Северо-Восточном районе Херсонесского городища (Дело 101/3: 9, инв. № 168444). Другой сосуд с аналогичной формой венца - тонкостенная чашечка - был найден при раскопках усадьбы византийского времени в X квартале Северного района городища в материале XIII в. (Голофаст, Рыжов 2003: 189, 198, 6: 12).

МИСКИ (2%)

Все найденные в засыпи миски - глубокие плоскодонные сосуды с округлыми стенками и отогнутым наружу краем, были сформованы из плотной красно-коричневой и серо-коричневой глины, содержащей незначительную примесь мелкого песка и частиц известки, и покрыты светло-коричневым ангобом. По степени отогнутости края выделяются миски следующих вариантов: сосуды с сильно отогнутым наружу краем, с внешней стороны под венчиком имеется рельефный желобок (Рис. 25: 2, 4, 6), и сосуды со слегка отогнутым краем, верхняя грань венчика сильно скошена внутрь миски (Рис. 25: 1, 3). У большинства сосудов диаметр венца составляет 14-21 см, диаметр дна - 8,5-11 см. Высота мисок - 7-9 см.

Эта форма глубоких мисок с отогнутым краем имеет широкие хронологические рамки: в Херсонесе такие сосуды, с небольшими изменениями в декоре, существуют с первой половины IX по XIII-XIV вв. (Ивашута 1975: 14-15, 1: з, е, ж; Романчук 1975: 10-11, 3: 4-5, 4: 1-2; Романчук 1982: 97, 7: 26; Седикова 1993: 135, 2: 2-3; Седикова 1995а: 173-176, 8: 2-3, 9: 1-3).

ТАРЕЛКИ - сосуды с менее глубоким, чем у мисок, туловом; дно плоское или на кольцевом поддоне. Найденные тарелки (1%) относятся к трем основным типам:

1. Тарелка со скошенными, слегка округлыми стенками и прямым, плавно отогнутым наружу венцом. К краю венца прикреплена ручка в виде ушка. Сосуд покрыт светло-коричневым ангобом. Глина серого цвета, плотная, с включением мелкого песка,

частиц извести. Диаметр венца - 18,5 см (Рис. 26: 4).

2. Тарелки со скошенными, слегка округлыми стенками и широким горизонтальным венцом. Дно плоское, слегка вогнуто. У одного экземпляра по внутреннему краю венца проходит глубокий желобок, под венцом снаружи имеется выступающее ребро; венчик и верхняя часть тулова покрыты многорядными волнистыми линиями. У другого сосуда венчик с фестончатым краем украшен врезной ломаной линией в сочетании с небольшими углублениями. Тарелки покрыты ангобом светло-коричневого цвета. Глина серо-коричневая, плотная, обжиг неровный; в глиняном тесте присутствуют включения частиц извести и мелкого песка. Диаметр венца - 23-27 см; диаметр дна - 12 см. Высота сосудов 3,5 - 4 см (Рис. 26: 2, 3).

3. Тарелка с широким плоским краем, округлыми стенками, плавно скошенными ко дну, на высоком кольцевом поддоне. Под венчиком с внешней стороны – выступающее ребро. Тарелка покрыта светло-коричневым ангобом, на внутреннюю сторону лоцилом нанесен «сетчатый» орнамент. Глина оранжевого цвета, черепок в изломе имеет рыхлую структуру, видны включения мелкого песка. Диаметр венца - 26,4 см, диаметр дна - 14 см. Высота сосуда - 7,2 см (Рис. 26: 1).

Тарелки без глазурованного покрытия присутствуют в большинстве комплексов Херсонеса и Крыма, однако их находки очень незначительны по сравнению с другими видами столовой керамики, что затрудняет поиск аналогий. Наиболее близкая описанным выше сосудам форма наблюдается у тарелок XI-XII вв. из Портового района Херсонеса, а также у тарелки из раскопок укрепления Пампук-Кая, датированная XIII-XIV вв. (Романчук 1975: 8-10, 3: 1-2; Мыц 1991: 98, 37: 26).

ЧАШКИ (менее 1%). Найденные в заполнении цистерны тонкостенные чашки относились к двум типам:

1. Чашка с вертикальными стенками, сильно скошенными у дна. Венчик – прямое продолжение стенки, верхняя грань венчика слегка скошена внутрь чашки. Найдена только верхняя часть сосуда. На поверхности имеются следы копоти. Глина плотная, неровного обжига, серо-коричневого цвета; включения известковых частиц и мелкого песка. Диаметр венца этой чашки составляет 15 см (Рис. 25: 5).

Наиболее близкие аналогии этой чашке происходят из засыпи первой половины IX в. херсонесского водохранилища, однако найденные там сосуды украшены полосами белого ангоба (Седикова 1993: 135, 2: 6-7; Седикова 1995а: 173-176, 8: 7, 9: 5). В керамическом комплексе XIII в. укрепления Исар-Кая также присутствуют сосуды подобной формы (Мыц 1991: 98, 36: 11-12).

2. Чашка с прямыми, расходящимися в стороны стенками и слегка отогнутым краем. Под венчиком с внешней стороны – неглубокая бороздка. Дно плоское, чуть вогнутое, со следами подреза ниткой. Сосуд покрыт светло-коричневым ангобом. Глина плотная, неровного обжига, кирпично-коричневого цвета с

темным закалом; содержит небольшую примесь песка. Диаметр венца сосуда - 19,4 см, диаметр дна - 9 см. Высота чашки - 6,8 см (Рис. 25: 7). Точных аналогий этому сосуду не выявлено.

КРЫШКИ (2% находок в рассматриваемой категории). Эта группа простой гончарной посуды состоит из сосудов четырех типов:

1. Крышки со скошенными стенками, слегка выпуклой верхней плоскостью, на которой закреплена горизонтальная ленточная ручка. Край верхней плоскости оформлен зацепами. Крышки изготовлены из глины коричневого и серого цвета, содержащей примесь мелкого песка. Диаметр верхней плоскости - 12-19 см (Рис. 27: 19, 21, 22).

Фрагмент аналогичной крышки найден в комплексе X в. из Северного района Херсонеса (Рыжов, Седикова 1999: 326, 10-11).

2. Крышки с сильно скошенными стенками. Плоская верхняя грань чаще всего слегка вогнута внутрь, край острый. Основание крышки уплощено, иногда оформлено в виде небольшого бортика. На одном экземпляре, со следами сильной деформации во время обжига, имелась прикрепленная к середине стенки уплощенная ручка. Внешняя поверхность крышек хорошо заглажена, на внутренней стороне видны отчетливые следы от вращения на круге. Все сосуды покрыты светло-коричневым ангобом, некоторые крышки с внешней стороны были покрыты пятнами копоти. Глина оранжевого, светло-коричневого, серого цвета, плотная, в большинстве случаев неровного обжига; включения частиц извести и мелкого песка. Диаметр основания крышек этого типа 10-16 см, диаметр верхней плоскости - 6-7 см, высота сосудов - 3-4,2 см (Рис. 27: 1, 3-9, 10, 12-17).

На протяжении длительного времени такая форма крышек являлась традиционной. Устойчивые параллели этим изделиям прослеживаются в материалах римского и ранневизантийского времени из раскопок в Болгарии (Böttger 1982: 33-148, 49: 217, 510-514; Poulter, Falkner, Shepherd 1999: 71-72, 253, 255), Сербии (Nikolic-Đorđević 2000: 221-237, 7: 1.3-7,9), Карфагене (Fulford, Peacock 1984: 66, 14.1-14.4); на Афинской Агоре также встречались подобные сосуды (Robinson 1959: 67, K86-K88). В Сарашанах близкие по форме крышки, простые гончарные и поливные, встречаются в контекстах конца VI - VII в. и середины XI - начала XII в. (Hayes 1992: 101, деп.39; 125, деп.43; 135, деп.50). В Херсонесе, в Портовом районе, в слоях VII-VIII вв. была обнаружена крышка этой формы (Романчук 1975: 8, 4: а). В материалах более позднего времени этот вид сосудов не выделяется. Однако в комплексе XI-XII вв. из Портового района среди простой гончарной посуды присутствует и эта форма, отнесенная автором к тарелкам (Романчук 1975а: 8-10, 1, 2).

3. Крышка (?) со скошенными стенками, украшенная врезным орнаментом: волнистые, косые линии в сочетании с точечными углублениями. Глина плотная, оранжевого цвета; примесь мелкого песка, известковых включений. Сохранившийся диаметр основания составляет 13 см (Рис. 27: 18).

Точных аналогий этому изделию не обнаружено, однако такая техника украшения сосудов характерна для группы кочевнической керамики IX-XII вв., найденной в Саркеле - Белой Веже (Плетнева 1959: 230-239, 17-19). В Северном районе Херсонеса, в слое IX-X вв. был найден фрагмент горшочка, орнаментированного таким же способом (Белов, Якобсон 1953: 125-126, 18: з).

4. Крышка со сложнопрофилированной ручкой. Обнаружен фрагмент ручки, покрытой снаружи серо-коричневым ангобом. Глина темно-серого, почти черного оттенка; включения песка и извести. Сохранившаяся высота сосуда - 5 см (Рис. 27: 20).

Подобные ручки-навершия от крышек были обнаружены в засыпи колодца в цитадели Херсонеса среди материала второй половины IX в. (Седикова 1995б: 124, 2: 9-10).

ЦЕДИЛКИ

Обнаруженные в заполнении цедилки составляют менее 1% находок и представлены сосудами двух основных типов:

1. Плоскодонные сосуды открытой формы, с невысокими, сильно скошенными стенками. Круглые отверстия, сделанные до обжига по сырой глине, располагаются на стенках и дне сосудов. Цедилки изготовлены из плотной глины оранжево-коричневого, серого оттенков, содержащей включения известковых частиц. Диаметр дна этих сосудов составляет 7-11 см. Высота - 4,2-4,5 см (Рис. 28: 1-3).

Разнообразные мисочки-цедилки часто встречаются в слоях XI-XIII вв. в Северном и Портовом районах Херсонесского городища (Белов, Якобсон 1953: 141, 32: з; Романчук 1982: 95-96, 2: 5; Голофаст, Рыжов 2003: 198, б: 9).

2. Сосуды с высоким узким горлом, внутри которого имеется перегородка с круглыми отверстиями. Глина у таких сосудов очень плотная, красно-коричневого цвета; в глиняном тесте содержится незначительная примесь мелкого песка, известковых частиц. Диаметр горла (в средней части) - 3-4,5 см (Рис. 28: 4, 5).

Близкая аналогия этому сосуду - узкогорлый кувшин-цедилка, найденный во время раскопок в Северном районе Херсонесского городища в слое XIII в. (Рыжов 2001: 290-311, 7).

БЕЛОГЛИНЯНАЯ

НЕГЛАЗУРОВАННАЯ ПОСУДА

Эта группа византийской керамики представлена единичными фрагментами кувшинов и одной курильницы; общая доля этих находок составляет чуть меньше 1%.

КУВШИНЫ

Обнаружены верхние части двух кувшинов с широким воронковидным горлом. Уплощенно-овальная в сечении ручка прикреплена чуть ниже венца. У одного сосуда внешняя поверхность гладкая, у другого - покрыта мелкими желобками. Глина светло-серого цвета, плотная, с примесью мелкодробленного песка. Диаметр венца этих сосудов - 9-11 см (Рис. 31: 1, 2).

Интересной является находка донной части желобчатого кувшина (?), на которой с внешней стороны сначала была нанесена черной краской монограмма-дипинто, а потом процарапана метка-граффито. Этот сосуд изготовлен из плотной светло-желтой глины, содержащей включения мелкого песка. Диаметр дна сосуда составляет 7 см (Рис. 31: 3).

КУРИЛЬНИЦА. Сохранился фрагмент стенки с вертикальной прорезью. Возле прорези - орнамент в виде косых врезных линий. Ручка уплощенно-овальная, профилирована широким валиком с бороздкой посередине. Глина желто-розового цвета, плотная, с включением частиц шамота и мелкого песка (Рис. 31: 4).

Достаточно близкие аналогии этой форме курильниц встречаются среди поливных белоглиняных изделий IX-XI вв. (Якобсон 1979: 84, 51: 7; Паршина 1991: 81-84, 8: а).

ПОЛИВНАЯ ПОСУДА

По сравнению с другими категориями керамического материала находки поливной посуды незначительны и составляют 4% находок из заполнения цистерны. Подавляющее большинство сосудов относится к византийской белоглиняной глазурованной керамике, обломки которой в основном были сосредоточены в нижних слоях заполнения цистерны. Распределение обломков поливной керамики в засыпи цистерны показано на рис. 5. Обнаруженная белоглиняная поливная посуда представлена блюдами, тарелками и чашами, украшенными рельефным орнаментом или росписью (сосуды 1-5 групп по Якобсону (1959: 336-357), группы I, типов 1-2 по Макаровой (1967: 8-20), группы Glazed White Ware II по Hayes (1992: 18-29). В Херсонесе такие сосуды встречаются в комплексах IX - первой половины XI в. (Якобсон 1959: 336-357; Якобсон 1979: 83-93; Седикова 1993: 135; Седикова 1995а: 176; Седикова 1997: 646-650; Золотарев, Коробков, Ушаков 1998а: 118-145; Рыжов, Седикова 1999: 325-326; Сазанов 2000: 118-145).

В верхней части заполнения присутствовали обломки поздневизантийской белоглиняной расписной керамики (группа 9 по Якобсону (1979: 144-146), группа I, тип 3 по Макаровой (1967: 22), группа Glazed White Ware IV по Hayes (1992: 30-33)) и красноглиняной поливной посуды местного и импортного производства, среди которой доминируют находки тарелок с орнаментом «сграффито» (керамика групп 6 и 7 по Якобсону (1979: 133-144)). Однако доля поливной керамики поздневизантийского времени в общей категории глазурованных сосудов крайне незначительна и не превышает 15 %.

БЕЛОГЛИНЯНАЯ ПОЛИВНАЯ МОНОХРОМНАЯ КЕРАМИКА

1. Блюда с рельефным изображением на дне. Из-за фрагментарности обломков и нечеткости штампа определить изображения не удалось. Полива светло-зеленого и желто-зеленого цвета. Глина светло-серая. Диаметр поддона - 9-13 см (Рис. 33: 1-3).

В Херсонесе белоглиняная поливная посуда, украшенная штампованным орнаментом, присутствует в слоях IX - первой половины XI в. (Якобсон 1959: 336-357; Якобсон 1979: 83-93; Седикова 1993: 135; Седикова 1995: 176; Золотарев, Коробков, Ушаков 1998а: 101-105, I, 2; Рыжов, Седикова 1999: 326, II: 3-7; Сазанов 2000: 118-145).

2. Блюдо с прямоугольным венчиком со слегка заостренным краем, верхняя грань венца профилирована неглубоким желобком. Полива темно-зеленая, с темными пятнами, покрывает внутреннюю поверхность и, частично, внешнюю. Глина светло-розовая. Диаметр венца - 35,5 см (Рис. 32: 1).

По профилировке венца данное блюдо относится к сосудам типа 1 группы Glazed White Ware II по типологии Hayes (1992: 22-23, 7: 5), вида 5 типа 1 группы I по Макаровой (1967: 10, I: 1-7, 11-17, 19, 23), датирующихся серединой X - второй половиной XI - началом XII в.

3. Блюда с рельефным бортиком, покрытые светло-желтой и светло-зеленой поливой, с подцветкой каплями марганца. Сильно фрагментированы. Бортик одного сосуда украшен тонкой врезной волнистой линией. Полива светло-желтого цвета. Глина светло-серая. Диаметр венца - 19-21 см (Рис. 32: 2-4).

Блюдо типа 2 GWW II* по Hayes (1992: 22, 7: 7), вида 3 типа 1 группы I Макаровой (1967: 9). В Херсонесе сосуды с такой формой венчика встречаются в комплексах IX - начала XI в. (Якобсон 1959: 334, 182; Якобсон 1979: 83-84, 5I: 1-4; Золотарев, Коробков, Ушаков 1998а: 101-105, 2; Рыжов, Седикова 1999: 325, 9: 3; Сазанов 2000: 121-122, I, 2: 1-3).

4. Блюдо с плавно отогнутым краем, завершенным невысоким бортиком. Полива зеленая, с темными пятнами. Глина светло-серая, включения мелких фракций песка. Диаметр венца - 29 см (Рис. 32: 5).

Сосуды с подобной профилировкой венца Дж. Хейс объединяет в тип 3 GWW II (Hayes 1992: 22-23, 7: 13). По качеству глазури это блюдо можно отнести к виду 5 типа 1 группы I по типологии, разработанной Т.И. Макаровой (1967: 8-10, I). В Херсонесе этот тип встречается в слоях X - начала XI в. (Рыжов, Седикова 1999: 325, 9: 1, 2; Сазанов 2000: 123-126, 3).

5. Блюда с широким, отогнутым наружу венцом, профилированным двумя рельефными желобками. Под венцом с внешней стороны - выступающее ребро. Глазурь желтого и светло-зеленого цветов. Глина светло-розовая, с незначительной примесью мелкого песка. Диаметр венца этих сосудов составляет - 28-33 см (Рис. 32: 5-9).

Блюдо относится к 7 типу GWW II по типологии Hayes (1992: 23, 8: 6, 7). Т.И. Макарова выделила неорнаментированную посуду с желтой и светло-зеленой поливой в вид 4 типа 1 группы (1967: 9-10). По херсонесским аналогиям это блюдо можно датировать серединой - концом X в. (Рыжов, Седикова 1999: 325, 9: 2).

6. Глубокие тарелки с плавно расходящимися стенками, завершающимися слегка отогнутым краем с маленьким, едва выраженным бортиком. У одной тарелки на внешней стороне стенок имеется рифление.

Полива желтого цвета, покрывает внутреннюю поверхность и, частично, внешнюю. Глина светло-розовая. Диаметр венца - 29 см (Рис. 34: 1, 2).

Сосуды такой формы Дж. Хейс называет большими чашами и относит к 12 типу GWW II, датированному XI в. (Hayes 1992: 25, 8: 17; 125, деп. 43, 69: 18, 70: 23).

7. Чаши с петлевидной ручкой. Венчик прямоугольный, верхняя грань чаще всего скошена внутрь. Дно на кольцевом поддоне. У некоторых сосудов на внешней стороне дна обнаружены граффити. Полива светло-желтая, покрывает сосуды изнутри и, частично, снаружи. Глина бело-розовая. Диаметр венчика - 8,5-16 см, диаметр поддона - 5-7 см (Рис. 34: 3-14, 17).

Эти чаши близки к типам 14 и 15 GWW II, которые чаще всего встречаются в комплексах не ранее XI в. (Hayes 1992: 26-29, 9). В Херсонесе чаши этого типа были обнаружены в материале начала XI в. (Сазанов 2000: 129, 5: 2).

8. Чаши на высокой ножке или курильницы. Сохранились фрагменты ножек с желобчатой внешней поверхностью. Полива желтого и зеленого цвета, покрывает внутреннюю поверхность. Глина светло-розового и светло-серого оттенков. Диаметр поддона - 5 см (Рис. 34: 15, 18).

Чаши типа 15 GWW II, синхронны предшественным выше сосудам (Hayes 1992: 26-29, 9: 21-22, 10: 1-2).

9. Плоскодонные кувшинчики с желобчатой внешней поверхностью. Поливное покрытие практически отсутствует, на внешней поверхности видны лишь отдельные пятна желтого цвета. Глина содержит включения мелкого песка. Диаметр дна - 4-5 см (Рис. 34: 16, 19).

Такие кувшинчики относятся к 18 типу GWW II (Hayes 1992: 29, 10: 6); в Херсонесе их находят в комплексах X в. (Рыжов, Седикова 1999: 326, II: 8-9).

10. Крышки. Внешнюю сторону крышек покрывает густая полива темно-зеленого цвета, внутреннюю - светло-желтая. Глина светло-розового цвета. Диаметр основания - 17 см, диаметр верхней плоскости - 4 см (Рис. 33: 5, 6).

Такие крышки группы GWW II при раскопках в Сарашанах обнаружены в слоях середины XI - начала XII в. (Hayes 1992: 29, 10: 8, деп. 43, 71: 48, деп. 50, 77: 46).

БЕЛОГЛИНЯНАЯ КЕРАМИКА С РОСПИСЬЮ

1. Тарелка с полихромной росписью: в центре - медальон, заполненный стилизованным растительным орнаментом. Роспись выполнена желтой, красной и черной красками под очень тонкой кроющей прозрачной глазурью, местами утраченной. Дно на кольцевом поддоне. Глина светло-серая. Диаметр поддона - 11 см (Рис. 35: 3).

Эта тарелка относится к сосудам группы I, типа 2, вида 1 по типологии Макаровой, датирующимся второй половиной IX - первой половиной XI в. (1967: 13, II: 1-4). Среди немногочисленных херсонесских находок полихромной керамики есть тарелка с аналогичным декором, происходящая из раскопок Северо-Восточного района (Якобсон 1959: 357-358,

* GWW - Glazed White Ware.

XVII: 2; Якобсон 1979: 92-93, 56: 1).

2. Глубокая чашка с овальной в сечении ручкой, прикрепленной к венцу. Снаружи чашку украшает орнамент, занимающий верхнюю часть сосуда и состоящий из пояса ломаных линий, окаймленного горизонтальными полосами. Роспись выполнена черной краской. Глина светло-бежевая. Диаметр венца чашки - 6 см (Рис. 35: 1).

Прямых аналогий найденной чашке не выявлено, но по характеру росписи этот сосуд можно отнести к группе I, типу 2, виду 2 указанной типологии (керамика без «красной пестроты»). Расписная посуда этого вида датируется концом X - началом XII в. (Макарова 1967:13-17, II: 5-7, III: 1-5).

3. Глубокая чашка (?), с внешней стороны украшенная подглазурной росписью. Роспись выполнена густой темно-коричневой краской и выглядит выпуклой под кроющей прозрачной поливой. Глина плотная, белого цвета (Рис. 35: 2).

Этот сосуд также представляет полихромную керамику без «красной пестроты» (группа 1, тип 2, вид 2 по Макаровой (1967:13-17, II: 5-7, III: 1-5).

4. Тарелка с подглазурной росписью брызгами, покрывающей тарелку изнутри. Брызги пурпурно-коричневые. На внешней поверхности – плохо сохранившаяся светло-зеленая полива. Глина бледно-розового цвета. На дне – графито. Диаметр поддона этой тарелки 7 см (Рис. 35: 4).

Данный сосуд относится к расписной керамике группы 1, типа 3, вида 3 по Макаровой (1967: 21-22, V: 7-9) и по известным аналогиям датируется XI-XII вв. (Голофаст, Рыжов 2003: 199-200, 17: 1).

5. Блюдо с подглазурной зелено-коричневой росписью. Из-за крайней фрагментарности точно определить рисунок невозможно, вероятно – изображение птицы или животного. Дно на высоком кольцевом поддоне. Глина белого цвета. Диаметр поддона - 7,5 см (Рис. 37: 5).

Блюдо группы I, типа 3, вида 4 по Макаровой (1967: 22, VI: 1-8), группы 9 по Якобсону (1979: 144-146, 92), группы Glazed White Ware IV, типа 3 по Hayes (1992: 30-33, 7: e). В Херсонесе керамика этой группы чаще всего встречается в слоях XII-XIII вв. (Якобсон 1979: 144-146; Романчук 1982: 99-106, 8-16; Романчук 2003: 178-188; Голофаст, Рыжов 2003: 210-211, 14-16).

6. Тарелка с подглазурной росписью кобальтом. На дне – спиралевидный завиток. Дно на кольцевом поддоне. Глина плотная, белого цвета. Диаметр поддона - 5 см (Рис. 37: 4). Эта тарелка относится к той же группе керамики, что и представленный выше сосуд. Находки белоглиняной посуды с росписью кобальтом чрезвычайно редки в Херсонесе (Романчук 2003: 178).

КРАСНОГЛИНЯНАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА КЕРАМИКА «СГРАФИТО»

1. Монохромная тарелка, украшенная растительно-геометрическим орнаментом в технике «сграффито». Линия гравировки тонкая, четкая. Венчик широкий, плоский. Полива зеленого цвета. Внешняя сторона покрыта ангобом и поливой. Глина плотная, кирпичного оттенка. Диаметр венца - 20 см

(Рис. 37: 1).

Тарелка импортного производства, относится к группе 7 по Якобсону, датирующейся второй половиной - концом XIII – XIV в. (Якобсон 1979: 140-144, 89). В новейшем исследовании А.И. Романчук, посвященном поздневизантийской поливной керамике из Херсонеса, привозные сосуды с таким орнаментом объединены в раздел II 8Б (2003: 73-74, №№ 193-194, 58-59).

2. Монохромные миски с концентрическими окружностями и спиралевидными завитками на дне. Линия гравировки широкая, глубокая. Есть следы от ножек подставки. Полива хорошего качества, светло-желтого и золотисто-желтого цвета; нанесена по белому ангобу. Глина плотная, оранжевого оттенка. Диаметр поддона - 7-8 см (Рис. 36: 1-6).

Эти сосуды являются продукцией местных мастерских и датируются XIII-XIV вв. В каталоге А.И. Романчук аналогичные сосуды с концентрическими и спиралевидными окружностями отнесены к разделу II.1-3 (2003: 37-47, 13-27).

3. Монохромные миски, орнамент которых представляет сочетание спиралевидных и волнистых линий. Линия гравировки широкая, глубокая. Полива золотисто-желтая, нанесена по белому ангобу. Глина плотная, оранжевого цвета. Диаметр поддона - 7,5-10 см (Рис. 36: 7, 8).

Как и представленные выше сосуды, это изделия местного производства XIII-XIV вв. (Романчук 2003:44-45, раздел II. 2, 24-25).

4. Монохромная миска с изображением круга с растительно-геометрическим декором. Линия гравировки широкая, глубокая. Полива золотисто-желтая, нанесена по белому ангобу. Глина плотная, кирпичного цвета. Диаметр поддона - 6 см (Рис. 36: 9).

Эта миска местного производства XIII-XIV вв. и относится к керамике раздела II. 7 по каталогу Романчук (2003: 64-66, №№ 156-158, 46).

5. Кувшин монохромный. Графически восстанавливается нижняя часть сосуда. Тулово шаровидное, дно плоское. Сосуд украшен орнаментом из прямых и волнистых линий. Линия гравировки тонкая, неглубокая. Полива светло-желтая, нанесена по белому ангобу. Глина плотная, оранжевого цвета, примесь мелкого песка. Диаметр дна - 9 см (Рис. 37: 2).

Наиболее близкие аналогии этому кувшину прослеживаются среди сосудов местного производства, датирующихся XIII-XIV вв. и относящихся к группе 6 по Якобсону (1979: 133-140, 84: 2, 86: 1, 88: 2), разделу IV. 6 по Романчук (2003: 132, № 382, 140).

КЕРАМИКА С РОСПИСЬЮ АНГОБОМ

Тарелка (?) с подглазурной росписью ангобом. Обнаружен фрагмент стенки, украшенной с внутренней стороны волнистыми линиями. Полива золотисто-желтая. Глина светло-оранжевого оттенка (Рис. 37: 3).

Тарелки с подобной росписью относятся к группе 8 по типологии Якобсона (1979: 144, 91:2), разделу I по Романчук (2003: 26-34, 3-11) и встречаются в Херсонесе в слоях XIII-XIV вв.

КЕРАМИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ СВЕТИЛЬНИКИ

Все обнаруженные в заполнении светильники (1%) имеют открытую форму и представлены типами, находящими прямые аналогии среди поливных изделий группы Glazed White Ware II, которые относятся к XI - началу XII в. (Hayes 1992: 29, type 16, 10; 14).

1. Двухъярусный поливной светильник в виде открытых чаш, соединенных стержнем. На верхней чаше – следы копоти. Светильник изготовлен из светло-розовой глины и покрыт зеленовато-бурой глазурью. Максимальный диаметр нижней чаши (сохр.) - 8 см, максимальный диаметр верхней чаши (сохр.) - 8,5 см. Высота изделия (сохр.) - 6 см (Рис. 29: 3).

Светильник представляет 16 группу GWW II; в Сарашанах аналогичные светильники встречаются в слоях XI - начала XII в. (Hayes 1992: 128, dep. 45, 73: 2, б: a, b).

2. Двухъярусные светильники. Светильники в виде двух чаш, соединенных стержнем. У одного экземпляра сохранился носик со следами копоти; у другого на нижней чаше виден прилеп ручки. Дно слегка вогнуто; на внешней стороне сохранились следы нити при снятии изделия с гончарного круга. Глина красно-коричневого, серо-коричневого цвета, с примесью песка, известковых частиц, очень редко встречаются мелкие частицы слюды. Диаметр

основания - 7-8 см. Высота светильников (сохр.) - 4,5 - 5,5 см (Рис. 29: 1, 2, 4, 5).

В Херсонесе фрагмент аналогичного простого двухъярусного светильника был найден в слоях XIII-XIV вв. в Северном районе (Белов, Якобсон 1953: 141, 32: д).

2. Светильник (или подсвечник) на высокой ножке. Открытая чаша-резервуар расположена на высокой полой ножке. Поверхность сосуда покрыта темно-серым ангобом. Глина неровного обжига, серо-коричневого цвета, содержит включения мелкого песка. Диаметр основания - 8 см, сохранившаяся высота сосуда - 9 см (Рис. 29: 6).

Близкая аналогия этой форме – светильник, найденный в комплексе X - начала XIII в. в Сарашанах (Hayes 1992: 58, 223, 21: 18).

КЕРАМИЧЕСКИЙ ШТАМП (?), найден в сильно фрагментированном виде. На лицевой стороне обнаруженного обломка имеется врезной орнамент из линий и точечных углублений; обратная сторона заглажена. Глина красно-оранжевая, плотная, содержит включения известковых частиц. Размер (сохр.) - 6x7 см (Рис. 30: 4).

Фрагмент штампа для изготовления поливной посуды был найден в Портовом районе Херсонеса в слоях IX-X вв. (Даниленко 1996: 139-140, 16: a). Находки керамических штампов более позднего времени известны по раскопкам гончарных печей XIV-XV вв. в Судаке (Джанов 1998: 83-87, 2).

По результатам исследования керамического материала из комплекса цистерны можно установить, что прекращение функционирования ее как резервуара для хранения воды происходит не ранее второй половины X в. – первой половины XI в. Основанием для такой датировки служат находки фрагментов амфор-кувшинов с плоскими ручками и амфор с дуговидными ручками, встреченные на уровне первоначального пола цистерны среди камней, перекрывавших отстойник.

Перепрофилирование цистерны и использование ее в качестве тюрьмы осуществляется в сравнительно небольшой отрезок времени – с первой половины XI до второй половины – конца XI в., о чем свидетельствует преобладание среди обнаруженных на уровне вымостки керамических обломков амфор с дуговидными ручками и «воротничковых» амфор, а также значительное количество белоглиняной поливной посуды. Такое сочетание этих хорошо датированных групп керамики характерно для комплексов не ранее середины XI в.

Засыпь резервуара, после того как тюрьма перестала существовать, производилась в несколько этапов, при этом в короткий срок было засыпано более половины цистерны. Об этом свидетельствует тот факт, что в процессе обработки материала подбирались обломки керамики, найденные в разных частях

резервуара и в разных механических слоях. На основании проведенной корреляции всего керамического материала, а также монет (самая поздняя монета - Романа IV (1067-1071 гг.)), можно установить, что формирование основной засыпи цистерны произошло в конце XI - начале XII в. Присутствие в верхних слоях обломков керамики XII-XIII вв., составляющих всего 4% находок, связано с хозяйственной деятельностью на этом месте в более позднее время. Судя по сочетанию находок надежно датированных групп керамики, собранной на месте возникших над цистерной построек, окончательное оформление засыпи произошло на рубеже XII/XIII вв.

Керамический комплекс из заполнения цистерны в VII квартале Херсонеса отражает картину экономической жизни города византийского и поздневизантийского времени. Показательным является преобладание в комплексе изделий местных керамических мастерских – отдельных типов тарных сосудов, составляющих около 22% находок в амфорном комплексе из засыпи, и большинства тонкостенной посуды. Заметная доля импортных амфор и парадных столовых сосудов свидетельствует о связях города с известными центрами международной торговли.

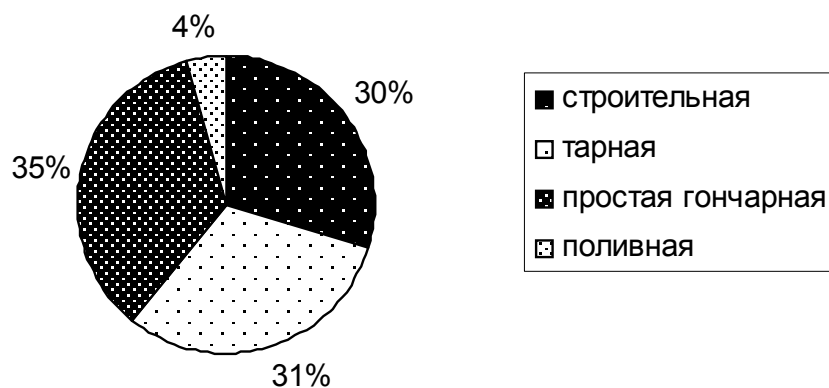

Рис. 1. Распределение категорий керамического материала

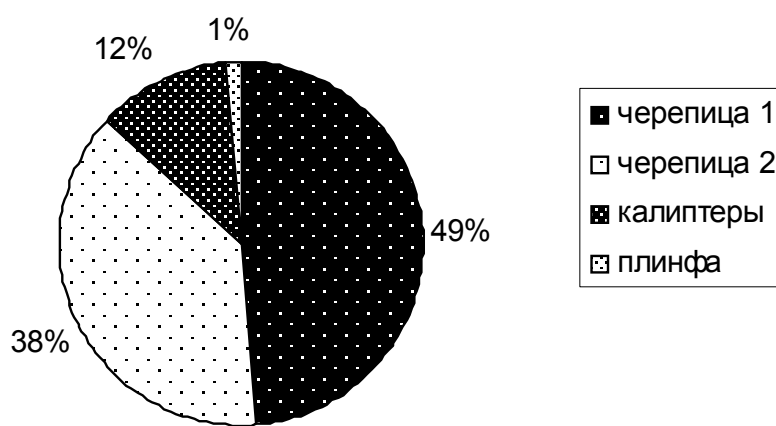

Рис. 2. Соотношение типов строительной керамики

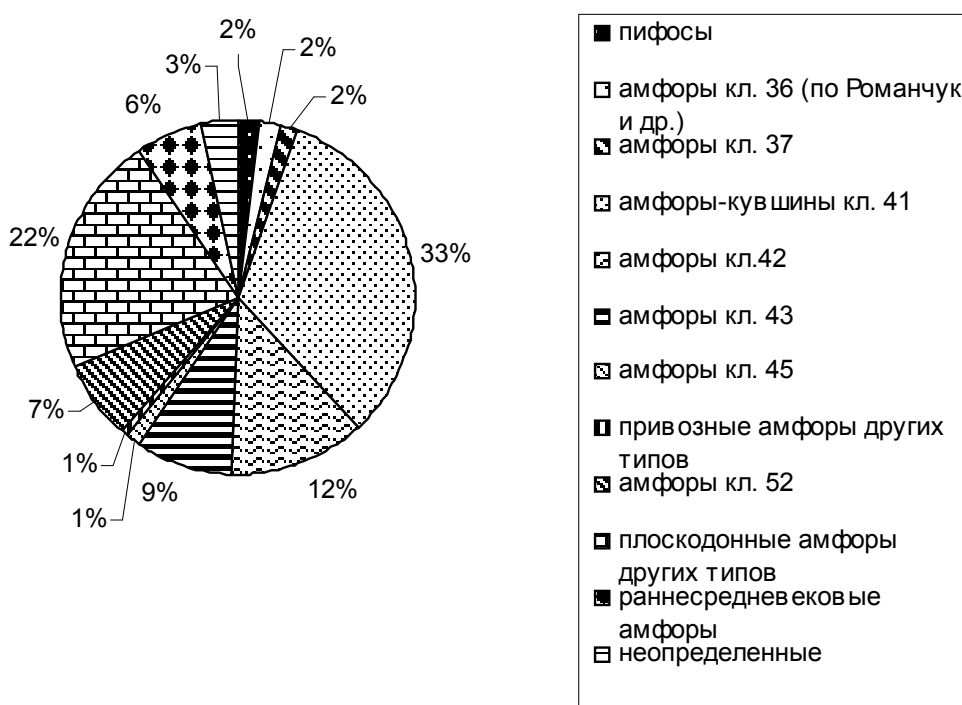

Рис. 3. Соотношение основных типов тарной керамики

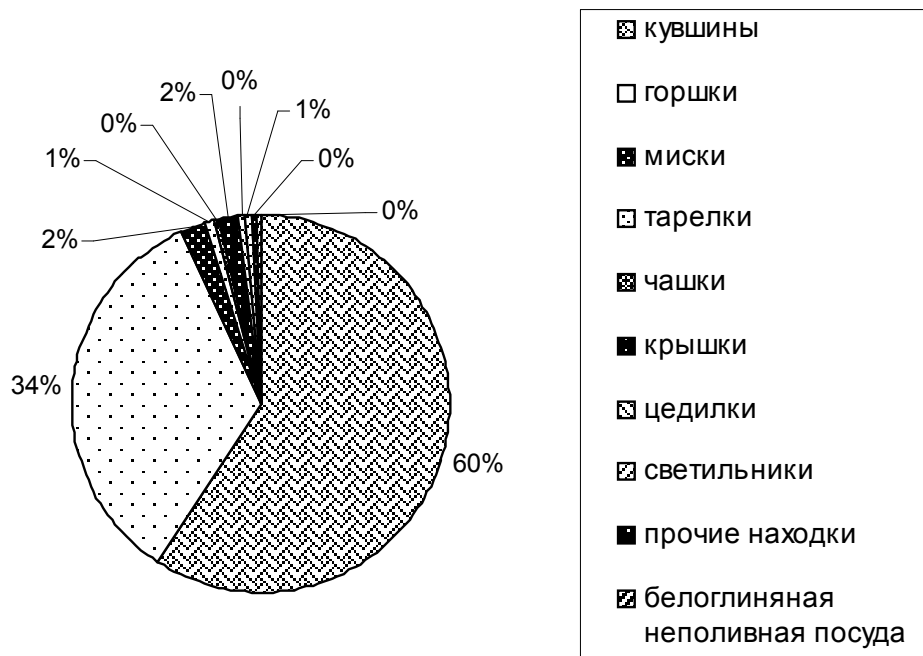

Рис. 4. Соотношение групп простой гончарной керамики

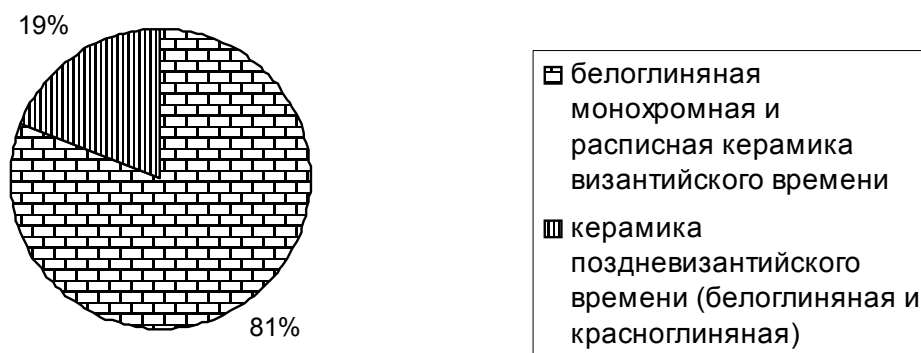

Рис. 5. Соотношение поливной керамики

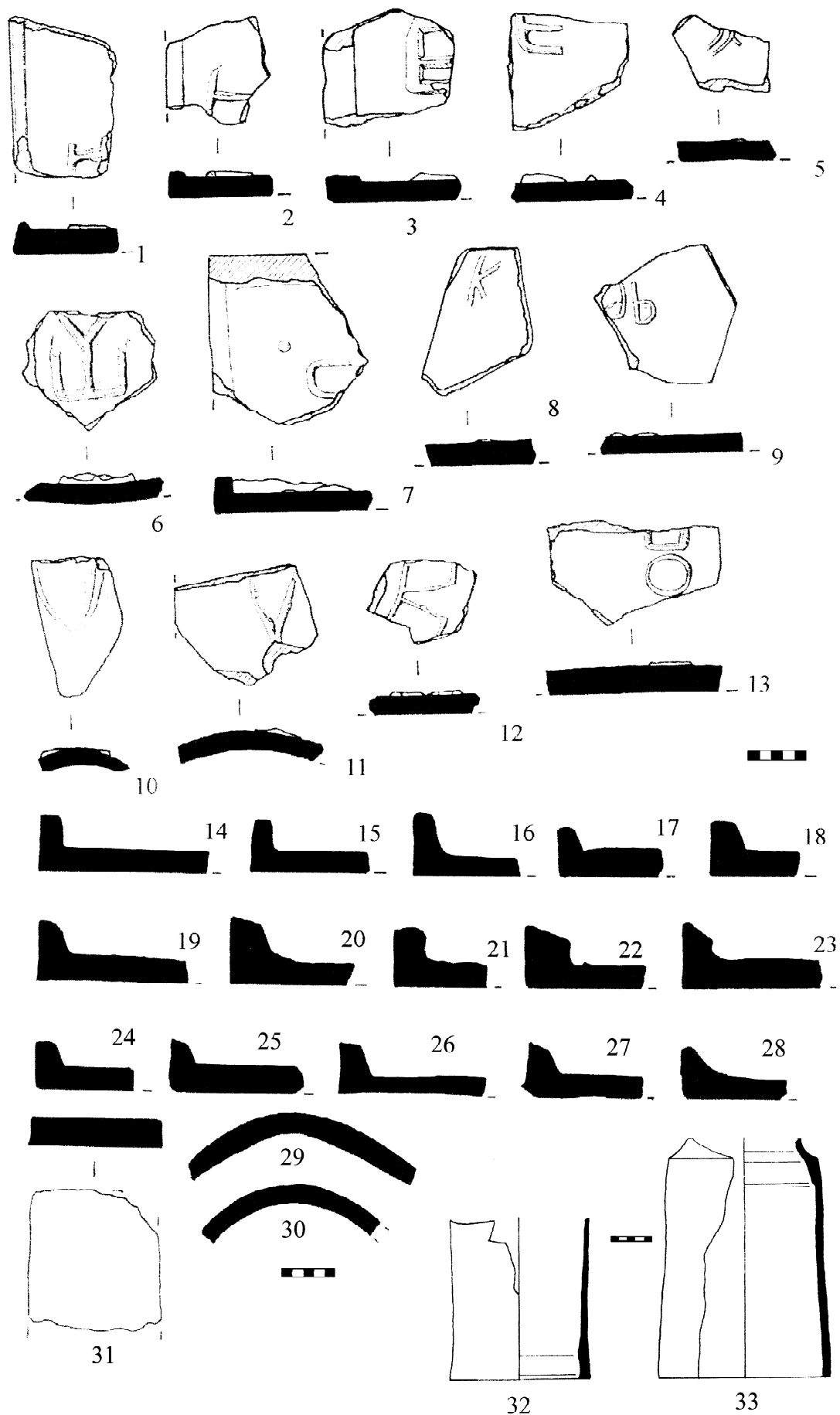

Рис. 6. Строительная керамика

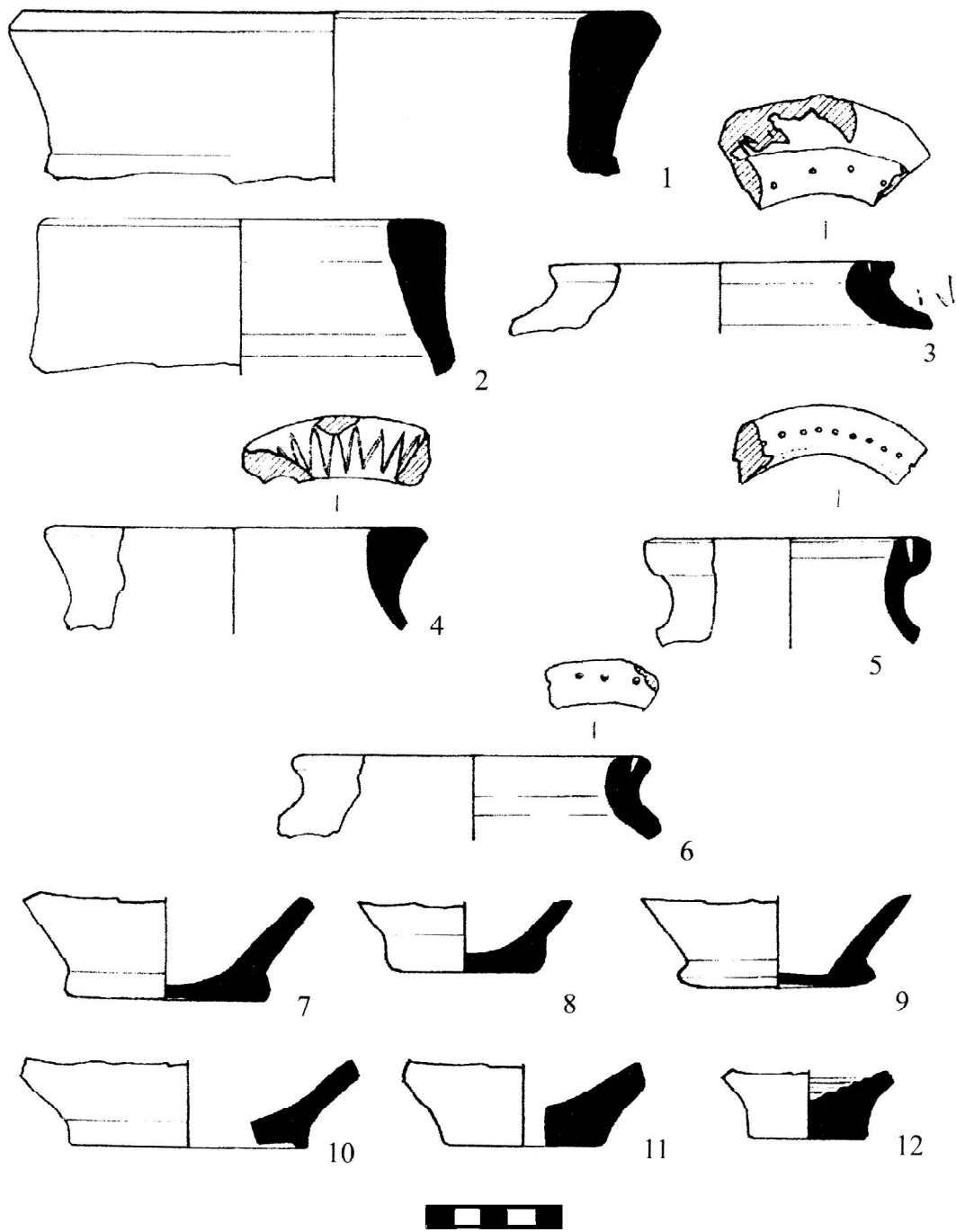

Рис. 7. Пифосы

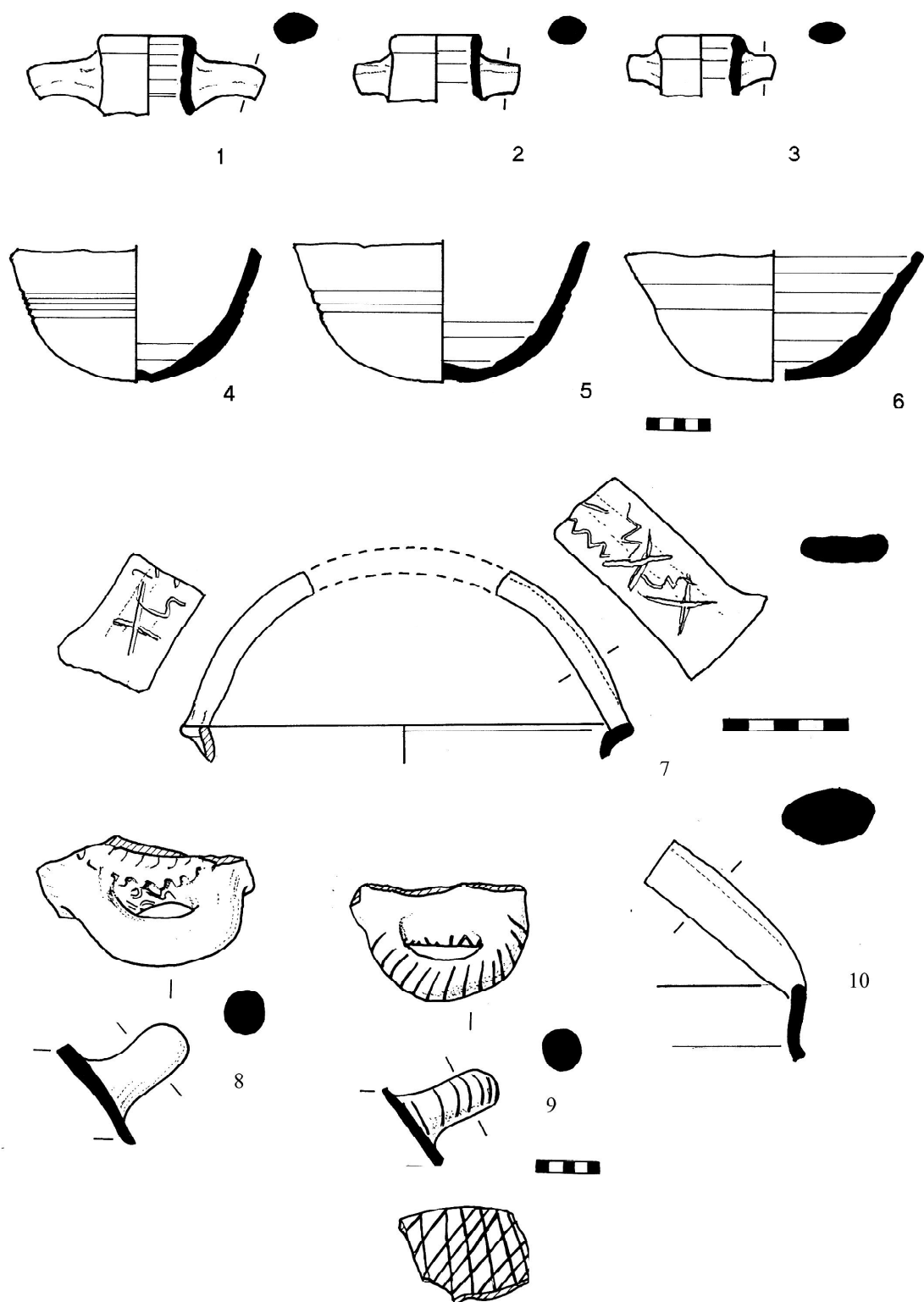

Рис. 8. Красноглиняные амфоры с коротким горлом и округлым дном (1-3 – тип 36, 3-6 – тип 37 по Романчук и др.); крупные тарные сосуды (7, 10 - с высокоподнятыми ручками, 8, 9 - с горизонтальными ручками)

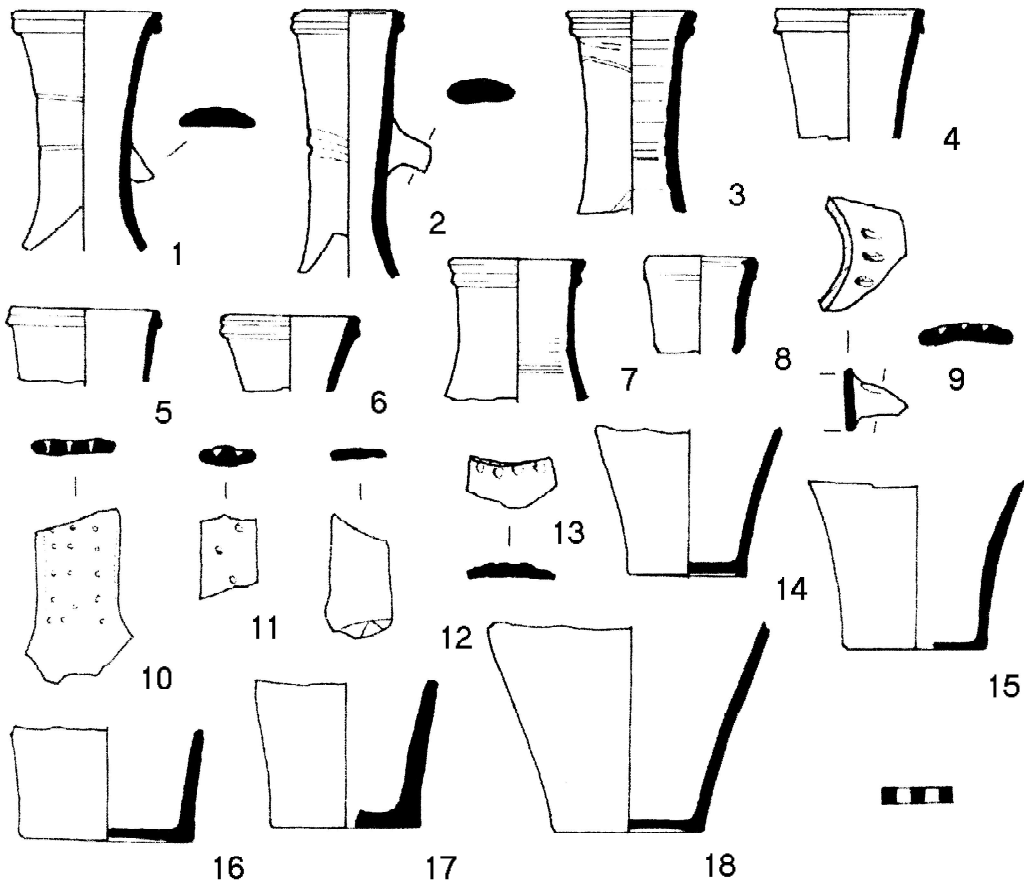

Рис. 9. Плоскодонные амфоры-кувшины

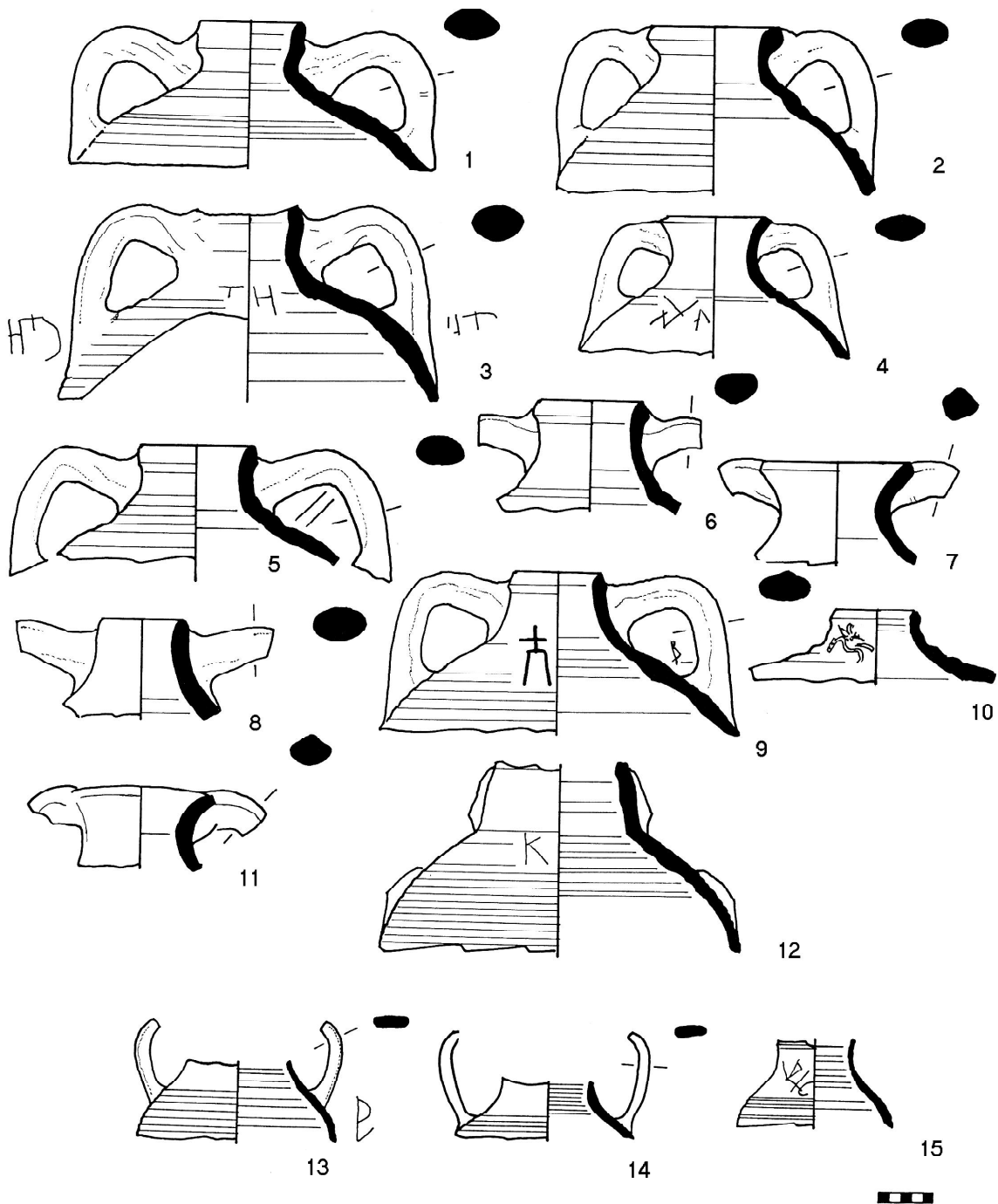

Рис. 10. Амфоры с дуговидными ручками

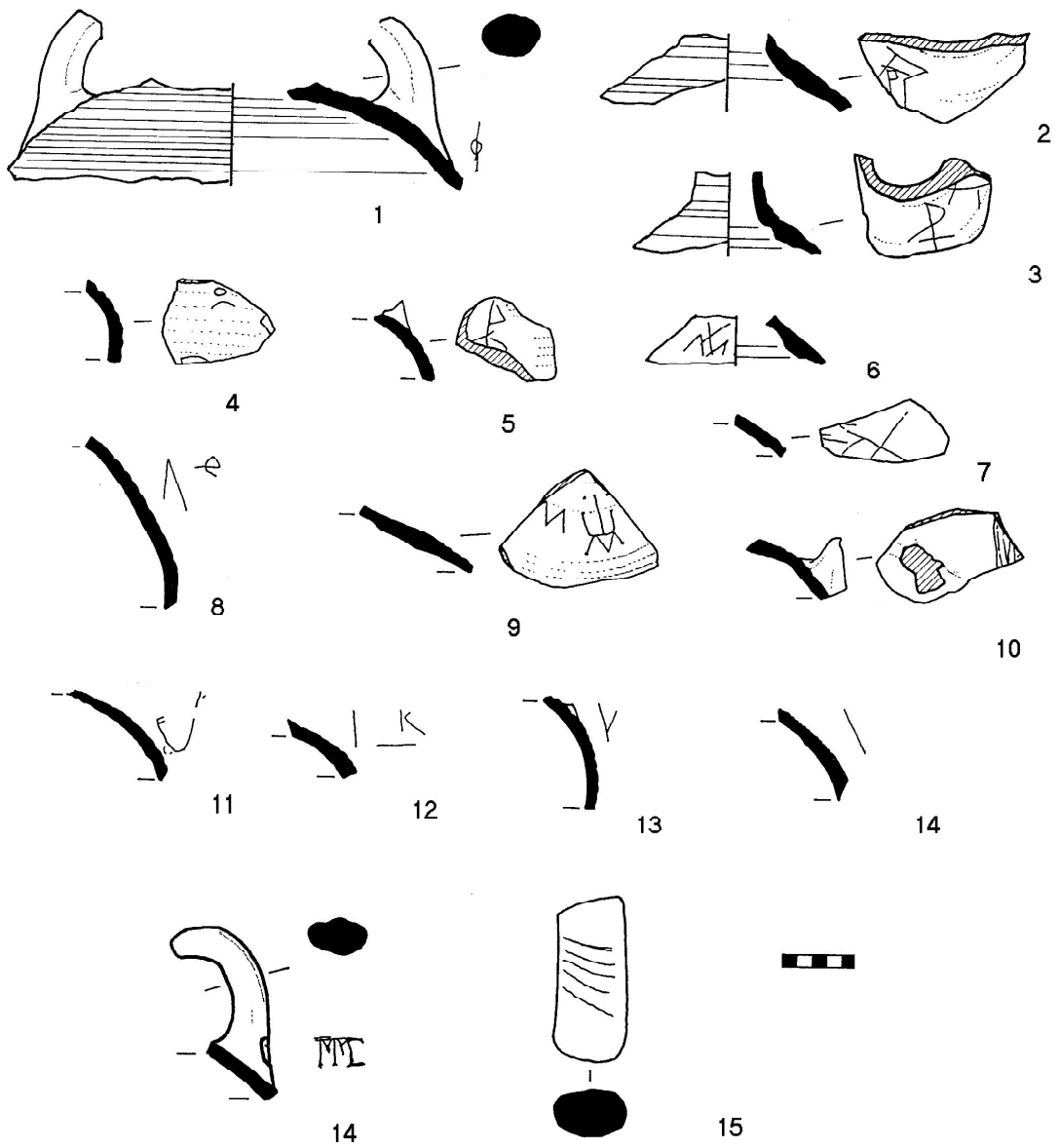

Рис. 11. Граффити на амфорах с дуговидными ручками

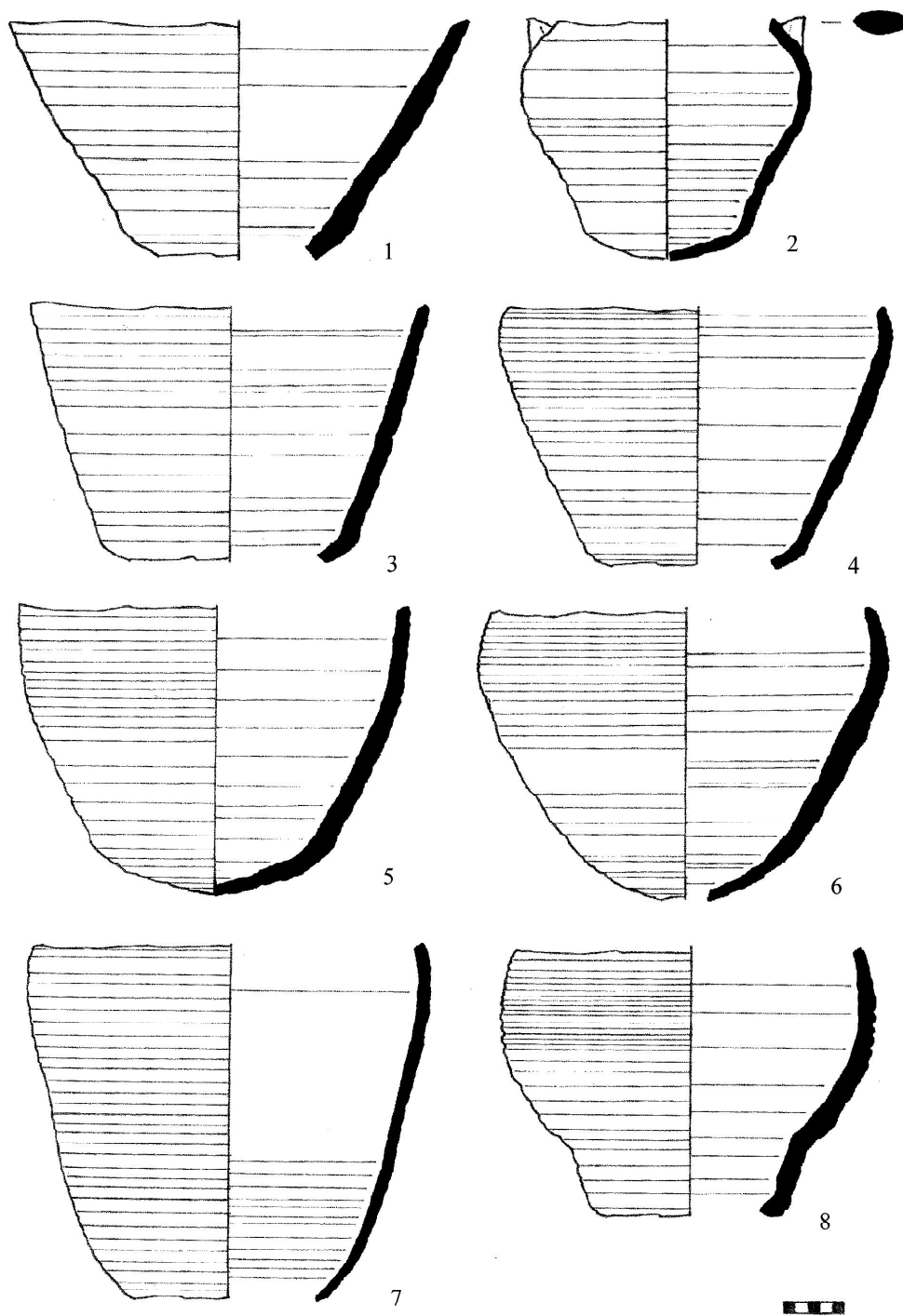

Рис. 12. Донья амфор с дуговидными ручками

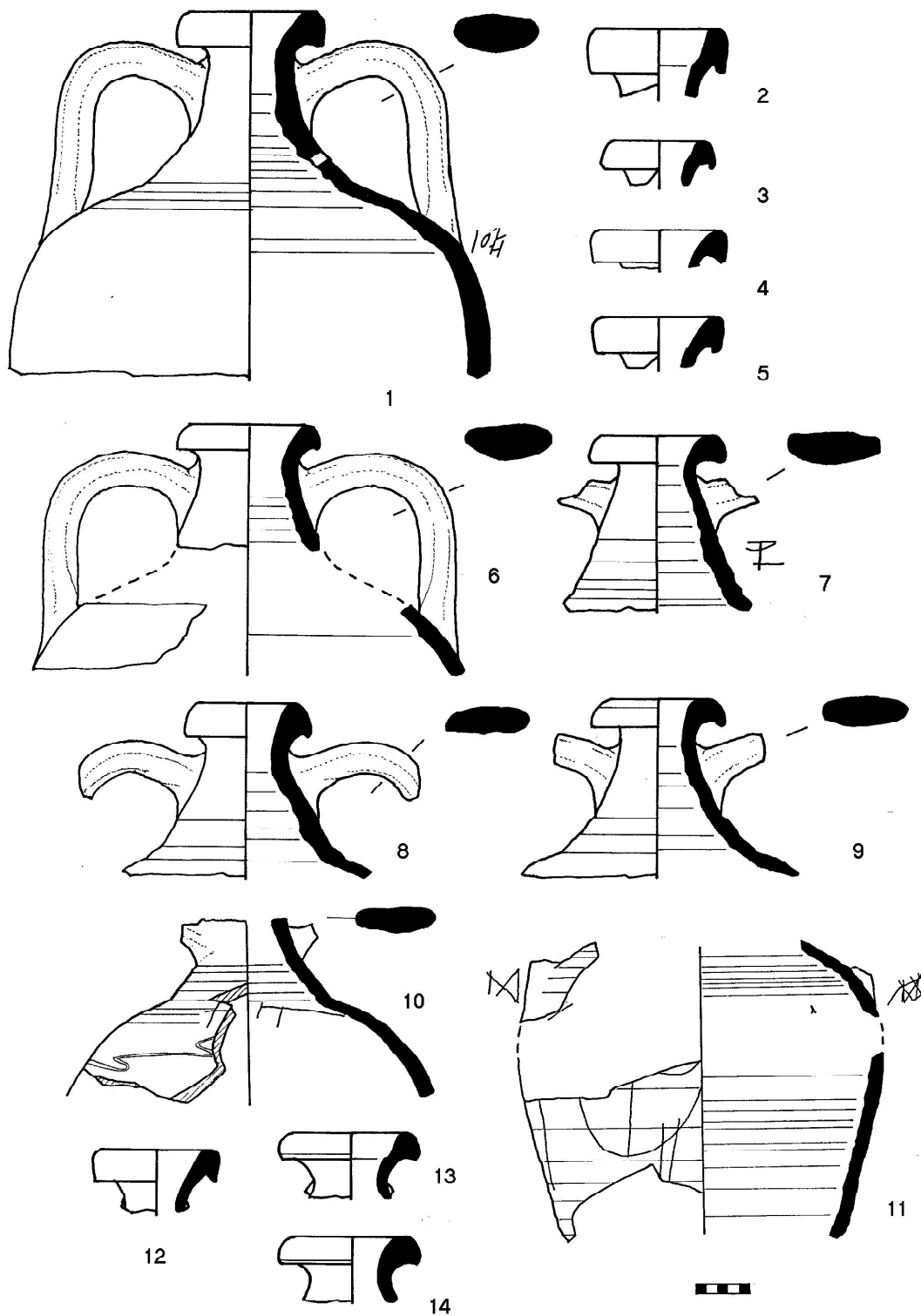

Рис. 13. Амфоры с «воротничковым» венчиком

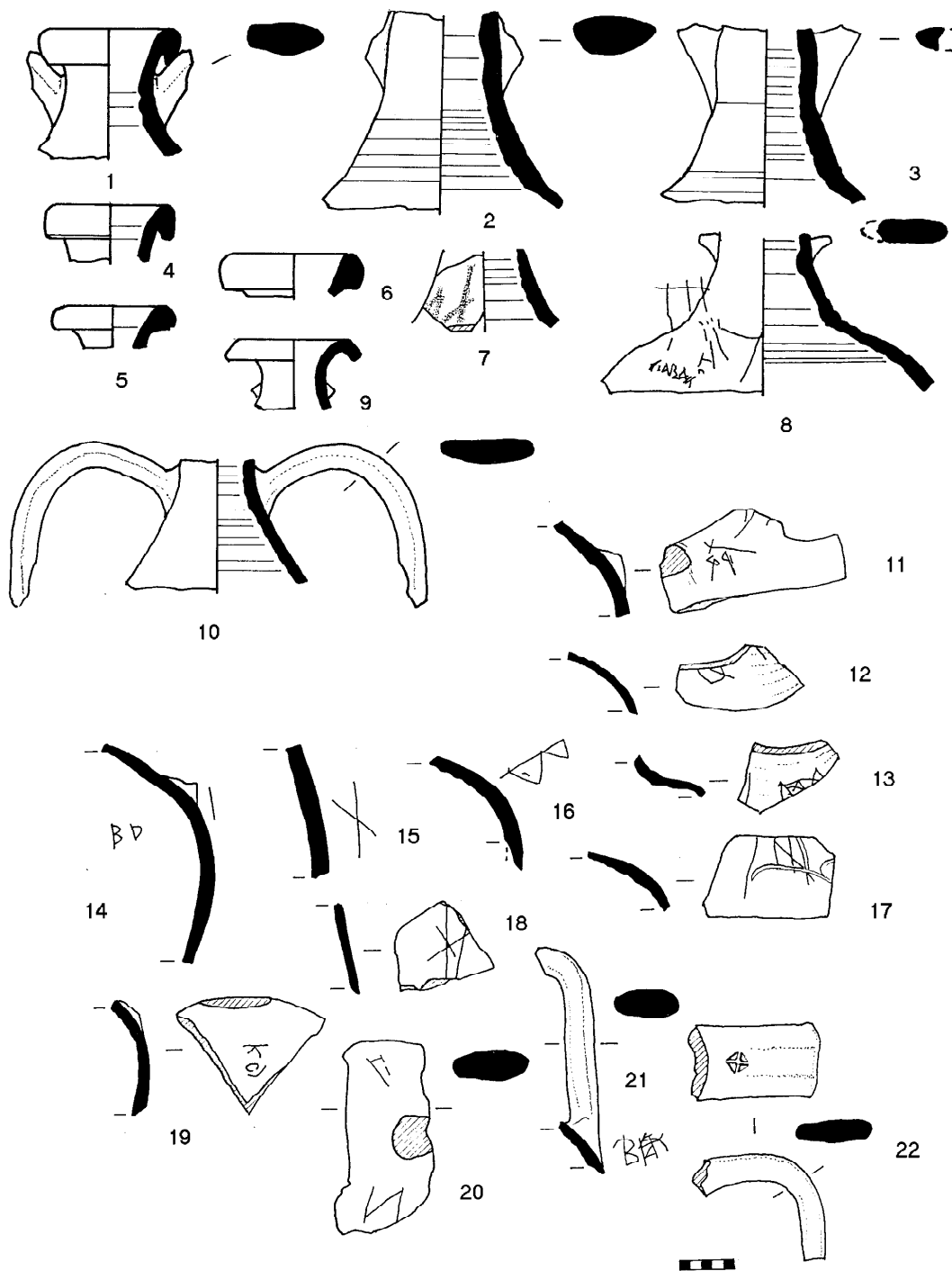

Рис. 14. Амфоры с «воротничковым» венчиком, фрагменты стенок и ручек с граффити и клеймом

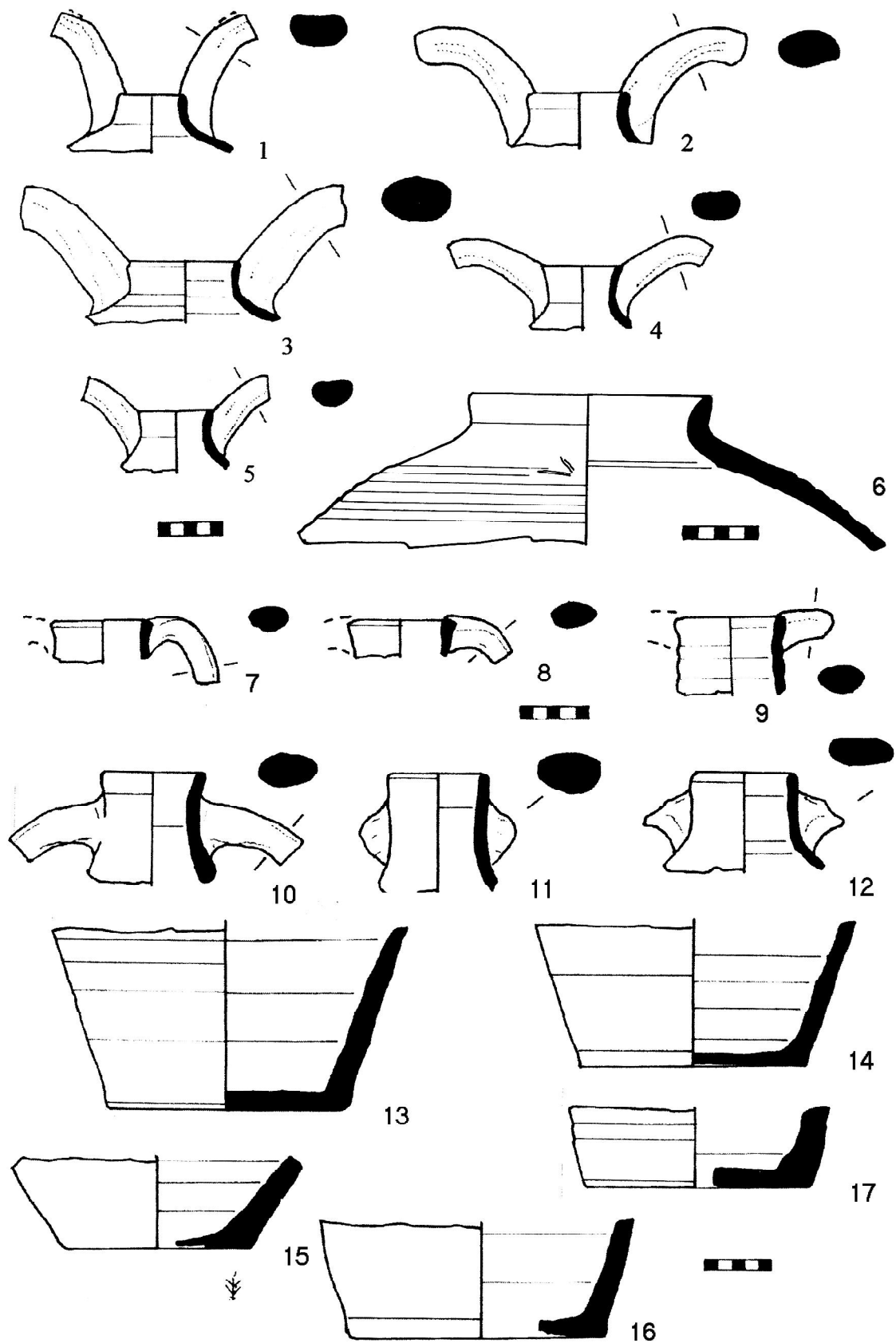

Рис. 15. Амфоры с высокоподнятыми дуговидными ручками (1-6),
 коричневоглиняные амфоры с дуговидными ручками (7-9),
 плоскодонные красноглиняные ангобированные амфоры (10-17)

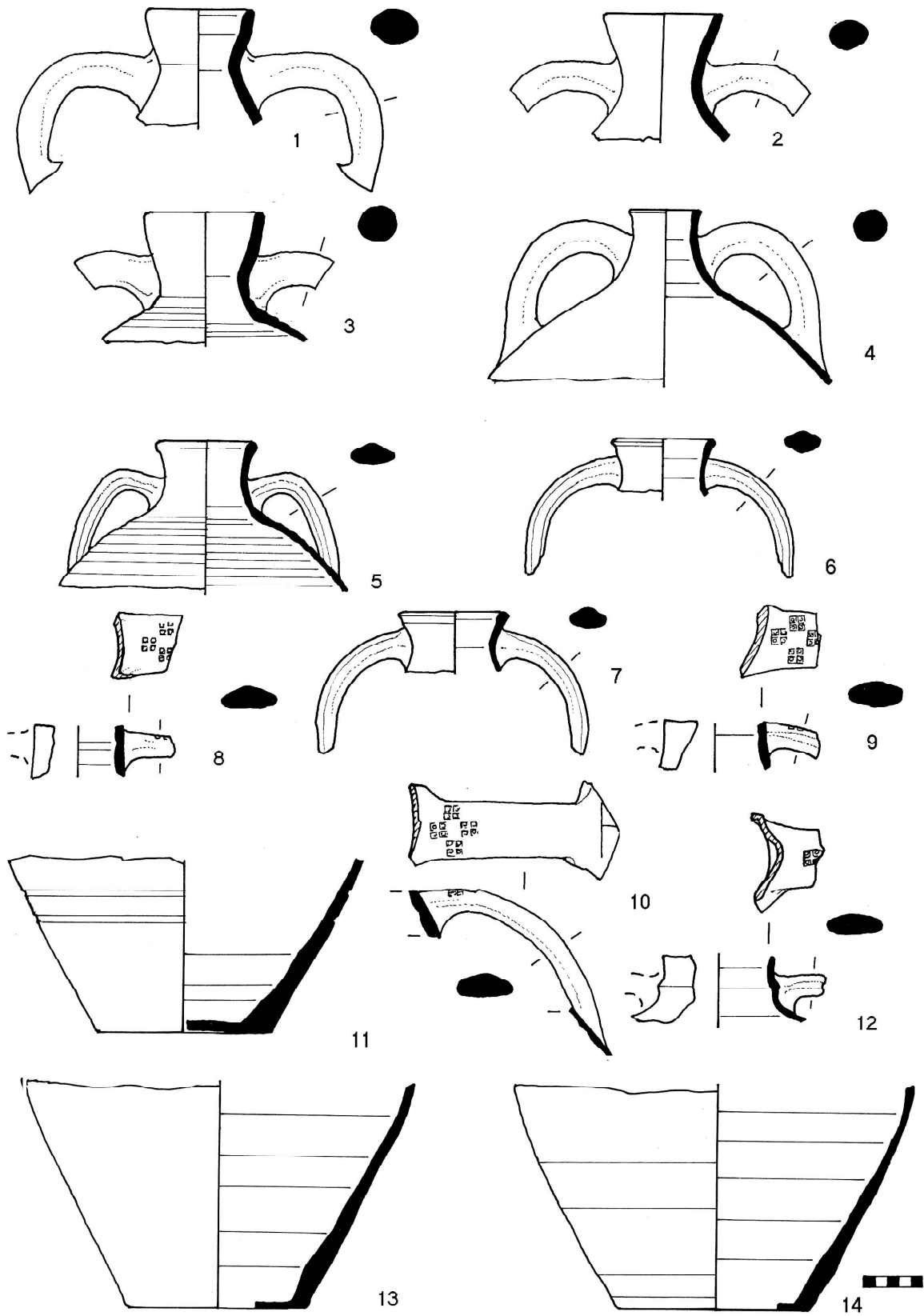

Рис. 16. Красноглиняные плоскодонные амфоры с дуговидными ручками

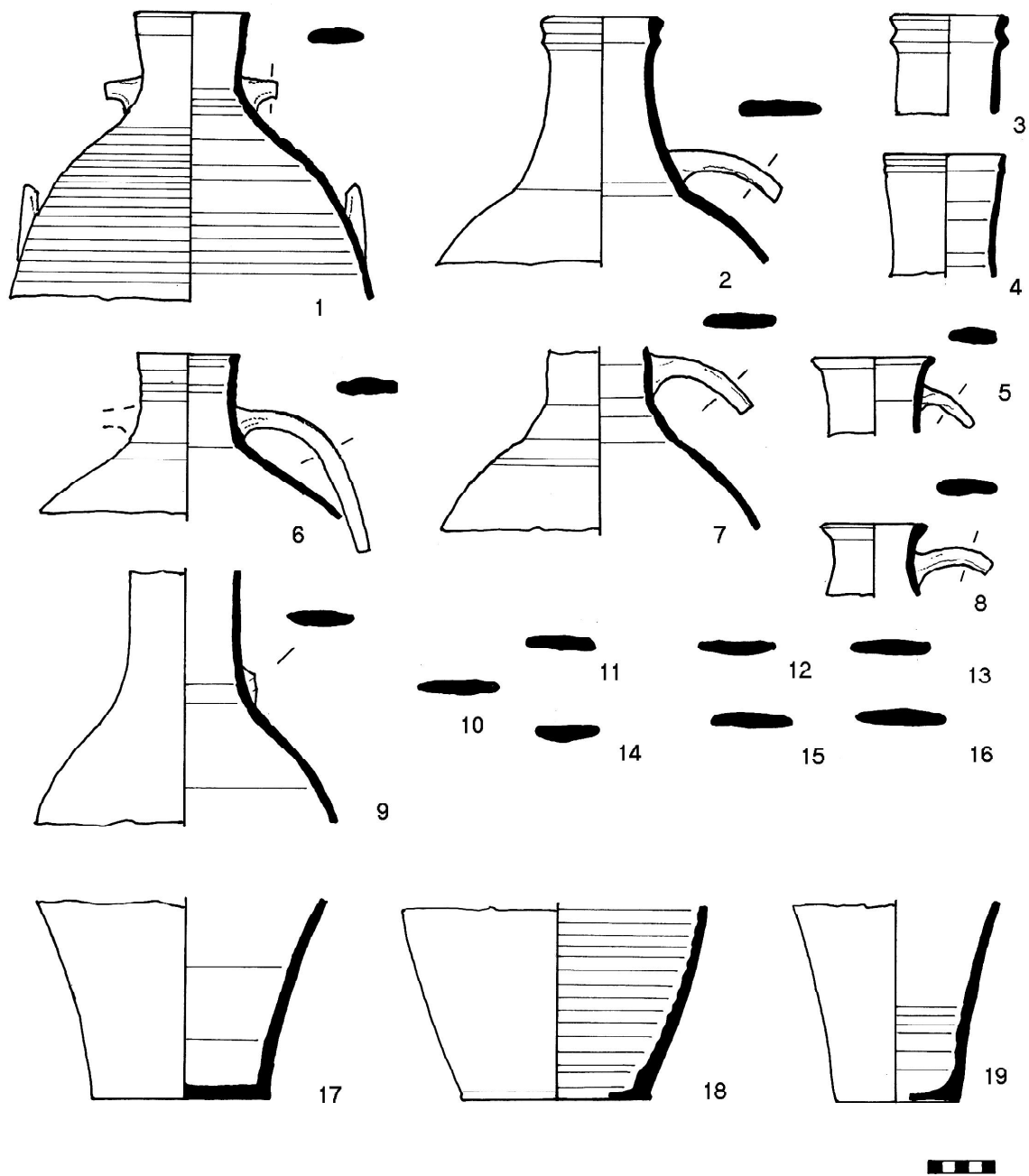

Рис. 17. Кувшины

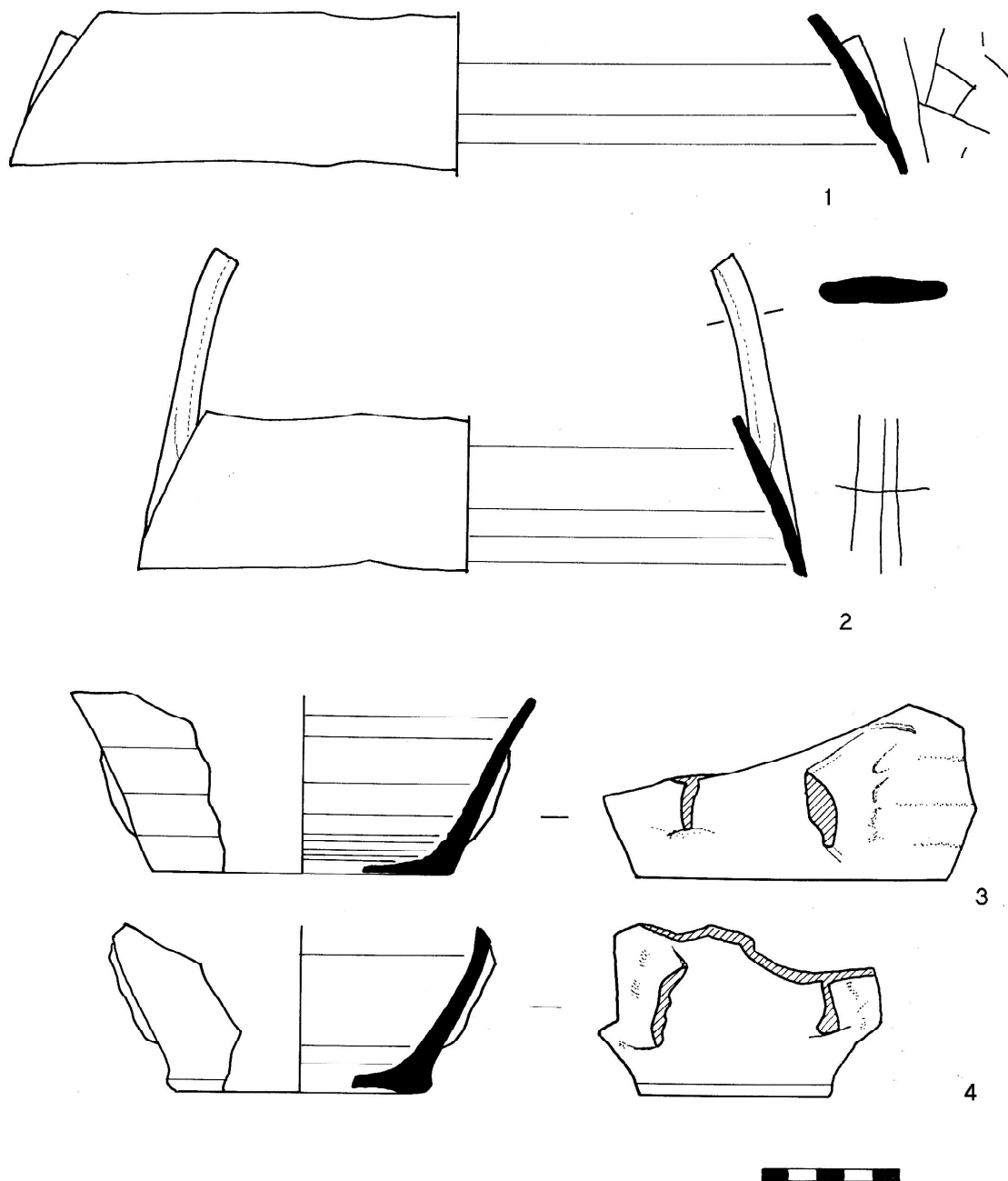

Рис. 18. Кувшины

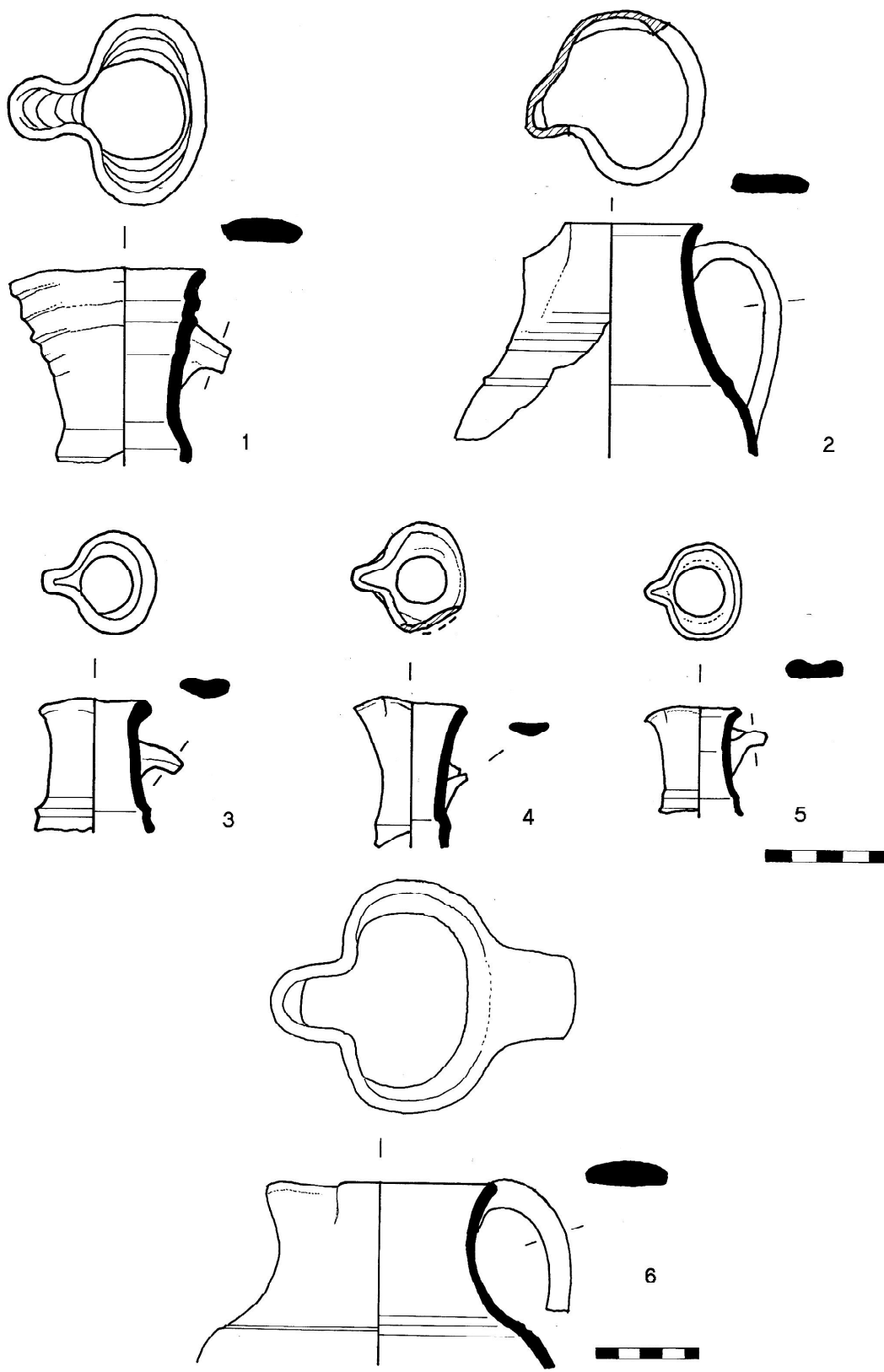

Рис. 19. Ойнохойи (1-5), горшок с ойнохоевидным горлом (6)

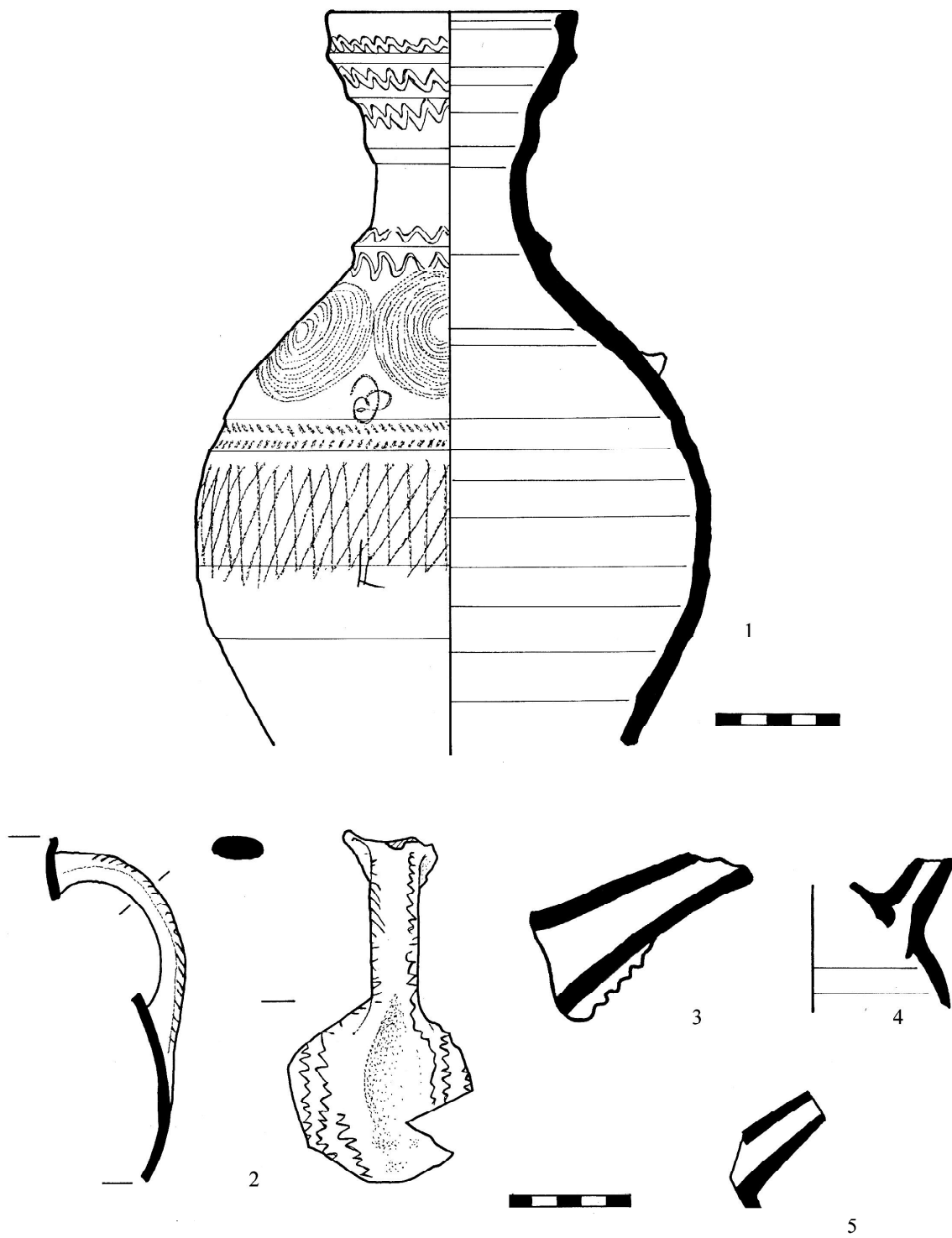

Рис. 20. Кувшин с шаровидным туловом (1),
 кувшинчик с вертикальными вмятинами на тулове (2),
 фрагменты носиков куманов (3-5)

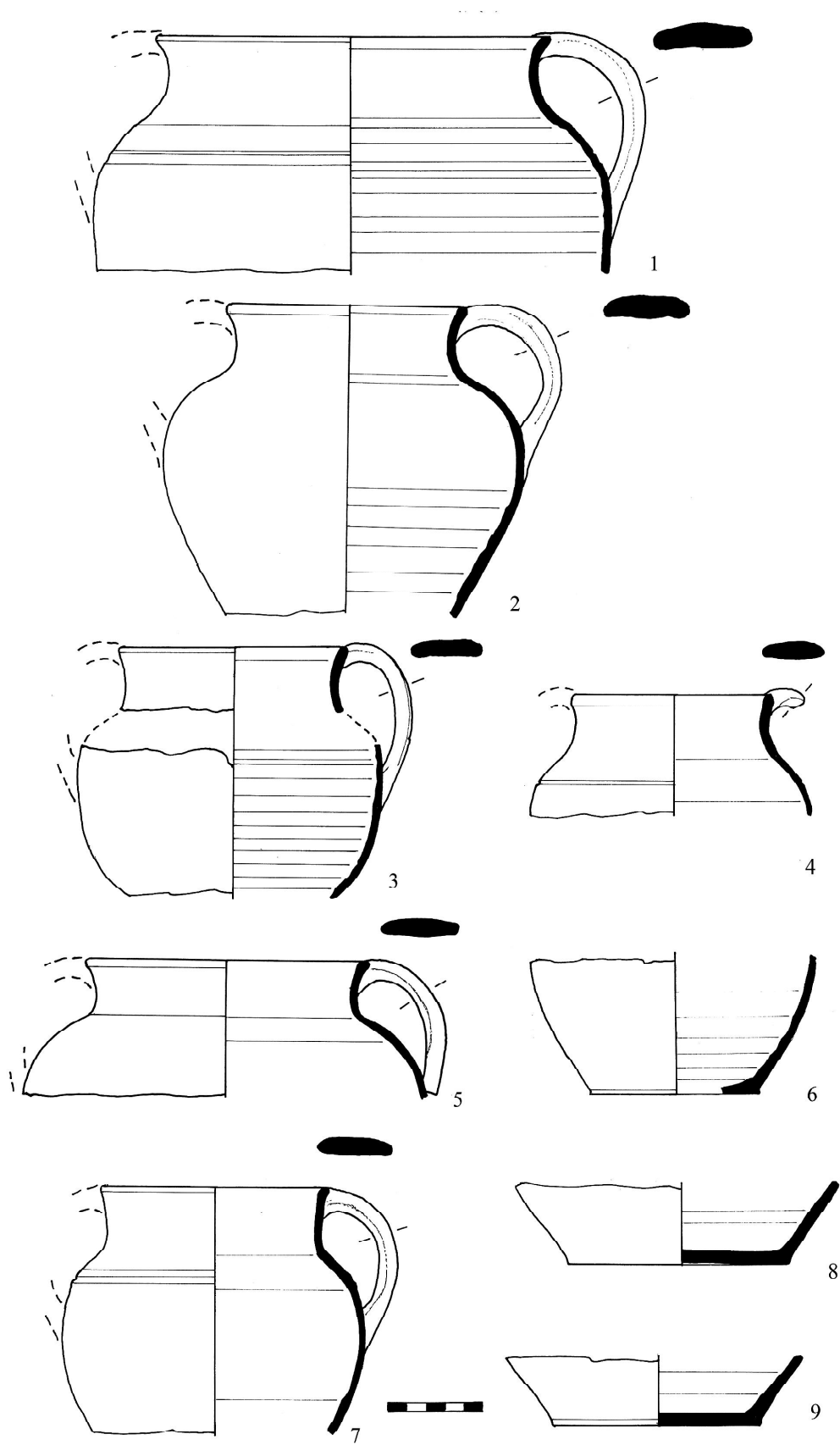

Рис. 21. Горшки

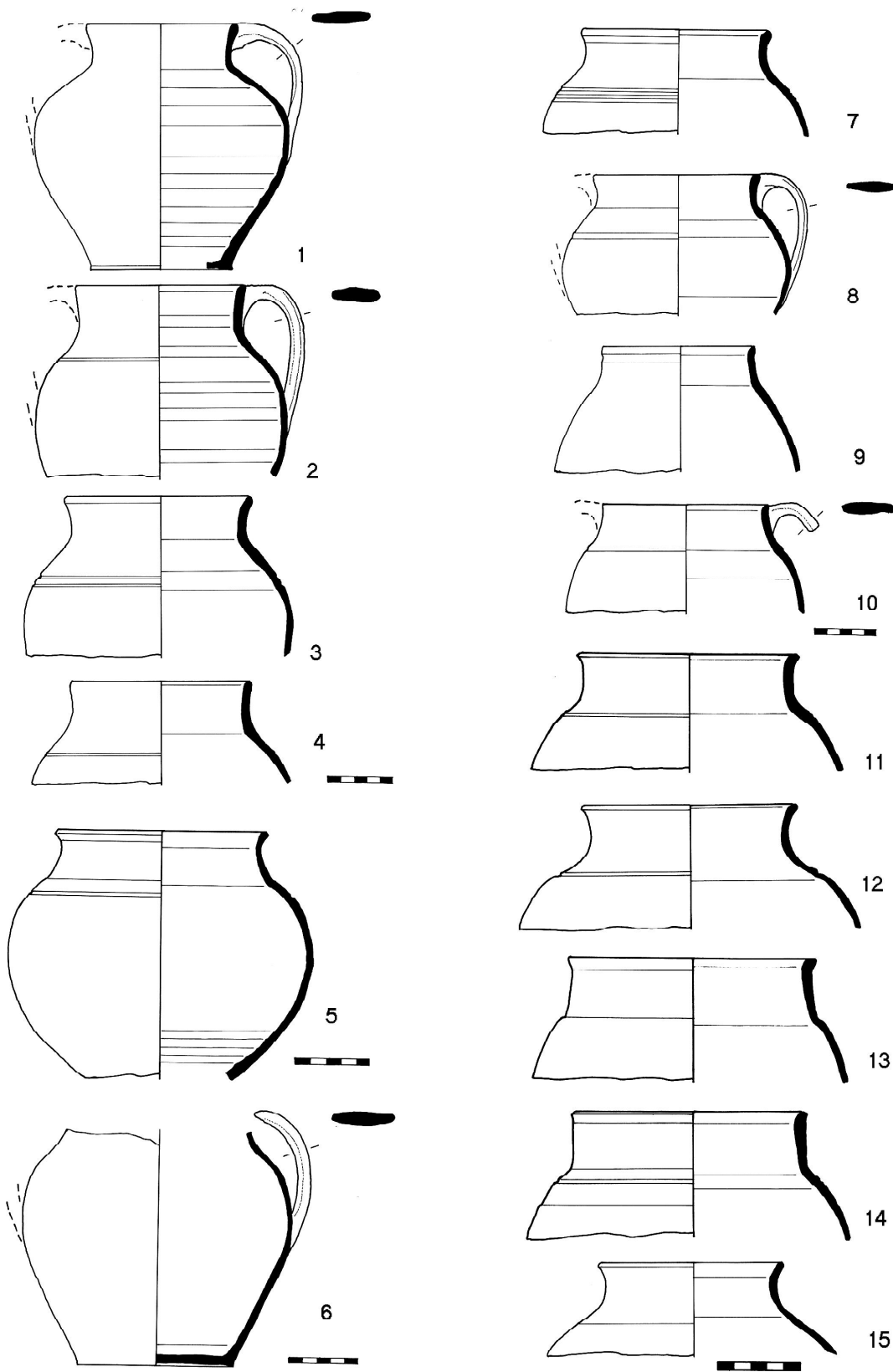

Рис. 22. Горшки

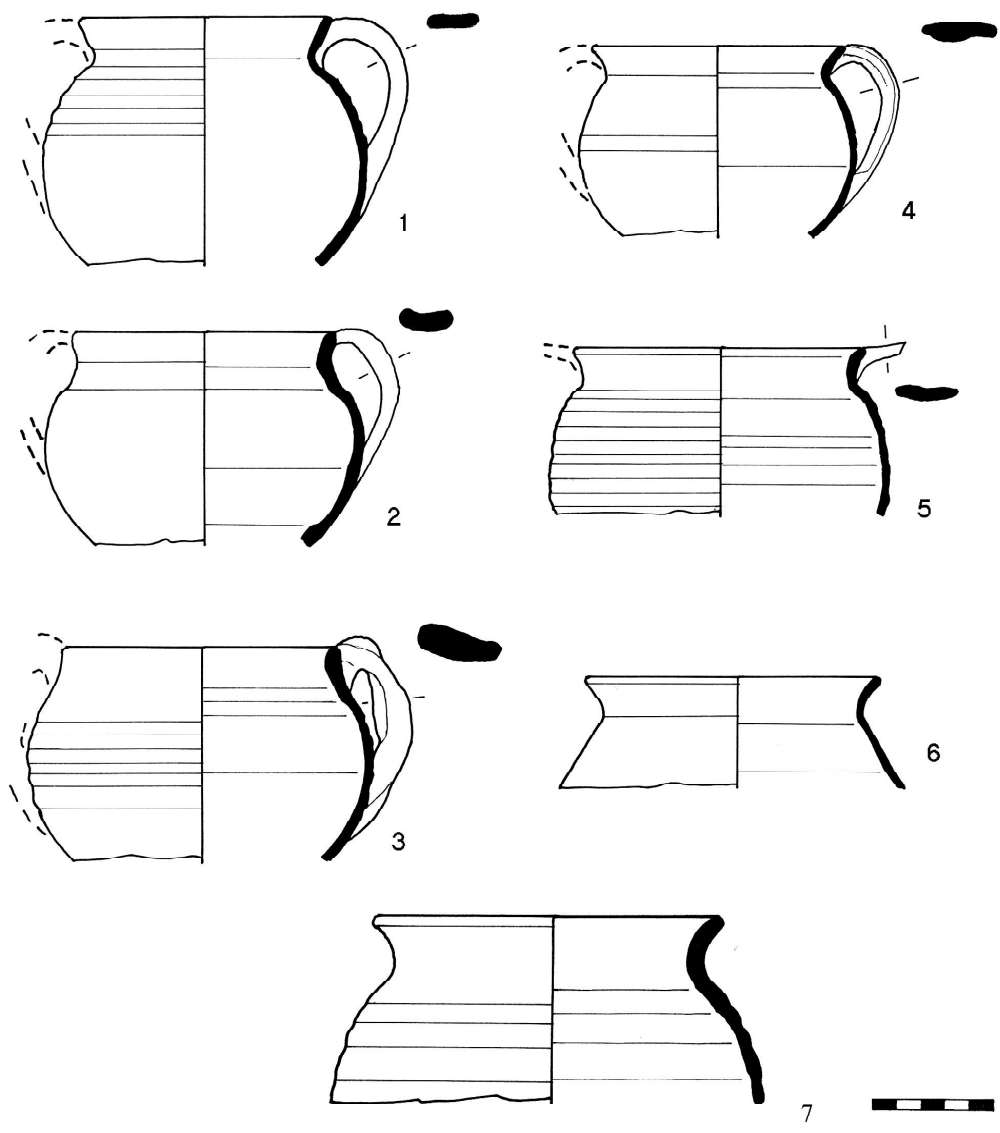

Рис. 23. Горшочки

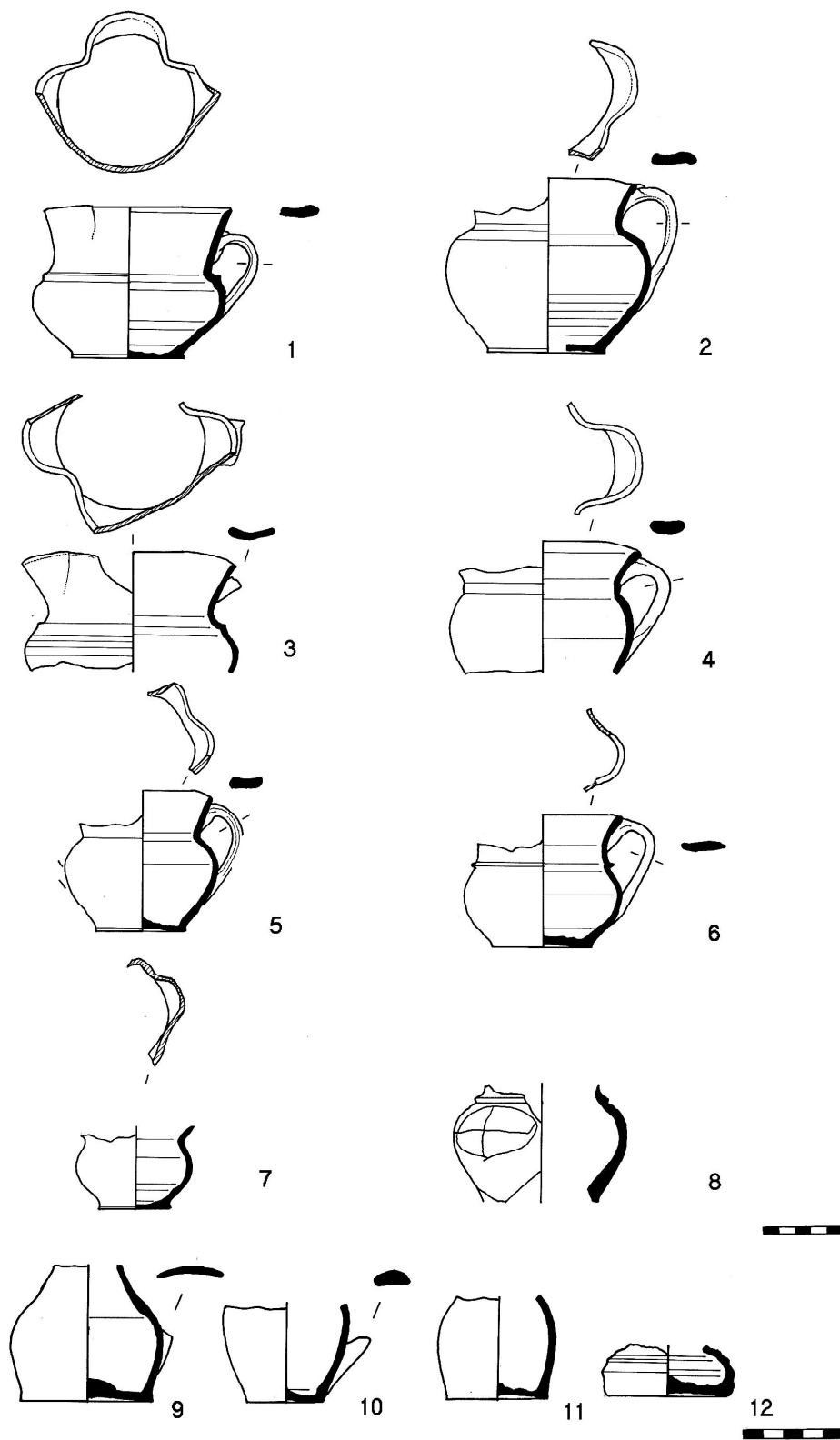

Рис. 24. Тонкостенные горшочки с венчиком в виде квадрифолия (1-8),
миниатюрные кувшинчики (9-12)

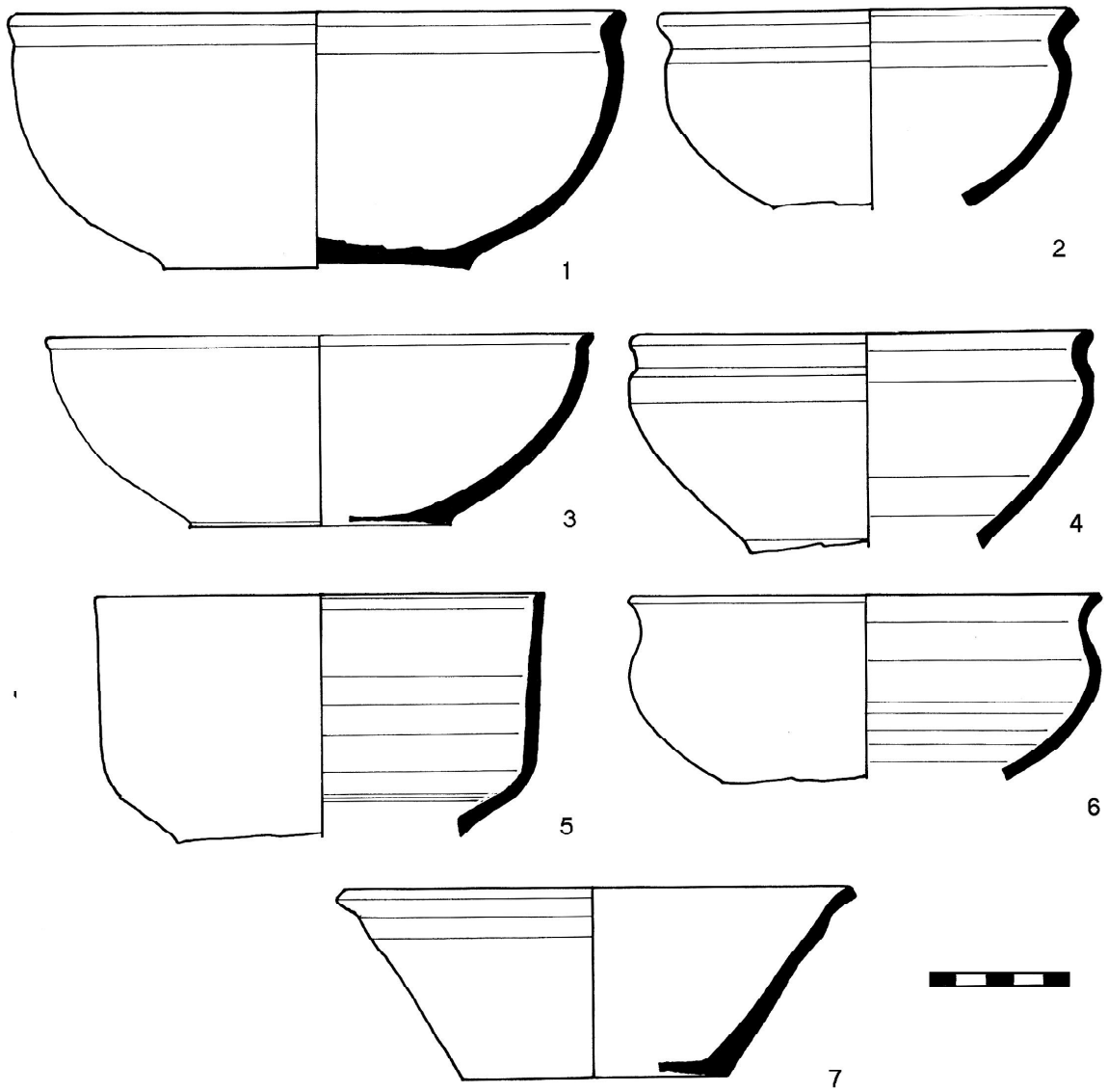

Рис. 25. Миски (1-4, 6), чашки (5, 7)

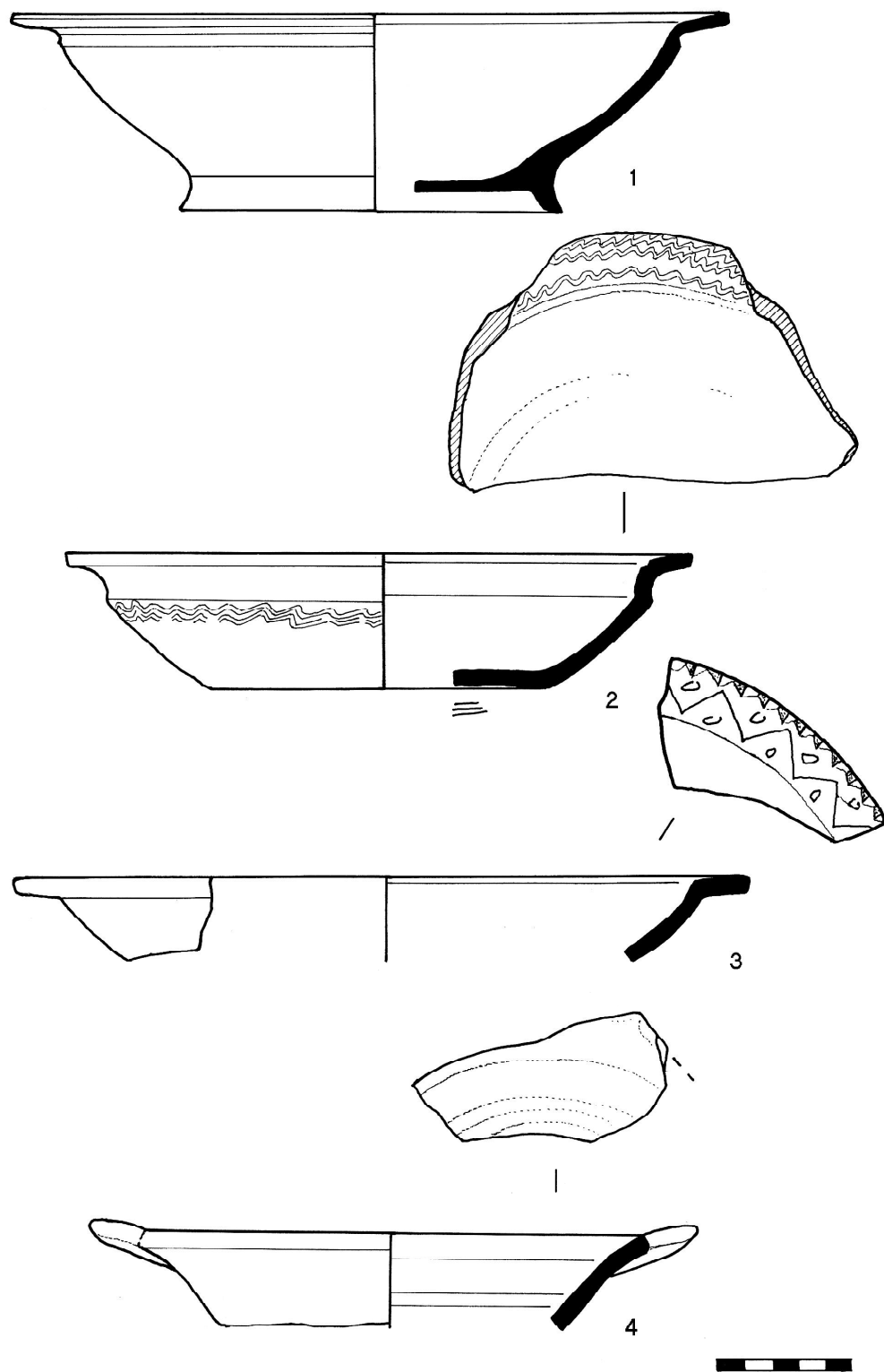

Рис. 26. Тарелки

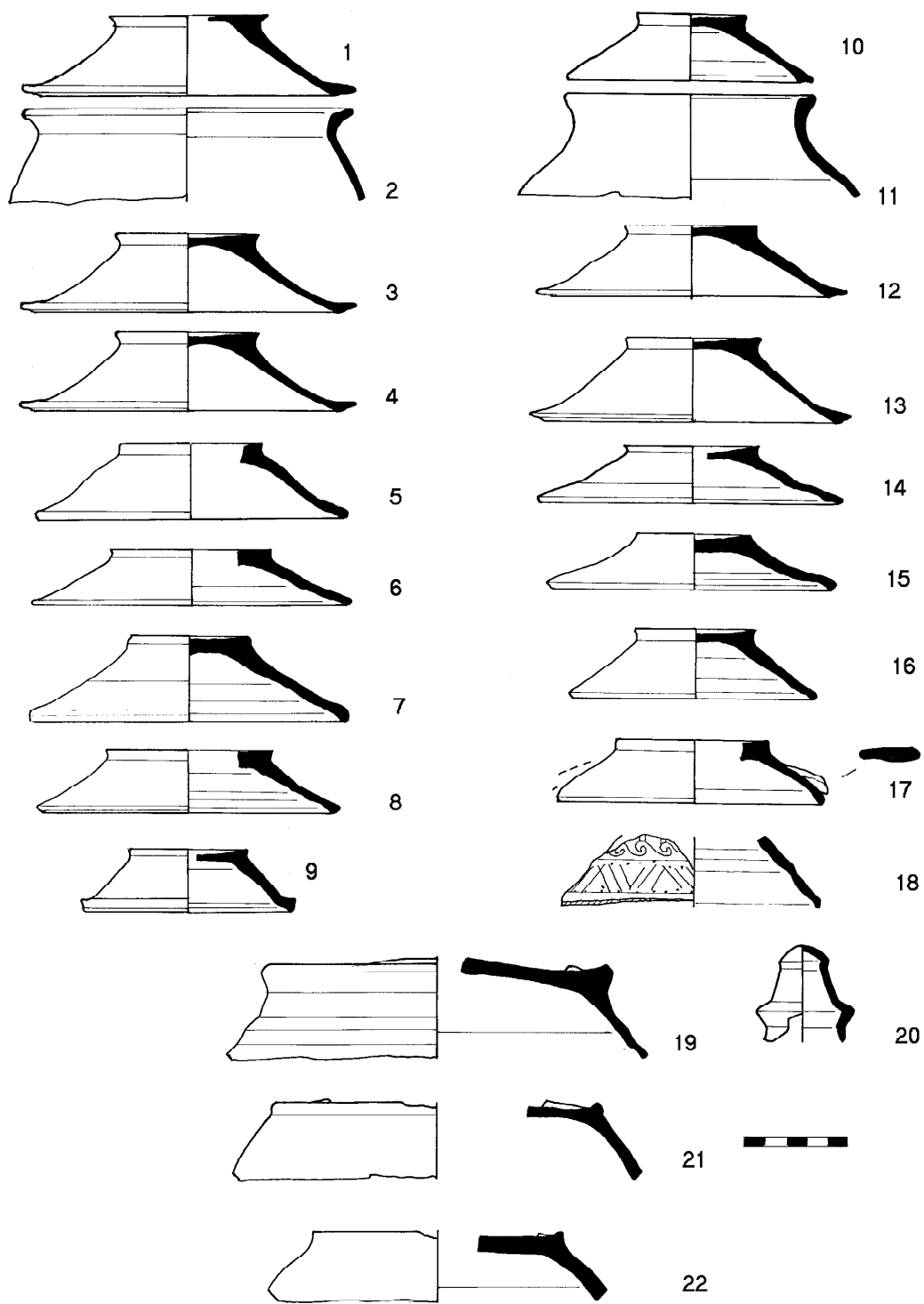

Рис. 27. Горшки (2, 11), крышки (1, 3-10, 12 - 22)

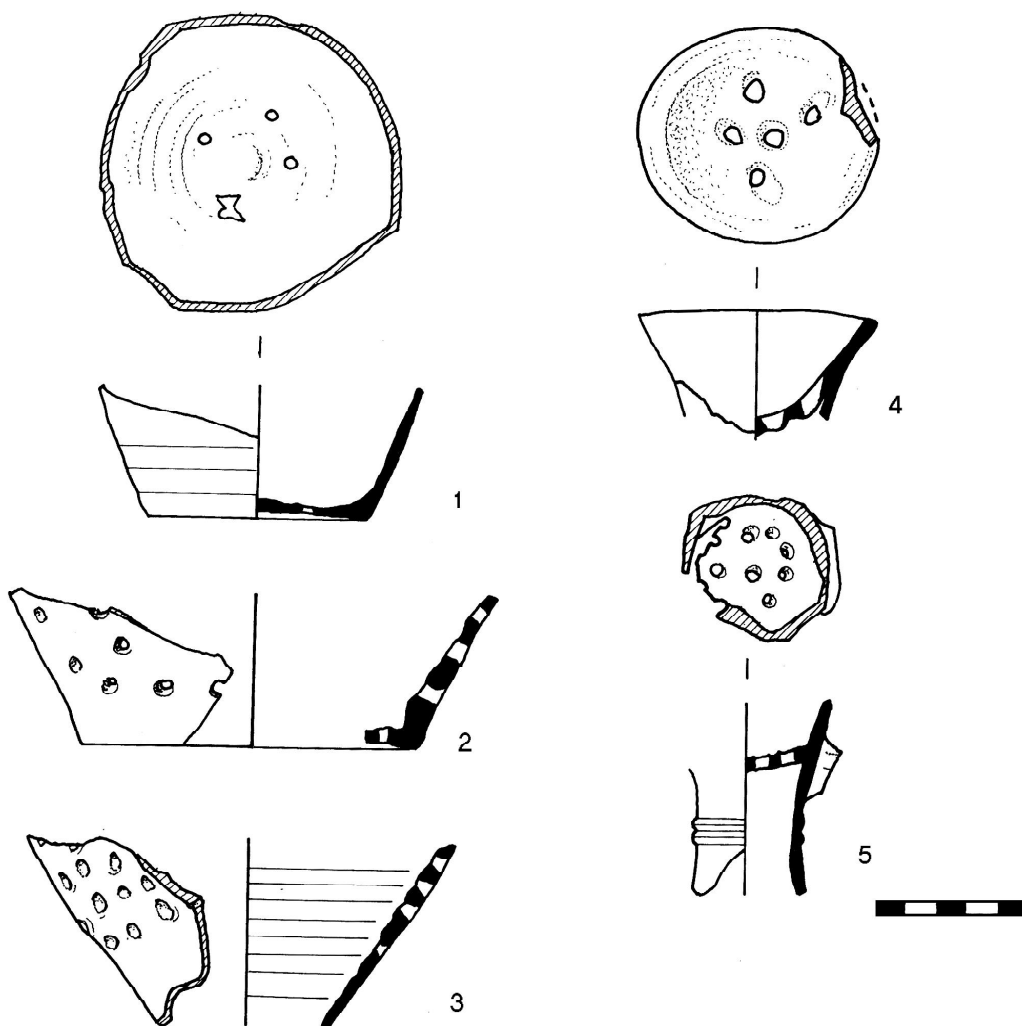

Рис. 28. Цедилки

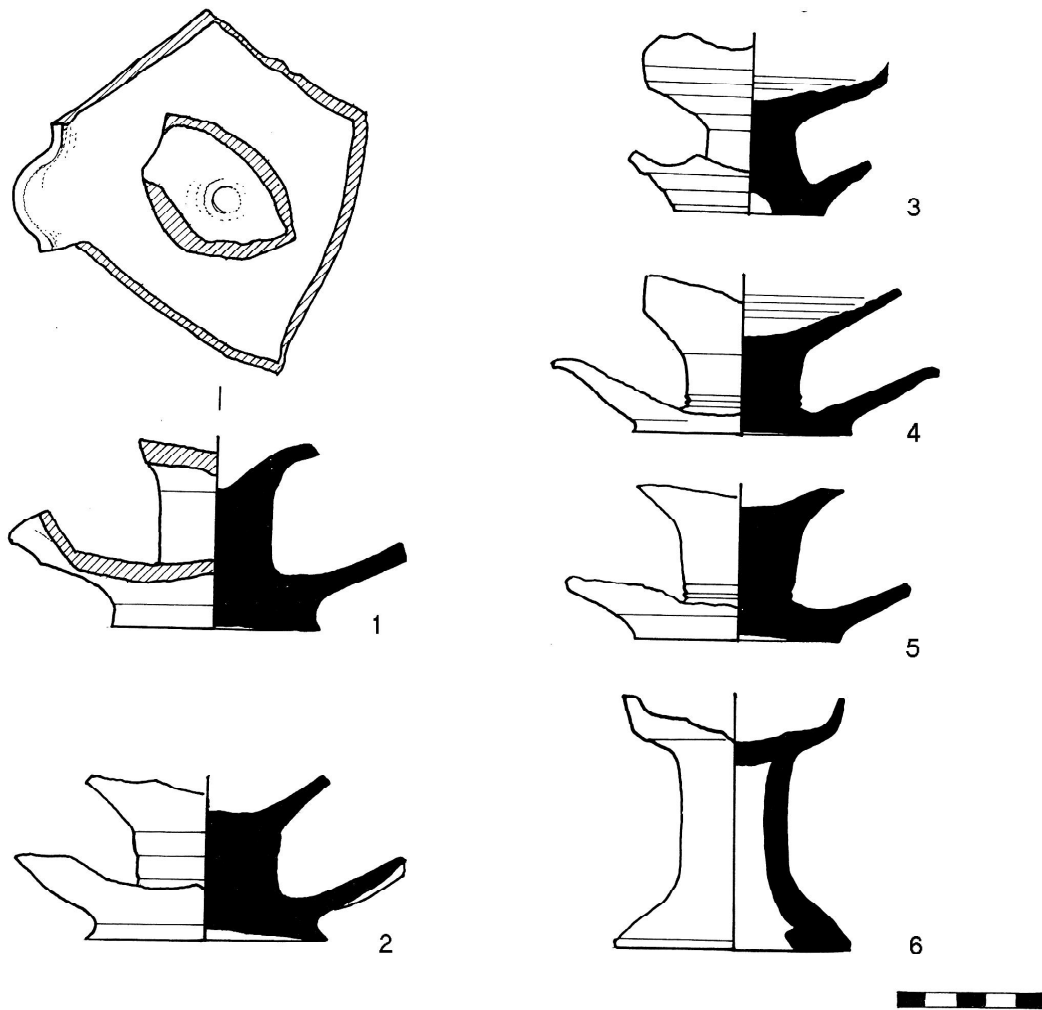

Рис. 29. Свечи (1, 2, 4-6 – простые гончарные; 3 – белоглиняный поливной)

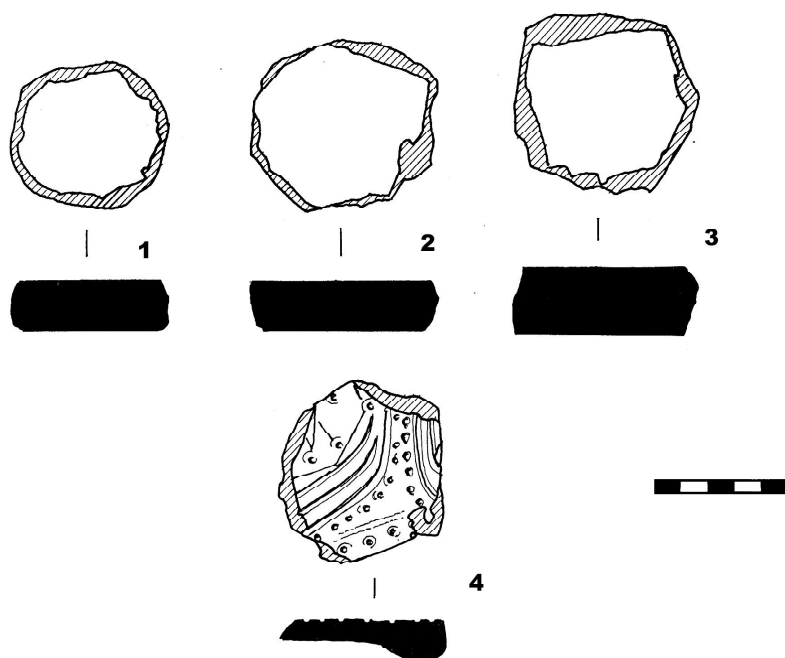

Рис. 30. Амфорные пробки (1 - 3), керамический штамп (4)

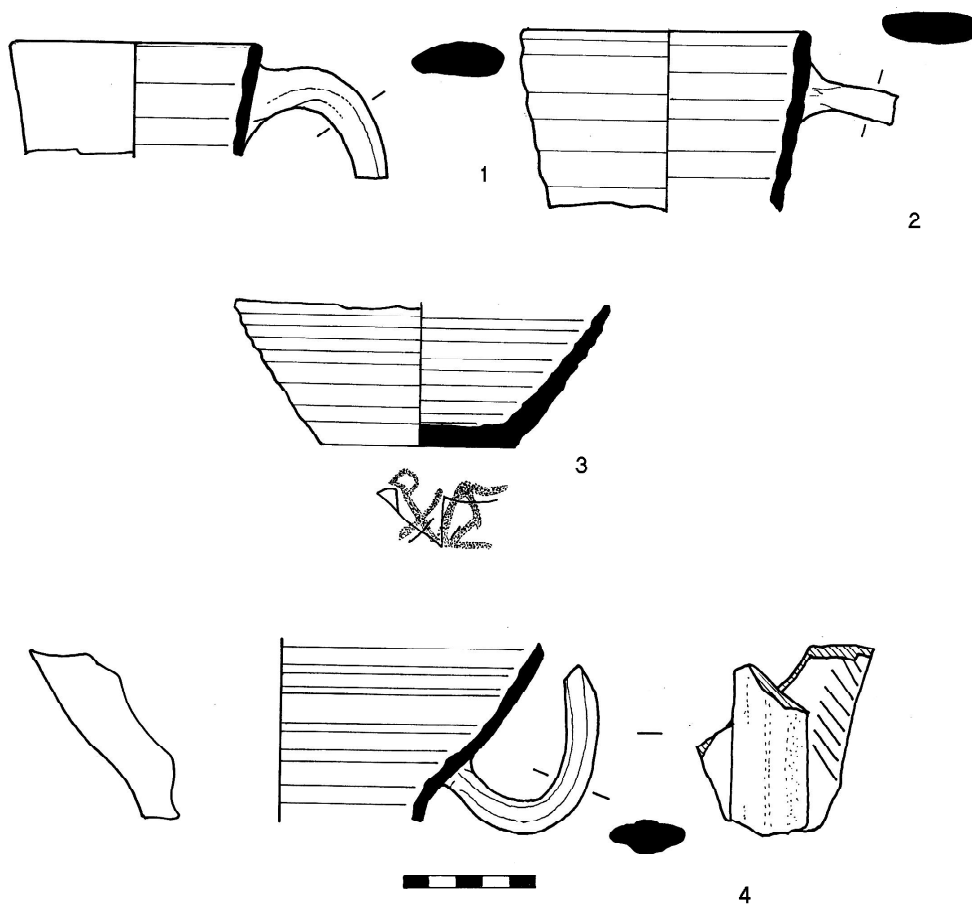

Рис. 31. Белоглиняная неглазурованная посуда

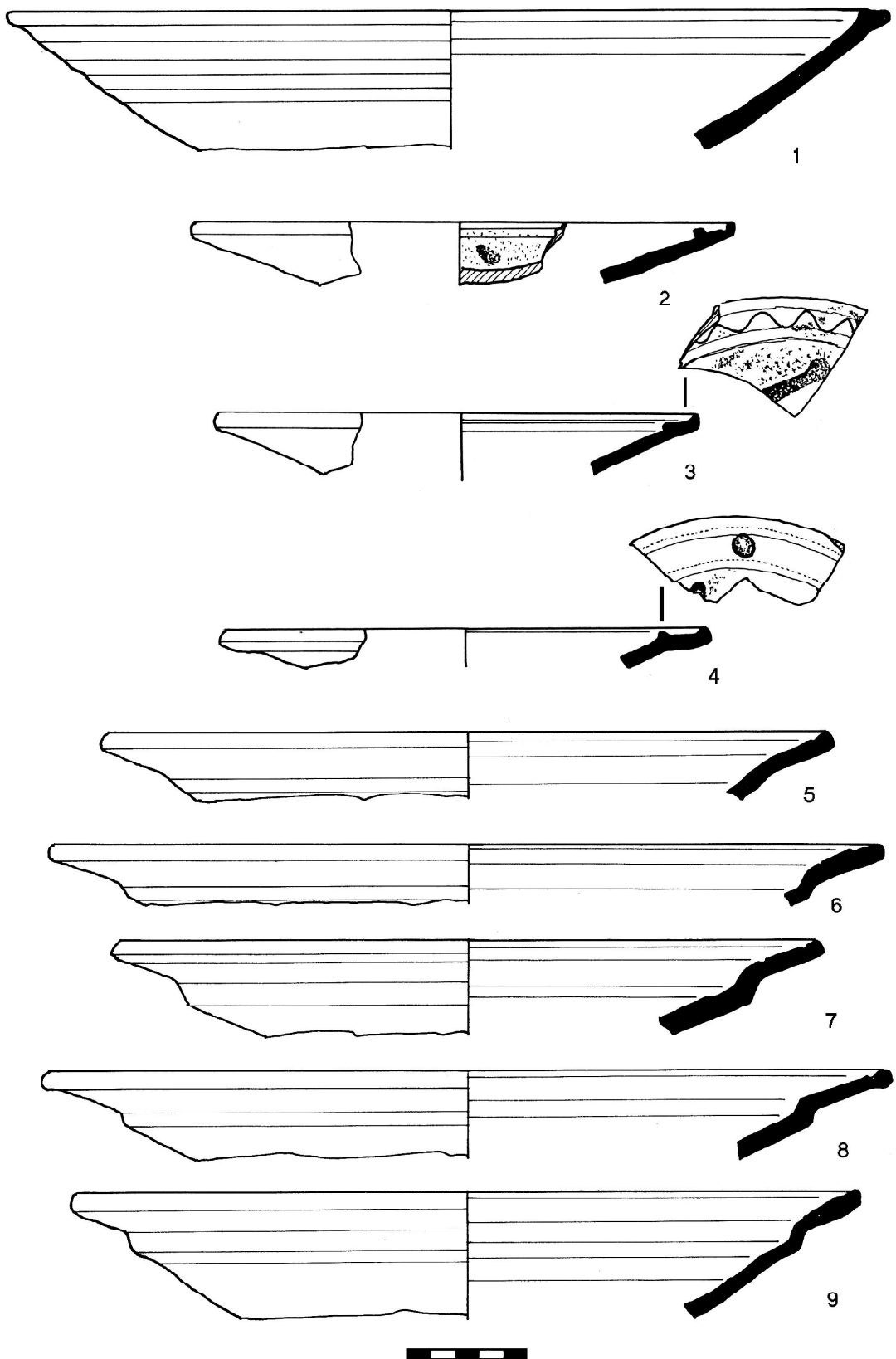

Рис. 32. Белоглиняные поливные тарелки

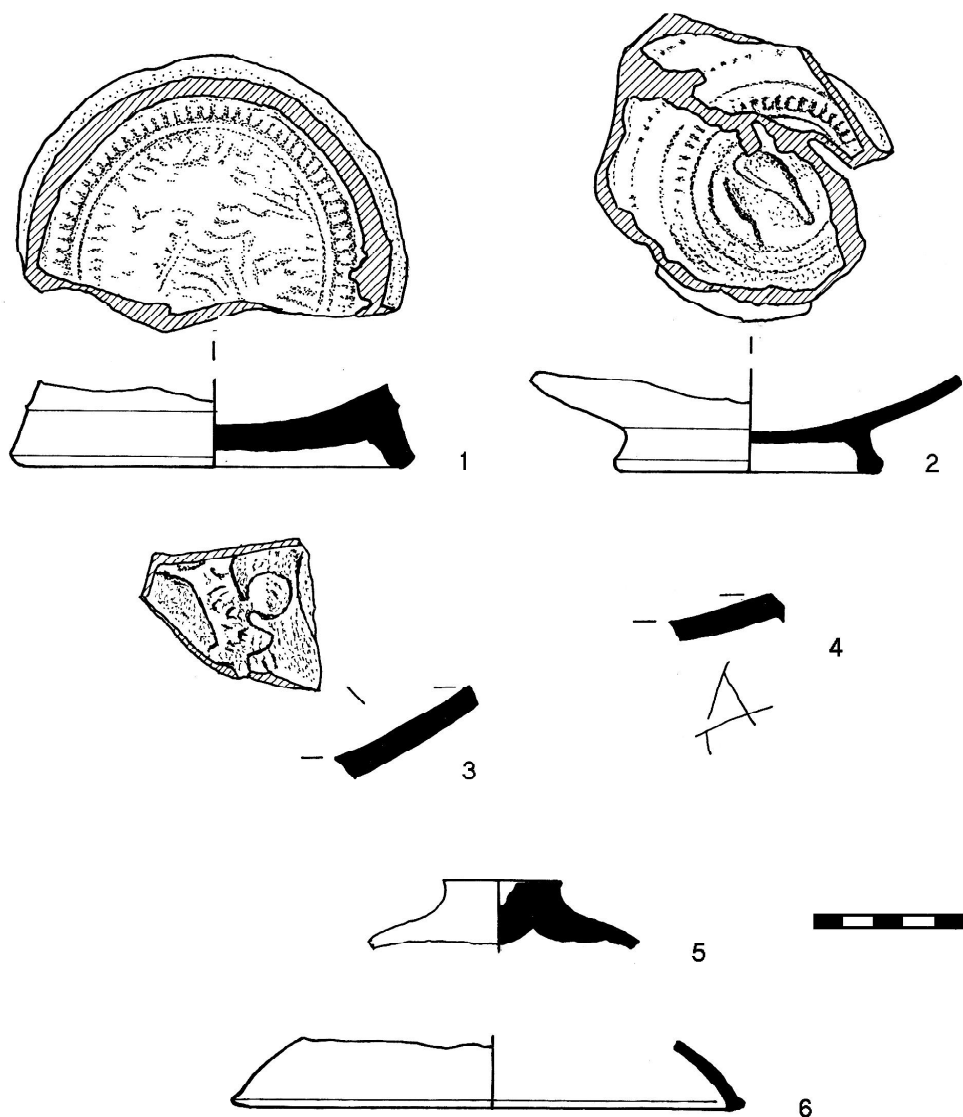

Рис. 33. Белоглиняная поливная керамика
 (1 – 4 - тарелки и блюда с рельефными украшениями;
 5, 6 – крышки)

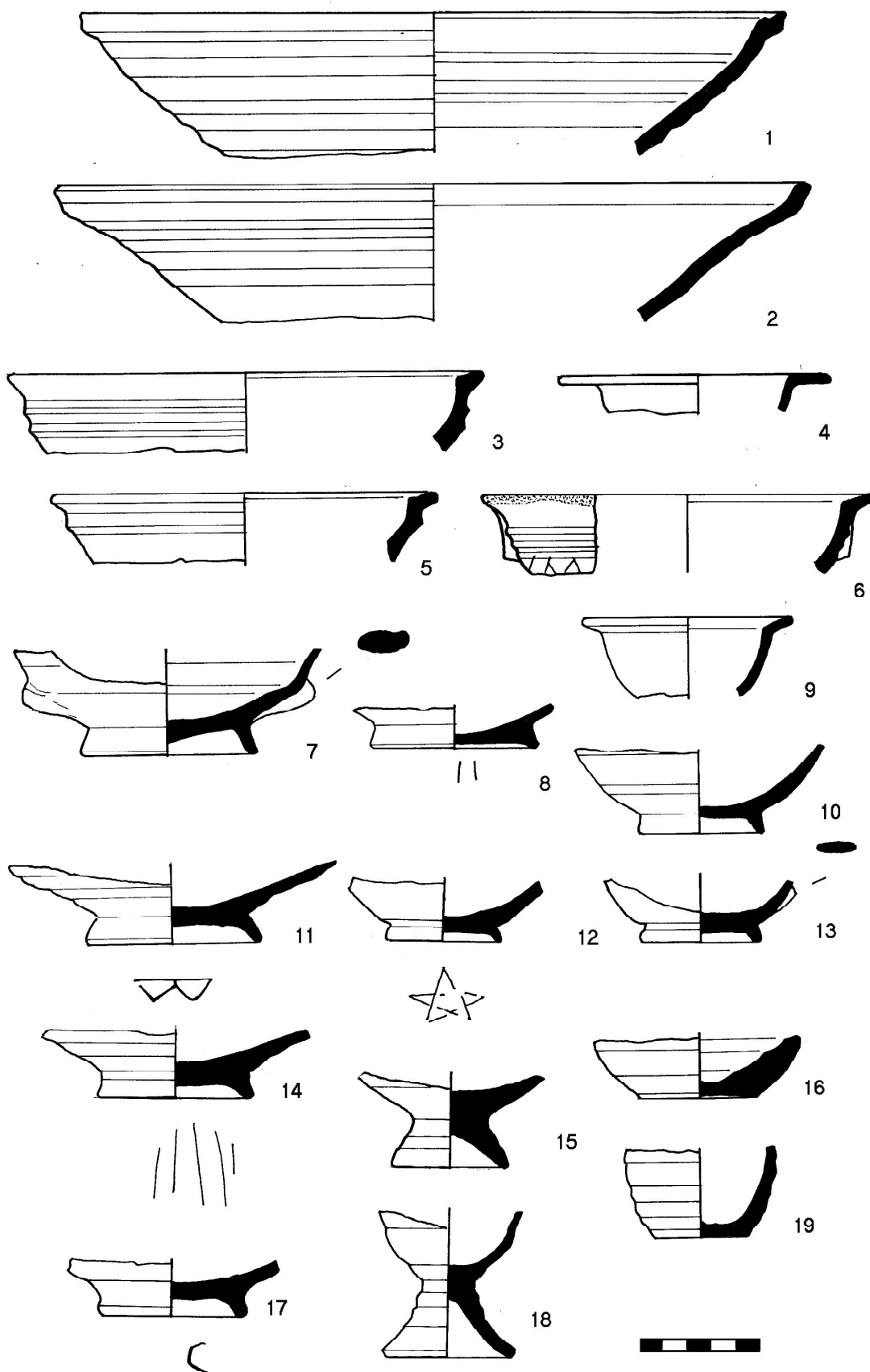

Рис. 34. Белоглиняная поливная керамика
 (1, 2 – тарелки; 3 – 15, 17, 18 – чаши; 16, 19 – кувшинчики)

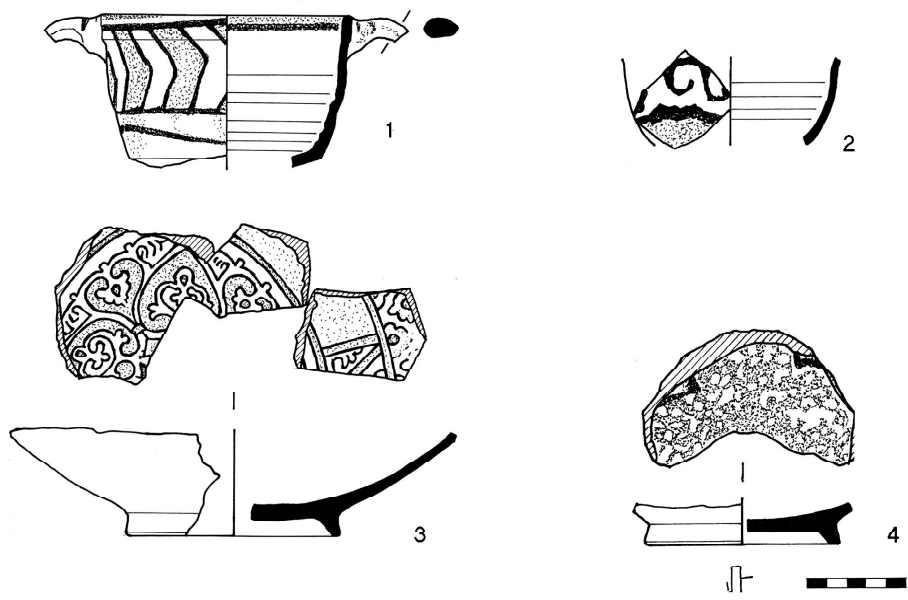

Рис. 35. Белоглиняная керамика с росписью

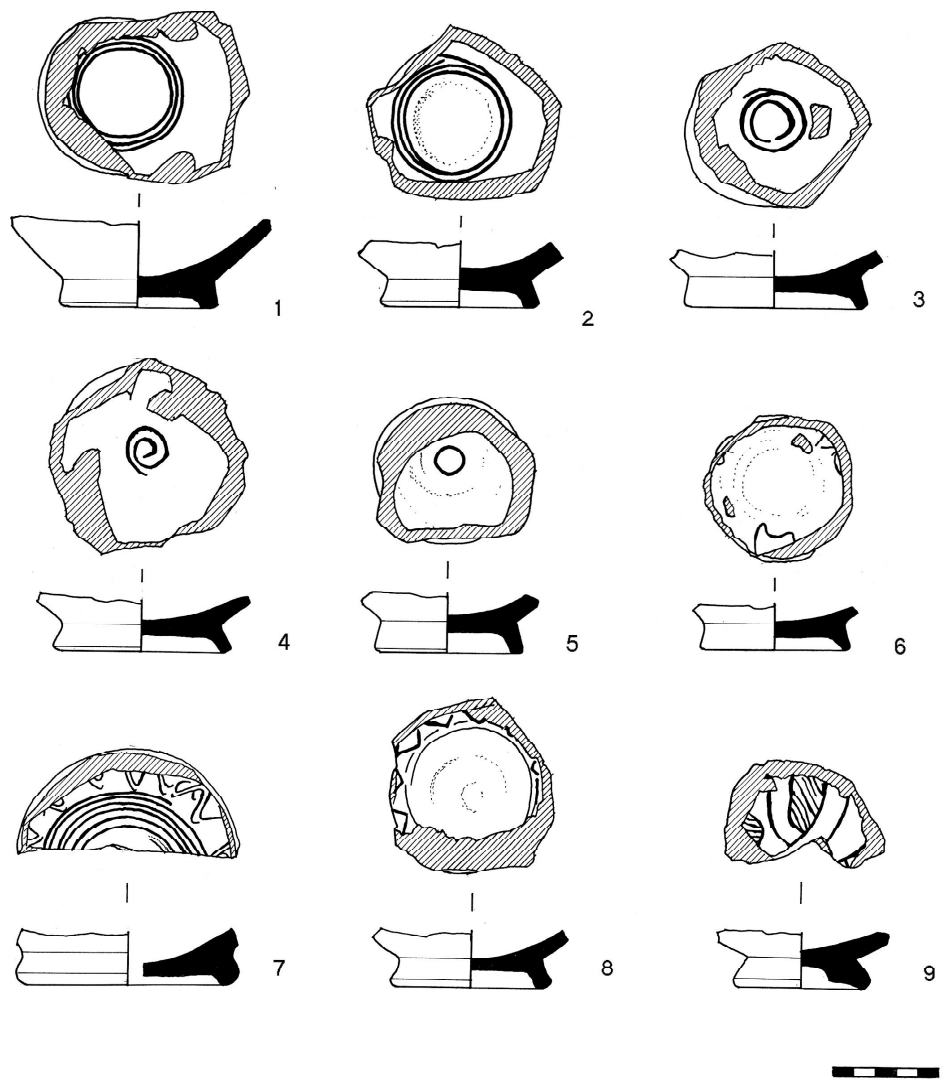

Рис. 36. Красноглиняная поливная керамика

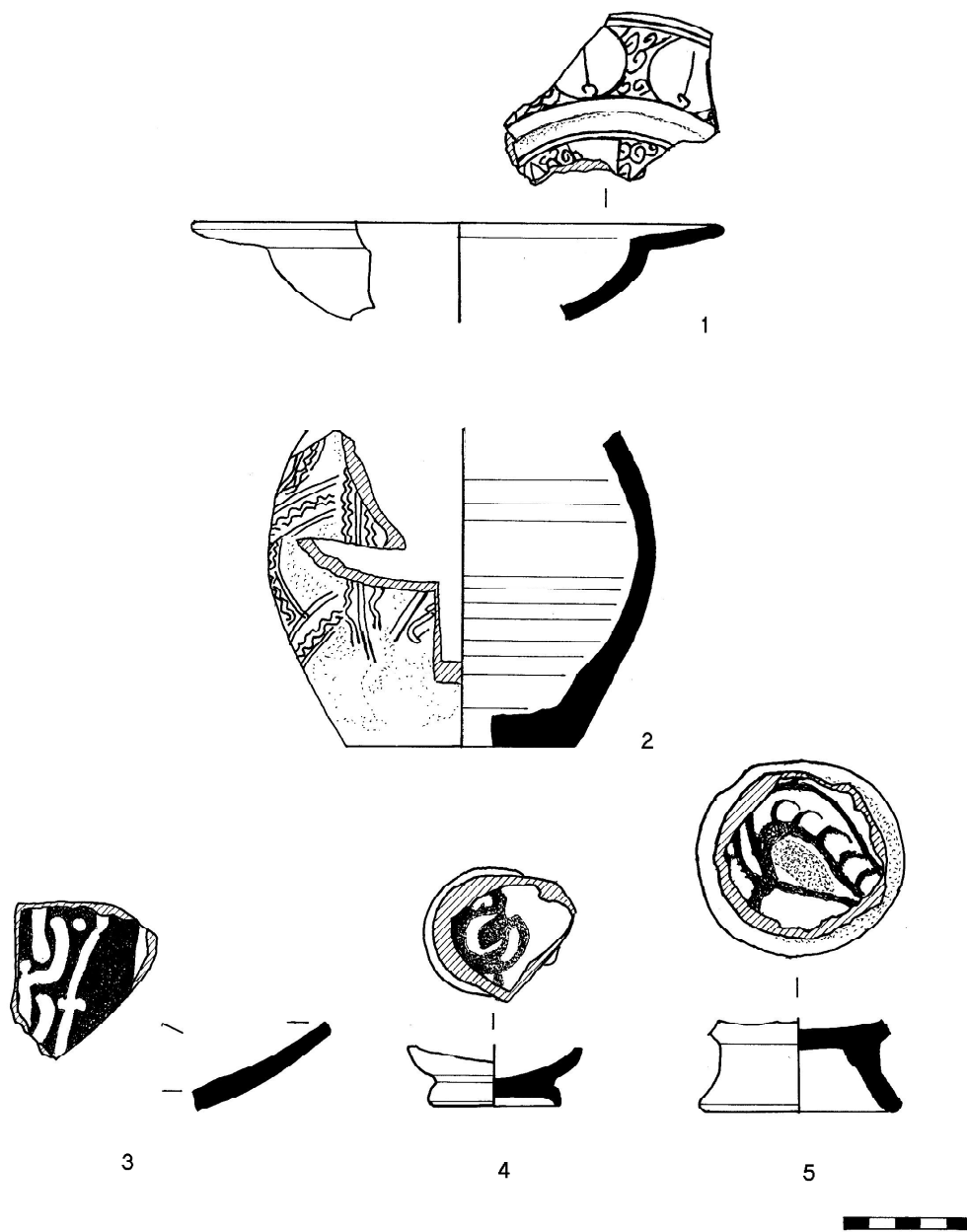

Рис. 37. Красноглиняная поливная керамика (1-3), белоглиняная керамика с росписью (4, 5)

ГЛАВА 7. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ НАХОДКИ

М. Новак

W trakcie prac archeologicznych prowadzonych w 2002 roku w cysternie zlokalizowanej w *domus urbana* VII kwartału Chersonezu Taurydzkiego odkryto 203 drobne zabytki. Pośród nich znajdują się elementy stroju, biżuteria szklana i brązowa, zabytki kościane i metalowe. Blisko 82% zabytków odkrytych zostało w zasypisku cysterny (głębokość od 11,50 – 7,50 mnpm), 12% na poziomie użytkowym II okresu (głębokość 7,50 – 6,50 mnpm), pozostałe zaś w górnej warstwie (głębokość od 12,60 – 11,50 mnpm). Zdecydowana większość zabytków, zwłaszcza metalowych, zachowała się w złym stanie, co związane jest zapewne z specyficznymi warunkami ich zalegania tj. wysoką wilgotnością wypełniska cysterny, która dzięki swojej konstrukcji kumulowała wodę. Odkryte przedmioty zachowane są przeważnie w fragmentach, często są uszkodzone.

Najliczniejszą grupą zabytków odkrytą w cysternie są fragmenty szklanych bransolet. Łącznie pozyskano 68 fragmentów bransolet oraz jedną całą. Przy ich opisie wykorzystano klasyfikację zaproponowaną przez Z.A. Lwową w publikacji materiałów z Sarkel-Biała Wieża (Львова 1959: 308)*

- GRUPA I - bransolety o okrągłym przekroju poprzecznym, niepoddawane dodatkowej obróbce. Do grupy tej zakwalifikowano 8 fragmentów bransolet (Rys. 1). Wykonane są z szkła koloru niebieskiego (5 fragmentów) i ciemnozielonego (1 fragment). Barwa dwóch bransolet, z powodu obecności na ich powierzchni patyny, nie została określona.

- GRUPA II - płaskie, półokrągłe, owalne i inne odmiany bransolet, których spłaszczoną formę osiągnęto poprzez ściskanie, za pomocą prostych narzędzi. Niektóre bransolety tego typu zaopatrywano także w jeden lub dwa podłużne żłobki. Do grupy tej zakwalifikowano 35 fragmentów bransolet (Rys. 2-4). Wykonane są one ze szkła niebieskiego (21 fragmentów), zielonego (7 fragmentów) i brązowego (2 fragmenty). Pięć spośród nich nie zostało określonych.

- GRUPA III - trójkątne i kwadratowe w poprzecznym przekroju bransolety; kształtowane w odpowiednich formach. Do grupy zakwalifikowano 17 bransolet, z czego 15 jest niebieskich, a 2 barwy zielonej (Rys. 5-6).

- GRUPA IV - skręcane bransolety, o różnych metodach przygotowania trzonu przez rozciąganie i skręcanie. W związku z tym dla materiału z Białej Wieży wydzielono 4 typy bransolet, spośród których wśród materiału z omawianej cysterny odnajdujemy egzemplarze przynależące do typu pierwszego (kat. 61-63, 66-69) (Львова 1959: 308), charakteryzującego się rzędami bruzd nanoszonych na trzon za pomocą prostych narzędzi oraz do typu trzeciego (kat. 64, 65), wykonywanego poprzez

skręcanie czworokątnego w przekroju trzonu. Pięć bransolet tej grupy wykonano ze szkła koloru niebieskiego, a jedną z ciemnozielonego. Trzech fragmentów nie udało się określić (Rys. 7).

Początki masowej produkcji bransolet szklanych w okresie bizantyjskim datuje się na połowę IX w. Występowały one powszechnie w kilku odmianach, a ich największe rozpowszechnienie przypada na wiek XI. Najwcześniejsze bransolety pochodzą przede wszystkim z terenu dzisiejszej Bułgarii, gdzie licznie odkrywano je na takich stanowiskach jak Pliska, Presław, czy Tzar Asen, dokąd sprowadzane były masowo z Bizancjum. Wynikało to przede wszystkim ze sprzyjającej w IX w. sytuacji politycznej, a co za tym idzie również i handlowej (Щапова 1998: 129).

Formami najczęściej spotykanymi są bransolety gładkie, o przekroju okrągłym, półokrągłym lub płasko wypukłym, barwy niebieskiej (Голофаст, Рыжов 2003: 221-223). Wyraźnie dominują one w warstwach datowanych na IX-XI w., a w XII i XIII w. ich ilość zdecydowanie maleje na korzyść bransolet czarnych (Дончева-Петкова 2005: 102). W XII w. natomiast modne stały się bransolety spiralnie zwinięte, jedno lub wielobarwne (Чангова 1961: 185).

Bransolety mogły być ozdabiane poprzez wtopienie kolorowej nitki, bądź też poprzez malowanie na jej powierzchni szkłem kobaltowym (smalta) różnorodnych wzorów: figur geometrycznych, fal, spiral. Dużą popularnością, na interesującym nas obszarze, cieszył się właśnie ten drugi sposób dekoracji, praktykowany w okresie od X do XII w.

Na terenie Europy Wschodniej i Południowej wydzieliła się dwie strefy występowania bransolet (Щапова 1998: 117-118): I strefa obejmuje tereny Rusi; II strefa Nadczarnomorze i tereny chazarskie. Dla strefy I charakterystyczne są bransolety o okrągłym przekroju barwy brązowej, zielonej, żółtej, turkusowej, fioletowej i niebieskiej, które wykonywane były ze szkła potasowo-ołowiano-krzemowego. Elementy dekoracyjne wykonywane były w gorącej masie szklanej.

Bransolety z strefy II charakteryzują się przede wszystkim płaskim przekrojem. Dominuje kolor niebieski, fioletowy i czarny, a wykonywane były ze szkła sodowo-wapniowo-krzemowego. Elementy dekoracyjne malowane były kolorową emalią lub nakładano szklane nitki.

Warsztaty szklarskie produkujące min. bransolety w strefie I zlokalizowane były w ramach samej strefy. W przypadku strefy II sytuacja nie jest tak klarowna. Wynika to z tego, iż analogiczne zabytki spotyka się także na terenie Bałkan, Dobrudży i na Bliskim Wschodzie. Przemawia to za tym, iż tereny te zaopatrywane były przez jeden ośrodek szklarski najprawdopodobniej Bizancjum (Дончева-Петкова 2005: 105; Чангова 1961: 185; Щапова

*Podział na grupy opracowany przez Katarzynę Wroczyńską.

1998: 118). Niewykluczone jest też, że istniały inne, lokalne ośrodki, będące pod silnymi wpływami warsztatów bizantyjskich, wytwarzające biżuterię na równie dobrym poziomie technologicznym i artystycznym. Wiadome jest, że na terenie Chersonezu Taurydzkiego w IX-X w. funkcjonowały właśnie takie warsztaty szklarskie, wiodące prym w produkcji bransolet na Północnym Nadczarnomorzu (Голофаст, Рыжов 2003: 221-223). Warsztaty te nastawione jednak były głównie na produkcję szerokiej gamy naczyń szklanych, spośród której odkryto w naszym obiekcie zaledwie kilka przykładów. Są to głównie dna naczyń szklanych o wklęsłym dnie lub o wałeczkowato uformowanej stopce i jeden wylew flaszki szklanej. W zasypisku cysterny odkryto także 212 kostek szklanej mozaiki (kat. nos 159-179; 203), o znormalizowanej wielkości od 0,6 x 1,2 cm do 0,8 x 1,3 cm w kolorach: zielonym, niebieskim, żółtym i czerwonym.

Nieliczną grupę zabytków odkrytych w cysternie stanowi biżuteria brązowa, do której należą:

- Kolczyk brązowy wykonany z drutu o okrągłym przekroju odkryty w warstwie zasypiskowej (Rys. 10: 14). Jest on niezamknięty, o prosto ściętych końcach. Analogiczne formy licznie odkryte zostały na terenach dzisiejszej Bułgarii, Mołdawii, Północnej Dobrudży, Macedonii (Maneva 1992: 42), Serbii i Rosji. Największą popularnością cieszyły się w XI i XII w, rzadziej spotykane były w okresie XIII i XIV w (Дончева–Петкова 2005: 59).

- Fragment brązowej bransolety wykonanej z taśmy o płaskim przekroju odkryty na poziomie użytkowym II okresu (Rys. 15: 63). Bransolety tego typu spotykane są na terenie Armenii w XI–XII w. (Макарова, Плетнева 2003: 343), na Bałkanach datowane są na okres od X do XIII w (Дончева–Петкова 2005: 108).

W trakcie eksploracji odkryto także elementy stroju, z których dwa pierwsze odkryto w górnej warstwie, pozostałe w zasypisku cysterny:

- „Sercowata” aplikacja brązowa z ornamentem pięciolistnej palmety (Rys. 9: 1). Wykonana została ona poprzez odlanie z formy (Дончева–Петкова 2005: 145). Na odwrotnej stronie zachowały się trzy nity, za pomocą których aplikacja przymocowana była do pasa.

- Fragment igły od zapinki brązowej (Rys. 9: 2).

- Brązowa aplikacja końca pasa z dwiema nóżkami dla umocowania do rzemienia. Jego konstrukcja wskazuje na bizantyjskie pochodzenie (Rys. 10: 11). Przedmioty tego typu charakterystyczne są dla okresu od połowy VI do VII w. W Chersonesie ten typ sprzączek spotykany jest od połowy VI w. do pierwszych dziesięcioleci VII w. (Гавритухин 2002: 221).

- Guzik brązowy, odlany w całości z formy (Rys. 10: 13; 17: 2) Zakwalifikowany do typu II wg Dončevej-Petkovej. Guziki tego typu datowane są na okres VIII-IX w. na obszarze północno-wschodniego Nadczarnomorza (Макарова, Плетнева 2003: 194). Na terenie dzisiejszej Bułgarii spotykany w grobach z XI w. (Дончева–Петкова 2005: 126).

Wśród innych zabytków brązowych na uwagę zasługuje brązowa zapinka do książki (Rys. 10: 12; 17: 1), ażurowana o trójkątnej formie charakterystyczna dla okresu od XI do XIII wieku (Архимова 2006: 67) oraz

naparstek brązowy (Rys. 9: 9, 17: 3).

Pośród drobnych zabytków odkrytych w cysternie znajdują się liczne przedmioty wykorzystywane w gospodarstwach domowych: narzędzia (Rys. 11: 24-25; 15: 64), osetki i gładziki kamienne (Rys. 14: 58-59; 15: 70-71), noże żelazne (Rys. 10: 17, 18), fragment naczyń brązowych (Rys. 11: 29-31; 12: 32-37). Wśród narzędzi na uwagę zasługuje młotek żelazny (Rys. 11: 24), którego analogie odnajdujemy w Sarkel – Białej Wieży, w warstwach od 2. połowy IX w. do XI w. (Сорокин 1959: 152) oraz w Červen w warstwach od XI-XIII w. (Нешева 1985: 210).

Pięć zabytków związanych jest z połowem ryb:

- dwa haczyki brązowe (Rys. 10: 15, 16). W obu przypadkach nie zachowało się ostrze haczyka. Analogiczne zabytki występują w warstwach osadniczych nad rzeką Moskwa gdzie występują w warstwach od V w.p.n.e. do VII w.n.e. (Кренке, Цепкин 1991: 105) oraz na terenie Bałkan min. w bizantyjskim Červen w warstwach od IX-XIII w. (Нешева 1985: 213).

- Brązowa igła dla wykonywania sieci rybackich (Rys. 9: 4; 17: 10)

- kamienne i ceramiczne ciężarki do obciążenia sieci (Rys. 14: 60, 62; 15: 72). Kamienne ciężarki do sieci, masywniejsze niż ceramiczne, wykonywane były zazwyczaj z wapienia. Nadawano im kształt beczułkowaty lub dyskoidalny. Przedmioty tego typu powszechnie spotykane są od okresu antycznego po czasy nowożytne. W warstwach osadniczych nad rzeką Moskwa ciężarki takie występują w warstwach od V w.p.n.e. do VII w.n.e. (Кренке, Цепкин 1991: 105). Podczas wykopalsk w Kolomnie, odkryto analogiczny materiał w warstwach od XII w. do czasów nowożytnych (Мазуров, Цепкин 2003: 132). Na stanowisku tym odkryto także analogiczne ceramiczne ciężarki, które spotykane są w warstwach od XII do XV w. (Мазуров, Цепкин 2003: 130). Do obciążania sieci wykorzystywano też wtórnie fragmenty naczyń ceramicznych np. den. Ciężarki takie mają zazwyczaj nieregularną formę, o zaokrąglonych krawędziach z centralnie przewierconym otworem. Na stanowisku w Kolomnie tego typu ciężarki odkryte zostały w warstwach XII–XIII w. (Мазуров, Цепкин 2003: 132).

W zbiorze zabytków z cysterny znajduje się grupa 39 gwoździ, w tym 1 brązowy, pochodzący najprawdopodobniej z obuwi i 38 żelaznych (Rys. 8). Dominują gwoździe, których wysokość zamyka się w przedziale od 5–10 cm (17 sztuk) o główce przeważnie okrągłej, o średnicy od 2,5–3 cm. Przekrój poprzeczny trzpienia gwoźdźcia od 0,9–2 cm. Gwoździe nie wyższe niż 5 cm (12 sztuk) mają zazwyczaj główkę o średnicy do 2 cm. Przekrój poprzeczny trzpienia waha się od 0,8-1,7 cm. Najwięcej gwoździ (ponad 70 %) pochodzi z zasypiska cysterny. Niewielka ilość tych zabytków, jak i ich różnorodność przemawia za tym, iż nie były one wykorzystane w konstrukcji cysterny, a zdeponowane zostały tam w wyniku stopniowego zasypywania cysterny w XI w.

Pośród zabytków kościanych odkrytych w cysternie wydzielić można następujące ich grupy: a) okładziny kościane i przedmioty codziennego użytku; b) przedmioty związane z grą; c) narzędzia; d) półfabrykaty i odpady

produkcyjne:

- Okładziny kościane, zdobione motywami geometrycznymi, roślinnymi lub zwierzęcymi ozdabiały różne przedmioty codziennego użytku np. szkatułki czy pudełka (Rys. 9: 5; 17: 12). Zabytki te charakteryzują się bardzo głębokim reliefem, wykonanym z dużą dokładnością i precyzją. Analogiczny zabytek odkryty został na terenie Chersonozu w rejonie portowym w warstwach datowanych na okres IX-X w. (Романчук 1981a: 96).

- szpila kościana o owalnej, delikatnie wyodrębnionej głowce (Rys. 15: 68).

- pionek do gry ozdobiony dwoma przecinającymi się pod kątem prostym liniami i nieregularnymi kółkami w każdej z ćwiartek (Rys. 15: 69; 17: 11). Tego typu pionki do gry, zdobione liniami i kółkami w różnych wariantach odkrywano na terenie Chersonozu (Романчук 1981a: 93-95) i innych miast bizantyjskich (Флѣрова 2001: 107).

- trzy astragale, nie pokryte, tak charakterystycznymi dla okresu bizantyjskiego, liniami i siatkami (Rys. 13: 44-46). Analogiczne zabytki odkrywano są licznie na terenie Chersonozu i innych miast bizantyjskich (Флѣрова 2001: 107-111).

- narzędzia związane z wykonywaniem prac domowych takie jak: trzy szydła kościane (Rys. 13: 48-50), igła (Rys. 13: 51) oraz przedmiot o wyprofilowanej jednej z krawędzi, który służyć mógł jako stempel do wykonywania ornamentu na ceramice (Rys. 13: 47).

- półfabrykaty i odpady produkcyjne. Do grupy tej zakwalifikowano dwa fragmenty kości (Rys. 13: 52-53) i cztery poroża (Rys. 14: 54-57), ze śladami piłki na

powierzchni, które mogły być wykorzystywane jako kliny mocujące w imadle obrabiany przedmiot (Cnotliwy 1973: 35-36).

Do wykonywania przedmiotów kościanych wykorzystywano kości zwierząt domowych (byk, owca/koza) i poroże kozy. Produkowane były one zapewne w miejscowych pracowniach, dostarczających zarówno standardowy zestaw narzędzi codziennego użytku jak i wyroby o wyższym poziomie artystycznym (np. okładziny szkatulek), które wzorowane były na przedmiotach wykonywanych w Bizancjum czy Koryncie (Романчук 1981a: 98).

Na uwagę zasługuje ołowiana ampułka w kształcie amforki odkryta w zasypisku cysterny (Rys. 9: 8; 17: 7). Ampułki takie noszone były na szyi przez pielgrzymów, a w ich wnętrzu umieszczano zazwyczaj relikwie, oleje lub wodę święconą. Na podstawie zabytków archeologicznych (min. krzyżyków, kamiennych ikon, enkolpionów), odkrytych w Chersonozie, stwierdzić można, że mieszkańcy miasta odbywali pielgrzymki do Palestyny, Syrii, Egiptu, na Bałkany i Półwysep Iberyjski. Z jednej z takich wypraw pochodzi zapewne gliniana ampuła z przedstawieniem św. Menasa, która najprawdopodobniej przywędrowała z Abu Mina w Egipcie, gdzie przyjęte było ich rozdawane pielgrzymom w okresie V-VII w. (Яшаева 2005: 202). Z terenów dzisiejszej Bułgarii pochodzi natomiast, analogiczna do naszej, wykonana ze srebra ampułka w kształcie amforki, odkryta w męskim grobie w Odartsi datowanym na XI w. (Дончева-Петкова 2005: 156, 187).

KATALOG*

Górna warstwa (warstwy mechaniczne od 1 do 3; głębokość od 12,60 – 11,50 mnpm)

Podczas eksploracji warstwy górnej odkryto 15 drobnych zabytków: „sercowatą” aplikację brązową, 4 fragmenty bransolet szklanych, 1 paciorek szklany, 5 zabytków metalowych, 3 zabytki kościane, ceramiczny ciężarek tkacki i fragment dna naczynia szklanego.

ELEMENTY STROJU

1. Aplikacja brązowa (Rys. 9: 1)

Nr inw.: P 47 / 02 ch (H3XT № 96/37375)

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4

Głębokość: z oczyszczenia tranzei

Wymiary: szerokość 2,5 cm, długość 2,5 cm, grubość 0,5 cm

Datowanie: XI w.

Typ: XL wg Дончева-Петкова;

XIV wg Плетньов, Павлова

Analogie: Дончева-Петкова 2005: 215, табл. CIV, 241, 1;

Плетньов, Павлова 2000: 83, табл. XLII, 735-764.

2. Fragment igły od zapinki brązowej? (Rys. 9: 2)

Nr inw.: P 55 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat A4

(S: 1,64 m; E: 3,75 m)

Głębokość: 12,50 mnpm

Wymiary: długość 5,9 cm, szerokość max. 0,9 cm, grubość 0,25 cm

*Rysunki zabytków wykonały Katarzyna Wroczyńska i Elena Klenina. Opracowanie końcowe Monika Nowak.

BIŻUTERIA

Bransolety szklane

3. Fragment bransolety szklanej (Rys. 2: 14)

Nr inw.: P 92 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B2,

ćwiartka NW

Głębokość: 12,50 – 11,50 mnpm

Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1 x 0,4 cm, długość 6 cm, średnica bransolety ok. 5,5 cm.

Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru niebieskiego, pierścien śródkowy wyższy od zewnętrznych.

Datowanie: XI w.

Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 3; Макарова, Плетнева 2003: табл. 166, 1.

4. Fragment bransolety szklanej (Rys. 3: 1)

Nr inw.: P 95 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat A3

Głębokość: do 12,60 mnpm

Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,5 x 0,4 cm, długość 2,3 cm, średnica bransolety 4 cm.

Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru ciemnoniebieskiego

Datowanie: XI w.

Analogie: Maneva 1992: fig. 64, 58/17; 61/19; 95/14.

5. Fragment bransolety szklanej (Rys. 3: 2)

Nr inw.: P 93 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NW

Głębokość: 12,50 – 11,50 mnpm

Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,5 x 0,3 cm, długość 3,6 cm, średnica bransolety ok. 4,5 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru zielonego
Datowanie: XI w.
Analogie: Maneva 1992: fig. 64, 58/17; 61/19; 95/14.

6. Fragment bransolety szklanej (Rys. 7: 2)

Nr inw.: P 94 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NW
Głębokość: 12,50 – 11,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny okrągły o średnicy 0,5 cm, długość 5,5 cm, średnica bransolety ok. 6 cm
Opis: grupa IV, wykonana ze szkła, kolor niemożliwy do ustalenia - pokryty warstwą patyny koloru srebrno-złotego.
Datowanie: XI w.
Analogie: Дончева – Петкова 2005: 100-102, обр. 7, 115, 531 (typ I, wariant B); Макарова, Плетнева 2003: табл. 166, 2; Maneva 1992: fig. 68, 62/17.

7. Paciorek szklany (Rys. 9: 3)

Nr inw.: P 116 / 02 ch (H3XT № 80/37375)
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
Głębokość: 12,80 – 12,60 mnpm
Wymiary: średnica 1,5 cm, średnica otworu 0,2 cm
Datowanie: XI w.
Typ: 4 wg Щапова
Analogie: Макарова, Плетнева 2003: табл. 97, 13, 17 (XI-XIII w.); Щапова 1956: 170, табл. I, 16; Щапова 1998: 153, рис. 21, 33.

ZABYTKI METALOWE

8. Brązowa iga do plecienia sieci (Rys. 9: 4, 17: 10)

Nr inw.: H3XT № 97/37375
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
Głębokość: 12,80 – 12,60 mnpm
Wymiary: zabytek przełamany i zgięty, długość 7,8 cm, szerokość 6,2 cm, grubość 0,4 cm.

Gwóźdź

9. Gwóźdź brązowy do obuwnia? (Rys. 8: 34)

Nr inw.: P 46 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
Głębokość: z oczyszczania
Wymiary: h 1,5 cm; średnica trzpienia 0,2 cm, główka 0,5 x 0,6 cm
Datowanie: XI w.
Analogie: Макарова, Плетнева 2003: табл. 95, 32.

10. Gwóźdź żelazny (Rys. 8: 7)

Nr inw.: P 56 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
(S: 3,98 m; E: 2,63 m)
Głębokość: 11,72 mnpm
Wymiary: h 9,4 cm, przekrój trzpienia 1,5 x 1,3 cm, główka 2,3 x 2,5 cm.

11. Gwóźdź żelazny

Nr inw.: P 48 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat A5
(S: 3,18 m; E: 4,22 m)
Głębokość: 13,65 mnpm.

ZABYTKI KOŚCIANE

12. Okładzina szkatułki ze stylizowanym roślinnym ornamentem (Rys. 9: 5; 17: 12)

Nr inw. P 145 / 02 ch (H3XT № 86/37375)
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 0,67 m; E: 4,83 m)
Głębokość: 11,6 mnpm
Wymiary: h 4,1 cm, szerokość 4,8 cm, grubość 0,4 cm.
Datowanie: IX – X w.
Analogie: Романчук 1981: 96-97, рис. 8, 179.

13. Fragment szpili kościanej (Rys. 9: 6)

Nr inw.: P 143 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
Głębokość: 12,80 – 12,60 mnpm
Wymiary: długość 4,1 cm, średnica 0,75 cm.

14. Fragment oprawy kościanej (Rys. 9: 7)

Nr inw.: P 144 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4,
Głębokość: 12,80 – 12,60 mnpm
Wymiary: długość 5,3 cm, szerokość 1,7 cm, grubość 0,25 cm.

ZABYTKI CERAMICZNE

15. Ciężarek tkacki (Rys. 9: 10, 6: 2)

Nr inw.: P 142 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 0,48 m; E: 3,75 m)
Głębokość: 12,62 mnpm
Wymiary: h 5,7 cm, podstawa 3,4 x 3,8 cm, otwór o średnicy 0,4 cm
Datowanie: okres antyczny i bizantyjski.

ZABYTKI SZKLANE

16. Dno naczynia szklanego

Nr inw.: P 91 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
Głębokość: 12,80 – 12,60 mnpm
Wymiary: średnica 5,4 cm, h 0,5 cm
Opis: szkło przezroczyste, bezbarwne, dno płaskie, ścianki korpusu naczynia zachowane w niewielkim stopniu.

Zasypisko cysterny (warstwy mechaniczne od 4 do 12; głębokość od 11,50 – 7,50 mnpm)

W zasypisku cysterny odkryto łącznie 342 zabytki: ampułkę ołowianą w kształcie amforki, naparstek brązowy, 3 elementy stroju, kolczyk brązowy, 59 fragmentów bransolet szklanych, 61 zabytków metalowych, 14 zabytków kościanych, 4 zabytki kamienne, 1 ceramiczny ciężarek do sieci, 6 fragmentów naczyń szklanych i 200 kostek szklanej mozaiki.

17. Amforka ołowiana - ampułka (Rys. 9: 8, 17: 7)

Nr inw.: P 60 / 02 ch (H3XT № 95/37375)
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4; S część cysterny
Głębokość: 10,00 – 9,50 mnpm
Wymiary: h 5 cm, średnica max. 2,7 cm
Datowanie: XI w.
Analogie: Дончева – Петкова 2005: 187, табл. XXXV, LXVI, 14, 1.

18. Naparstek brązowy (Rys. 9: 9, 17: 3)

Nr inw.: P 65 / 02 ch (H3XT № 99/37375)
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
(S: 3,71 m; E: 2,54 m)
Głębokość: 9,60 mnpm
Wymiary: h 2 cm, szerokość 2 cm
Datowanie: XI w.
Analogie: Нешева 1985: 198-199, обр. 63; Макарова, Плетнева 2003: табл. 102, 16 (bez kropek).

ELEMENTY STROJU

19. Brązowa aplikacja pasa (Rys. 10: 11)

Nr inw.: P 57 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4

(S: 2,78 m; E: 3,34 m)

Głębokość: 10,78 mnpm

Wymiary: długość 2,3 cm, szerokość 1,3 cm, grubość 1,7 cm

Datowanie: VI-VII w.

Analogie: Гавригунин 2002: 221, рис. 4, 21-26.

20. Guzik brązowy (Rys. 10: 13, 17: 2)

Nr inw.: P 229 / 02 ch (H3XT № 100/37375)

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE

Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm

Datowanie: XI w.

Wymiary: h 3 cm, średnica 1 cm

Typ: II wg Л. Дончева–Петкова

Analogie: Дончева–Петкова 2005: 205, табл. XXXV,

LXXXVI, 123, 34; Макарова, Плетнева 2003: табл. 78, 17.

BIŻUTERIA

21. Kolczyk brązowy (Rys. 10: 14)

Nr inw.: P 331 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE

Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm

Wymiary: średnica 1,65 cm, grubość 0,3 cm

Datowanie: XI w.

Typ: I wg Л. Дончева–Петкова

Analogie: Дончева–Петкова 2005: 231, табл. CXLIII, 413, 1.

Bransolety szklane

22. Fragment bransolety szklanej (Rys. 1: 1)

Nr inw.: P 371 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE

Głębokość: 8,50 – 6,50 mnpm

Wymiary: przekrój poprzeczny okrągły o średnicy 0,4 cm,

długość 3,7 cm, średnica bransolety ok. 6 cm

Opis: grupa I, wykonana z niebieskiego szkła.

Datowanie: XI w.

Analogie: Василев 1979: 105, обр. 14, 1, 2, 5, 8, 9; Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 8-10, 12; Дончева–Петкова 2005: 100, обр. 7, 326, 328 (typ I, wariant A); Maneva 1992: fig. 64, 95/14; 58/17; 61/19, 35; 32/1; 35, 2; fig. 65, 59/9; 58/18, 20, 21; fig. 67, 96/2.

23. Fragment bransolety szklanej (Rys. 1: 2)

Nr inw.: P 127 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE

Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm

Wymiary: przekrój poprzeczny okrągły o średnicy 0,6 cm, długość 3,4 cm, średnica bransolety ok. 5,5 cm

Opis: grupa I, wykonana z ciemnozielonego szkła.

Datowanie: XI w.

Analogie: Василев, 1979: 105, обр. 14, 1, 2, 5, 8, 9; Дончева–Петкова 2005: 100, обр. 7, 326, 328 (typ I, wariant A); Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 8-10, 12; Maneva 1992: fig. 64, 95/14; 58/17; 61/19, 35; 32/1; 35, 2; fig. 65, 59/9; 58/18, 20, 21; fig. 67, 96/2.

24. Fragment bransolety szklanej (Rys. 1: 3)

Nr inw.: P 109 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4, ćwiartka SE

Głębokość: 9,50 – 9,00 mnpm

Wymiary: przekrój poprzeczny okrągły o średnicy 0,4 cm, długość 3,5 cm, średnica bransolety 4,5 cm

Opis: grupa I, powierzchnia pokryta warstwą żółto-złotej patyny, uniemożliwiającej rozpoznanie pierwotnego koloru

Datowanie: XI w.

Analogie: Василев 1979: 105, обр. 14, 1, 2, 5, 8, 9; Дончева–Петкова 2005: 100, обр. 7, 326, 328 (typ I, wariant A); Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 8-10, 12; Maneva 1992: fig. 64, 95/14; 58/17; 61/19, 35; 32/1; 35, 2; fig. 65, 59/9; 58/18, 20, 21; fig. 67, 96/2.

25. Fragment bransolety szklanej (Rys. 1: 4)

Nr inw.: P 113 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4, część S

Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm

Wymiary: przekrój poprzeczny okrągły o średnicy 0,6 cm, długość 4,5 cm, średnica bransolety 6 cm

Opis: grupa I, powierzchnia pokryta warstwą złotawej patyny, uniemożliwiającej określenie pierwotnego koloru.

Datowanie: XI w.

Analogie: Василев 1979: 105, обр. 14, 1, 2, 5, 8, 9; Дончева–Петкова 2005: 100, обр. 7, 326, 328 (typ I, wariant A); Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 8-10, 12; Maneva 1992: fig. 64, 95/14; 58/17; 61/19, 35; 32/1; 35, 2; fig. 65, 59/9; 58/18, 20, 21; fig. 67, 96/2.

26. Fragment bransolety szklanej (Rys. 1: 5)

Nr inw.: P 333 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NW

Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm

Wymiary: przekrój poprzeczny o średnicy 0,6 cm, długość 4,2 cm, średnica bransolety ok. 6 cm

Opis: grupa I, wykonana z ciemnoniebieskiego szkła

Datowanie: XI w.

Analogie: Василев 1979: 105, обр. 14, 1, 2, 5, 8, 9; Дончева–Петкова 2005: 100, обр. 7, 326, 328 (typ I, wariant A); Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 8-10, 12; Maneva 1992: fig. 64, 95/14; 58/17; 61/19, 35; 32/1; 35, 2; fig. 65, 59/9; 58/18, 20, 21; fig. 67, 96/2.

27. Fragment bransolety szklanej (Rys. 1: 6)

Nr inw.: P 379 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE

Głębokość: 8,50 – 6,50 mnpm

Wymiary: przekrój poprzeczny okrągły o średnicy 0,5 cm, długość 5,5 cm, średnica bransolety ok. 6 cm

Opis: grupa I, wykonana z niebieskiego szkła

Datowanie: XI w.

Analogie: Василев 1979: 105, обр. 14, 1, 2, 5, 8, 9; Дончева–Петкова 2005: 100, обр. 7, 326, 328 (typ I, wariant A); Maneva 1992: fig. 64, 95/14; 58/17; 61/19, 35; 32/1; 35, 2; fig. 65, 59/9; 58/18, 20, 21; fig. 67, 96/2.

28. Fragment bransolety szklanej (Rys. 1: 7)

Nr inw.: P 137 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE

Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm

Wymiary: przekrój poprzeczny okrągły o średnicy 0,7 cm, długość 6 cm, średnica bransolety ok. 5,5 cm

Opis: grupa I, wykonana z niebieskiego szkła, widoczne miejsce łączenia końców bransolety.

Datowanie: XI w.

Analogie: Василев 1979: 105, обр. 14, 1, 2, 5, 8, 9; Дончева–Петкова 2005: 100, обр. 7, 326, 328 (typ I, wariant A); Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 8-10, 12; Maneva 1992: fig. 64, 95/14; 58/17; 61/19, 35; 32/1; 35, 2; fig. 65, 59/9; 58/18, 20, 21; fig. 67, 96/2.

29. Fragment bransolety szklanej (Rys. 1: 8)
 Nr inw.: P 367 / 02 ch
 Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
 Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm
 Wymiary: przekrój poprzeczny okrągły o średnicy 0,7 cm, długość 6 cm, średnica bransolety ok. 5,5 cm
 Opis: grupa I, wykonana ze szkła koloru niebiesko-fioletowego, rekonstruowana średnica bransolety ok. 5,5 cm
 Datowanie: XI w.
 Analogie: Василев 1979: 105, обр. 14, 1, 2, 5, 8, 9; Дончева–Петкова 2005: 100, обр. 7, 326, 328 (typ I, wariant A); Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 8-10, 12; Maneva 1992: fig. 64, 95/14; 58/17; 61/19, 35; 32/1; 35, 2; fig. 65, 59/9; 58/18, 20, 21; fig. 67, 96/2.
30. Fragment bransolety szklanej (Rys. 2: 1)
 Nr inw.: P 102 / 02 ch
 Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4, ćwiartka NW
 Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
 Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1 x 0,5 cm, długość 3,3 cm, średnica bransolety ok. 5 cm
 Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru ciemnoniebieskiego, zdobiona ornamentem wykonanym złotą farbą, pierścień środkowy dominujący.
 Datowanie: XI w.
 Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 3.
31. Fragment bransolety szklanej (Rys. 2: 2)
 Nr inw.: P 118 / 02 ch
 Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3/B4, część S
 Głębokość: 9,50 – 9,00 mnpm
 Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1,2 x 0,6 cm, długość 3,5 cm, średnica bransolety ok. 3,5 cm
 Opis: grupa II, wykonana z ciemnozielonego szkła, zdobiona ornamentem wykonanym czerwoną i złotą farbą, pierścień środkowy dominujący.
 Datowanie: XI w.
 Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 3.
32. Fragment bransolety szklanej (Rys. 2: 3)
 Nr inw.: P 100 / 02 ch
 Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NW
 Głębokość: 9,50 – 9,00 mnpm
 Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1,1 x 0,5 cm, długość 3,5 cm, średnica bransolety ok. 3 cm
 Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru niebieskiego, zdobiona ornamentem wykonanym złotą farbą, pierścień środkowy dominujący.
 Datowanie: XI w.
 Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 3.
33. Fragment bransolety szklanej (Rys. 2: 4)
 Nr inw.: P 117 / 02 ch
 Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
 Głębokość: 10,00 – 9,50 mnpm
 Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1,2 x 0,5 cm, długość 1,8 cm, średnica bransolety ok. 4 cm
 Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru niebieskiego, powierzchnia pokryta cienką warstwą złocistej patyny, pierścień środkowy dominujący.
 Datowanie: XI w.
 Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 3; Макарова, Плетнева 2003: табл. 166, 1.
34. Fragment bransolety szklanej (Rys. 2: 5)
 Nr inw.: P 107 / 02 ch
 Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4, ćwiartka SE
 Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm
 Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1,1 x 0,4 cm, długość 2,1 cm, średnica bransolety ok. 6 cm
 Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru niebieskiego, pierścień środkowy wyższy od zewnętrznych
 Datowanie: XI w.
 Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 3; Макарова, Плетнева 2003: табл. 166, 1.
35. Fragment bransolety szklanej (Rys. 2: 6)
 Nr inw.: P 366 / 02 ch
 Lokalizacja: kwartał VII
 Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm
 Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1 x 0,4 cm, długość 3,2 cm, średnica bransolety ok. 5,5 cm
 Opis: grupa II, wykonana ze szkła niebieskiego.
 Datowanie: XI w.
 Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 3; Макарова, Плетнева 2003: табл. 166, 1.
36. Fragment bransolety szklanej (Rys. 2: 7)
 Nr inw.: P 251 / 02 ch
 Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka SW
 Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm
 Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,8 x 0,4 cm, długość 3,3 cm, średnica bransolety ok. 6 cm
 Opis: grupa II, wykonana z dwukolorowego szkła granatowo-brązowego, pierścień środkowy wyższy od zewnętrznych.
 Datowanie: XI w.
 Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 3; Макарова, Плетнева 2003: табл. 166, 1.
37. Fragment bransolety szklanej (Rys. 2: 8)
 Nr inw.: P 374 / 02 ch
 Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
 Głębokość: 8,50 – 6,50 mnpm
 Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,9 x 0,4 cm, długość 2,6 cm, średnica bransolety ok. 6 cm
 Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
 Datowanie: XI w.
 Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 3; Макарова, Плетнева 2003: табл. 166, 1.
38. Fragment bransolety szklanej (Rys. 2: 9)
 Nr inw.: P 401 / 02 ch
 Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
 Głębokość: 8,50 – 6,50 mnpm
 Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1 x 0,4 cm, długość 3,2 cm, średnica bransolety ok. 5,5 cm
 Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
 Datowanie: XI w.
 Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 3; Макарова, Плетнева 2003: табл. 166, 1.
39. Fragment bransolety szklanej (Rys. 2: 10)
 Nr inw.: P 376 / 02 ch
 Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
 Głębokość: 8,50 – 6,50 mnpm
 Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,8 x 0,4 cm, długość 2,5 cm, średnica bransolety ok. 4,5 cm
 Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
 Datowanie: XI w.
 Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 3; Макарова, Плетнева 2003: табл. 166, 1.
40. Fragment bransolety szklanej (Rys. 2: 11)
 Nr inw.: P 370 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
Głębokość: 8,50 – 8,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,9 x 0,4 cm, długość 1,9 cm, średnica bransolety ok. 6 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 3; Макарова, Плетнева 2003: табл. 166, 1.

41. Fragment bransolety szklanej (Rys. 2: 12)
Nr inw.: P 140 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1,0 x 0,4 cm, długość 3,2 cm, średnica bransolety ok. 5,5 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru niebieskiego, środkowy pierścień wyższy od zewnętrznych
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 3; Макарова, Плетнева 2003: табл. 166, 1.

42. Fragment bransolety szklanej (Rys. 2: 13)
Nr inw.: P 243 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,9 x 0,4 cm, długość 3,2 cm, średnica bransolety 5,5 cm
Opis: grupa II, wykonana z dwukolorowego szkła niebiesko – brązowego, środkowy pierścień wyższy niż zewnętrzne.
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 3; Макарова, Плетнева 2003: табл. 166, 1.

43. Fragment bransolety szklanej (Rys. 3: 3)
Nr inw.: P 101 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NW
Głębokość: 9,50 – 9,00 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,8 x 0,4 cm, długość 3,2 cm, średnica bransolety ok. 4 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru niebieskiego, widoczne miejsce łączenia końców.
Datowanie: XI w.
Analogie: Maneva 1992: fig. 64, 58/17; 61/19; 95/14.

44. Fragment bransolety szklanej (Rys. 3: 4)
Nr inw.: P 114 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NW
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,6 x 0,5 cm, długość 3,4 cm, średnica bransolety ok. 3,5 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru niebieskiego, powierzchnia częściowo pokryta cienką warstwą patyny.
Datowanie: XI w.
Analogie: Maneva 1992: fig. 64, 58/17; 61/19; 95/14.

45. Fragment bransolety szklanej (Rys. 3: 5)
Nr inw.: P 110 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4, ćwiartka SE
Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,6 x 0,4 cm, długość 4,4 cm, średnica bransolety ok. 4 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła prawdopodobnie barwy granatowej - powierzchnia pokryta warstwą patyny utrudniającej rozpoznanie pierwotnego koloru szkła.
Datowanie: XI w.
Analogie: Maneva 1992: fig. 64, 58/17; 61/19; 95/14.

46. Fragment bransolety szklanej (Rys. 3: 6)
Nr inw.: P 242 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o średnicy 0,6 cm, długość 3,9 cm, średnica bransolety 5 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła prawdopodobnie barwy granatowej - powierzchnia pokryta warstwą patyny utrudniającej rozpoznanie pierwotnego koloru szkła.
Datowanie: XI w.
Analogie: Maneva 1992: fig. 64, 58/17; 61/19; 95/14.

47. Fragment bransolety szklanej (Rys. 3: 7)
Nr inw.: P 139 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,5 x 0,4 cm, długość 5,5 cm, średnica bransolety ok. 5,5 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru zielonego, powierzchnia pokryta delikatną warstwą srebrzystej patyny.
Datowanie: XI w.
Analogie: Maneva 1992: fig. 64, 58/17; 61/19; 95/14.

48. Fragment bransolety szklanej (Rys. 3: 8)
Nr inw.: P 409 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3/4
Głębokość: 8,50 – 7,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o średnicy 0,5 cm, długość 4,5 cm, średnica bransolety ok. 6 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Maneva 1992: fig. 64, 58/17; 61/19; 95/14.

49. Fragment bransolety szklanej (Rys. 3: 9)
Nr inw.: P 336 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NW
Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,6 x 0,4 cm, długość 5 cm, średnica bransolety ok. 4,5 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Maneva 1992: fig. 66, 42/2.

50. Fragment bransolety szklanej (Rys. 3: 10)
Nr inw.: P 97 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4, ćwiartka SW
Głębokość: 9,50 – 9,00 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,7 x 0,6 cm, długość 5,5 cm, średnica bransolety ok. 4,5 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru zielonego
Datowanie: XI w.
Analogie: Maneva 1992: fig. 67, 96/2.

51. Fragment bransolety szklanej (Rys. 3: 11)
Nr inw.: P 115 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o średnicy 0,7 cm, długość 8 cm, średnica bransolety ok. 7,5 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru zielonego
Datowanie: XI w.
Analogie: Макарова, Плетнева 2003: табл. 166, 1; Maneva 1992: fig. 67, 96/2.

52. Fragment bransolety szklanej (Rys. 4: 1)
Nr inw.: P 258 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NW

Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1,2 x 0,4 cm, długość 2,8 cm, średnica bransolety ok. 4,5 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 1, 2; Maneva 1992: fig. 64, 23/18; 89/25; fig. 74, 23/19; Милчев 1979: 171, обр. 110, 5, 7, 9, 10.

53. Fragment bransolety szklanej (Rys. 4: 2)
Nr inw.: P 308 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1,1 x 0,3 cm, długość 1,95 cm, średnica bransolety ok. 7 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 1, 2; Maneva 1992: fig. 64, 23/18; 89/25; fig. 74, 23/19; Милчев 1979: 171, обр. 110, 5, 7, 9, 10.

54. Fragment bransolety szklanej (Rys. 4: 3)
Nr inw.: P 133 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1 x 0,5 cm, długość 3,35 cm, średnica bransolety ok. 4,5 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Maneva 1992: fig. 64, 23/18; 89/25; fig. 74, 23/19; Милчев 1979: 171, обр. 110, 5, 7, 9, 10.

55. Fragment bransolety szklanej (Rys. 4: 4)
Nr inw.: P 136 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1 x 0,4 cm, długość 3,8 cm, średnica bransolety ok. 5 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru zielonego
Datowanie: XI w.
Analogie: Милчев 1979: 171, обр. 110, 5, 7, 9, 10.

56. Fragment bransolety szklanej (Rys. 4: 5)
Nr inw.: P 332 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NW
Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,9 x 0,5 cm, długość 3,5 cm, średnica bransolety 5,5 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru ciemnoniebieskiego, powierzchnia częściowo pokryta warstwą złocistej patyny
Datowanie: XI w.
Analogie: Милчев 1979: 171, обр. 110, 5, 7, 9, 10.

57. Fragment bransolety szklanej (Rys. 4: 6)
Nr inw.: P 112 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4, część S
Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1,4 x 0,5 cm, długość 5 cm, bransoleta zniekształcona.
Opis: grupa II, pokryta jest brązowo-złotą patyną
Datowanie: XI w.
Analogie: Милчев 1979: 171, обр. 110, 5, 7, 9, 10.

58. Fragment bransolety szklanej (Rys. 4: 8)
Nr inw.: P 250 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka SW
Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm

Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1,1 x 0,4 cm, długość 4,3 cm, średnica bransolety ok. 4 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 4-6; Макарова, Плетнева 2003: табл. 69, 28; Милчев 1979: 171, обр. 110, 5, 7, 9, 10.

59. Fragment bransolety szklanej (Rys. 4: 9)
Nr inw.: P 131 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4, ćwiartka SW
Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1,3 x 0,5 cm, długość 4,7 cm, średnica bransolety ok. 6 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła, kolor nieznany - powierzchnia pokryta warstwą złotawo-brązowej patyny.
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 4-6; Макарова, Плетнева 2003: табл. 69, 28; Maneva 1992: fig. 64, 23/18; 89/25; fig. 74, 23/19.

60. Fragment bransolety szklanej (Rys. 4: 10)
Nr inw.: P 241 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1,4 x 0,4 cm, długość 6,4 cm, średnica bransolety ok. 6 cm
Opis: grupa II, wykonana ze szkła koloru zielonego ozdobiona ornamentem wykonanym farbą koloru złotego, widoczne miejsce zakończenia bransolety.
Datowanie: XI w.
Analogie: Чангова 1961: 182, фиг. 1, 3.

61. Fragment bransolety szklanej (Rys. 5: 1)
Nr inw.: P 130 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4, ćwiartka SW
Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,8 x 0,3 cm, długość 2 cm, średnica bransolety ok. 5 cm
Opis: grupa III, wykonana ze szkła niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 7; Maneva 1992: fig. 65, 23/12; 27/1; 58/23, 25; fig. 74, 23/10, 11.

62. Fragment bransolety szklanej (Rys. 5: 2)
Nr inw.: P 337 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NW
Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1,2 x 0,6 cm, długość 1,3 cm, średnica bransolety ok. 6 cm
Opis: grupa III, wykonana z niebieskiego szkła
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 7; Maneva 1992: fig. 65, 23/12; 27/1; 58/23, 25; fig. 74, 23/10, 11.

63. Fragment bransolety szklanej (Rys. 5: 3)
Nr inw.: P 99 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, część S
Głębokość: 9,50 – 9,00 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1 x 0,6 cm, długość 2,5 cm, średnica bransolety ok. 6 cm
Opis: grupa III, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 7; Maneva 1992: fig. 65, 23/12; 27/1; 58/23, 25; fig. 74, 23/10, 11.

64. Fragment bransolety szklanej (Rys. 5: 4)

- Nr inw.: P 121 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,9 x 0,4 cm, długość 3 cm, średnica bransolety ok. 5,5 cm
Opis: grupa III, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 7; Maneva 1992: fig. 65, 23/12; 27/1; 58/23, 25; fig. 74, 23/10, 11.
65. Fragment bransolety szklanej (Rys. 5: 6)
Nr inw.: P 119 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3/4
Głębokość: 9,00 – 8,00 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,9 x 0,4 cm, długość 2,65 cm, średnica bransolety ok. 5 cm
Opis: grupa III, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 7; Maneva 1992: fig. 65, 23/12; 27/1; 58/23, 25; fig. 74, 23/10, 11.
66. Fragment bransolety szklanej (Rys. 5: 7)
Nr inw.: P 129 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4, ćwiartka SW
Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1,1 x 0,4 cm, długość 3,6 cm, średnica bransolety ok. 5,5 cm
Opis: grupa III, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 7; Maneva 1992: fig. 65, 23/12; 27/1; 58/23, 25; fig. 74, 23/10, 11.
67. Fragment bransolety szklanej (Rys. 5: 9)
Nr inw.: P 132 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,65 x 0,3 cm, długość 5,8 cm, średnica bransolety ok. 5 cm
Opis: grupa III, wykonana ze szkła koloru niebieskiego, powierzchnia częściowo pokryta warstwą złotawej patyny, ozdobiona ornamentem wykonanym złotą farbą
Datowanie: XI w.
Analogie: Maneva 1992: fig. 70, 89/22-24; fig. 71, 89/5-9.
68. Fragment bransolety szklanej (Rys. 5: 10)
Nr inw.: P 111 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1 x 0,4 cm, długość 6,8 cm, średnica bransolety ok. 6 cm
Opis: grupa III, wykonana ze szkła koloru zielonego, ozdobiona ornamentem wykonanym białą farbą oraz nitką czerwonego szkła
Datowanie: XI w.
Analogie: Чангова 1961: 182, фиг. 1, 3.
69. Fragment bransolety szklanej (Rys. 6: 1)
Nr inw.: P 378 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
Głębokość: 8,50 – 6,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1 x 0,4 cm, długość 4,2 cm, średnica bransolety ok. 5,5 cm
Opis: grupa III, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 7; Maneva 1992: fig. 65, 23/12; 27/1; 58/23, 25; fig. 74, 23/10, 11.
70. Fragment bransolety szklanej (Rys. 6: 2)
Nr inw.: P 377 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
Głębokość: 8,50 – 6,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1,1 x 0,4 cm, długość 3,8 cm, średnica bransolety ok. 5,5 cm
Opis: grupa III, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 7; Maneva 1992: fig. 65, 23/12; 27/1; 58/23, 25; fig. 74, 23/10, 11.
71. Fragment bransolety szklanej (Rys. 6: 3)
Nr inw.: P 103 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3/4, część S
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1 x 0,4 cm, długość 3,9 cm, średnica bransolety ok. 5,5 cm
Opis: grupa III, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 7; Maneva 1992: fig. 65, 23/12; 27/1; 58/23, 25; fig. 74, 23/10, 11.
72. Fragment bransolety szklanej (Rys. 6: 4)
Nr inw.: P 134 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1,1 x 0,4 cm, długość 4,1 cm, średnica bransolety ok. 5,5 cm
Opis: grupa III, wykonana ze szkła koloru zielonego
Datowanie: XI w.
Analogie: Maneva 1992: fig. 65, 23/12; 27/1; 58/23, 25; fig. 74, 23/10, 11.
73. Fragment bransolety szklanej (Rys. 6: 5)
Nr inw.: P 135 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1,1 x 0,5 cm, długość 4,1 cm, średnica bransolety ok. 6 cm
Opis: grupa III, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 7; Maneva 1992: fig. 65, 23/12; 27/1; 58/23, 25; fig. 74, 23/10, 11.
74. Fragment bransolety szklanej (Rys. 6: 6)
Nr inw.: P 120 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NW
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1 x 0,4 cm, długość 6,3 cm, średnica bransolety 5,5 cm
Opis: grupa III, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 7; Maneva 1992: fig. 65, 23/12; 27/1; 58/23, 25; fig. 74, 23/10, 11.
75. Fragment bransolety szklanej (Rys. 6: 7)
Nr inw.: P 104 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3/C3, ćwiartka NW
Głębokość: 9,50 – 9,00 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1,1 x 0,4 cm, długość 6,1 cm, średnica bransolety ok. 5,5 cm
Opis: grupa III, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 7; Maneva 1992: fig. 65, 23/12; 27/1; 58/23, 25; fig. 74, 23/10, 11.

76. Fragment bransolety szklanej (Rys. 7: 1)
Nr inw.: P 98 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 9,50 – 9,00 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny okrągły o średnicy 1 cm, długość 3,9 cm, średnica bransolety 6 cm
Opis: grupa IV, wykonana ze szkła, kolor niemożliwy do ustalenia - powierzchnia pokryta warstwą patyny
Datowanie: XI w.
Analogie: Дончева–Петкова 2005: 100-102, обр. 7, 115, 531 (typ I, wariant B); Maneva 1992: fig. 68, 23/16.

77. Fragment bransolety szklanej (Rys. 7: 3)
Nr inw.: P 375 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
Głębokość: 8,50 – 6,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny okrągły o średnicy 0,4 cm, długość 5,1 cm, średnica bransolety ok. 4,5 cm
Opis: grupa IV, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Дончева–Петкова 2005: 100-102, обр. 7, 115, 531 (typ I, wariant B); Макарова, Плетнева 2003: табл. 131, 10; Maneva 1992: fig. 68, 58/27; 65/9; 68/14; fig. 74, 23/14, 15.

78. Fragment bransolety szklanej (Rys. 7: 4)
Nr inw.: P 108 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4, ćwiartka SE
Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny okrągły o średnicy 0,6 cm, długość 5,1 cm, średnica bransolety ok. 4,5 cm
Opis: grupa IV, wykonana ze szkła koloru niebieskiego, widoczne miejsca łączenia końców bransolety
Datowanie: XI w.
Analogie: Дончева–Петкова 2005: 100-102, обр. 7, 115, 531 (typ I, wariant B); Макарова, Плетнева 2003: табл. 131, 10; Maneva 1992: fig. 68, 58/27; 65/9; 68/14; fig. 74, 23/14, 15.

79. Fragment bransolety szklanej (Rys. 7: 6)
Nr inw.: P 138 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny okrągły o średnicy 0,5 cm, długość 5,9 cm, średnica bransolety ok. 5 cm
Opis: grupa IV, wykonana ze szkła koloru niebieskiego? - powierzchnia jest pokryta patyną
Datowanie: XI w.
Analogie: Дончева–Петкова 2005: 100-102, обр. 7, 115, 531 (typ I, wariant B); Макарова, Плетнева 2003: табл. 131, 10; Maneva 1992: fig. 68, 58/27; 65/9; 68/14; fig. 74, 23/14, 15.

80. Fragment bransolety szklanej (Rys. 7: 8)
Nr inw.: P 106 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4, ćwiartka SW
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny okrągły o średnicy 0,7 cm, długość 4,6 cm, średnica bransolety ok. 6 cm
Opis: grupa IV, wykonana ze szkła koloru ciemnozielonego, ozdobiona ornamentem wykonanym wtopionymi nitkami czerwonego i białego szkła
Datowanie: XI w.
Analogie: Дончева–Петкова 2005: 100-102, обр. 7, 115, 531 (typ I, wariant B); Макарова, Плетнева 2003: табл. 166, 10, 11.

81. Fragment bransolety szklanej (Rys. 7: 9)
Nr inw.: P 369 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE

Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny okrągły o średnicy 0,5 cm, długość 4,2 cm, średnica bransolety ok. 6 cm
Opis: grupa IV, wykonana ze szkła koloru niebieskiego, zdobiona nitką kolorowego szkła
Datowanie: XI w.
Analogie: Дончева–Петкова 2005: 100-102, обр. 7, 115, 531 (typ I, wariant B).

ZABYTKI METALOWE

82. Brązowa zapinka do książki (Rys. 10: 12; 17: 1)
Nr inw.: P 67 / 02 ch (H3XT № 101/37375)
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3/B4, ćwiartka SE
Głębokość: 8,90 mnpm
Wymiary: długość 2,4 cm, szerokość 1,3 cm, grubość 0,2 cm
Datowanie: XI – XIII w.
Analogie: Архипова 2006: 67.

83. Fragment haczyka brązowego (Rys. 10: 15)
Nr inw.: P 74 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 3,30 m; 3,40 m)
Głębokość: 8,53 mnpm
Wymiary: h 3,2 cm, grubość 0,4 cm.
Datowanie: XI w.
Analogie: Кренке, Цепкин 1991: 105, рис. 1, 1-5.

84. Haczyk brązowy (Rys. 10: 16)
Nr inw.: P 363 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 8,50 – 6,50 mnpm
Wymiary: długość 2,5 cm, grubość 0,2 cm
Datowanie: XI w.
Analogie: Кренке, Цепкин 1991: 105, рис. 1, 1-5; Нешева 1985: 213, обр. 83.

85. Fragment noża żelaznego? (Rys. 10: 17)
Nr inw.: P 71 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
(S: 2 m; E: 4,70 m)
Głębokość: 8,46 mnpm
Wymiary: długość 11,6 cm, szerokość 2,8 cm, grubość 2,9 cm
Datowanie: XI w.
Analogie: Джингов 1982: 55, обр. 57, 13-26.

86. Nóż żelazny (Rys. 10: 18)
Nr inw.: P 77 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 3,02 m; E: 3,25 m)
Głębokość: 8,76 mnpm
Wymiary: długość 7,9 cm, szerokość 2,1 cm, grubość 2,4 cm
Datowanie: XI w.
Analogie: Джингов 1982: 55, обр. 57, 13-26.

87. Fragment taśmy brązowej (Rys. 10: 19)
Nr inw.: P 87 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
(S: 4,85 m; E: 3,25 m)
Głębokość: 8,30 mnpm
Wymiary: długość 5,1 cm, szerokość 1 cm, grubość 0,5 cm
Datowanie: XI w.

88. Fragment taśmy brązowej (Rys. 10: 20)
Nr inw.: P 216 / 02 ch:
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 4,30 m; E: 0,70 m)

Głębokość: 10,28 mnpm
Wymiary: długość 4,8 cm, szerokość 1,3 cm, grubość 0,4 cm
Datowanie: XI w.

89. Odważnik ołowiany (Rys. 10: 21, 17: 6)
Nr inw.: P 58 / 02 ch (H3XT № 102/37375)
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
(S: 4,75 m; E: 4,51 m)
Głębokość: 11,14 mnpm
Wymiary: długość 3,0 cm, szerokość 2,8 cm, grubość 0,5 cm
Datowanie: XI w.

90. Zabytek ołowiany (Rys. 10: 22, 17: 8)
Nr inw.: P 59 / 02 ch (H3XT № 105/37375)
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
(S: 1,24 m; E: 4,27 m)
Głębokość: 9,71 mnpm
Wymiary: 2,3 x 2,15 cm
Datowanie: XI w.

91. Zabytek brązowy (Rys. 11: 23)
Nr inw.: P 322 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm
Wymiary: długość 2,7 cm, szerokość 2,4 cm, grubość 0,1 cm, średnica otworu 0,7 cm
Datowanie: XI w.

Narzędzia

92. Młotek żelazny (Rys. 11: 24)
Nr inw.: P 220 / 02 ch (H3XT № 106/37375)
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
(S: 3,30 m; E: 4,50 m)
Głębokość: 7,75 mnpm
Wymiary: długość 14,5 cm, szerokość 6,6 cm, grubość 4,2 cm
Datowanie: XI w.
Analogie: Нешева 1985: 210, обр. 79в; Сорокин 1959: 152, рис. 8, 10-11.

93. Przekłuwacz (?) (Rys. 11: 25)
Nr inw.: P 224 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NE
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: długość 8,6 cm, grubość 0,4 x 0,5 cm
Datowanie: XI w.
Analogie: Макарова, Плетнева 2003: табл. 92, 25.

94. Przekłuwacz (?) (Rys. 11: 26)
Nr inw.: P 235 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 0,50 m; E: 2 m)
Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm
Wymiary: długość 3,8 cm, grubość 0,5 – 0,3 cm
Datowanie: XI w.

95. Fragment ogniwa żelaznego (Rys. 11: 27)
Nr inw.: P 89 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm
Wymiary: średnica 4,7 cm, grubość 0,8 - 1 cm.
Datowanie: XI w.
Analogie: Плетнева 2003: рис. 3, 19, 22-24.

96. Plomba ołowiana (Rys. 11: 28, 17: 4)
Nr inw.: P 222 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 10,00 – 9,50 mnpm

Wymiary: średnica 2,4 cm, grubość 0,3 cm
Datowanie: XI w.

Fragmenty naczyń brązowych

97. Zabytek brązowy (Rys. 11: 29)
Nr inw.: P 63 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 3,57 m; E: 0,29 m)
Głębokość: 9,50 mnpm
Wymiary: długość 2,20 cm, szerokość 2 cm, grubość 0,1 cm
Datowanie: XI w.

98. Zabytek brązowy (Rys. 11: 30)
Nr inw.: P 68 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3/B4
Głębokość: 8,80 mnpm
Wymiary: długość 2,6 cm, szerokość 3 cm, grubość 0,1 cm
Datowanie: XI w.

99. Fragment blaszki brązowej (Rys. 11: 31)
Nr inw.: P 70 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3/B4
Głębokość: 8,70 mnpm
Wymiary: długość 2,9 cm, szerokość 5 cm, grubość 0,1 – 0,2 cm
Datowanie: XI w.

100. Fragment naczynia brązowego (Rys. 12: 32)
Nr inw.: P 90 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
(S: 3,50 m; E: 4,90)
Głębokość: 7,90 mnpm
Wymiary: długość 2,9 cm, szerokość 4 cm, grubość 0,2 – 0,6 cm
Datowanie: XI w.

101. Zabytek brązowy (Rys. 12: 33)
Nr inw.: P 226 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: długość 9 cm, szerokość 5,1 cm, grubość 0,2 cm
Datowanie: XI w.

102. Fragment zabytku brązowego (Rys. 12: 34)
Nr inw.: P 238 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 0,30 m; E: 0,50 m)
Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm
Wymiary: długość 2,5 cm, szerokość 2,6 cm, grubość 0,2 – 0,5 cm

103. Fragment wylewu naczynia brązowego (Rys. 12: 35)
Nr inw.: P 285 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm
Wymiary: h 2,4 cm, szerokość 7,3 cm, grubość 0,65 cm
Datowanie: XI w.

104. Zabytek brązowy (Rys. 12: 36)
Nr inw.: P 330 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm
Wymiary: długość 2,2 cm, szerokość 2,6 cm, grubość 0,5 cm
Datowanie: XI w.

105. Fragment zabytku brązowego (Rys. 12: 37)
Nr inw.: P 354 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 8,50 – 6,50 mnpm
Wymiary: długość 4 cm, szerokość 5,3 cm, grubość 0,2 cm
Datowanie: XI w.

106. Fragment przedmiotu żelaznego (Rys. 12: 38)
Nr inw.: P 62 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 3,88 m; E: 4,46 m)
Głębokość: 9,57 mnpm
Wymiary: długość 4,2 cm, szerokość 3,6 cm, grubość 1,8 cm
Datowanie: XI w.

107. Fragment blaszki brązowej (Rys. 12: 39)
Nr inw.: P 75 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 3,50 m; E: 3,50 m)
Głębokość: 8,53 mnpm
Wymiary: długość 2,2 cm, szerokość 2,2 cm, grubość 0,3 cm
Datowanie: XI w.

108. Fragment zabytku brązowego (Rys. 12: 40)
Nr inw.: P 218 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 4,20 m; E: 3,10 m)
Głębokość: 9,50 – 9,00 mnpm
Wymiary: długość 1,9 cm, szerokość 4,4 cm, grubość 0,45 cm.

109. Zabytek brązowy (Rys. 12: 41)
Nr inw.: P 227 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: długość 3 cm, szerokość 2,4 cm, grubość 0,2 cm
Datowanie: XI w.

110. Fragment zabytku brązowego (Rys. 12: 42)
Nr inw.: P 356 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 8,50 – 6,50 mnpm
Wymiary: długość 7,7 cm, szerokość 3,4 cm, grubość 0,3 cm
Datowanie: XI w.

111. Zabytek brązowy (Rys. 12: 43)
Nr inw.: P 362 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 8,50 – 6,50 mnpm
Wymiary: długość 2,9 cm, szerokość 0,5 cm, grubość 0,5 cm
Datowanie: XI w.

Gwoździe

112. Sześć gwoździ żelaznych (Rys. 8: 1-5, 20)
Nr inw.: P 284 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 2,50 m; E: 3,0 m)
Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm
Wymiary: a) h 12,8 cm, przekrój trzpienia 1,5 x 1,6 cm, główka 3,6 x 4 cm (1); b) h 6,2 cm, przekrój trzpienia 1,1 x 1 cm, główka 2,5 x 3,2 cm (2); c) h 8 cm, przekrój trzpienia 1,5 x 2 cm, główka 2,5 x 2,6 cm (3); d) h 8 cm, średnica trzpienia 1,4 cm, główka 2,9 x 3,5 cm (4); e) h 7,8 cm, przekrój trzpienia 1,4 x 1,6 cm, główka 2,8 x 2,6 cm (5); f) h 5,9 cm, przekrój trzpienia 1,8 x 1,3 cm, główka o średnicy 1,8 cm (20)
Datowanie: XI w.

113. Trzy gwoździe żelazne (Rys. 8: 6, 24, 31)
Nr inw.: P 223 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: a) h 8,3 cm, przekrój trzpienia 1,4 x 1,4 cm; główka

2,8 x 3 cm (6); b) h 6,4 cm, przekrój trzpienia 2 x 1,7 cm; główka 2,9 x 2,3 cm (31); c) h 3,7 cm, przekrój trzpienia 1,6 x 1,2 cm; główka 2,4 x 2,9 cm (24)
Datowanie: XI w.

114. Gwóźdź żelazny (Rys. 8: 9)
Nr inw.: P 219 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 4,20 m; E: 3,10 m)
Głębokość: 9,50 – 9,00 mnpm
Wymiary: trzpień h – 5,4 cm, przekrój 2,4 x 2 cm, główka średnica 3,1 cm
Datowanie: XI w.

115. Trzy gwoździe żelazne (Rys. 8: 9, 16, 26)
Nr inw.: P 326 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm
Wymiary: a) h 8,5 cm, średnica trzpienia 1,6 cm, główka 3,2 x 3,7 cm (9); b) h 5,6 cm, średnica trzpienia 1,6 cm, główka 3 x 3,7 cm (16); c) h 3,7 cm, średnica trzpienia 1 cm, główka 2,2 x 2,7 cm (26).
Datowanie: XI w.

116. Gwóźdź żelazny (Rys. 8: 11)
Nr inw.: P 84 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 3,25; E: 0,75 cm), piwnica
Głębokość: 10,56 mnpm
Wymiary: h 9,1 cm, przekrój trzpienia 1,7 x 1,9 cm; główka 2,7 x 2,3 cm
Datowanie: XI w.

117. Gwóźdź żelazny (Rys. 8: 12)
Nr inw.: P 64 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4, narożnik SW
Głębokość: 10,00 – 9,50 mnpm
Wymiary: h 6,7 cm, przekrój trzpienia 1 x 1 cm, główka 1,7 x 1,6 cm.
Datowanie: wg warstwy XI-XIII w.

118. Dwa gwoździe żelazne (Rys. 8: 13, 29)
Nr inw.: P 286 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm
Wymiary: a) h 6,7 cm, przekrój trzpienia 1,5 x 1,35 cm, główka 2,7 x 3,1 cm (13); b) h 4,1 cm, średnica trzpienia 2 cm, główka 2,8 x 3,2 cm (29)
Datowanie: XI w.

119. Gwóźdź żelazny (Rys. 8: 15)
Nr inw.: P 230 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
(S: 4,90 m; E: 2,50 m)
Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm
Wymiary: h 4,9 cm, przekrój trzpienia 1,2 x 1,1 cm; główka 3,4 x 3,6 cm
Datowanie: XI w.

120. Gwóźdź żelazny (Rys. 8: 17)
Nr inw.: P 66 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
(S: 3,98 m; E: 4,55 m),
Głębokość: 9,30 mnpm
Wymiary: h 5,2 cm, przekrój trzpienia 0,9 cm x 0,9 cm, główka 1,4 x 1,3 cm
Datowanie: XI w.

121. Gwóźdź żelazny (Rys. 8: 18)

Nr inw.: P 73 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4

(S: 3,60 m; E: 2,10 m)

Głębokość: 8,06 mnpm

Datowanie: XI w.

122. Gwóźdź żelazny (Rys. 8: 19)

Nr inw.: P 239 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3

(S: 1 m; E: 2,80 m)

Głębokość: 7,65 mnpm

Wymiary: trzpień h 4,6 cm, przekrój 0,8 x 0,9 cm; główka 1,65 x 2,40 cm.

Datowanie: XI w.

123. Gwóźdź żelazny (Rys. 8: 22)

Nr inw.: P 83 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4

(S: 3,30 m; E: 3,50 m)

Głębokość: 8,48 mnpm

Wymiary: h 4,4 cm, przekrój trzpienia 0,9 x 0,9 cm; główka 2,4 x 2,2 cm

Datowanie: XI w.

124. Gwóźdź żelazny (Rys. 8: 23)

Nr inw.: P 81 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3

Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm

Wymiary: h 4,4 cm, przekrój trzpienia 1,7 x 1,6 cm; główka 2,7 x 3,5 cm

Datowanie: XI w.

125. Gwóźdź żelazny (Rys. 8: 25)

Nr inw.: P 80 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3

Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm

Wymiary: h 3,2 cm, przekrój trzpienia 1,4 x 1,2 cm, główka 1,9 x 3,4 cm

Datowanie: XI w.

126. Fragment gwoździa żelaznego (Rys. 8: 27)

Nr inw.: P 325 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3

Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm

Wymiary: h 2,8 cm, główka 1,4 x 2,2 cm.

Datowanie: XI w.

127. Gwóźdź żelazny (Rys. 8: 30)

Nr inw.: P 72 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII

Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm

Wymiary: h 3,3 x 0,8 cm, główka 1,2 x 1,5 cm

Datowanie: wg warstwy XI-XIII w.

128. Gwóźdź żelazny (Rys. 8: 32)

Nr inw.: P 76 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3

(S: 3,07 m; E: 4,03 m)

Głębokość: 8,51 mnpm

Wymiary: h 7,3 cm, przekrój trzpienia 2,3 x 2,3 cm

Datowanie: XI w.

129. Gwóźdź żelazny (Rys. 8: 33)

Nr inw.: P 85 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4

Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm

Wymiary: h 2,1 cm; przekrój trzpienia 2,2 x 2,2 cm

Datowanie: XI w.

130. Gwóźdź żelazny

Nr inw.: P 79 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3

Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm

Wymiary: h 4,7 cm, przekrój trzpienia 0,8 x 0,7 cm; główka 1,7 x 1,9 cm

Datowanie: XI w.

131. Gwóźdź żelazny

Nr inw.: P 359 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3

Głębokość: 8,50 – 6,50 mnpm

132. Gwóźdź żelazny

Nr inw.: P 365 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3

Głębokość: 8,50 – 6,50 mnpm

133. Gwóźdź żelazny

Nr inw.: P 400 / 02 ch

Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3

Głębokość: 8,50 – 6,50 mnpm

ZABYTKI KOŚCIANE

134. Astragal (Rys. 13: 44)

Nr inw.: P 1 / 02 k

Lokalizacja: kwartał VII, część SE

Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm

Wymiary: długość 5,6 cm, szerokość 2,6 – 3,3 cm, grubość 3,1 cm

Opis: byk domowy

Datowanie: XI w.

Analogie: Василев 1979: 105, обр. 14, 14.

135. Astragal (Rys. 13: 45)

Nr inw.: P 7 / 02 k

Lokalizacja: kwartał VII,

Głębokość: 9,50 – 9,00 mnpm

Wymiary: długość 6,1 cm, szerokość 4,7 cm, grubość 4,1 cm

Opis: byk domowy

Datowanie: XI w.

Analogie: Василев 1979: 105, обр. 14, 14.

136. Astragal (Rys. 13: 46)

Nr inw.: P 5 / 02 k

Lokalizacja: kwartał VII

Głębokość: 10,00 – 9,50 mnpm

Wymiary: długość 6,5 cm, szerokość 3,6 cm, grubość 3,5 cm

Opis: byk domowy

Datowanie: XI w.

Analogie: Василев 1979: 105, обр. 14, 14.

Narzędzia

137. Narzędzie kościane (Rys. 13: 47)

Nr inw.: P 18 / 02 k

Lokalizacja: kwartał VII,

Głębokość: 11,50 – 8,50 mnpm

Wymiary: długość 13,3 cm, szerokość 2 cm, grubość 1,4 cm

Opis: owca domowa, powierzchnia gładka, jeden z końców ścięty nożem, drugi profilowany

Datowanie: XI w.

Analogie: Романчук 1981a: рис. 1, 5.

138. Szydło kościane (Rys. 13: 48)
Nr inw.: P 148 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3,
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: długość 10,9 cm, grubość 1,2 x 1,6 – 0,9 x 0,6 cm
Datowanie: XI w.
Analogie: Вълв 1982: 103, обр. 31, 10, Макарова, Плетнева 2003: табл. 159, 8, Флѣрова 2001: рис. 33, 7.

139. Szydło kościane (Rys. 13: 49)
Nr inw.: P 20 / 02 k
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3,
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: długość 14,3, szerokość 4,8 cm, grubość 2,5 cm
Opis: byk domowy, powierzchnia wygładzona
Datowanie: XI w.
Analogie: Василев 1979: 105, обр. 14, 10; Джингов 1982: 52-53, обр. 54, 13-27; 103, обр. 31, 1-9.

140. Szydło kościane (Rys. 13: 50)
Nr inw.: P 9 / 02 k
Lokalizacja: kwartał VII
Głębokość: 9,50 – 9,00 mnpm
Wymiary: długość 10,2 cm, szerokość 2,8 cm, grubość 1 cm
Opis: owca domowa M+C, ślady cięć na powierzchni
Datowanie: XI w.
Analogie: Василев 1979: 105, обр. 14, 10; Джингов 1982: 52-53, обр. 54, 13-27; 103, обр. 31, 1-9.

141. Igła kościana (Rys. 13: 51)
Nr inw.: P 149 / 02 ch (H3XT № 84/37375)
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: długość 8,8 cm, średnica 0,35-0,4 cm
Datowanie: XI w.

Półfabrykaty i odpady produkcyjne

142. Półfabrykat lub odpad produkcyjny (Rys. 13: 52)
Nr inw.: P 19 / 02 k
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3,
Głębokość: 9,50 – 9,00 mnpm
Wymiary: długość 5 cm, szerokość 11 cm, grubość 2 cm
Opis: byk domowy, fragment zuchwy, końce ostro ścięte, powierzchnia wygładzona
Datowanie: XI w.

143. Półfabrykat lub odpad produkcyjny (Rys. 13: 53)
Nr inw.: P 34 / 02 k
Lokalizacja: kwartał VII,
Głębokość: 11,50 – 8,00 mnpm
Wymiary: długość 6,6 cm, szerokość 8 cm, grubość 2,4 cm
Opis: byk domowy, ślady cięć na powierzchni, wygładzenie
Datowanie: XI w.

144. Poroże ze śladami obróbki (Rys. 14: 54)
Nr inw.: P 30 / 02 k
Lokalizacja: kwartał VII,
Głębokość: 11,50 – 8,00 mnpm
Wymiary: długość 20,1 cm, szerokość 7 cm, grubość 2,4 cm.
Opis: koza domowa
Datowanie: XI w.

145. Poroże ze śladami obróbki (Rys. 14: 55)
Nr inw.: P 32 / 02 k
Lokalizacja: kwartał VII
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: długość 14,3 cm, szerokość 3,9 cm, grubość 2 cm
Opis: koza domowa
Datowanie: XI w.

146. Poroże ze śladami obróbki (Rys. 14: 56)
Nr inw.: P 31 / 02 k
Lokalizacja: kwartał VII,
Głębokość: 11,50 – 8,00 mnpm
Wymiary: długość 15,2 cm, szerokość 3,9 cm, grubość 1,7 cm
Opis: koza domowa
Datowanie: XI w.

147. Poroże ze śladami obróbki (Rys. 14: 57)
Nr inw.: P 29 / 02 k
Lokalizacja: kwartał VII,
Głębokość: 11,50 – 8,00 mnpm
Wymiary: długość 18,9 cm, szerokość 4,3 cm, grubość 2 cm
Opis: koza domowa
Datowanie: XI w.

ZABYTKI KAMIENNE

148. Fragment oselki kamiennej (Rys. 14: 58)
Nr inw.: P 141 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 3,25 m; E: 0,80 m)
Głębokość: 10,56 mnpm
Wymiary: długość 11,4 cm, szerokość 5,3 cm, grubość 2,2 cm
Datowanie: XI w.

149. Gładzik kamienny (Rys. 14: 59)
Nr inw.: P 146 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
Głębokość: 8,53 mnpm
Wymiary: długość 8,6 cm, szerokość 4,2 cm, grubość 1,85 cm
Datowanie: XI w.

150. Ciężarek kamienny do sieci (Rys. 14: 60)
Nr inw.: P 152 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: h 7,8 cm, szerokość 9,9 cm, grubość 7,9 cm
Datowanie: XI w.
Analogie: Кренке, Цепкин 1991: 105, рис. 2, 1, 5; Мазуров, Цепкин 2003: 132, рис. 1, 10.

151. Antropomorficzna figurka kamienna (Rys. 14: 61)
Nr inw.: P 298 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 2,20 m; E: 2,70 m)
Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm
Wymiary: h 7,8 cm, szerokość 6,9 cm, grubość 3,3 cm
Datowanie: XI w.

ZABYTKI CERAMICZNE

152. Cylindryczny, ceramiczny ciężarek do sieci (Rys. 14: 62, 16: 1)
Nr inw.: P 147 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: h 4,4 cm, średnica 3,4 cm, średnica otworu 1 cm
Datowanie: XI w.
Analogie: Мазуров, Цепкин 2003: 130, рис. 1, 9 Нешева 1985: 214, обр. 84.

ZABYTKI SZKLANE

Fragmenty naczyń szklanych

153. Stopka szklana
Nr inw.: P 105 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3

(S: 3m; E: 3,5 m)
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: h 4 cm, średnica 3,5 cm
Opis: szkło przezroczyste, seledynowe, zachowana nóżka naczynia i część stopki.

154. Fragment dna naczynia szklanego
Nr inw.: P 245 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm
Wymiary: 3,9 x 4,1 x 0,8 cm
Opis: szkło przezroczyste, seledynowe, stopka naczynia formowana wałeczkowato
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 220, рис. 23, 16.

155. Fragment dna naczynia szklanego
Nr inw.: P 248 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm
Wymiary: 4,5 x 3,9 x 1,3 cm
Opis: szkło przezroczyste, seledynowe, stopka naczynia uformowana wałeczkowato.

156. Fragment dna naczynia szklanego
Nr inw.: P 307 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 2,50 m; E: 3,00 m)
Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm
Wymiary: h 0,9 cm, średnica 5 cm
Opis: szkło przezroczyste, seledynowe, dno wklęsłe, częściowo zachowane ścianki korpusu naczynia
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 220, рис. 23, 7.

157. Dno naczynia szklanego
Nr inw.: P 380 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 8,50 – 6,50 mnpm
Wymiary: h 1,2 cm, średnica 3,5 cm
Opis: dno wklęsłe, częściowo zachowane ścianki korpusu naczynia
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 220, рис. 23, 7.

158. Dno naczynia szklanego
Nr inw.: P 381 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 8,50 – 6,50 mnpm
Wymiary: h 1,5 cm, długość 4,3 cm, szerokość 2,3 cm
Opis: stopka naczynia uformowana wałeczkowato
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 220, рис. 23, 7.

Szklane kostki mozaikowe

159. Kostka mozaikowa
Nr inw.: P 96 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
(S: 4,70 m; E: 1,30 m)
Głębokość: 10,37 mnpm.

160. 2 kostki szklanej mozaiki
Nr inw.: P 123 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm.

161. Kostka mozaiki szklanej
Nr inw.: P 124 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 4,20 m; E: 0,70 m)
Głębokość: 10,28 mnpm.

162. 2 kostki szklanej mozaiki
Nr inw.: P 125 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 10,00 – 9,50 mnpm.

163. Kostka mozaiki szklanej
Nr inw.: P 128 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 9,50 – 9,00 mnpm.

164. 3 kostki mozaiki szklanej
Nr inw.: P 246 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 9,00 – 8,50 mnpm.

165. Kostka mozaiki szklanej
Nr inw.: P 247 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm.

166. Kostka mozaiki szklanej
Nr inw.: P 249 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
(S: 4,50 m; E: 4,50 m)
Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm.

167. Kostka mozaiki szklanej
Nr inw.: P 253 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 0,20 m; E: 0,50 m)
Głębokość: 7,60 mnpm.

168. 2 kostki mozaiki szklanej
Nr inw.: P 254 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 1,20 m; E: 4,80 m)
Głębokość: 8,40 mnpm.

169. Kostka mozaiki szklanej
Nr inw.: P 255 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 1 m; E: 2,80 m)
Głębokość: 7,65 mnpm.

170. 7 kostek mozaiki szklanej
Nr inw.: P 256 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 0,20 m; E: 1,50 m).

171. 121 kostek mozaiki szklanej
Nr inw.: P 261 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3/4
Głębokość: 10,00 – 9,50 mnpm
Wymiar kostki: 1 x 0,7 cm.

172. 35 kostek mozaiki szklanej
Nr inw.: P 262 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B/4
Głębokość: 10,00 – 9,50 mnpm
Wymiar kostek: 1,1 x 0,9 cm.

173. 7 kostek mozaiki szklanej
Nr inw.: P 263 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3/4
Głębokość: 10,50 – 10,00 mnpm
Wymiar kostek: 1 x 0,7 cm.

174. 2 kostki mozaiki szklanej
Nr inw.: P 264 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
Głębokość: 10,00 – 9,50 mnpm
Wymiar kostek: 1 x 0,6 cm.

175. 2 kostki mozaiki
Nr inw.: P 265 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
– z profilu.

176. Kostka mozaiki szklanej
Nr inw.: P 305 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 8,50 – 8,00 mnpm.

177. Kostka mozaiki szklanej
Nr inw.: P 306 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 2,20 m; E: 2,70 m)
Głębokość: 8,45 mnpm.

178. 7 kostek mozaiki szklanej połączonych zaprawą
Nr inw.: P 335 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 8,00 – 7,50 mnpm.
Wymiar kostek: 1 x 0,8 cm. Zachowany fragment mozaiki o wymiarach 5,1 x 3,6 cm, grubość 2,5 cm.

179. Kostka mozaiki szklanej
Nr inw.: P 372 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 8,50 – 6,50 mnpm.

Poziom użytkowy II okresu (warstwy mechaniczne 13-14; głębokość 7,50–6,50 mnpm)

Na poziomie użytkowym z II okresu odkryto łącznie 23 zabytki: całą bransoletę szklaną, 4 fragmenty bransolet szklanych, fragment brązowej bransolety, 7 zabytków metalowych, 2 zabytki kościane, 2 zabytki kamienne, 1 grzędzidło ceramiczne, 4 fragmenty naczyń szklanych i 2 kostki mozaikowe.

BIŻUTERIA

180. Bransoleta szklana (Rys. 7: 7)
Nr inw.: P 334 / 02 ch (H3XT № 79/37375)
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, ćwiartka NW
Głębokość: 7,00 – 6,50 mnpm
Wymiary: przekrój okrągły o średnicy 0,5 cm, średnica bransolety 4 cm
Opis: grupa IV, wykonana ze szkła koloru ciemnoniebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Дончева–Петкова 2005: 100-102, обр. 7, 115, 531 (typ I, wariant B); Maneva 1992: fig. 68, 58/27; 65/9; 68/14; fig. 74, 23/14, 15.

181. Fragment bransolety szklanej (Rys. 4: 7)
Nr inw.: P 408 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3/4
Głębokość: 7,00 – 6,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 1,1 x 0,4 cm, długość 2,3 cm, średnica bransolety ok. 5 cm
Opis: grupa IV, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Maneva 1992: fig. 64, 23/18; 89/25; fig. 74, 23/19; Милчев 1979: 171, обр. 110, 5, 7, 9, 10.

182. Fragment bransolety szklanej (Rys. 5: 5)
Nr inw.: P 252 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4, ćwiartka SW
Głębokość: 7,50 – 7,00 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,9 x 0,4 cm, długość 3,3 cm, średnica bransolety ok. 5,5 cm
Opis: grupa III, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 7; Maneva 1992: fig. 65, 23/12; 27/1; 58/23, 25; fig. 74, 23/10, 11.

183. Fragment bransolety szklanej (Rys. 5: 8)
Nr inw.: P 309 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
Głębokość: 7,00 – 6,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny o wymiarach 0,9 x 0,4 cm, długość 2,4 cm, średnica bransolety ok. 5 cm.
Opis: grupa III, wykonana ze szkła koloru niebieskiego
Datowanie: XI w.
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 221-223, рис. 24, 7; Maneva 1992: fig. 65, 23/12; 27/1; 58/23, 25; fig. 74, 23/10, 11.

184. Fragment bransolety szklanej (Rys. 7: 5)
Nr inw.: P 259 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4, ćwiartka SW
Głębokość: 7,00 – 6,50 mnpm
Wymiary: przekrój poprzeczny okrągły o średnicy 0,4 cm, długość 4,2 cm, średnica bransolety ok. 6 cm.
Opis: grupa IV, wykonana ze szkła koloru niebieskiego, powierzchnia częściowo pokryta patyną, widoczne miejsce łączenia końców bransolety
Datowanie: XI w.
Analogie: Дончева–Петкова 2005: 100-102, обр. 7, 115, 531 (typ I, wariant B); Макарова, Плетнева 2003: табл. 131, 10; Maneva 1992: fig. 68, 58/27; 65/9; 68/14; fig. 74, 23/14, 15.

185. Fragment bransolety brązowej (Rys. 15: 62)
Nr inw.: P 352 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3, poziomy użytkowy II okresu
Głębokość: 7,50 – 7,00 mnpm
Wymiary: długość 3,2 cm, szerokość 0,3 cm, grubość 0,15 cm
Datowanie: XI w.
Analogie: Дончева–Петкова 2005: обр. 9, 109, 22; Макарова, Плетнева 2003: табл. 159, 15, 16.

ZABYTKI METALOWE

186. Fragment naczynia brązowego (Rys. 15: 73, 17: 9)
Nr inw.: H3XT № 98/37375
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
Głębokość: 7,00 – 6,50 mnpm
Wymiary: długość 6,9 cm, szerokość 4,6 cm, grubość 0,3 – 0,4 cm.

Narzędzia

187. Przekłuwacz (?) (Rys. 15: 64)
Nr inw.: P 291 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
(S: 4,20 m; E: 3,80 m)
Głębokość: 7,50 – 7,00 mnpm
Wymiary: długość 7 cm, średnica 0,6 cm
Datowanie: XI w.

188. Fragment taśmy brązowej (Rys. 15: 65)
Nr inw.: P 288 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
Głębokość: 7,00 – 6,50 mnpm

Wymiary: długość 4,8 cm, szerokość 1,3 cm, grubość 0,35 cm
Datowanie: XI w.

189. Fragment zabytku brązowego (Rys. 15: 66)
Nr inw.: P 234 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 0,80 m; E: 4,60 m)
Głębokość: 7,42 mnpm
Wymiary: długość 2,8 cm, szerokość 0,6 cm, grubość 0,4 cm
Datowanie: XI w.

190. Zabytek brązowy (Rys. 15: 67)
Nr inw.: P 329 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 1,30 m; E: 2,20 m)
Głębokość: 7,50 mnpm
Wymiary: długość 4,2 cm, grubość 0,3 cm
Datowanie: XI w.

Gwoździe

191. Gwóźdź żelazny (Rys. 8: 10)
Nr inw.: P 327 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 7,00 – 6,50 mnpm
Wymiary: h 8,3 cm, średnica trzpienia 1,6 cm, główka 2,5 x 2,4 cm
Datowanie: XI w.

192. Dwa gwoździe żelazne (Rys. 8: 14, 28)
Nr inw.: P 293 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
(S: 4,50 m; E: 4,0 m)
Głębokość: 7,00 – 6,50 mnpm
Wymiary: a) h 5,5 cm, przekrój trzpienia 1,5 x 1,1 cm, główka 2,1 x 2,4 cm (14); b) h 4,5 cm, przekrój trzpienia 1 x 1,1 cm, główka 2,6 x 2,7 cm (28)
Datowanie: XI w.

193. Gwóźdź żelazny (Rys. 8: 21)
Nr inw.: P 292 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
(S: 4,50 m; E: 3,95 m)
Głębokość: 7,00 – 6,50 mnpm
Wymiary: h 5,5 cm, przekrój trzpienia 1,2 x 1,3 cm, główka 2,3 x 3 cm
Datowanie: XI w.

ZABYTKI KOŚCIANE

194. Szpila kościana (Rys. 15: 68)
Nr inw.: P 382 / 02 ch (H3XT № 85/37375)
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3 – ćwiartka
Głębokość: 7,00 – 6,50 mnpm
Wymiary: średnica 2,4 cm, grubość 0,45 cm
Datowanie: XI w.

Przedmioty związane z grą

195. Pionek do gry (Rys. 15: 69, 17: 11)
Nr inw.: P 340 / 02 ch (H3XT № 83/37375)
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 1,20; E: 1,50 m) - ćwiartka NE
Głębokość: 7,60 mnpm
Wymiary: średnica 2,4 cm, grubość 0,45 cm
Datowanie: XII – XIII w.
Analogie: Романчук 1981a: 95, рис. 5, 126.

ZABYTKI KAMIENNE

196. Oselka kamienna (Rys. 15: 70)
Nr inw.: P 295 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
Głębokość: 7,00 – 6,50 mnpm
Wymiary: długość 14,3 cm, szerokość 2,3 cm, grubość 2,2 cm
Datowanie: XI w.

197. Gładzik kamienny (Rys. 15: 71)
Nr inw.: P 296 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 1 m; E: 1,20 m)
Głębokość: 7,50 – 7,00 mnpm
Wymiary: długość 9,5 cm, szerokość 6,5 cm, grubość 3,3 cm
Datowanie: XI

ZABYTKI CERAMICZNE

198. Grzędzidło ceramiczne do sieci (Rys. 15: 72)
Nr inw.: P 297 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 1 m; E: 3,8 m)
Głębokość: 7,00 – 6,50 mnpm
Wymiary: długość 8,8 cm, szerokość 8,4 cm, grubość 3,1 cm, średnica otworu 0,9 cm
Datowanie: XI w.
Analogie: Мазуров, Цепкин 2003: рис. 1, 10-12.

ZABYTKI SZKLANE

199. Fragment naczynia szklanego
Nr inw.: P 260 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
Głębokość: 7,00 – 6,50 mnpm
Wymiary: długość 2,3 cm, szerokość 2,2 cm, grubość 1,1 cm.

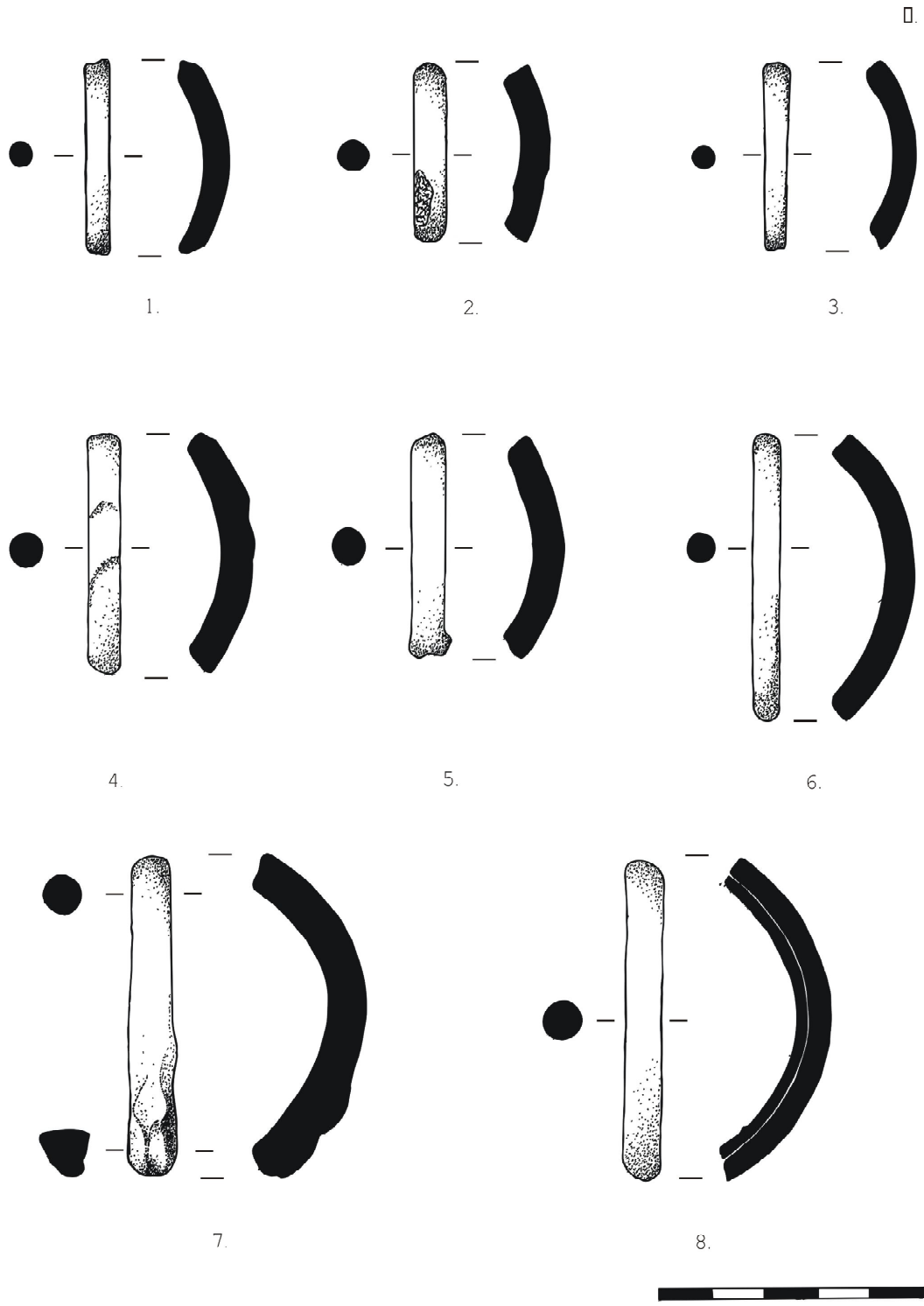
200. Dno naczynia szklanego
Nr inw.: P 310 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B4
Głębokość: 7,00 – 6,50 mnpm
Wymiary: h 1 cm, średnica 5 cm
Opis: szkło nieprzezroczyste, zielonkawe, dno wklęsłe, częściowo zachowane ścianki korpusu naczynia
Analogie: Голофаст, Рыжов 2003: 220, рис. 23, 7.

201. Stopka kieliszka szklanego
Nr inw.: P 338 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 2,50 m; E: 2,80 m)
Głębokość: 7,00 – 6,50 mnpm
Wymiary: h 3,7 cm, szerokość 2,5 cm
Opis: szkło nieprzezroczyste, niebieskie, zachowana nóżka kieliszka i dno czaszy.

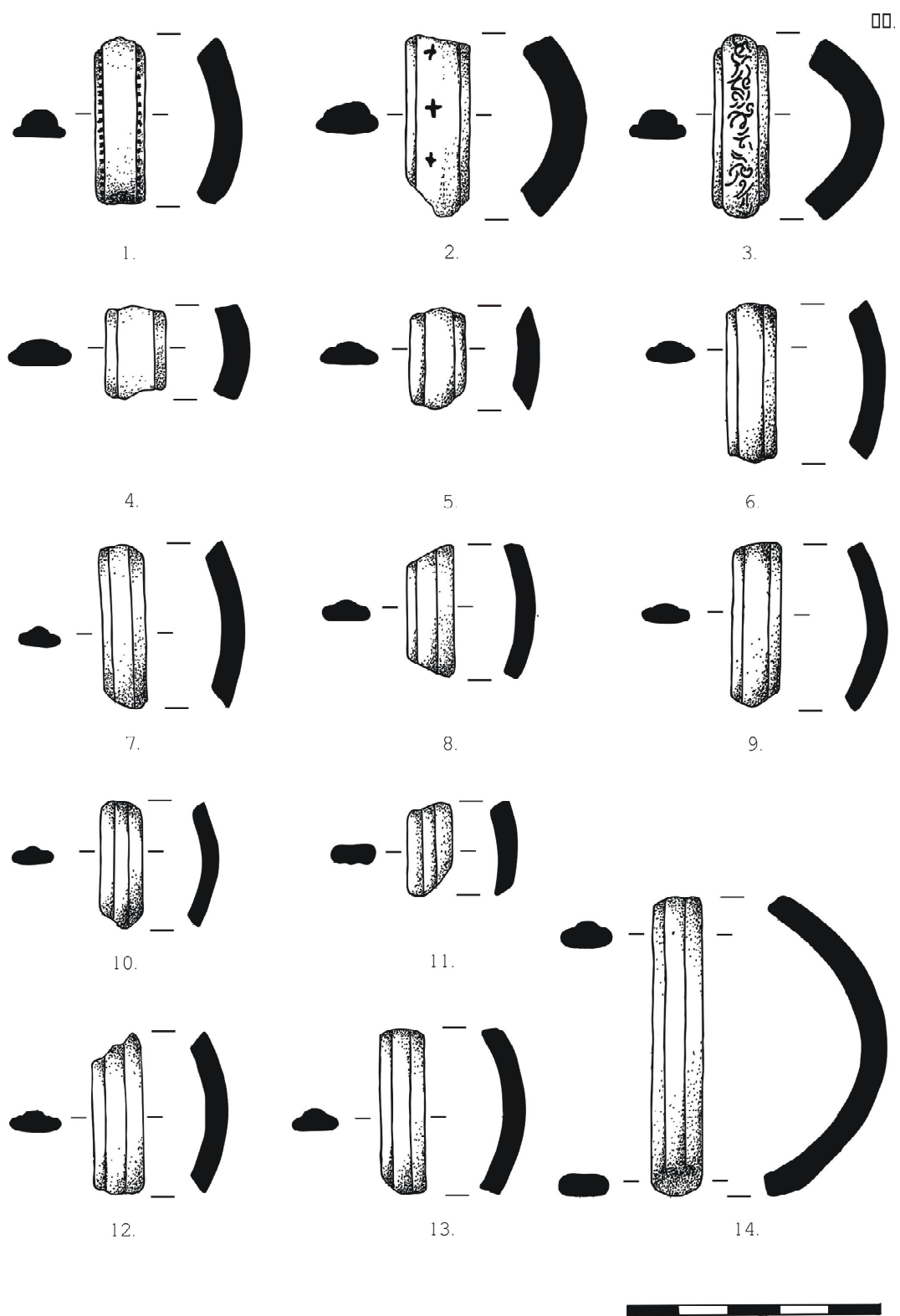
202. Fragment wylewu naczynia szklanego
Nr inw.: P 368 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
(S: 2,20 m; E: 2,30 m)
Głębokość: 7,00 – 6,50 mnpm
Wymiary: h 2,7 cm, średnica 2,4 cm, grubość ścianki 0,2 cm.

Szklane kostki mozaikowe

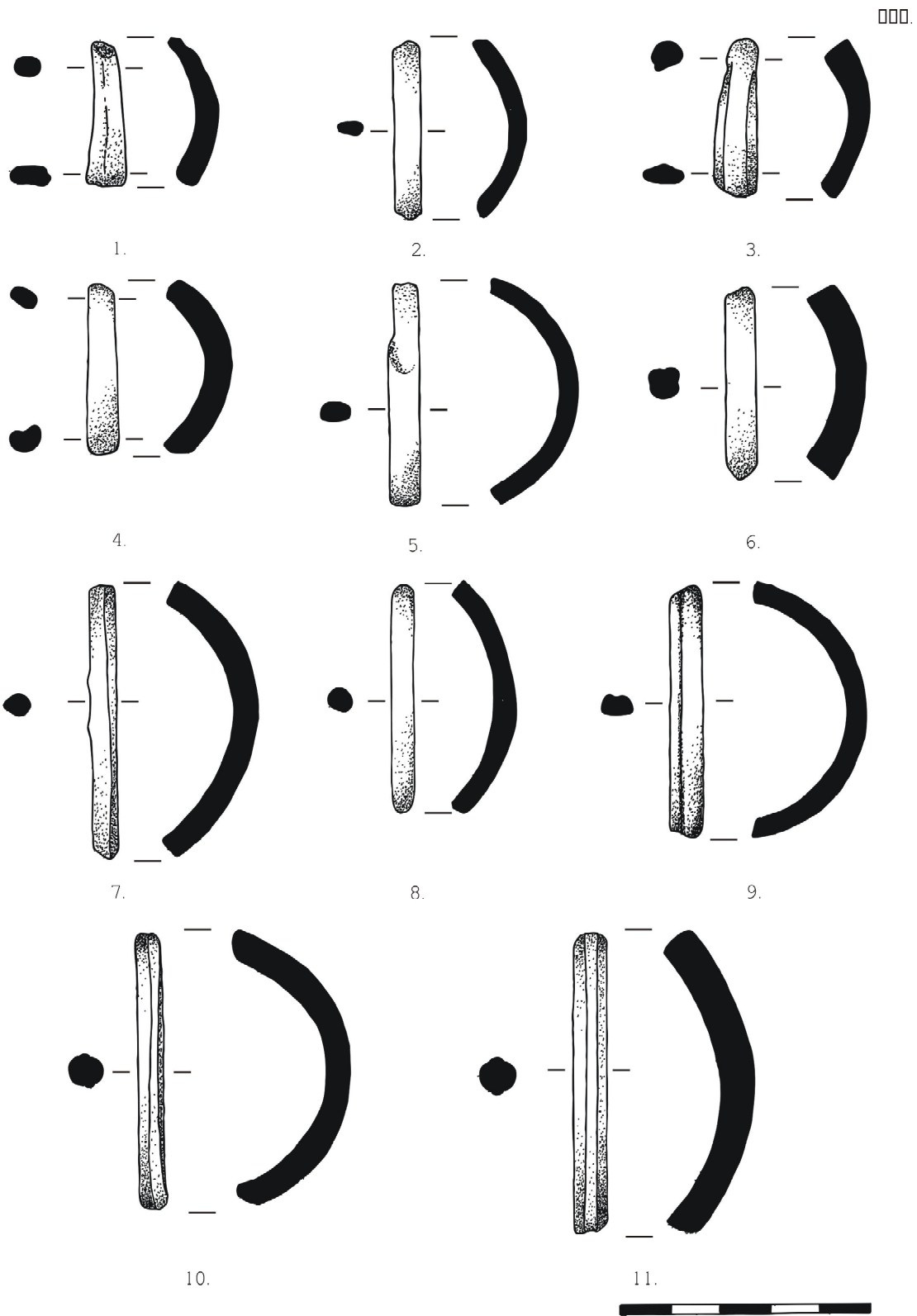
203. 2 kostki mozaiki szklanej
Nr inw.: P 373 / 02 ch
Lokalizacja: kwartał VII, kwadrat B3
Głębokość: 7,00 – 6,50 mnpm.

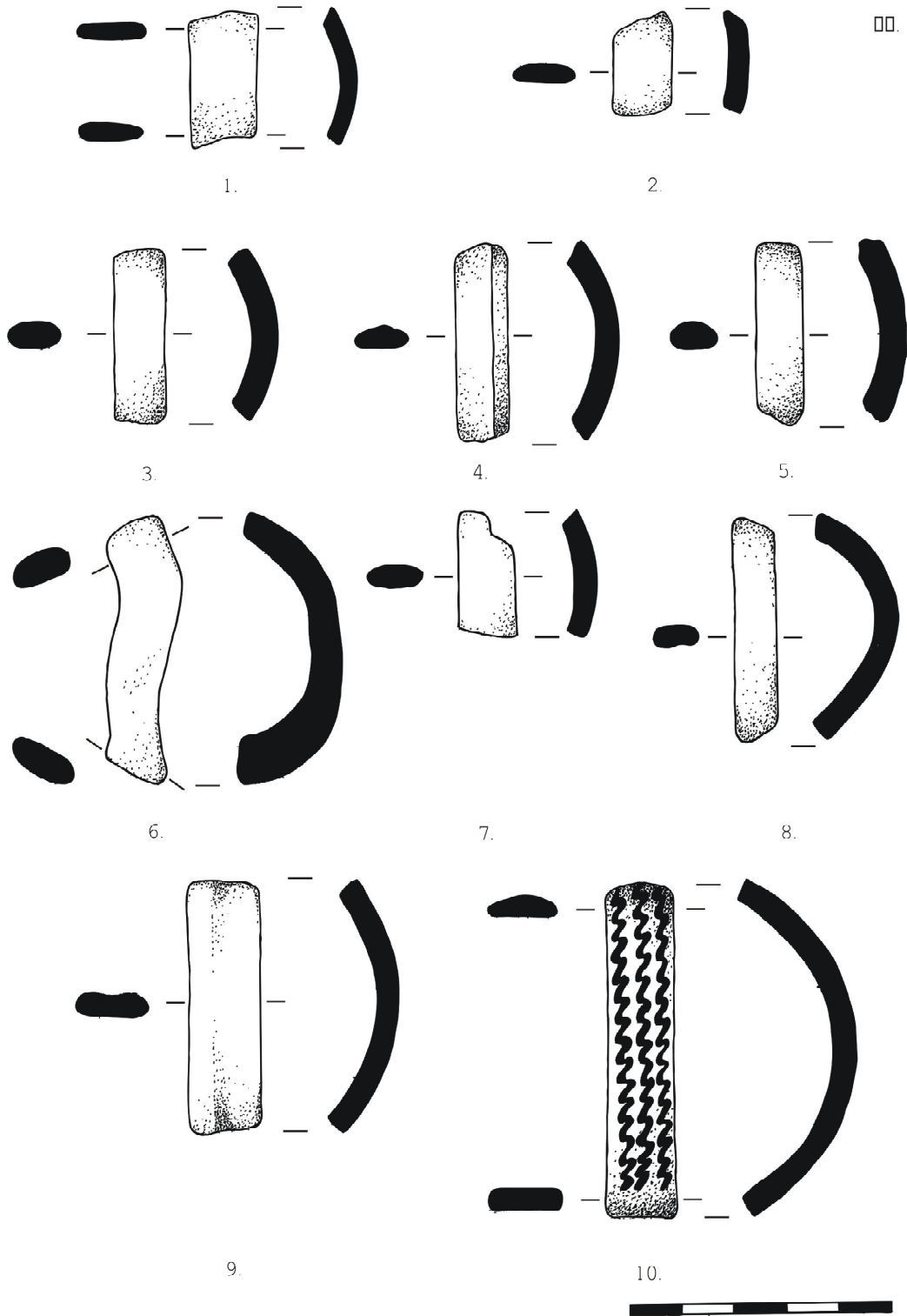
Rys. 1

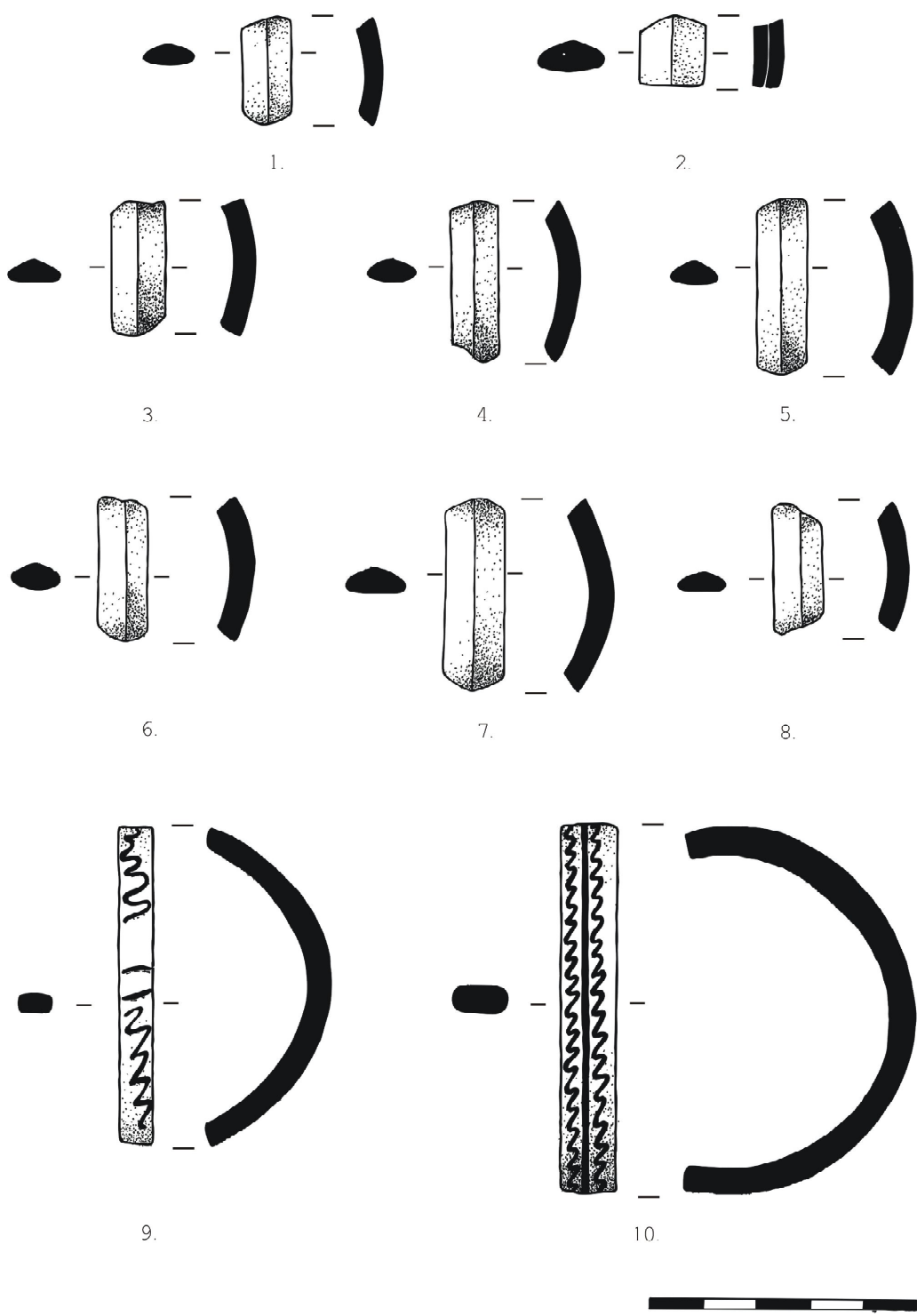
Rys. 2

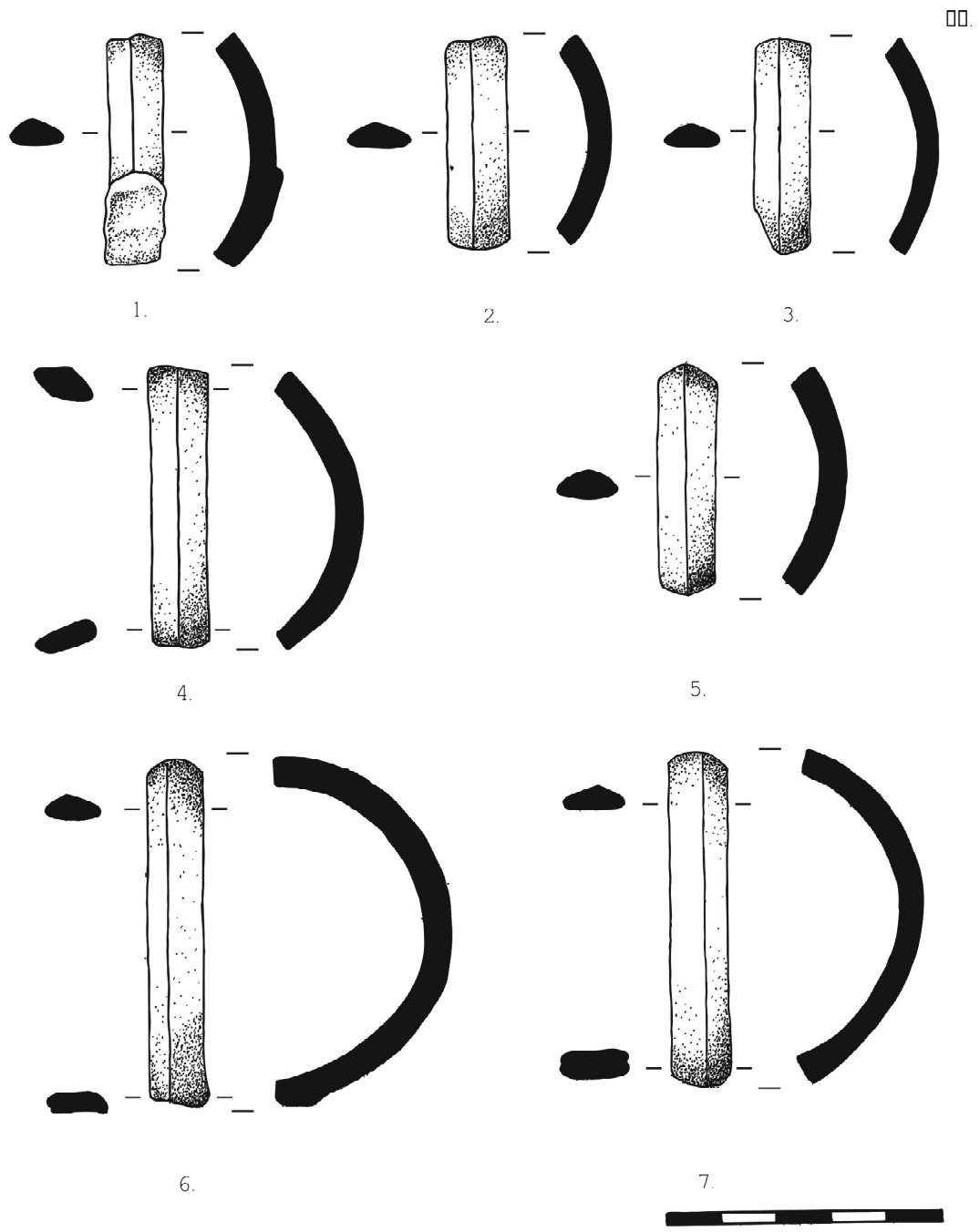
Rys. 3

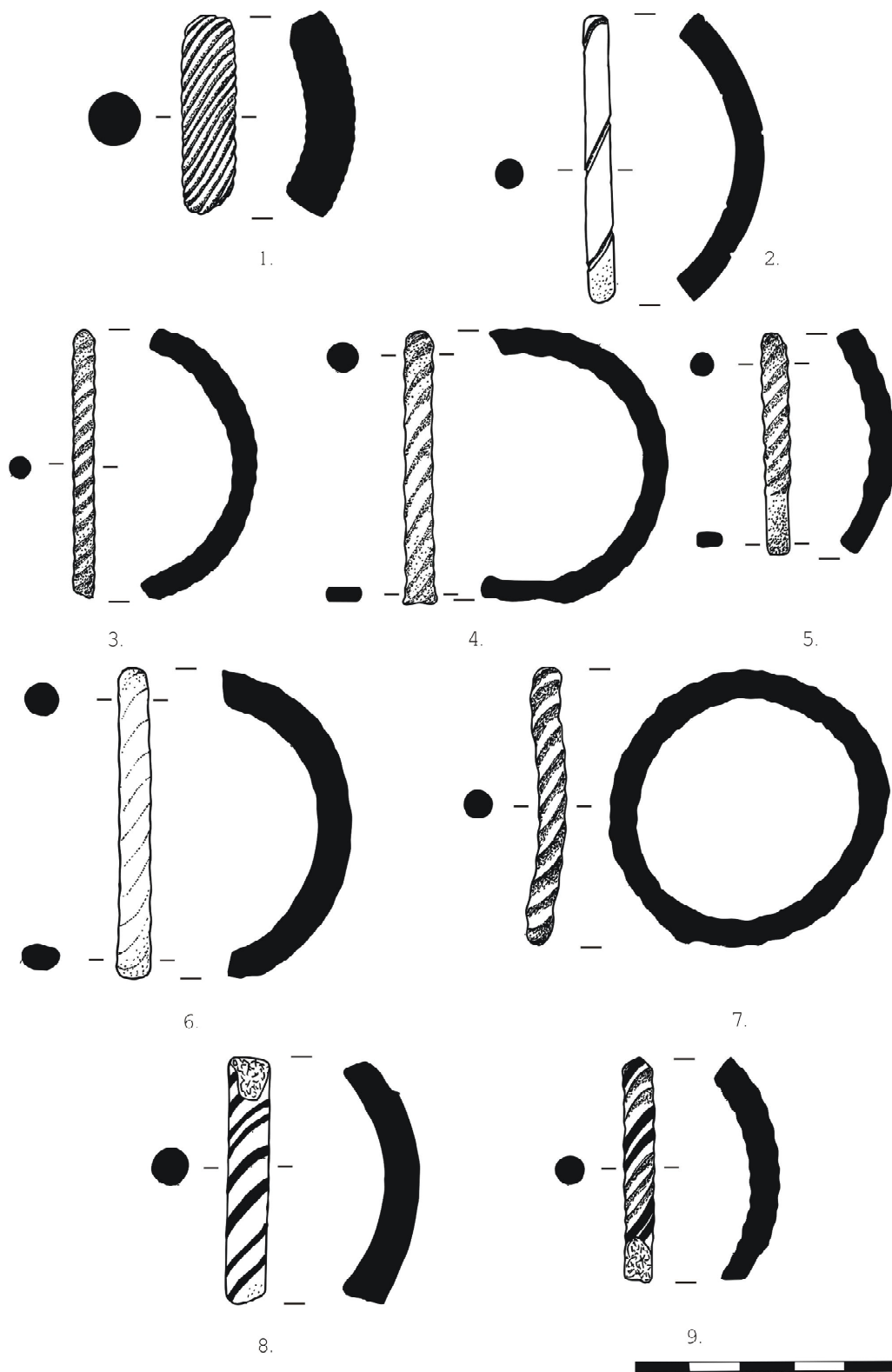
Rys. 4

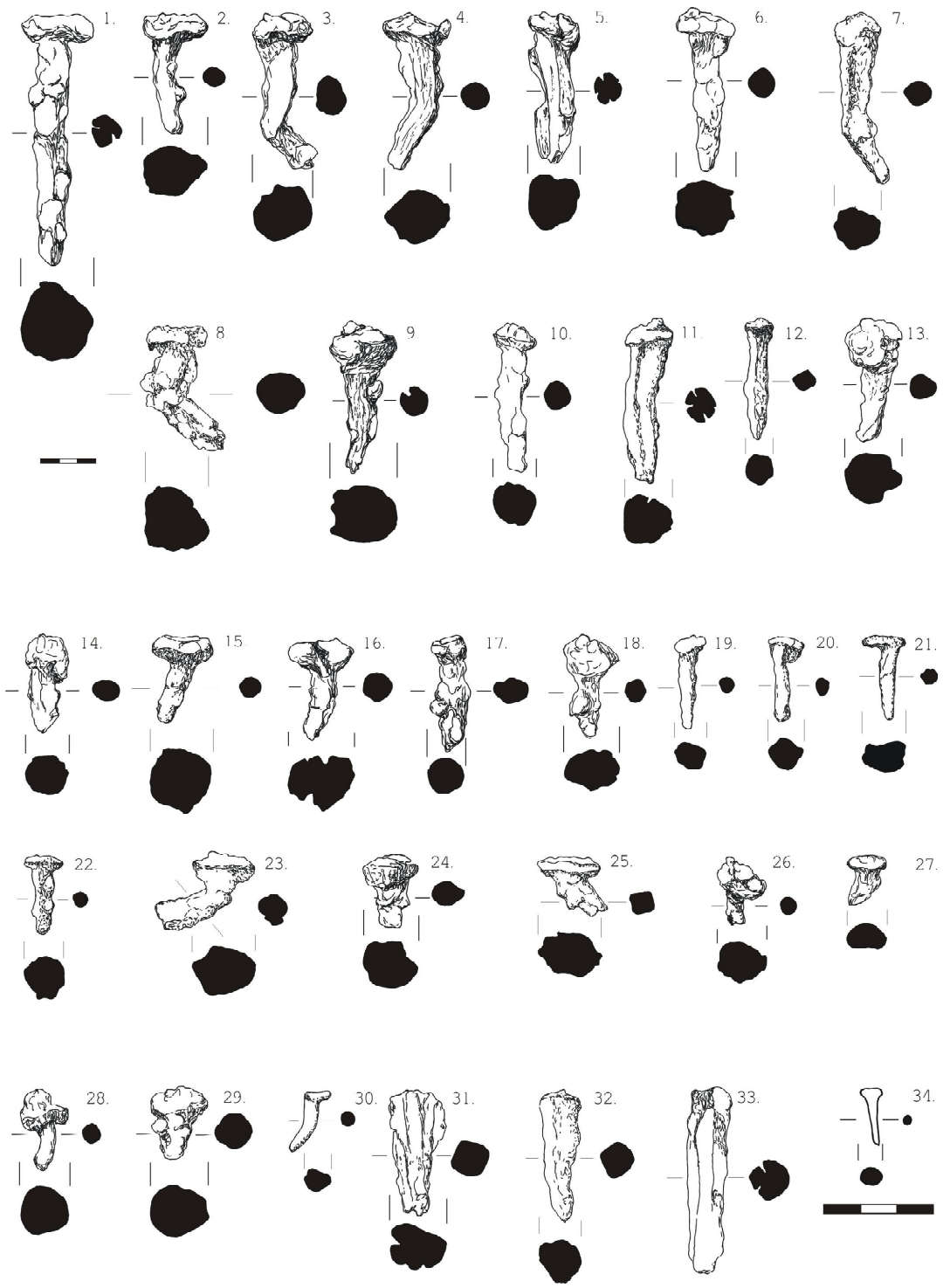
Rys. 5

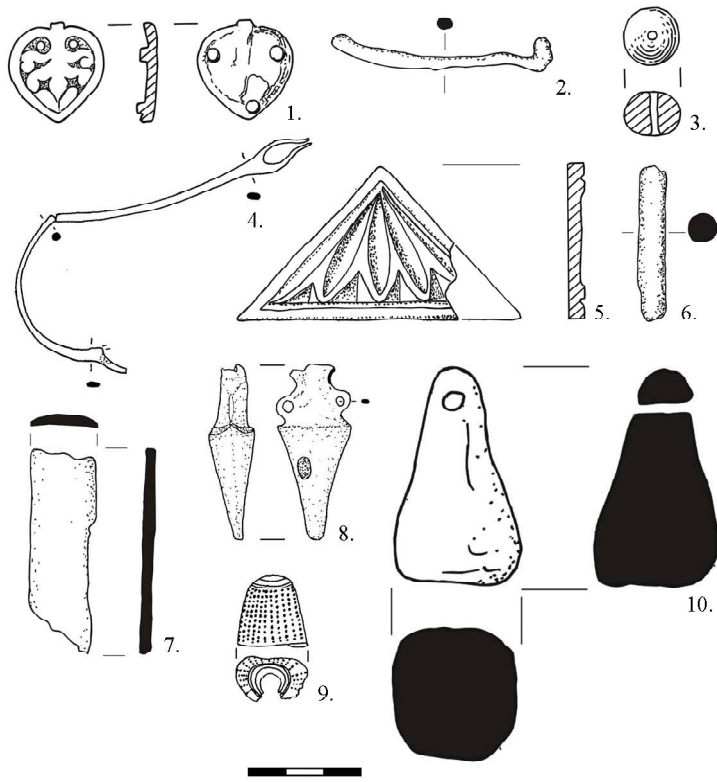
Rys. 6

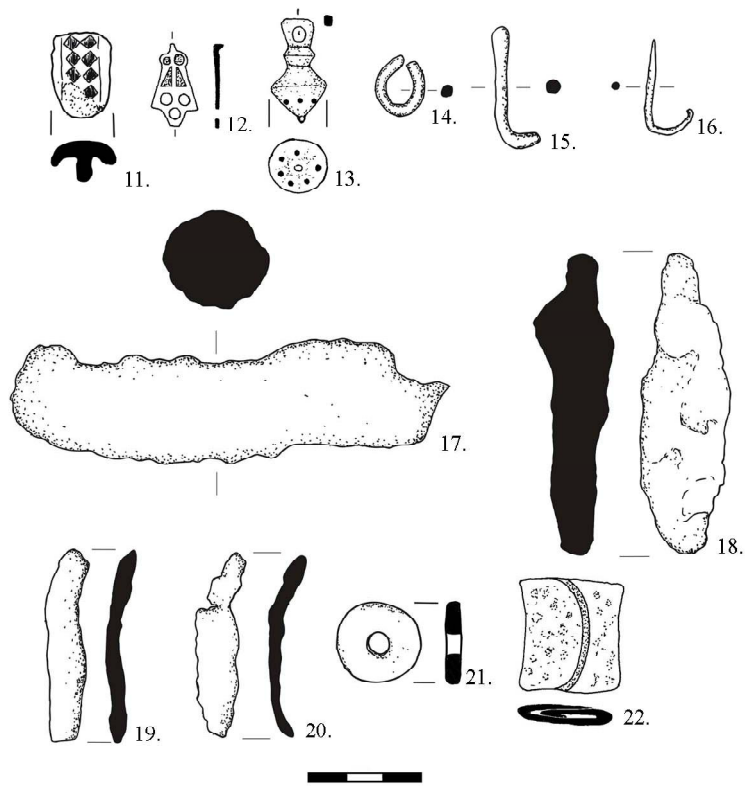
Rys. 7

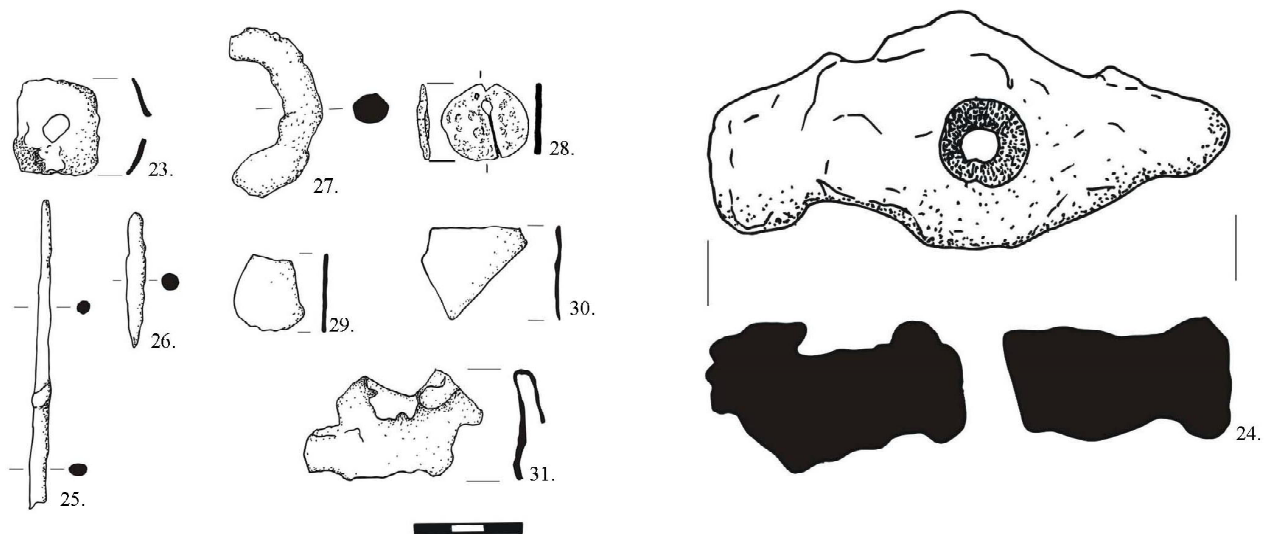
Rys. 8

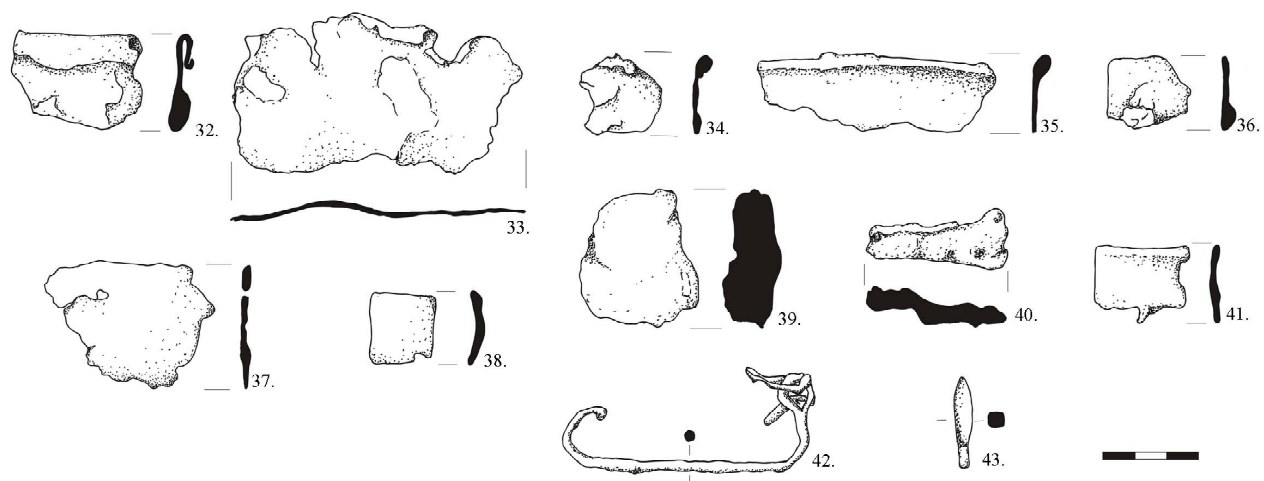
Rys. 9

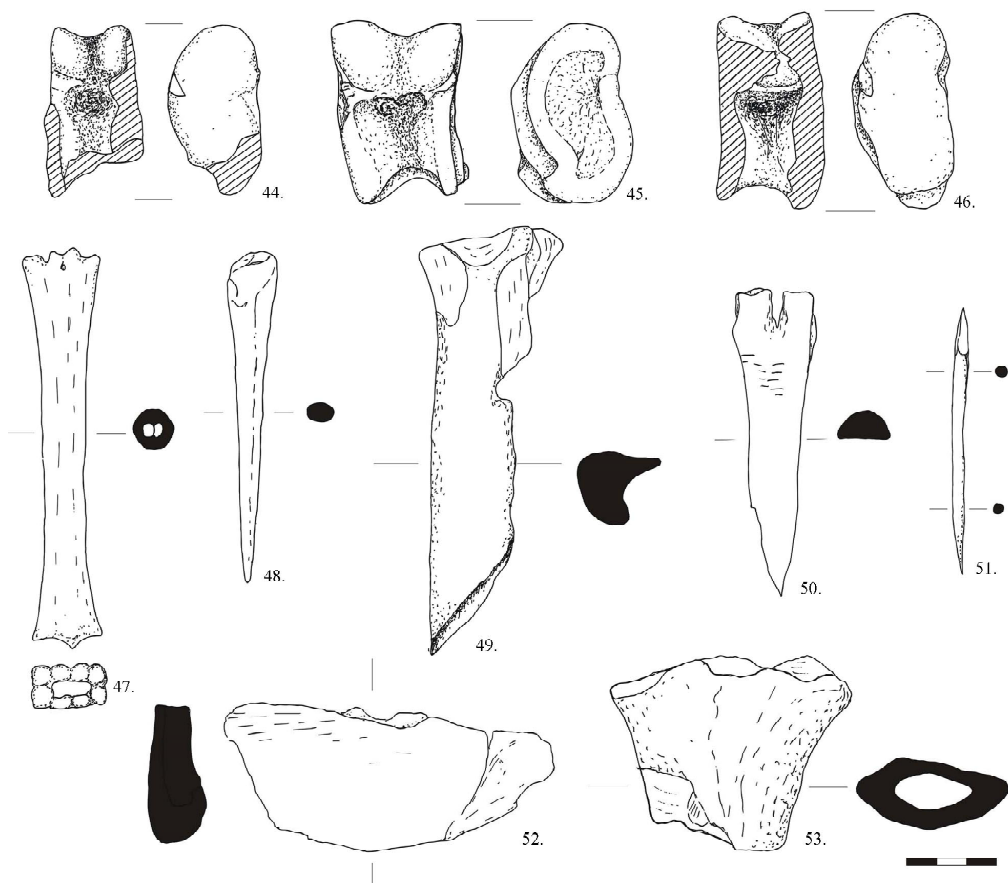
Rys. 10

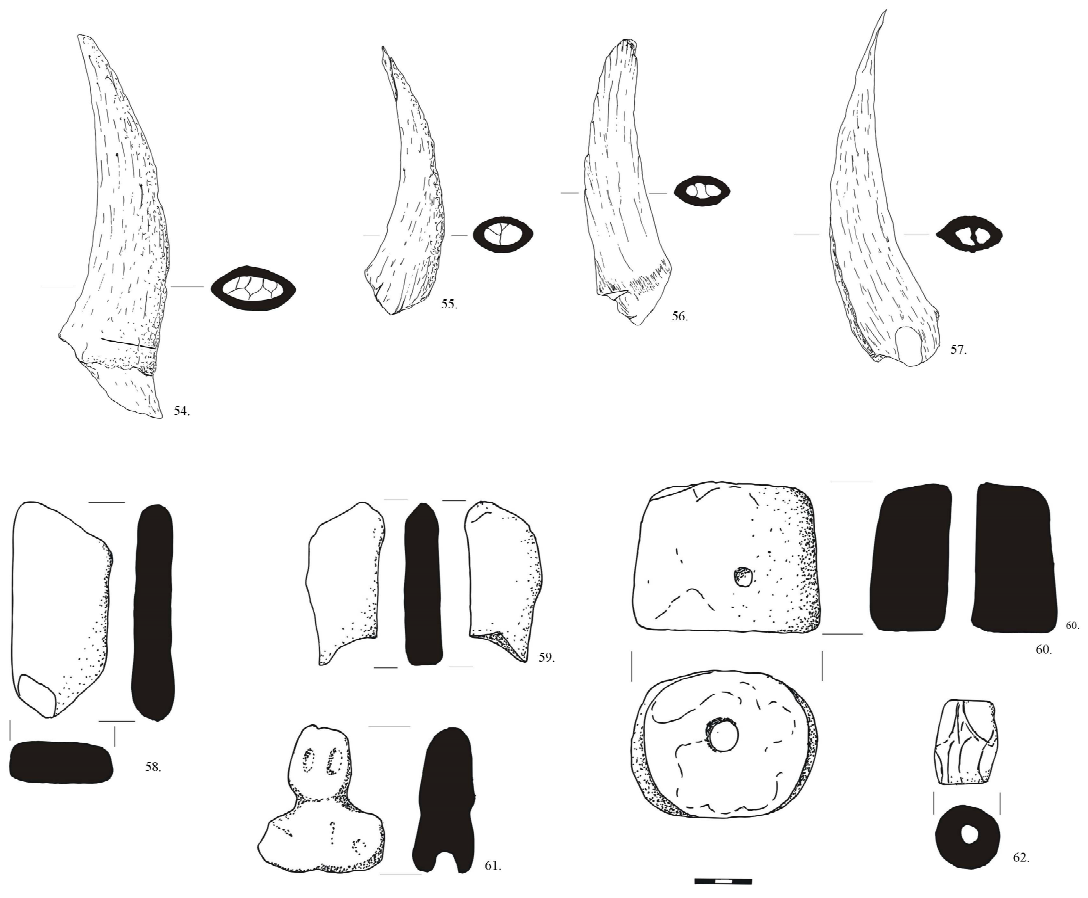
Rys. 11

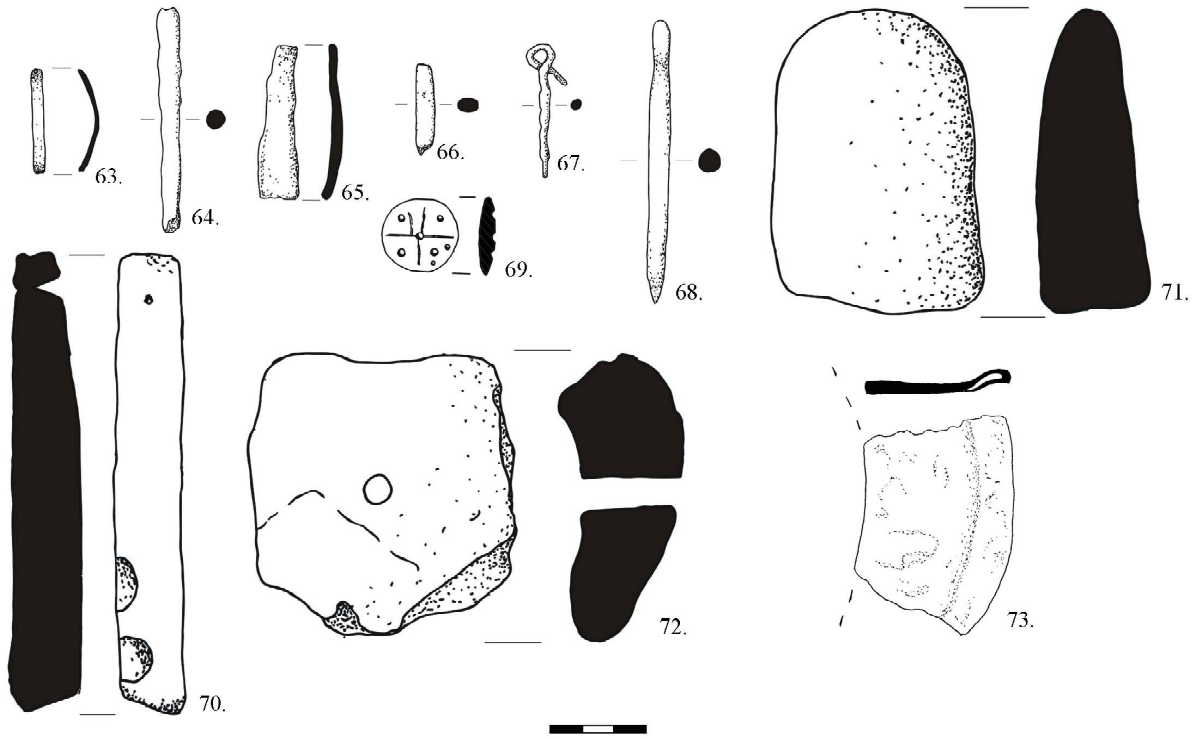
Rys. 12

Rys. 13

Rys. 14

Rys. 15

Rys 16

Rys. 17

ГЛАВА 8. ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

О.П. Журавлев

В 2004 г. мне представилась возможность определения остеологических материалов из раскопок 2002 года древнего города Херсонес*. Были определены кости животных из двух объектов: цистерны XI в., использовавшейся в это время в качестве тюрьмы, и объекта № 1 (хозяйственной ямы) конца XI – рубежа XII/XIII вв. Все эти материалы представляют собой типичные кухонные остатки, на что указывает раздробленность большинства костей и наличие на них зарубок, оставшихся в результате разделки туш. Перечень находок костей из цистерны приведен в Таблицах 1-5, из объекта № 1 – в Таблице 6.

Остеологические материалы из цистерны по просьбе археологов были разделены на два слоя: нижний (механические слои XII-XIV) и верхний (механические слои IV-XI), представленные соответственно в Таблице 1 и Таблицах 2 и 3. Однако, поскольку подбирались кости из разных слоев (например, из слоя VIII и слоя XIII), я принял решение объединить эти материалы (Таблицы 4 и 5). Правда, наблюдается некоторое различие в соотношениях между животными из верхнего и нижнего слоев (Таблица 7). Однако, по моему мнению, эти различия вызваны неравноценными выборками. Так, если из верхнего слоя получено около 800 костей, то из нижнего – почти в четыре раза меньше.

Распределение костей по частям скелета в остеологических материалах из цистерны (Таблицы 1-5) не показало каких-либо особенностей по сравнению с обычным распределением костных остатков из большинства древних поселений и городищ. Правда, следует отметить, что почти все пястные и плюсневые кости, особенно у быка домашнего, найдены целыми (Таблицы 8-10), тогда как на поселениях и городищах они в основном раздроблены для получения костного мозга. Обращает на себя внимание значительное количество целых или почти целых черепов собак и особенно кошек, а также нераздробленных костей конечностей этих животных (достаточно посмотреть на измерения костей в Таблицах 8-10). Это, может быть, является характерной особенностью данного объекта. Вряд ли узников этой тюрьмы хорошо кормили, как и узников большинства тюрем как в древности, так и сейчас. В средневековой Англии в тюрьмах у узников была разработана специальная методика приманивания собак и кошек для последующего съедания их. В других местах, видимо, было так же. Может быть, именно этим и следует объяснять такую необычную картину в костных остатках из цистерны.

Думаю, что из-за специфики данного объекта нет смысла проводить сравнения по числу особей для выяснения роли охоты в жизни населения, природной обстановки вокруг данного городища, а также особенностей животноводства, состава мясной пищи и прочего. Это все хорошо при работе с остеологическими материалами из культурных слоев поселений и городищ, где более или менее нивелируются факторы влияния на данные показатели отдельных лиц. Однако здесь явно выражено именно такое влияние, вызванное обстоятельствами: заключением в тюрьму. И состав мясной пищи полностью зависел от доброй воли тюремщиков да и от того, что заключенные могли сами себе добыть (например, собак и кошек).

Измерения костей животных из цистерны, а также из объекта № 1 и биометрическая обработка данных по существующей методике (Лакин 1973) приведены для цистерны в Таблицах 8-10, для объекта № 1 – в Таблице 13. Высота в холке и половой состав для быка домашнего рассчитывались по методике В. И. Цалкина (1960: 109-136). Высота в холке для овцы домашней рассчитывалась по методике В. И. Цалкина (1961: 115-132) и Д. Хаака (Haak 1965), для козы домашней – по методике З. Шрамма (Schramm 1967). Половой состав по метаподиям овцы домашней и козы домашней устанавливался по методике немецких ученых (Boessneck, Müller, Teichert 1964). Высота в холке у свиньи домашней рассчитывалась по коэффициентам М. Тайхерта (Teichert 1969). Высота в холке лошади домашней рассчитывалась по коэффициентам Кизевальтера (Громова 1949: 14). Отметим, что целая плюсневая кость лошади, найденная в цистерне, принадлежала малорослой по В. О. Витту (Витт 1952: 173-174) полутонконогой по А. Браунеру (Браунер 1916: 108) особи.

Что касается собак, то измерения черепов дали довольно пеструю картину (Таблица 11). Имеются черепа как породистых собак (череп с полной длиной в 202 мм), так и, видимо, обычных «дворняг» (большинство черепов). Интересна находка костей кривоногой собаки, впервые описанной И. Г. Пидопличко из античной Ольвии (1938: 113-116; 1940: 203-210). Видимо, эта порода собак была распространена и в Крыму и дожила минимум до средневековья. Поскольку размеры костей этой собаки отличаются от размеров костей остальных собак, в биометрическую обработку данных я их не включил. Привожу их отдельно (в мм):

* Искренне благодарю Е. Ю. Кленину и А. Б. Бернацки за предоставление этих материалов и возможность публикации результатов их исследования.

	Левая	Правая
Полная длина лопатки	71,5	
Ширина нижнего конца ее	13,5	
Большой диаметр суставной впадины ее	12,5	
Малый диаметр суставной впадины ее	9	
Полная длина плечевой	90	
Физиологическая длина ее	86,5	
Ширина верхнего конца ее	18,5	
Ширина диафиза ее	8	
Ширина нижнего конца ее	21,5	
Ширина блока ее	15	
Медиальная высота блока ее	12,5	
Наименьшая высота посередине блока ее	8	
Полная длина лучевой		79,5
Ширина верхнего конца ее		12,5
Поперечник верхнего конца ее		8
Ширина диафиза ее		8,5
Поперечник диафиза ее		4
Ширина нижнего конца ее		16
Поперечник нижнего конца ее		10,5
Полная длина локтевой		92
Расстояние от клювовидного отростка до верхнего конца бугра ее		20
Длина бугра ее		13
Ширина бугра ее		8,5
Поперечник на уровне клювовидного отростка ее		16
Полная длина таза	86	86
Полная ширина его	36,5	35
Длина подвздошной кости его	52	51,5
Длина седалищной кости его	29,5	29
Длина вертлужной впадины его	15,5	16,5
Ширина вертлужной впадины ее	13,5	15
Полная длина бедренной	95	94
Физиологическая длина ее	92,5	93
Ширина верхнего конца ее	24,5	24,5
Ширина диафиза ее	9	9
Ширина нижнего конца ее	20,5	20,5
Полная длина большой берцовой	90	87
Ширина верхнего конца ее	23	22
Ширина диафиза ее	8,5	8,5
Ширина нижнего конца ее	15	15,5
Поперечник нижнего конца ее	11,5	11,5

Размеры черепов кошек (Таблица 12) свидетельствуют об их значительных размерах и о том, что изменчивость у этих животных была меньшей, чем у собак (Таблица 11).

Интересна находка в цистерне костей кулана. Это свидетельствует о широком распространении этих степных животных в средневековом Крыму. При их незначительной численности вряд ли узников стали бы кормить мясом «диких животных». Отмечу, что зуб М³, найденный в верхних слоях и размеры которого приведены в Таблицах 9 и 10 в графе «Лошадь домашняя», мог также принадлежать кулану.

Что касается остеологических материалов из объекта № 1, то их количество не позволяет делать даже предварительные выводы. Минимальная выборка для таких выводов должна составлять не менее 500 костей (Журавлев 1990: 137-138), а здесь найдено немногим более 200. К тому же на состав находок в хозяйственных

или иных ямах может сильно влиять и человеческий фактор: привычки и вкусы живших рядом людей, которые могли отличаться от привычек и вкусов у большинства населения. Поэтому, не имея сравнительного материала из других ям и из культурного слоя, делать какие-либо выводы довольно рискованно. Например, в этой яме отсутствуют кости домашней лошади. Что это, случайность маленькой выборки или вкусы конкретных людей, игнорировавших конину?

И все-таки можно сказать, что по числу особей в остеологических материалах из этого объекта первое место принадлежало мелкому рогатому скоту при незначительном преобладании овец, второе место занимал крупный рогатый скот, за ним шла свинья (Таблицы 6 и 7). При этом у крупного рогатого скота в пищу шли в основном взрослые особи. Такое бывает обычно при молочном направлении скотоводства и

при использовании этих животных как тягловой силы в земледелии и транспортировке грузов. В то же время у мелкого рогатого скота и особенно у свиньи в пищу шли преимущественно молодые и полувзрослые особи. Однако это не вынужденный забой из-за нехватки кормов на зимний период, как можно подумать на первых порах. Как свидетельствуют находки (Таблица 6), костей от животных моложе одного года почти нет. Следовательно, животноводство располагало хорошей кормовой базой, позволявшей оставлять на зиму не только основное поголовье стада, но и подраставший молодняк.

Интересные результаты дало сравнение размеров и пропорций костей домашнего быка из цистерны

(Таблица 10) и объекта № 1 (Таблица 13). Достоверных различий между ними пока не обнаружено, о чем свидетельствуют данные, приведенные в Таблице 14. Выборки, правда, маленькие, и все же на данном этапе можно говорить о том, что как в XI в., так и в XII в. в Херсонесе были одни и те же породы крупного рогатого скота. К сожалению, по остальным домашним животным такие сравнения пока невозможны из-за небольшого количества их костей.

К сожалению, мне неизвестны публикации, где были бы приведены биометрические обработки данных по домашним животным из близких по времени и территории археологических памятников. Поэтому какие-либо сравнения с другими районами Крыма или прилегающих территорий по данным параметрам пока невозможны.

ГЛАВА 9. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

В.Ю. Радочин

В 2002 году при раскопках цистерны был получен незначительный антропологический материал. Материал отличался фрагментарностью и неудовлетворительной сохранностью. Во время работы были использованы традиционные методики обработки палеоантропологического материала. В исследовательской части приведена маркировка, обозначенная на упаковке с материалом. В виду фрагментарности материала измерительная часть отображена в основном тексте.

Цистерна 2002

Слой VIII

Cw NW

Получен фрагмент левой теменной кости детского черепа. Приблизительный возраст ребенка может быть определен в пределах 2,5 – 3 лет.

Цистерна 2002

Слой IX

Cw NW

Квадрат В3

Получены четыре фрагмента детского черепа. Один фрагмент затылочной кости с хорошо выраженным наружным рельефом. Два фрагмента правой теменной кости. Один фрагмент левой теменной кости. Все фрагменты принадлежат одному индивидууму. Возраст ребенка соотносится с 2,5 – 3 годами.

Цистерна 2002

Получены два фрагмента ребер, поясничный позвонок взрослого человека и фрагмент грудного позвонка ребенка, правая височная кость взрослого человека, фрагмент левой большеберцовой кости взрослого человека и три фрагмента малоберцовых костей.

Цистерна 2002

Объект 1. Квадрат В3

Слой V

Фрагмент правой височной кости. Кость умеренно массивная, развитие сосцевидного отростка 3 балла. Над ушным отверстием отмечены следы поротического гиперостоза. Предположительно кость принадлежала мужчине.

Цистерна 2002

Квадрат В3

Слой V

Фрагмент детского грудного позвонка. Ориентировочный возраст ребенка 3 года (1 – 17, 2 – 13).

Третий поясничный позвонок взрослого человека. Позвонок имеет деформацию по левому краю тела позвонка, с мощным напльвообразным наростом. Вероятно, данная патология - результат туберкулезного спондилита, с началом образования костного блока (1 - 29, 2 – 26, f – 30).

Цистерна 2002

Слой VIII SE

Два фрагмента правых ребер, второго и третьего (1 – 10, 2 – 7).

Цистерна 2002

Слой VIII SE

Фрагмент левой большеберцовой кости взрослого человека. Кость грацильная, с незначительно выраженным О-образным искривлением (8a - 30, 9a – 21, 10в – 68).

Цистерна 2002

Слой VII SE

Фрагмент правой малоберцовой кости взрослого человека. Кость грацильная, с хорошо выраженным рельефом (4a - 43, 2 – 13, 3 – 10).

Цистерна 2002

Слой VIII SE

Фрагмент левой малоберцовой кости взрослого человека. Кость грацильная с хорошо выраженным рельефом (4a – 43, 2 – 14, 3 – 11).

Цистерна 2002

Слой IX S

Фрагмент правой малоберцовой кости взрослого человека. Кость массивная с хорошо выраженным рельефом. В верхней трети и середине диафиза отмечены остеомиелитические изменения (4a – 40, 2 – 14, 3 – 13).

Фрагменты детского черепа из слоев VIII - IX NW засыпи цистерны соотносятся друг с другом и составляют фрагменты одного детского черепа, соотносящегося с возрастом 2,5 – 3 года.

Два фрагмента ребер из цистерны, слой VIII SE, являются вторым и третьим ребром правой стороны. Оба ребра принадлежат одному индивидууму.

Фрагмент большеберцовой кости из цистерны, слой VIII SE и два фрагмента малоберцовых костей из цистерны, слой VII SE и слой VIII SE, соотносятся с одним погребением.

Таким образом, мы имеем достоверно останки не менее 4 человек: одного ребенка в возрасте 2,2 - 3 лет и трех взрослых индивидуумов, один из которых предположительно мужчина.

Среди патологий на материале отмечены: поротический гиперостоз на височной кости, проявления туберкулезного спондилита на поясничном позвонке, О-образное искривление большеберцовой кости, проявления остеомиелита на малоберцовой кости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А.Б. Бернацки, Е.Ю. Кленина

В результате археологических работ в 2002 г. была открыта и исследована водосборная цистерна, а также небольшой участок прилегающей к ней территории. Все сооружения являлись частью жилого комплекса, расположенного в квартале VII, к северо-востоку от площади у собора св. Владимира. Особого внимания заслуживает резервуар для питьевой воды, которому посвящена настоящая публикация, уникальный во всех отношениях: по степени сохранности, наличию настенных граффити, обширной коллекции археологических находок (архитектурных деталей, керамики, монет, стеклянных браслетов и др.). Следует отметить, что обнаруженная цистерна находится во дворе большого *domus urbana*, который занимает северо-западную часть VII квартала античной и средневековой городской застройки. Она являлась, вероятно, центральным объектом этого дома. Возможно, в комплекс также входили открытые в 1861 г. термы к северо-востоку от нового собора. Резервуар был предназначен для снабжения питьевой водой жителей этого дома, а также для обеспечения технических нужд квартальной бани. К сожалению, более точную информацию об особенностях архитектуры домовладения нам получить не удалось из-за прекращения исследований в этом районе городища. Археологические работы были прекращены по не зависящим от нас причинам, несмотря на весьма интересные результаты, по настоянию руководства г. Севастополя и в связи с передачей православной церкви Московского патриархата территории вокруг реконструированного собора.

Радиоуглеродные исследования показали, что объект был сооружен не ранее IX в., а скорее всего, во второй половине IX в. В ходе изучения всего комплекса материалов, полученных во время раскопок, стратиграфии, а также особенностей архитектуры, удалось выделить несколько фаз существования этого гидротехнического сооружения:

I фаза (IX-X вв.) - цистерна для воды, являвшаяся элементом *domus urbana*. Существовало два этапа её использования: 1 – вода поступала через расположенную в центральной верхней части северо-восточной стены керамическую водопроводную трубу, которая была вмонтирована в стену во время строительства резервуара; 2 – вода поступала из двух водоводов, которые были сложены из калиптеров, служивших дном каналов, и каменных блоков, устроенных в северном и восточном углах цистерны;

II фаза (первая половина XI в.) – ликвидируются водоводы, что приводит к прекращению функционирования цистерны по прямому назначению. Она переоборудуется и существует далее

в качестве тюрьмы. В этой фазе выделено два этапа: 1 – дно цистерны используется в качестве полов, 2 – уровень полов повышается за счет уложенных на дно цистерны бутовых камней. В этой фазе появляются граффити на стенах;

III фаза (вторая половина XI в.) – поэтапная засыпь цистерны-тюрьмы;

IV фаза (конец XI - XII/XIII вв.) - строительство и использование подвала и хозяйственной ямы;

V фаза (XIII в.) – функционирование жилой застройки в квартале VII. Архитектурный план этого периода выявить не удалось из-за проведенного нивелирования поверхности площади под строительство собора, в результате чего верхние слои были сильно перемешаны. Во время археологического исследования было выявлено незначительное количество монет и керамики XIII в., однако основная масса материала из этих слоев датируется второй половиной IX – первой половиной X в.

Открытая цистерна в конструктивном отношении была уменьшенной копией монументальных гидротехнических сооружений, известных в Константинополе с VI в. Херсонесская цистерна, подобно ранневизантийским монументальным резервуарам Константинополя, была накрыта крестообразным сводом, опирающимся на гуртах и две сохранившиеся *in situ* колонны. Уникальная сохранность цистерны в Херсонесе дает возможность просчитать максимальный объем воды, который мог храниться внутри. Теоретические, математические подсчеты дают возможность утверждать, что максимальный объем воды составлял 85.30-86.00 кубических метров. Наличие деревянных балок, которые не могли находиться в воде, позволяет утверждать, что уровень зеркала воды в цистерне не мог превышать отметку 3,40 м, а, скорее всего, находился на отметке 3,00 м. В северном углу резервуара был устроен отстойник для крупно-фракционного осадка, помогавший во время проведения очистных работ. Непосредственно над ним, в своде скорее всего, находилось отверстие для забора воды.

После того, как цистерна прекратила функционировать по прямому назначению, вероятно, в связи с событиями конца X – начала XI в., которые привели к частичному разрушению системы водоснабжения византийского Херсонеса, сооружение было приспособлено под содержание в тюрьме нарушителей закона. Подтверждением датировки конца функционирования цистерны являются находки фрагментов амфор-кувшинов с плоскими ручками, обнаруженные в заполнении

отстойника. Во время использования резервуара в качестве тюрьмы заключенные создают уникальные граффити на стенах бывшей цистерны. Следует отметить, что преимущественно рисунки и надписи обнаружены на северо-западной и юго-западной стенах, а также в значительном количестве на северо-восточной стене. Наиболее логичным объяснением этому, на наш взгляд, является факт сохранности сводов цистерны и отверстия для забора воды в северном её углу. Вероятно, свет проникал исключительно через это отверстие внутрь цистерны-тюрьмы. Юго-восточная стена оставалась в таком случае в полной темноте.

Иконографический анализ граффити, датирующихся первой половиной XI в., позволяет предположить, что в тюрьме были заключены последовательно не менее двух групп людей, представлявших различные культуры и традиции. А. Бжустовска условно их назвала «морской» и «степной». В свою очередь, греческие надписи свидетельствуют о высоком уровне образования содержащихся в тюрьме людей. Сложно, между тем, утверждать, какая из групп находилась в заключении раньше, а какая её сменила. Поврежденные частично надписи и рисунки более поздними граффити могут свидетельствовать о взаимной неприязни людей из двух этих групп. Сложно достоверно определить, с какими политическими событиями в Херсонесе, известными по письменным источникам, связано появление граффити. Однако можно предположить, что во время восстания 1016 г., направленного против жестокой политики центральной византийской власти в отношении города, местная аристократия взяла под стражу представителей императора в Херсонесе. Это были, безусловно, представители имперского патрициата и, следовательно, образованные византийские чиновники. Восстание было жестоко подавлено в январе 1016 г., а бунтовщики были наказаны.

В качестве тюрьмы цистерна использовалась, вероятно, кратковременно. Во второй половине XI в. после того, как она перестала использоваться в таком качестве, начался процесс её заполнения. Следует подчеркнуть, что стратиграфия и расположение археологических находок в ней дают возможность утверждать, что, скорее всего, засыпь произошла в связи с разборкой и выравниванием территории квартала VII, датирующегося серединой IX – концом XI в., для его перепланировки. В слое на уровне каменного дренажа, использованного в качестве полов второго этапа функционирования «тюрьмы», обнаружены монеты последней четверти - конца XI в. (механические слои №№ 11-12), что дает возможность датировать начало процесса заполнения резервуара этим временем. Археологический материал из засыпи представляет значительную группу находок и

отличается, с одной стороны, разнообразием, а с другой – представляет собой в основном предметы домашнего обихода, происходившие из помещений вокруг цистерны. Все предметы попали в заполнение в качестве мусора после того, как вышли из употребления в связи с износом или каким-либо повреждением. При этом следует отметить, что часто фрагменты из различных механических слоев засыпи собирались в целый предмет, это же касается и костей животных. Наибольшим разнообразием форм и широкой хронологией отличались архитектурные детали и элементы, использованные, вероятно, вторично во время строительства жилых и хозяйственных построек. Основная масса монет в засыпи датируется серединой IX – концом XI в., однако встречаются позднеэллинистические и ранневизантийские. Среди керамического материала значительную часть составляли фрагменты импортных амфор и парадных столовых сосудов, свидетельствующих о высоком положении жителей квартала. Показательным в комплексе является также преобладание среди простой столовой и кухонной посуды изделий местных гончаров. Наиболее репрезентативной группой индивидуальных находок, безусловно, являются стеклянные браслеты. В засыпи цистерны обнаружены 68 их фрагментов и один целый спиралевидный браслет. Основная их масса датируется XI в. Обнаружена немногочисленная группа спиралевидных украшений, относящихся до сих пор специалистами к XII в. Благодаря нашим исследованиям появление в обиходе этой группы браслетов следует датировать последней четвертью XI в. Уникальным предметом, открытым в засыпи цистерны, является небольшая свинцовая ампула для святой воды или масла. Такие сосуды привозились пилигримами из путешествий по святым местам в Палестине, Сирии, Египте, Балканах и Иберии.

Общий план квартала XII-XIII вв. выявить не удалось. Сохранились лишь фундаменты, высотой 1,40 м, помещения 1-«подвала», размеры которого 1,85x1,60/1,80 м, устроенного в северном углу цистерны. При этом частично были использованы стены цистерны и филяр над северной колонной. В центральной части бывшей цистерны к юго-востоку от помещения 1 находилась хозяйственная яма, служившая для сжигания мусора. Керамический материал помещения 1 представлен значительным количеством красноглиняных монокромных поливных тарелок с орнаментом, выполненным в технике «сграффито», XII-XIII вв., а также фрагментами красноглиняных ангобированных амфор класса 52-53 (по Романчук и др. 1995).

Остается только сожалеть, что такой уникальный во всех отношениях археологический объект по объективным причинам не мог быть исследован в комплексе с другими постройками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

- Айналов Д.В. 1905 Развалины Херсонеса. *Памятники христианского Херсонеса*. (Москва). 1.
- Алексеев Н.А. 1996 Новые находки печатей представителей городского управления Херсона. *МАИЭТ* (Симферополь). 5: 155-170.
- Алексеев Н.А. 1997 Византийская знать Херсона в памятниках сфрагистики. *Тезисы докладов Международной конференции «Византия и Крым»*. (Симферополь): 10-13.
- Алексеев Н.А. 1997 К вопросу о денежном обращении и развитии торговых связей Херсонеса в XIII веке. *Херсонесский сборник*. (Севастополь). 8: 4-9.
- Алексеев Н.А. 1998 К вопросу о существовании службы нотариусов в Херсоне. *АДСВ*. (Екатеринбург). 29: 221-227.
- Алексеев Н.А. 2000 Херсонесская родовая знать X-XI вв. в памятниках сфрагистики. *МАИЭТ*. (Симферополь). 7: 256-266.
- Алексеев Н.А. 2004 Должность екатеринбургского Херсона в структуре византийской администрации Таврики. *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции*. (Киев-Судак). 2: 4-5.
- Алексеев Н.А. 2004а Коммерция и коммерция Херсона в IX-X вв. *Сфрагистика и история культуры*. (Санкт-Петербург): 92-102.
- Анохин В.А. 1968 Обзор монетного дела средневекового Херсонеса. *НиС*. (Киев). 3: 99-113.
- Анохин В.А. 1977 Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э.-XII в. н.э.). (Киев).
- Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. 1971 Средневековые амфоры Херсонеса. *АДСВ*. (Свердловск). 7.
- Архипова С.И. 2006 Пам'ятки декоративно-ужиткового мистецтва стародавнього Києва (за матеріалами розкопок 2001-2002 рр.). *Археологія*. (Київ). 1: 62-74.
- Баранов И.А. 1990 Таврика в эпоху раннего средневековья. (Киев).
- Белецкий С.Б. 1998 Наследование лично-родовых знаков князьями Рюриковичами в X-XI вв. *Труды VI Международного конгресса славянской археологии*. (Москва). 4: 195-205.
- Белов Г.Д. 1938 Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935/36 гг. (Симферополь).
- Белов Г.Д., Якобсон А.Л. 1953 Квартал XVII. *МИА* (Москва-Ленинград). 34: 109-159.
- Богданова Н.М. 1986 О времени взятия Херсона князем Владимиром. *ВВ* 47: 39-46.
- Богданова Н.М. 1991 Херсон в X-XV вв. проблемы истории византийского города. *Причерноморье в средние века*. (Москва). 1: 8-172.
- Божков А. 1972 Миниатюры от мадридского рукописи на Иоанн Скилица. (София).
- Браунер А. 1916 Материалы к познанию домашних лошадей России. 1. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губ. *Equus Goshkewitschi michi*. *Записки Императорского Общества Сельского Хозяйства Южной России*. (Одесса). 86/1: 49-184.
- Буйских А.В. 1996 Некоторые проблемы изучения дорического ордера в Херсонесе. *Херсонесский сборник*. (Севастополь). 7: 49-60.
- Буйских А.В. 2001 К изучению стилей в монументальной архитектуре Херсонеса Таврического первых веков н.э. *Херсонесский сборник*. (Севастополь). 11: 13-33.
- Булгаков В.В. 2001 Метки-дипинты византийских амфор XI в. *Морская торговля в Северном Причерноморье*. (Киев): 153-164.
- Василевский В.Г. 1909 Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу. *Труды*. (Санкт-Петербург). 2: 270-315.
- Василев Р. 1979 Источная крепостная стена в Плиска. *Плиска – Преслав*. (София). 1: 98-107.
- Васильев А.А. 1998 История Византийской империи II. (Санкт-Петербург).
- Византийский Херсон (каталог выставки) 1991. (Москва).
- Витт В.О. 1952 Лошади Пазырыкских курганов. *Советская археология* 20: 163-205.
- Всеобщая история Степ'аноса Таронского, Асох'ика по прозвищу – писателя XI столетия. 1864 (Москва).
- Вьлов В. 1982 Археологически проучивания в югозападная часть на укрепленото селище при Стърмен. *Разкопки и проучвания*. (София). 7: 70-113.
- Гавритухин И.О. 2002 Фибулы и ременные гарнитуры из цистерны П-1967 г. в Херсонесе. *МАИЭТ*. (Симферополь) 9: 217-229.
- Гилевич А.М. 1964 Новый клад херсонско-византийских монет. *ВВ* 24: 150-158.
- Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. 2003 Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса. *МАИЭТ*. (Симферополь). 10: 182-260.
- Гошев И. 1961 Старобългарски глаголически и кирилски надписи от IX и X в. (София).
- Гриневиц К.Э. 1930 Седьмой квартал внутри монастырской ограды, раскопанный Р.Х. Лепером в 1913 году. *Херсонесский сборник*. (Севастополь). 3: 131-139.
- Громова В. 1949 История лошадей (рода Equus) в Старом Свете. Часть 1. Обзор и описание форм. *Труды Палеонтологического института* 17/1.
- Даниленко В.Н. 1996 Белоглиняная поливная керамика Херсонеса. *МАИЭТ*. (Симферополь). 5: 135-145.
- Дашков С.Б. 1997 Императоры Византии. (Москва).
- Диакон Лев 1988 История / Пер. М.М. Копыленко. (Москва).
- Джанов А.В. 1998 Гончарные печи XIV-XV вв. на ремесленном посаде Сугдеи. *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тезисы*. (Симферополь): 82-89.
- Джанов А.В., Майко В.В. 1998 Византия и кочевники в Юго-Восточной Таврике в XI-XII вв. *Херсонесский сборник*. (Севастополь). 9: 160-181.

- Джингов Г. 1982 Археологически изследвания в западната част на укрепено селище при Стърмен. *Разкопки и проучвания*. (София). 7: 9-69.
- Добрев И., Попконстантинов К. 1985 Епиграфика старобългарска. *Кирило-Методиевска Енциклопедия*. (София): 662-666.
- Дончева-Петкова Л. 1979 Западна крепостна стена в Плиска. *Плиска-Преслав*. (София). 1: 81-97.
- Дончева-Петкова Л. 2005 Одрци. Некропол от XI век. (София). 2.
- Дюженко Т.В. 2001 Средневековые граффити и клейма из раскопок цитадели Херсонеса. *Морская торговля в Северном Причерноморье*. (Киев): 93-103.
- Журавлев О.П. 1991 Животноводство и охота у племен эпохи бронзы на территории Северного Причерноморья и Приазовья. *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.)*. (Киев): 137-138.
- Зайбт Н., Зайбт В. 1995 Печати стратигов византийской фемы Херсон. *АДСВ*. (Симферополь). 27: 91-97.
- Зеленко С.М. 2001 Кораблекрушения IX-XI вв. в Судакской бухте. *Морская торговля в Северном Причерноморье*. (Киев): 82-92.
- Золотарев М.И., Ушаков С.В. 1997 Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989-1990 гг.). *Херсонесский сборник*. (Севастополь). 8: 30-45.
- Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. 1998 Кладовая дома XIII в. в северо-восточном районе Херсонеса. *Херсонесский сборник*. (Севастополь). 9: 182-194.
- Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. 1998а Находки поливной посуды как датировочный термин в изучении построек византийского Херсона (по материалам раскопок ХСVI городского квартала). *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тезисы*. (Симферополь): 101-105.
- Зоценко В.М. 2001 Амфорна тара Киево-Подолу XII - початку XIII ст. *Морская торговля в Северном Причерноморье*. (Киев): 165-197.
- Ивашута Л.П. 1975 Неполновинная керамика позднесредневекового Херсона (по материалам раскопок портового квартала). *АДСВ*. (Свердловск). 11: 14-22.
- Каждан А.П. 1974 Социальный состав господствующего класса Византии XI-XII вв. (Москва).
- Колчин Б.А. 1956 Топография, стратиграфия и хронология неревского раскопа. *МИА* (Москва). 55: 44-137.
- Комнина Анна. 1965 Алексиада. (Москва).
- Косцюшко-Валюжинич К.К. 1893 Производство археологических раскопок. В Херсонесе. *ОАК за 1890 г.* (Санкт-Петербург): 30-40.
- Косцюшко-Валюжинич К.К. 1893 Раскопки в Таврической губернии. В Херсонесе. *ОАК за 1891 г.* (Санкт-Петербург): 2-20.
- Косцюшко-Валюжинич К.К. 1898 Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 год. *ОАК за 1896 г.* (Санкт-Петербург): 165-199.
- Кренке Н.А., Цепкин Е.А. 1991 Рыболовство на Москве-реке с V в. до н. э. по VII в.н.э. *СА*. (Москва). 1: 104-111.
- Кулаковский Ю.А. 1914 Прошлое Тавриды. (Киев).
- Лакин Г. Ф. 1973 Биометрия. (Москва).
- Латышев В.В. 1895 Этюды по византийской эпиграфике. *ВВ* 2: 184-188.
- Латышев В.В. 1896 Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. (Санкт-Петербург): 1-49.
- Латышев В.В. 1908 Эпиграфические новости из южной России (находки 1907 года). *ИАК* (Санкт-Петербург): 27: 15-35.
- Лепер Р.Х. 1918 Раскопки в Херсонесе. *ОАК за 1913-1915 годы*. (Петроград): 51-72.
- Лилчик В. 2002 Македонский камень за боговите, христијаните и за животот по животот: античка камена архитектонска пластика во Република Македонија. (Скопје).
- Литаврин Г.Г. 1960 Болгария и Византия. (Москва).
- Лихачева В. 1981 Искусство Византии IV – XV веков. (Ленинград).
- Лишев С. 1956 Към въпроса за неуспеха на въстанието в Македония през 1072. *ИП*. (София). 12 (1).
- Львова З.А. 1959 Стекланные браслеты и бусы из Саркел-Белой Вежи. *МИА*. (Москва). 75: 307-332.
- Мазуров А.Б., Цепкин Е.А. 2003 Рыболовный промысел в XII-XVIII вв. (по данным раскопок в Коломне). *СА*. (Москва). 4: 129-138.
- Майко В.В. 2001 К вопросу о хронологии некоторых типов византийских амфор Юго-Восточного Крыма. *Морская торговля в Северном Причерноморье*. (Киев): 118-122.
- Макарова Т.И. 1967 Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. *Свод археологических источников*. (Москва). Е1-38.
- Маркова Т.И. 1982 Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтеча в Керчи. *СА* (Москва). 4: 91-105.
- Макарова Т.И., Плетнева С.А. (ред) 2003 Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII века. (Москва).
- Милчев А. 1979 Материалы, открыты в занаятчийските и търговските помещения северно от южната порта на вътрешния град на Плиска. *Плиска-Преслав*. (София). 1: 139-176.
- Мурзакевич Н.Н. 1863 Херсонесская церковь св. Василия (Владимира). *ЗООИД*. (Одесса). 5: 996-997.
- Мыц В.Л. 1991 Укрепления Таврики X-XV вв. (Киев).
- Намойлик А.С. 2004 Граффити из раскопок Нимфея (1939-1991 гг.) в собрании Государственного Эрмитажа. *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре*. Материалы II Судакской международной конференции (12-16 сентября 2004 г.). (Киев-Судак): 86-94.
- Науменко В.Е. 1997 Византийская фема в Юго-Западной Таврике в IX-X вв. *Тезисы докладов Международной конференции «Византия и Крым»*. (Симферополь): 67-68.
- Науменко В.Е. 1997а Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике. *Древности 1996*. (Харьков): 23-30.

- Науменко В.Е. 2003 К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII-IX вв. (по данным *Notitiae episcopatum*). *АДСВ* (Екатеринбург). 34: 123-145.
- Нешева В. 1985 Металлообработване, ювелирство, предачество, шивачество, тъкачество и обушарство. Обработка на кост, дървообработване. Селско стопанство и риболов, Средновековният Червен. Цитаделата и градът. (София). 1: 166-215.
- Николајевић- Стојковић И. 1957 Рановизантиска архитектонска декоративна пластика у Македонији, Србији и Црној Гори. (Београд).
- Овчаров Д. 1982 Български средновековни рисунки-графити. (София).
- Овчаров Д. 1985 Графити. *Кирило-Методиевска Енциклопедия*. (София). 1: 536-538.
- Овчаров Д. 1989 Изобразително-композиционни проблеми на средновековни рисунки-графити. *Проблеми на прабългарската история и култура*. (София): 378-389.
- Орешников А.В. 1905 Херсоно-византиские монеты. (Москва).
- Паршина Е.А. 1974 Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.). *Феодалная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма*. (Киев): 56-94.
- Паршина Е.А. 1991 Торжище в Партенитах. *Византийская Таврика*. (Киев): 64-100.
- Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. 2001 Гончарные печи Таврики VIII-X вв. *Морская торговля в Северном Причерноморье*. (Киев): 52-81.
- Пидопличка И. Г. 1938 Фауна Ольвии (по раскопкам 1935-1937 гг.). *Природа* 11-12: 113-116.
- Пидопличка И. Г. 1940 Домашние и дикие животные Ольвии по находкам костей из раскопок 1935 и 1936 гг. (Предварительное сообщение). *Ольвия*. (Киев): 203-210.
- Плетнева С.А. 1959 Керамика Саркела – Белой Вежи. *МИА*. (Москва-Ленинград). 75: 212-272.
- Плетнева С.А. 2003 Об одном уникальном могильнике среднего Поднепровья. *МАИЭТ*. (Симферополь). 10: 307-321.
- Плетньов В., Павлова В. 2000 Раннесредновековни ремъчни приложения във варненския Археологически музей. *ИНМВ* (Варна). 45-46: 24-119.
- Плиска-Преслав 1985 (София).
- Повесть временных лет 1950 (Москва).
- Полное собрание русских летописей 1962 (Москва).
- Попконстантинов К., Костова К. 2002 Скрипторият в Равненския манастир: още веднъж за украсата на старобългарските ръкописи от IX-X в. В В. Гюзелев, А. Милтенова (ред.) *Средновековна християнска Европа: Изток и запад: ценности, традиции, общуване*. (София): 719-725.
- Романчук А.И. 1975 Слои VII-VIII вв. в Портовом районе Херсонеса. *АДСВ*. (Свердловск). 11: 3-13.
- Романчук А.И. 1975а Керамический комплекс XI-XII вв. из раскопок Портового района Херсонеса. *АДСВ*. (Свердловск). 12: 7-29.
- Романчук А.И. 1981 Торговля в Херсонесе в VII-XII вв. *Byzantinobulgarica* 7: 319-331.
- Романчук А.И. 1981а Изделия из кости в средневековом Херсоне. *АДСВ. Античный и средневековый город*. (Свердловск): 85-105.
- Романчук А.И. 1982 Материалы к истории Херсона XIV-XV вв. *АДСВ*. (Свердловск). 19: 89-115.
- Романчук А.И. 2000 Очерки истории и археологии византийского Херсона. (Екатеринбург).
- Романчук А.И. 2003 Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Портовый район. (Екатеринбург).
- Романчук А.И. 2004 Строительные материалы византийского Херсона. (Екатеринбург).
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. 1995 Амфоры из комплексов византийского Херсона. (Екатеринбург)
- Рыжов С.Г. 2001 Средневековые жилые кварталы X-XIII вв. в Северном районе Херсонеса. *МАИЭТ*. (Симферополь). 8: 290-311.
- Рыжов С.Г., Седикова Л.В. 1999 Комплексы X века из раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса. *Херсонесский сборник*. (Севастополь). 10: 312-329.
- Сазанов А.В. 1998 Хронология слоев средневековой Керчи. *Проблемы истории, филологии и культуры*. (Москва-Магнитогорск). 5: 50-87.
- Сазанов А.В. 2000 Комплекс византийской поливной керамики начала XI века из Херсонеса. *Проблемы истории, филологии, культуры*. (Москва-Магнитогорск). 9: 118-145.
- Сазанов А.В. 2001 Керамический комплекс начала XI века из Херсонеса (амфоры, пифосы и простая гончарная керамика). *БИАС*. (Симферополь). 2: 229-255.
- Сариа Б. 1933 Нови наласци у епископској цркви у Сшобима. *Гласник скопског Научног Друштва*. (Скопље). XII/б: 16-25.
- Седикова Л.В. 1993 Столовая посуда первой половины IX века из засыпи водохранилища в Херсонесе. *МАИЭТ*. (Симферополь). 3: 384-386.
- Седикова Л.В. 1995 Керамические печи IX века в Херсонесе. *МАИЭТ*. (Симферополь). 4: 434-440.
- Седикова Л.В. 1995а Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе. *Российская археология* 2: 170-177.
- Седикова Л.В. 1995б Керамический комплекс втор. пол. IX в. из цитадели в Херсонесе. *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*. (Симферополь): 123-123.
- Седикова Л.В. 1997 К вопросу о времени появления византийской поливной посуды в Херсонесе. *МАИЭТ*. (Симферополь). 6: 646-650.
- Седикова Л.В. 2004 Базилика на площади у нового собора. В А.Б. Бернацки, Е.Ю. Кленина, С.Г. Рыжов (ред.). *Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического*. (Познань): 83-84.
- Соколова И.В. 1968 Датировка некоторых монет Херсона. *НиС*. (Киев). 3: 86-98.
- Соколова И.В. 1971 Печати Георгия Цулы и события 1016 года в Херсоне. *ПС* (Ленинград). 23 (86): 68-74.
- Соколова И.В. 1980 Чин стратигов византийских фем в VIII - первой половине X в. по данным сфрагистики. *Българско средновековие. Българско-советски сборник в чест на 70-годишната на проф. И. Дуйчев*. (София): 137-141.

- Соколова И.В. 1983 Монеты и печати византийского Херсона. (Ленинград).
- Соколова И.В. 1991 Византийские печати VI - первой половины IX в. из Херсонеса. *ВВ* 52: 201-213.
- Сорокин С.С. 1959 Железные изделия Саркела-Белой Вежи. *МИА* (Москва-Ленинград). 75: 135-199.
- Сорокин П.Е. 1999 Строительная традиция Древней Руси. *Труды VI Международного конгресса славянской археологии*. (Москва). 5: 99-110.
- Сорочан С.Б. 2002 О положении церкви в Крыму в VIII-IX вв. *Церковная археология южной Руси*. (Симферополь): 121-128.
- Сорочан С.Б. 2003 Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления». *ВВ* 62: 21-46.
- Сорочан С.Б. 2005 Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. (Харьков).
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. 2000 Жизнь и гибель Херсонеса. (Харьков).
- Тесленко И.Б. 2001 Средневековые амфорные клейма из раскопок крепости Алустон. *Морская торговля в Северном Причерноморье*. (Киев): 123-129.
- Тотев Т. 1981 Прабългарски метални амулети от Преслав. *Плиска-Преслав*. (София). 2: 182-186.
- Тункина И.В. 2002 Русская наука о классических древностях юга России (XVIII - середина XIX в.). (Санкт-Петербург).
- Тур В.Г. 2003 Археологические разведки в Юго-Восточном Крыму. *МАИЭТ* (Симферополь). 10: 322-341.
- Украинский Советский Энциклопедический словарь 1989 (Киев). 3.
- Успенский Ф.И. 1898 Византийская табель о рангах. *ИРАИК* 3: 1-41 (отдельный оттиск).
- Уханова Е.В. 2000 Обретение мощей св. Климента, папы Римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. *ВВ* 59 (84): 116-128.
- Ферлуга Ј. 1964 Драч и Драчка област пред крај X и почетком XI века. *ЗРВИ* (Београд). 8 (2): 117-130.
- Флёрова В.Е. 1997 Граффити Хазарии. (Москва).
- Флёрова В.Е. 2001 Резная кость юго-востока Европы IX-XII веков: искусство и ремесло (Санкт-Петербург).
- Цалкин В.И. 1960 Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности. *Бюллетень Московского общества испытателей природы, отдел биологический* 65/1: 109-126.
- Цалкин В.И. 1961 Изменчивость метаподий у овец. *Бюллетень Московского общества испытателей природы, отдел биологический* 66/5: 115-132.
- Цукерман К. 1997 К вопросу о ранней истории фемы Херсона. *БИАС*. (Симферополь). 1: 312-323.
- Цукерман К. 1997а Венгры в Крыму. *Тезисы докладов Международной конференции «Византия и Крым»*. (Симферополь): 91.
- Цукерман К. 1998 Венгры в стране Леведия: новая держава на границах Византии и Хазарии около 836-889 гг. *МАИЭТ*. (Симферополь). 6: 663-688.
- Чангова Й. 1961 За стъклените гривни в средновековна България. *Исследвания в памет на Карел Шкорпил*. (София): 179-188.
- Чичуров И.С. 1980 Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора. (Москва).
- Шаповалов Г.И. 1997 Корабли веры. *Судоходство в духовной жизни древней Украины*. (Запорожье).
- Шахматов А.А. 1906 Корсунская легенда о крещении Владимира. (Санкт-Петербург).
- Щапова Ю.Л. 1956 Стекланные бусы древнего Новгорода. *МИА*. (Москва-Ленинград). 55: 164-179.
- Щапова Ю.Л. 1998 Византийское стекло. Очерки истории. (Москва).
- Щербак М.М. (ред.) 1994 Червона книга України. (Київ).
- Якобсон А.Л. 1950 Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.). *МИА*. (Москва-Ленинград). 17.
- Якобсон А.Л. 1959 Раннесредневековый Херсонес. *МИА*. (Москва-Ленинград). 63.
- Якобсон А.Л. 1979 Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. (Ленинград).
- Яшаева Т.Ю. 2005 Амбула св. Мины и карта херсонесских пилигримов. *Sacrum et Profanum*. (Севастополь). 1: 201-206.
- ***
- Alexeenko N., Romančuk A., Sokolova I. 1995 Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson. *SBS*. (Washington). 4: 139-152.
- Alekseenko N.A. 1996 On the Question of the Currency Circulation and the Development of Chersonese Trade Ties in the Thirteenth Century. In W. K. Hanak (ed.). *Acts 18th International Byzantine Congress*, Moscow, 1991. (Shepherdstown). 4: 239-244.
- Alekseenko N.A. in print Zabytki sfragistyki jako źródła do historii i kultury Cesarstwa Bizantyńskiego. (Poznań).
- Anne Comnène 1943 *Alexiade*./Trad. par B. Leib. (Paris). 2.
- Artur P. 1989 Aspects of Byzantine economy: an evaluation of the amphora evidence from Italy. *Recherches sur la céramique Byzantine*. (Paris): 79-93.
- Asgari N. 1992 Observations on Two Types of Quarry- Items from Proconnesus: Column-Shafts and Column-Bases. *Ancient Stones: Quarrying, Trade and Provenance*. (Leuven): 73-80.
- Attaliothae Michaelis 1853 *Historia*. (Bonnae).
- Awierincew S.S. 1991 Symbolika wczesnego średniowiecza. In M. Głowiński (red.) *Symbolie i symbolika*. (Warszawa): 184-185.
- Barnea I., Ștefănescu Ș. 1971 Bizantini, Romani și Bulgari la Dunarea de Jos. (București).
- Barnea I. 1995-1996 Despre două inscripții paleocreștine de la Callatis (Mangalia). *Pontica* 28-29: 183-186.
- Bjelajac L. 1989 Byzantine amphorae in the Serbian Danubian area in the XI-XIIth centuries. *Recherches sur la céramique Byzantine*. (Paris): 109-118.
- Boessneck J., Müller H.-H, Teichert M. 1964 Osteologische Unterscheidungsmerkmale zwischen Schaf (*Ovis aries* Linne) und Zige (*Capra hircus* Linne). *Kuhn-Archiv* 78/1-2: 5-125.
- Böttger B. 1982 Die Gefäßkeramik aus dem Kastell Iatrus. *Iatrus-Krivina II*. (Berlin).
- Bourgeois I. et al. 2000 Ancient Nomads of the Altai Mountains. *Belgian-Russian Multidisciplinary Archaeological Research on the Scytho-Siberian Cultur*. (Brussel).
- Can T. 1994 Turkey. Cradle of Civilization. (Istanbul).
- Cedreni Historiarum Compendium 1839. (Bonnae). II.
- Christides V. 2001 Reconstructing medieval Byzantine and Arab Ships. Remarks and Conclusions. *Byzantine and Arab Sailing Ships (7th-13th cent.)*. (Athens-Oinoussai).
- Cleer C. 2003 Conservation in the City and Chora of Chersonesos. *The study of Ancient Territories. Chersonesos and Metaponto*.

- (Austin): 9-24.
- Cnotliwy E. 1973 Rzemiosło rogownicze na Pomorzu wczesnośredniowiecznym. (Ossolineum).
- Constantine Porphyrogenitus 1967 *De administrando imperio*/Ed. Gy. Moravcsik, R.J.H. Jenkins (Washington).
- Corpus Juris civilis 1906 *Novellae Justiniani*/Ed. R. Schoell et G.I. Kroll. (Berolini). III.
- Cramp E. et al. 1980 *Handbook of the Birds of Europe the Middle East and North Africa. The Birds of the Western Palearctic. Hawks to Bustards* (Oxford). 2: 216-219, 225-227.
- Crimean Chersonesos: city, museum, and environs/Ed. by Glenn R. Mark, Joseph Coleman Carter 2003.
- Custarea G. 2000-2001 *Descoperiri arheologice și numismatice de pe raza localității Satu Nou (com. Oltina, jud. Constanța)*. *Pontica* 33-34: 584-585.
- Dagron G. 2000 *Crimée ambiguë (IVe - Xe siècles)*. *МАИЭТ (Симферополь)*. 7: 289-293.
- Deichmann F.W. 1994 *Archeologia chrześcijańska*. (Warszawa).
- Dölger F. 1924 *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches*. (München). 1.
- Duczko W. 2000 *Symbols of power in early Rus'*. In A. Buko i P. Urbańczyk (red.) *Archeologia w teorii i w praktyce*. (Warszawa): 486-489.
- Engemann J. 1993 *Pfau. Lexikon des Mittelalters*. (München-Zürich). 6.
- Ferens B. et al. (red.) 1967 *Klucze do oznaczania kręgowców Polski. Ptaki*. (Warszawa). 4A: 183-188.
- Ferluga J. 1976 *Byzantium on the Balkans: Studies on the Byzantine Administration and the Southern Slavs from the VIIth to the XIIth Centuries*. (Amsterdam).
- Filip J. 1969 *Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas*. (Prag). 2.
- Forstner D. 1990 *Świat symboliki chrześcijańskiej*. (Warszawa).
- Frolow A. 1956 *IC XC NIKA. Byzantinoslavica* 17: 98-113.
- Fulford M.G., Peacock D.P.S. 1984 *The avenue du President Habib Bourguiba, Salammbô: The pottery and other ceramic objects from the site*. (Sheffield).
- Gajewska H. 2003 *Skalne kaplice, galerie i groby z X/XI w. w Besarabii, Dobrudża*. In M. Dulnicz (red.) *Słowianie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu*. (Warszawa-Lublin): 189-195.
- Galavaris G. 1991 *Kreuz II. Reallexikon zur byzantinischen Kunst*. (Stuttgart). 5: 219-283.
- Gardthausen V. 1913 *Griechische Paläographie*. (Leipzig). 2.
- Gigilewicz E. 2004 *Krzyż, V. Encyklopedia katolicka*. (Lublin). 10: 30-34.
- Gilevich A. M. 1996 *Coin Hoards of Medieval Cherson*. In W. K. Hanak (ed.) *Acts 18th International Byzantine Congress, Moscow, 1991*. (Shepherdstown). 4: 245-251.
- Glykati-Ahweiler H. 1960 *Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe-XIe siècle*. (Athens-Paris).
- Golb N., Pritsak O. 1982 *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*. (Ithaca – London).
- Günsekin N. 1989 *Recherches sur les amphores Byzantines dans les musées turcs. Recherches sur la céramique Byzantine*. (Paris): 267-276.
- Haak D. 1965 *Metrische Untersuchungen an Röhrenknochen bei Deutschen Merinolandschaften und Heidschucken. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der veterinary-medizinischen Doktorwürde der Tierärztlichen Fakultät der Ludwig-Maximilians-Universität München*. (München-Karlsfeld).
- Hayes J.W. 1992 *Excavations at Saraçhane in Istanbul. The Pottery*. (Princeton) 2.
- Hellenische Poleis 1974 In E.Ch. Welskopf (Hrsg.) *Krise-Wandlung-Wirkung*. (Berlin). 4.
- Hunger H. 1965 *Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur*. (Graz-Wien-Köln): 74-96.
- Iwazkiewicz-Wronikowska B. 2004 *Krzyż, VI. Encyklopedia katolicka*. (Lublin). 10: 34-37.
- Jundziłł J. 1977 *Transport i handel morski w późnym cesarstwie rzymskim w świetle "Listów" Euzebiusza Hieronima (IV w.n.e.)*. *Nautologia* 12: 28-41.
- Jundziłł J. 1990 *Gubernator - realistyczne a symboliczne ujęcie problematyki morskiej u Ojców Kościoła*. *Vox Patrum* 19: 817-828.
- Kiersnowski R. 1988 *Moneta w kulturze wieków średnich*. (Warszawa).
- Kiourtzian G. 2000 *Recueil des inscriptions grecques chrétiennes des Cyclades de la fin du IIIe au VIIe siècle après J.-C.* (=Travaux et Memoires, Monographies 12). (Paris).
- Kobielus S. 2000 *Krzyż Chrystusa. Od znaku i figury do symbolu i metafory*. (Warszawa).
- Komosińska H., Podsiadło E. 2002 *Ssaki kopytne. Przewodnik*. (Warszawa): 258-259.
- Lajtar A. 1999 *Epigrafika. Vademecum historia starożytnej Grecji i Rzymu*. (Warszawa). 3: 364-416.
- Liudprands von Cremona. 1915 *Die Werke*/Hrsg. von J. Becker. (Hannover-Leipzig).
- Maneva E. 1992 *The Medieval jewellery of Macedonia*. (Skopje).
- Medeksza S. *Bazilika na placu przy soborze*. В А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клемина, С.Г. Рыжов (ред.). *Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического*. (Познань): 171-174.
- Meyvaert P., Devos P. 1955 *Trois énigmes cyrillo-méthodiennes de la «Légende Italique» résolues grâce à un document inédit*. *AB* 73.
- Nagrodzka-Majchrzyk T. 1975 *Chazarowie*. In K. Dąbrowski, T. Nagrodzka-Majchrzyk, E. Tryjarski. *Hunowie europejscy, Protobułgarzy, Chazarowie, Pieczengowie*. (Wrocław): 454-456.
- Nesbitt J., Oikonomides N. 1991 *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*. (Washington). 1.
- Nicholas I. *Patriarch of Constantinople 1973 Letters*/Ed., trans. by R. Jenkins, L. Westerink. (Washington).
- Nikolic-Porđević S. 2000 *Nalazi antičke keramike sa prostora konaka Kneginje Ljubice. Singidunum*. (Belgrade). 3: 221-237.
- Oikonomides N. 1972 *Les listes préséance byzantines des IX et XI siècle*. (Paris).
- Papasima T., Georgescu V. 1993 *Însemnări pe marginea sgraffiti - lor din mormântul elenistic de la Mangalia*. *Pontica* 27: 223-228.
- Papasima T., Chera C. 1999 *Sgraffiti feudale timpurii la Aliman (jud. Constanța)*. *Pontica* 32: 289-296.
- Pletnjowa S.A. 1978 *Die Chasaren. Mittelalterliches Reich an Don und Wolga*. (Leipzig).
- Poulter A.G., Falkner R.K., Shepherd J.D. 1999 *Nicopolis ad Istrum: a Roman to Early Byzantine city. The pottery and glass*. (London).
- Restle M. 1991 *Kreuz, Kruzifix. Lexikon des Mittelalters*. (München-Zürich). 5: 1490-1497.

- Robinson H.S. 1959 The Athenian Agora. Pottery of the Roman Period. Chronology. (Princeton – New Jersey). 5.
- Romančuk A.I. 1993 Das mittelalterliche Cherson und die Barbaren. *Byzantinoslavica* 54: 58-64.
- Schlumberger G. 1922 Rélicts de Byzance et des croisades. (Paris).
- Schramm Z. 1967 Kości długie a wysokości w kłębie u kozy. *Roczniki Wyższej Szkoły Rolniczej w Poznaniu*. (Poznań). 36: 89-105.
- Scylitzae Joannis. 1973 Synopsis Historiarum/Ed. I. Thurn. *CFHB* (Berolini).
- Seibt W. 2000 Probleme der staatsrechtliche Stellung Chersons im 7. Und 8 Jh. *МАИЭТ*. (Симферополь). 7: 302-309.
- Ševčenko I. 1984 The Madrid Manuscript of the Chronicle of Skylitzes in the Light of its new Dating. In I. Hutter (Hrsg.) *Byzanz und der Westen. Studien zur Kunst des europäischen Mittelalters*. (Wien): 117-130.
- Sielecki F., Suszko H. 1987 Powieść minionych lat. (Warszawa).
- Skrzyniarz S. 2004 Krzyż. *Encyklopedia Katolicka*. (Lublin). 10: 44-45.
- Sokolov V.E. 1974 Saiga tatarica. *Mammalian Species* 38: 1-4.
- Teichert M. 1969 Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Widerristhoehen bei vor- und frühgeschichtlichen Schweinen. *Kuhn-Archiv* 83/3.
- Theophanes Continuatus 1838. Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus/E rec. I. Bekkeri. (Bonnae).
- Toynbee A. 1973 Constantine Porphyrogenitus and His World. (London).
- Tschelengirov A. 1978 Die Kunst des christlichen Mittelalters in Bulgarien 4. bis 18. Jahrhundert. (Berlin).
- Zonarae Ioannis 1897 Epitomae historiarum libri XVIII. (Bonnae). III (50).
- Zukermann C. 1997 On the problem of the early history of Byzantine Thema in Cherson. *BMGS* 21: 213-222.
- Walter Ch. 1992 Sztuka i obrządek kościoła bizantyńskiego/Przet. K. Malcharek. (Warszawa).

СПИСОК АРХИВНЫХ ДЕЛ НЗХТ

- Дело № 89а. Лепер Р.Х. Дневник раскопок 1913 г.
- Дело № 101/3. Лепер Р.Х. Раскопки 1908 г.
- Дело № 2709. Кругликова И.Т. Отчет о раскопках VII квартала Херсонеса за 1986 год.
- Дело № 2778. Кругликова И.Т., Сазанов А.В. Отчет о раскопках VII квартала в Херсонесе за 1987 год.
- Дело № 2865. Сазанов А.В. Отчет о раскопках в VII квартале Херсонеса за 1988 год.
- Дело № 2946. Сазанов А.В. Отчет о раскопках в VII и III квартале Херсонеса за 1988 год.
- Дело № 3079. Золотарев М.И. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса (квартал ХСVI).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	Античная Древность и Средние Века
БИАС	Бахчисарайский историко-археологический сборник
ВВ	Византийский временник
ЗООИД	Записки Одесского Общества истории и древностей
ЗРВИ	Зборник Радова Византолошки институт
ИП	Исторически Преглед
ИАК	Известия Императорской Археологической Комиссии
ИРАИК	Известия Русского Археологического Института в Константинополе
к.б.н.	кандидат биологических наук
к.и.н.	кандидат исторических наук
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НАНУ	Национальная академия наук Украины
НЗХТ	Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
НиС	Нумизматика и сфрагистика
ОАК	Отчет Археологической комиссии
ПС	Палестинский сборник
п/о	Полевая опись
УАМ	Университет им. А. Мицкевича
АВ	Analecta Bollandiana
BMGS	Byzantine and Modern Greek Studies
CFHB	Corpus fontium historiae Byzantinae
SBS	Studies in Byzantine Sigillography

The water cistern of the dwelling house in the quarter VII (IX-XI centuries)

Summary

INTRODUCTION

A.B. Biernacki, E.Klenina

Between August and October of 2002, our research-and-scientific team of the Ukrainian-Polish project “The Topography of the Roman and Early-Byzantine Chersonesus Taurica,” carried out under the long-term agreement between the National Reserve “Chersonesus Taurica” of Sevastopol and the Adam Mickiewicz University of Poznań, had the good fortune to discover and explore a unique product of the ancient technology: a water cistern, which was a part of a dwelling house in Quarter VII, located north-east of the court of the cathedral of St. Vladimir.

This section of the ancient city of Chersonesus had been studied for a long time, although without much success. In 1827 K. Kruze discovered a temple from the Byzantine times on the plot of land where the cathedral of St. Vladimir was subsequently built. In 1861, prior to the beginning of the construction of the cathedral, the archimandrite Father Eugene had an archaeological study conducted. As a result, further Byzantine temples and dwelling houses were discovered.

In 1890–1891, during the final stages of the construction of the cathedral, the Imperial Archaeological Commission ordered archaeological excavation down to the depth of the bedrock in locations where it was still feasible.

Upon the conclusion of the construction of the cathedral, it became impossible to conduct archaeological research in the court of the new cathedral. Instead, archaeologists focused their attention on the north-eastern part of Quarter VII. This was studied by R. Leper in 1913. After a long period of suspension, the excavation work in the quarter was undertaken again in 1986 by I. Kruglikova and A. Sazanov, who discovered a complex of dwelling houses and a three-apsed Byzantine church with a cruciform dome in the north-eastern part of Quarter VII.

In 1998–2001, under the first Ukrainian-Polish research-and-scientific project “The Early-Byzantine Sacred Architecture of Chersonesus Taurica,” historiographical data from the archives were studied, architectural details stored at that time in the court of the cathedral were cataloged, and a report of the characteristics of the design and the new architectural measurements of basilica No. 28 was drawn up.

In 2001, in the course of the demolition of the old garage of the Museum and the laying of a new sewerage line leading to the cathedral, the walls of a structure were discovered, bound with high-quality brick-powder hydraulic mortar. Subsequent investigation under our new project “The Topography of the Roman and Early-Byzantine Chersonesus Taurica” established that the structure was a cistern in an excellent condition of preservation. Water cisterns of this type occur very rarely on the entire coast of the Black Sea outside Constantinople (the capital of the Byzantine Empire). Byzantine architects constructed in Chersonesus a diminished copy of the famous cisterns “1001 Columns” and “Sunken Palace”. The peculiarities of the design of the reservoir of Chersonesus and the results of radiocarbon tests demonstrated that the structure had been built not earlier than in the 9th cent. The most unexpected and pleasant surprise awaited us close to the bottom of the tank, where the walls were covered with numerous graffito images of mammals, birds and fish, solar and sacred symbols, and Greek inscriptions.

In May 2003, all the interested parties jointly decided that further exploration would be conducted in August of the same year and that the Polish party would develop a project of the safeguarding of the cistern. It was agreed in advance that only the most inoffensive, reversible and non-damaging techniques of research would be used. Prof. J. Rozpędowski developed the design of a light roofing structure leaning on four supports, to be erected over the cistern in order to shield it from rainwater. Wooden screens were to be placed at a distance of 0.10 m from the walls with the graffiti, and the space between these was to be filled with dry river sand. This was to provide temporary safeguarding of the structure until the time when Professor Rozpędowski had developed a complete design of the architectural restoration of the cistern and its vicinity and obtained the financial means for its implementation. The completion of the design was scheduled for August 2003. Unfortunately, in June of that year, without notifying the members of the Ukrainian-Polish team who were investigating the structure, the Ukrainian-American expedition headed by Dr. L. Sėdikova, the General Director of the National Reserve in Charge of Scientific Restoration, and Prof. J. Carter of the Institute of Classical Archaeology of the University of Texas, USA, began the so-called “safeguarding” of the cistern. A complete account of the latter operation has been published by K. Cleer, its direct executor (Cleer 2003: 19–21). This development has deprived specialists of all possibility of discussing the purpose, function and design of this device of ancient technology. Furthermore, a color picture of a graffito of a rider appeared without any permission from the managers of the Ukrainian-Polish project in the guidebook published in the USA by the Institute of Classical Archaeology of the University of Texas with the participation of the research workers of the National Reserve “Chersonesus Taurica” (*Crimean Chersonesos: City, Museum, and Environs* 2003: 37). May the readers judge themselves this occurrence, which is a flagrant violation of the copyright held by the discoverers of the ancient structure, not to mention the customary moral standards of scholars.

Another would-be “investigator” of the results of our exploration work was Prof. S. Soročan of the V.N. Karazin

National University of Kharkiv. In his monograph *The Byzantine Chersonesus: Historical and Cultural Essays* (2005: 904–907), the present authors are surprised to find much new and curious information about the cistern which they discovered with the rest of their team in 2002. Professor Soročan devotes almost four illustrated pages to the cistern, although a half of this text consists of quotations from other scholars and local newspapers (e.g. *Slava Sevastopolja*). Let us emphasize that Professor Soročan did not participate in the excavation work or consult any projects, and has not obtained an official authorization to use the archive material of our expedition kept at the National Reserve and at the Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine. We cannot understand this hasty decision, unworthy of a prominent scholar. From the very beginning of the passage in question, it is evident how carelessly the archaeological sources are described and that measurement data are misquoted. Thus, according to S. Soročan's monograph, the cistern has a square horizontal projection and the dimensions of 5.5 x 5.5 m; in fact it is a slightly irregular rectangle of the lengths of the sides of 6.10–5.90 x 5.40 m, and of a depth of less than 6.30 m. Why should the reader be misled at the very beginning of the text? Later, five-meter columns (!) are mentioned for an unknown reason, and it is postulated that the cistern was cut in rock and faced with stone on the inside. During the excavation work, we were not able to settle the issue of the technique of the construction of the cistern, since the inside surfaces of the walls were covered with a dense layer of hydraulic mortar, although excavation conducted on the outside established that a double wall reaching down to the bedrock defined the shape of the cistern. Why should the columns have been made of marble-like limestone (Сорочан 2005: 905) if spectroscopic analysis demonstrated that the material was marble from Proconnesus? Furthermore, the distinguished Professor's dating of the cistern is entirely unsubstantiated. On what basis does he date the structure to the 6th–7th cent. if radiocarbon tests determined that it originates from the 9th? N. Aleksějko, who investigated the numismatic material from the cistern, established that the latest coins found in the filling date to the reign of Basil II (Сорочан 2005: 906).

Among all the inaccuracies and evident instances of distortion of facts, particularly striking is the claim that the cistern, which we investigated in 2002, was discovered as early as by K. Kruze in 1827. As evidence, the author quotes from Verbovskij's report of Nov. 22, 1827 (Сорочан 2005: 907): The Engineer Lieutenant Colonel described a basin and referred to a plan where the structure was marked with the letter G. Unfortunately, we read in I. Tunkina that the plan is now extinct and accordingly it is impossible to identify the location of the basin described by Verbovskij. Let us, however, quote the size of the basin directly from the report: "The basin is a fathom [1 sažen'] square [4.55 sq. m]" (Тункина 2002: 510). Thus, the quotation clearly proves that only a small basin, of the horizontal area of 4.55 sq. m, was discovered in 1827, while the horizontal area of the cistern at the cathedral, even measured from the inside, is app. 32 sq. m. S. Soročan finds a simple explanation for this: "the overall dimensions of the structure [*the basin discovered in 1827*—A.B.B., E.K.] were apparently quoted based on the internal size, and were somehow underestimated." So military engineers made a mistake of some 27.5 sq. m in their calculations! Moreover, Professor Soročan absolutely disregards the arrangement of the stratigraphical layers and the material from the filling of the cistern, which testify that the stratigraphy has not been disturbed, as well as the results of the radiocarbon tests, which provide the same conclusion (cf. Part II, Chapter II). Further distortion of facts is the claim that it was on purpose that K. Kosciuszko-Valjužinič did not mention the cistern in his report of 1891, as the latter "did not consider it necessary to distinguish this structure, apparently failing to appreciate its particular archaeological context" (Сорочан 2005: 907). We wish to defend the reputation of the great investigator of Chersonesus and the reliability of his descriptions. After all, in his times the entire area north-east of the new cathedral was littered with leftover construction material and taken up by makeshift sheds, and workshops had been standing for a long time at the site of the cistern (Косцюшко-Валюжинич 1893а: 3–4).

We fear that the impossibility of further research in Quarter VII may bring about more false claims made by certain scholars with respect to so-called Anna's palace. We can only regret that the project of the complete exploration and safeguarding of the quarter, including the cistern and the three-apsed temple located north of it, has not been implemented due to the assumption of the use of the cathedral by the Moscow Patriarchate of the Orthodox Church. At present, the entire area north-east of the cathedral of St. Vladimir is covered with earth and fenced in, and the quarter has now been divided into two parts. We are sorry to conclude that the admirably preserved ancient structure which constitutes the subject matter of the present monograph, has been removed from its historical and architectural context. As before, we can only make conjectures about the complex of buildings to which the cistern belonged, and about its characteristics.

Nevertheless, we believe that the unique nature of the cistern, its highly interesting design and architecture, the abundant and variegated corpus of graffiti and the rich collection of associated movable items warrant our decision, made on behalf of all the members of the Ukrainian-Polish interdisciplinary research-and-scientific team, to publish the present monograph.

Translated by Przemysław Znaniński

CHAPTER 1. AN OVERVIEW OF THE ADMINISTRATIVE-AND-POLITICAL HISTORY OF THE BYZANTINE CHERSONESUS

N.A. Alekseyenko

Analyses of data from archaeological sources and testimonies of Byzantine chroniclers of the 9th to 11th century presents Cherson as a typical provincial Byzantine city and show that over the entire period when the military-administrative district “theme” existed here (mid-9th to the 2nd half of the 11th century) the activities of the local administration were under constant control of the state power and were rearranged according to whatever changes occurred in the situation in the region.

Theme administration in Byzantine Taurica started to form during the reign of Emperor Theophilus (829-842), when the theme of Climata was organized in Crimea.

At the same time after the creation of the theme, Cherson, which probably became its part, preserved its status as archontate. The local archon concentrated in his hands full power, primarily in the questions of war and peace. However, the main issues of livelihood of the local community were in all probability still supervised by the city council, which apparently included the archon himself as a local noble.

The transformation of the theme of Climata into the theme of Cherson, which probably took place already by the early 850s, entailed, as it seems, not the actual abolishment of the position of the local archon, but just the re-naming or change of the local governor’s rank to that of strategos. Cherson became the main center of the theme, where the headquarters of the district governor was located.

The earliest strategoi of Cherson belonged to the class of imperial spatharioi, although already in the first half of the 10th century a certain elevation of their rank to imperial protospatharioi can be observed, whereas in the second half of that century they were promoted to imperial protospatharioi epi tou Chrysotriklinou. In the late 10th – mid-11th century at least two of them, Michael Chersonites and Leo Aliates, already belong to officials of the highest rank – patricians.

Under the supervision of the strategos there were traditional provincial officials dealing with civil, economic and judicial affairs, such as ek prosopou, kommerkiarios or notary. At the same time local municipal officials – pater poleos, proteuon and ekdikos – were still active in the city.

Instances of conflict with the imperial authorities (1016, 1066) did not apparently have dire negative consequences for the situation of Cherson. The city over the entire theme period is not only engaged in active trade exchange in the local market, but entertains trade connections with its traditional partners in the South Black Sea region, in the Balkans and the Mediterranean.

The ambition to maintain by any means control over the northern regions made the Byzantine government look for new ways to solve the old problem (the traditional striving of Cherson for a certain independence in managing the city’s economy), which manifested itself in changes to the personnel management policies in governing the province and in bestowing of high court ranks upon representatives of the local administration as well as in preservation up to the 11th century of certain elements of municipal administration (the revival of the institute of city curators).

Thus Byzantium implemented the necessary compromise way of solving the problem, underlining its rights to the territory under its rule and at the same time indicating importance of the local nobility of Cherson, where the leading role was undoubtedly played by representatives of the city patricians known from written sources and epigraphic and sigillographic sources, such as strategos Michael Chersonites, proteuon Calokeiros, members of Tsula family and other aristocrats of Cherson, who controlled city administration.

Translated by D.E. Afinogenov

CHAPTER 2. ARCHITECTURE, STRUCTURES AND STRATIGRAPHY

Section 1. The Architecture and Design of the Cistern

A.B. Biernacki

The water cistern has turned out to be unique in the context of both the city of Chersonesus Taurica itself and of other ancient cities on the Black Sea. The tank, mostly cut in rock, has the shape of a somehow irregular rectangle of the dimensions of 6.10–5.90 x 5.40 m, narrowing downward (5.05 x 5.40 m), with a shallow concavity in the middle of the bottom. In the north-eastern section of the bottom, there is an oval hollow of the dimensions of 1.20 x 1.16 m and the maximum depth of 0.30 m. It was a sediment trap for coarse-grained impurities collecting in water at the bottom, particularly useful for the periodical cleaning of the tank. The maximum depth of the cistern was app. 6 m. Its walls, of a thickness of between 0.40 and 0.60 m, were made of stone blocks of a standardized size bound with hydraulic mortar and additionally strengthened in the ceiling from the outside by a wall of clay-bound stones. The wall faces and the bottom were covered with two layers of special hydraulic mortar 0.10–0.12 m thick. It must be emphasized that at the moment of the discovery, the mortar in the lower sections of the walls, and especially on the floor of the cistern, was not damaged or broken. By observing the accumulation of rainwater in the cistern, it may be concluded that there are no cracks in the

floor, and that it had remained entirely watertight until the time of the discovery.

The cistern was covered with a cross vault with supporting traverse arches, consisting of six sections and sustained by two columns preserved *in situ*, of the height of 4.10 m. The bases and capitals of both columns, untypical for the building practice of Chersonesus, were recycled architectural details, among them two bases and a marble post from an altar partition. The preserved monolithic marble shafts of these “double” columns have the respective heights of 3.48 m and 3.49 m and diameters of 0.62 x 0.44 m and 0.65 x 0.43 m. The bases of the columns were made rather crudely. Both bases were assembled from recycled architectural elements and details. The southern one consists of a simple impost patched up with hydraulic mortar. The base of the northern column was assembled from a marble post of an altar partition or from a railing separating the nave from an aisle, and an Attic base, patched up with hydraulic mortar. The capital of the preserved northern column consists of a recycled inverted marble Attic base. This solution must have been applied because an abacus of the length of the side of 0.645 m was needed to support the base of a traverse arch. In this case, the plinth of an inverted Attic base provided the abacus. Apparently, at the time of the construction of the cistern there was no available capital in Chersonesus of the length of the side of the abacus amounting to at least 0.645 m. The architectural details of which the bases of the columns are made, are sunk at least to a half of their thickness in the layer of hydraulic mortar constituting the floor of the cistern. The structure of the cross vault with supporting traverse arches has not been preserved. There are only two bases of traverse arches on columns (one remaining *in situ*) and five on the walls of the cistern: two *bases of bay traverse arches* each on the eastern and the western wall, and one on the southern one. The traverse arches begin at heights of 4.75 (on the western wall), 4.96 (on the southern wall) and 4.70 m (on the eastern wall) above the bottom of the cistern. In the south-eastern corner of the cistern at the height of 5.25 m and in the north-western one at the height of 5.32 m, *bases of lengthwise traverse arches* have been preserved. In the face of the eastern section of the southern wall of the cistern, a *quasi-elliptical arch* is extant, of the span of 2.44 m and the rise of 1.02 m. The width of its *base* is 0.15 m. The bay arches, placed along the axis “West–East,” had the spans of 2.40 m (the eastern one) and 2.25 m (the western one), while their rises apparently amounted to app. 1.00 m. The probable span of the arch between the columns was app. 1.45 m. On the northern column, a rectangular masonry superstructure is preserved *in situ*; this is a pillar of sorts with traces of the bases of the traverse arches, with the base width of 0.80 m (along the axis “North–South”) and 0.86 m (along the axis “West–East”), extant up to a height of 0.88 m. Made of brick and stone bound with lime mortar, it allows a fairly reliable reconstruction of the entire six-section vault ceiling. The widths of the *bases* of the bay arches are respectively 0.70 m and 0.68 m on the eastern wall, 0.70 m and 0.66 m on the western wall, and 0.56 m on the southern wall.

Directly on the marble capital of the northern column, four horizontal wooden beams were placed in a cruciform pattern, whose other ends were inserted into special rectangular sockets in the walls of the cistern. The dimensions of the sockets evidence that the beams were between app. 1.80 m and app. 2.75 m long and 0.12–0.18 m thick. The beams connected the columns with the walls of the cistern, and one of them joined the capitals of the two columns. Based on the locations of the beam sockets, it may be inferred that the beams ran at the height of 3.80–3.86 m above the bottom of the cistern. The ends of the beams laid on the capital of the column, which has been preserved *in situ*, were secured by a monolithic block of stone of the size of 0.80 x 0.66 x 0.34 m.

The finding of the wooden joining beams, which could not have been submerged in water, suggests that the depth of the water in the cistern could not have been more than 3.40 m, and probably usually amounted to some 3.00 m. The wooden joining beams apparently made it possible for men to move inside the cistern during the periodical removal of biological impurities from the surface of the water.

In the preserved upper part of the eastern wall of the cistern, there are remnants of three water-supply ducts, which provided water to the cistern. This design requires a further detailed study.

The remaining part of the northernmost duct consists only of a lengthwise depression along the axis “West–East,” uncovered along a length of 1.10 m. Its width is 0.22 m, and its depth 0.10 m.

Another water-supply duct has been identified in the same wall, 0.43 m from the south-eastern corner of the cistern. It has been unearthed at a length of 2.40 m along the axis “North–West–South–East.” The width of its stone interior is 0.14 m, and its depth, 0.10 m. The duct was covered with rectangular stone slabs of the sizes of 0.80 x 0.28 m and 0.64 x 0.36 m. At its western end, in the substructure of the wall of the cistern, a plug made of lime mortar has been found. Apparently it was placed there when the duct ceased to be used for its intended purpose. A canal running along the axis “North–South” immediately east of eastern wall of the building housing the cistern, joined the duct with the *medzuch*, a footpath app. 2.50 m wide, on which drainage, water-supply and sewerage devices were located. The *medzuch* ran along the boundary between building plots on the axis “North–South,” in the middle of the residential Quarter VII.

On the distance of 2.34 m north of the south-eastern corner of the cistern, the third water-supply duct is extant in the wall. A fragment of a clay pipe is preserved *in situ* at this place, of the diameter of 0.16 m and the thickness of the wall of 0.25 m. The pipe was set in a base of a traverse arch in such a way that its opening was exactly at the base of a lengthwise arch. This made it possible to fill the cistern with water without the danger of flooding the upper parts of the walls.

It needs to be established yet in what chronological order the water-supply ducts were constructed. Apparently the latest one is the duct ending in the clay pipe.

Another matter is the vicinity of the cistern and its relation to the spatial complex of utility interiors in this section of Quarter VII of Chersonesus. Studies conducted so far have ascertained that the cistern was apparently located in an open peristylar court. East of the cistern, a row of carefully cut rectangular monolithic stone blocks 5.70 m long has been

discovered. The arrangement of the blocks may suggest the stylobate of the eastern colonnade of the peristylar court. Directly east of this structure, the remnants of a wall have been encountered, running along the axis “North–South” and made of rough-hewn stones bound with clay. The wall, 0.90–0.95 m wide, has been unearthed at a length of 7.25 m. It divides the court with the cistern from the *medzuch* (footpath).

The conclusions of J. Rozpędowski and the present writer, based on spatial and architectural studies of the entire Quarter VII and on data from previous descriptions and plans of the ancient buildings in this part of the city, warrant the following hypothesis on the general nature of the structure in question: The cistern is located in the court of a large *domus urbana*, occupying the north-western section of Quarter VII of the Ancient and Medieval city. Further archaeological exploration is required for a complete study of the structure. Lamentably, S. Ryzhov, the head of the Division of Architecture and Restoration of the Reserve, in June 2003 decided without consulting the other members of the research-and-scientific team to fill the cistern with earth, allegedly in order to “safeguard” it, and to stop archaeological and surveying work in Quarter VII.

Translated by Przemysław Znaniecki

Section 1. The Stratigraphy

J. Bednarczyk

The area of the excavation work was divided into squares of the side length of 5 m, oriented North–South and West–East and numbered A1–A5, B1–B5 and C1–C5. The reference point is located at the height of 14.81 m asl, on the eastern wall of the cathedral of St. Vladimir.

The first stage of the work consisted in leveling the surface of the area. The excavation was conducted in the following mechanical layers, beginning with the height of 13.00–12.80 m asl (Figs. 6, 8, 11):

- layer 1 (12.80–12.60 m asl)
in squares A3, B4 and B5, and partly A2, A3, A4, A5, C4 and C5 (an area of 175 sq. m)
- layer 2 (12.60–12.50 m asl)
inside the walls (app. 100 sq. m)
- layer 3 (12.50–11.50 m asl)
inside the cistern, and the area of the sounding of the south-western and south-eastern sections
- layer 4 (11.50–11.25 m asl)
in the cistern; studies of the north-western, north-eastern, south-western and south-eastern sections, and the principal cross-section along the axis “East–West”
- layer 5 (11.25–11.00 m asl)
- layer 6 (11.00–10.50 m asl)
- layer 7 (10.50–10.00 m asl)
- layer 8 (10.00–9.50 m asl)
- layer 9 (9.50–9.00 m asl)
- layer 10 (9.00–8.50 m asl)
- layer 11 (8.50–8.00 m asl)
- layer 12 (8.00–7.50 m asl)
- layer 13 (7.50–7.00 m asl)
- layer 14 (7.00–6.50 m asl)

The archaeological excavation uncovered the remnants of a dwelling house (*domus urbana*) with a water cistern in an excellent condition of preservation, as well as the following additional structures:

- Interior 1: a cellar
- Structure 1: a utility pit

Besides, the work revealed fragments of wall of the building complex to which the cistern belonged.

The stratigraphy of the interior of the cistern is fairly complicated and varies from one part to another. The principal cross-section along the axis “East–West” provides only a fragmentary illustration of its filling. In the course of the field work, some forty sublayers were distinguished, each with its own content, composition, color and thickness. The preliminary study of the results arranged them in the order which is described below (layers 1–8), corresponding to the stratigraphical phases.

Interior 1: The Cellar

The cellar, located in the north-eastern corner of the cistern, which was partly destroyed by the inspection shaft of the garage of the Museum, had a trapezoidal floor projection of the dimensions of 1,85 x 1.60–1.80 m. A pillar above the northern column of the cistern constituted a corner of the cellar. The walls of the cellar, erected on a foundation of small pebbles, were 0.60–0.80 m thick and consisted of three rows of medium-sized stones without binding mortar. On the outside, the walls were additionally strengthened by a layer of stones of the width of 0.40–0.50 m.

The Utility Pit

The utility pit was located in the middle of the interior of the cistern, on the level of the upper layers of the filling of the cistern (mechanical layers 4–5, depth 11.60–11.50 m asl). Its horizontal projection had an irregular shape resembling an oval of the dimensions of app. 3.20 x 2.10–2.30 m.

Translated by Przemysław Znaniński

Section 1. The Cistern in Quarter VII J. Rozpędowski

The cistern for drinking water in Chersonesus Taurica is located in a quarter whose shorter side touches the main street of the city, running from the east to the west (Fig. 5). For the purposes of archaeological investigation, the quarter has been marked with the number VII. Quarter IX, which adjoins it on the west, was probably the site of the former agora, over which the cathedral was built in the years 1861–1888 above an old church by the marketplace (Fig. 6).

A preliminary investigation of the quarter established that it apparently had been divided into three parts, with the boundaries running perpendicular to its longitudinal axis, and that originally it might have consisted of six building plots. Obviously, these are merely interim conclusions, and such is also that about the location of the agora on the axis of the main street in the eastern part of the city and immediately on the sea, rather than under the court of the cathedral, as it was previously thought. A study of the buildings in Quarter VII suggests that it was divided into halves, with the boundary parallel to the main street. Along the boundary, the *medzuch* might have run—a narrow footpath or gutter on which water-supply and sewerage devices were located. The cistern was discovered in the north-western part of the Quarter, adjoining the *medzuch*.

The horizontal projection of the top of the cistern is almost square, of the dimensions of 5.40 x 6.10 m. A portion of the cistern was cut in limestone, down to a depth of app. 6 m. Since the walls slightly converge downward, the dimensions of the bottom are 5.05 x 5.40 m. Inside the cistern, two supports (“columns”) were placed, dividing its interior into two rectangular aisles. Each aisle was covered with three bays of a cross vault with supporting traverse arches, of which fragments of bases (eight out of the total ten) and the outline of squinches at the walls, 15 cm wide, have remained. Furthermore, a rectangular superstructure is extant above the capital of one of the supports (columns); this is a pillar of sorts, of the dimensions of 80 x 80 cm and 88 cm high, with traces of the bases of the traverse arches, which allows a fairly reliable reconstruction of the entire six-section vault ceiling. At the height of 4.10 m, or at the level of the abaci of the capitals of the supports, there are openings (12 x 18 cm) which constituted sockets for wooden wall ties running between the “columns” and the walls in a cruciform pattern to reinforce the ceiling. A total of six sockets have been preserved on the axes of the traverse arches in the four walls, and another four, which held the intersecting ties, in the base of the pillar above the “column.” In the bottom of the cistern, in the outermost north-eastern bay, there is a basin-shaped hollow 30 cm deep and of the diameter of 120 cm, which apparently constituted a sediment trap used for the periodical cleaning of the tank. Perpendicular above it, there must have been an opening which made it possible to draw water. Water was supplied by an opening in the eastern wall of the cistern, roughly in the middle of the height of the ceiling.

By means of the placing of slender pillars above the capitals of the columns and of the elevating of the vaults some 2 m over the level of the capitals, additional space was provided above the columned area of the floor. A well-known instance of this design is the interior of the 12th-century church of St. John the Baptist in Kerch (Kerč) (incidentally, there are various datings of the latter church, and most recent archaeological studies have established that it was built in the Middle Byzantine period, or in the 10th–11th cent).

While the architectural design of the cistern is most remarkable, of equal interest are the graffiti covering the walls of the cistern up to a height of app. 1.80 m. These originate from the 11th cent., when the cistern was used as a jail.

In our view, the graffiti must be safeguarded and exhibited, for which purpose we have suggested the erection of a pavilion over the remnants of the cistern. According to our proposition, the bottom part of the cistern, up to the level of the wall ties, will be covered to preserve a proper microclimate inside it. In the upper part, a section of the vault will be reconstructed to illustrate its shape and design, and a floor will be laid on the wooden wall ties to accommodate a collection of the architectural details discovered in the debris inside the cistern. Copies of the graffiti from the plaster on plastic film will be displayed in glass cases on the walls of the pavilion. The simple design of the pavilion, with a tiled hip roof, will harmonize with the environment of the cathedral; the pavilion will be erected in the court of the temple, which has already been fenced in and features similar structures housing exhibitions of Early-Byzantine churches (Fig. 10). The appearance and design of the pavilion may allude to the modern campanile which stands in the south-western corner of the court. Lamentably, pursuant to a completely unjustified decision which was not consulted with the Polish members of the research-and-scientific team, the cistern has been filled with earth, allegedly in order to be “safeguarded.”

Translated by Przemysław Znaniński

CHAPTER 3. Stone Details and Architectural Elements, and Objects of Daily Use

A. B. Biernacki

The cistern was covered with a cross vault with supporting traverse arches, consisting of six sections and sustained by two columns preserved *in situ*, of the height of 4.10 m. The preserved monolithic marble shafts of these “double” columns have the respective heights of 3.48 m and 3.49 m and diameters of 0.62 x 0.44 m and 0.65 x 0.43 m. The characteristic shape of the column shafts resembles the columns placed in double or triple window openings, popular in the early-Christian churches of Chersonesus. Nevertheless, it must be remembered that the entirely preserved specimens of such columns, displayed in the collections of Chersonesus, have heights of only between 1.375 m and 1.637 m. Thus, the shafts of the columns discovered in the cistern are much higher than any other similar items encountered previously in Chersonesus. Column shafts of a similar size were found in Konuh (Tranupara?) in Macedonia, where the extramural rotunda church, dated to mid-6th cent., features double attached columns in its central part with shafts of the height of 2.15 m (Лилчиќ 2002: 571, 575–577). While they are considerably lower than those in the cistern, their discovery confirms that columns of such design were used to support the vaults of early-Christian churches. The substantial height of the columns in the cistern suggests that they came from a large and architecturally intricate temple or public edifice.

The bases of the two columns in the cistern were made rather crudely, and assembled from recycled architectural elements and details. The southern one consists of a simple impost patched up with hydraulic mortar. The northern column, preserved *in situ*, is of particular interest. Its base was assembled from a marble post of an altar partition and an Attic base, patched up with hydraulic mortar. The discovered fragment of the post of an altar partition is the first architectural detail in Chersonesus with the knob in the shape of a regular hemisphere. Posts of a similar form are known from the Episcopal basilica of Stobi. The latter may date to the first half of the 6th cent. (Nikolajević-Stojković 1957: 27, 59, Fig. 144), although according to B. Saria and B. Lilčik, most posts encountered in that temple come from railings separating the nave from the aisles, and originate from the late 5th and early 6th cent. (Сариа 1933: 17; Лилчиќ 2002: 833). The post from the cistern dates to the first half of the 6th cent.

The capital of the preserved northern column consists of a recycled inverted marble Attic base. Based on its typological characteristics, it may be roughly dated to the 2nd–6th cent. A.D. (Буйских 2001: 15–16, Fig. 2.1).

Among the architectural details and elements encountered during the exploration, of particular interest is a fragment of a limestone Doric capital (catalog No. P 266/02 CH) with a preserved section of a fluted column shaft. This item may date as far back as to the last quarter of the 4th cent. B.C. (Буйских 1996: 51–52).

Further remarkable architectural details are a fragment of a carefully executed limestone impost with a Latin cross, probably a part of a narrow pillar or buttress (catalog No. P 406/02 CH) and a fragment of a simple impost (catalog No. P 420/02 CH), apparently deriving from a pilaster. Both items probably come from the 6th cent.

The base under the column (catalog No. P 273/02 CH) was a semi-finished product prepared for transportation, made of marble based on late-Roman designs. Apparently it was originally intended as a component of a ciborium at an early-Christian church or a baptistry. In N. Asgari’s opinion, such bases were manufactured in workshops in the area of Proconnesos to be sold to the end users, and were executed only up to the third stage of the manufacturing, in varieties A and B (Asgari 1992: 75, 78), because they had to undergo subsequent sea and land transportation, during which they could be easily damaged.

The discovered architectural elements and details originate from an extensive period, from the Hellenistic (the fragment of a Doric capital) to the early-Byzantine (the post and the panels of an altar partition) and the Medieval times, and many of them were recycled. This is particularly conspicuous in the case of the two columns in the cistern. Besides, it must be emphasized that most architectural elements and details found in the layers of the filling of the cistern have been damaged to a varying degree. Most likely, they were dumped inside the cistern as garbage when they ceased to be used in their original functions due to wear or damage. This fact may also explain the wide variety of the encountered items.

Translated by Przemysław Znaniecki

CHAPTER 4. An attempt to read the iconography of the cistern

A. Brzóstkowska

The chapter analyzes graffiti-style drawings and inscriptions from the tenth and eleventh centuries discovered on the walls of the cistern. Unlike monumental art, this was both popular and individual art – directed to any viewer and anybody could express themselves through it. D. Ovcharov noticed the special nature of medieval graffiti and emphasized its open structure, as it is not limited by either topic or space. The compositions seem to be a set of accidental and spontaneously added pictures. However, because they contain a message of the thoughts and beliefs of their creators, they become a reflection of their spiritual life. In fact, alongside Orthodox Christianity, cults of different ethnic groups and other Christian factions are represented. The topics were unquestionably influenced by both nations related to the

Chersonese as well as those on the periphery and thus their stylistic characteristics are not uniform.

The iconographic compositions speak with wealth of form and content. They depict boats, people, animals, and religious symbols such as crosses, solar signs (e.g. pentagram and hexagram), the bident-anchor and bars or nets. Accompanying inscriptions are often present.

The two ship types engraved on the southwest wall (Table I and II) are probably military vessels – they are equipped with numerous oars and one of them probably has a flag code which would additionally confirm its military function. They seem to be equivalents of the Byzantine *chelandion*. The inhabitants of the Chersonese knew various means of water transportation, both the above mentioned military vessels, as well as their own trade ship – the *karabos*. The latter is depicted in the engravings on the northwest (Table III) and northeast (Table IV) walls. In both cases, they are light ships with one row of oars which served as auxiliary and rescue vessels accompanying heavy ships. Constantine Porphyrogenitus mentions both (the *chelandion* and the *karabos*) in his description of the expedition of Petronas Kamateros with the Constantinople crew through the Chersonese to the mouth of the Don River. The accompanying inscriptions are hard to interpret (Photo 1 and 2). The former seems to contain names, the latter remains unclear.

The text on the northwest wall (Photo 3) deserves special attention. It is the best preserved and thus, despite considerable damage, allows interpretation. According to the Greek epigrapher Georgios Velenis, it was a rhymed piece written in a twelve syllable line. Only a half of each of the six verses has been preserved. The word ΟΔΗΝ (instead of ΩΔΗΝ) – i.e. hymn, present in the first line, confirms its nature, whereas the font-style, typical of epigraphic writing of the ninth through eleventh centuries confirms its chronology. The text mentions somebody who is alive – ΖΟΝΤΑ (instead of ΖΩΝΤΑ) in the second verse, and a grave of friends – ΤΑΦΟΣ ΤΟΝ ΦΗΛΟΝ in the third verse, both of which seem not to be accidental. This may express the feelings of people imprisoned in the cistern. Other inscriptions engraved on the same wall were probably inspired by similar circumstances. They include the prayer invocation ΚΕ[ΒΟ]ΗΘΗ (Photo 4), i.e. “Lord, come to rescue us”, which is very common in Christian iconography. The inscriptions are part of a larger context of ships and their equipment; they are woven into the elements of rigging. The best example is the graffiti on the northwest wall which depicts a two-masted ship and the yard on one of the masts forms a clearly marked cross. It is accompanied by an inscription of a Greek cross and the following words: ΚΥΡΗ ΘΥ ΟΥ ΟΥΟΑ (Photo 6), which could be deciphered as: “Lord, the Son of God, save (or: Savior!), protect (or: deliver); subsequent words are difficult to reconstruct. Above the inscription there is a ship with one row of oars and with a steersman and another crew member aboard (Table V; Photo 7). Like the vessel in Table II, it is equipped with a row of oars and something resembling a flag code.

Also of interest are mastless ships with their ends bent upward, possibly skiffs or fishing boats. Two drawings of such vessels are located on the northwest wall. One is fully preserved (Photo 8), whereas only fragments remain of the other (Photo 9). They resemble lime rock engravings in Bessarabia in Dobruja and Pliska. Another analogy is to Scandinavian (Waregian) ships. Such graffiti-style images, dated to the ninth through eleventh centuries, have been found in Stara Ladoga and Pskov.

The topic of sailing is present in all of the iconographic groups in the cistern.

Aside from their literal meaning, the images of ships in the cistern may have symbolic meaning. According to G. Shapovalov, the ship as a symbol of maritime travel greatly influenced the spiritual life of nations throughout history. The Chersonesian drawings may also refer to the beliefs that the other world is separated from the real world by water which the deceased person has to cross in a boat. Are these pictures related to the cult boat of the Sun or the boat of Charon which decorate the walls of ancient crypts and tombs on the Black Sea coast? Their double or even multiple meaning is very probable.

The text graffiti is also represented by another formula popular in the Christian world: ΙΧ ΧΝΙ ΚΑ (i.e. Jesus Christ prevails). This way of spelling (with the “iotacism” – ΝΗ ΚΑ) is found in the upper left corner of the northwest wall (Table VI). The tradition dating back to seventh century places this kind of inscription in the arms of the cross – the way it is seen in the cistern. It appeared in sacral structures and was impressed on Eucharistic bread in the Greek Liturgy. Later, this ideogram is also found on Byzantine imperial coins.

The inscription in the cistern is an integral part of an image of a man. The nimbus around his head (Photo 11) and crossed legs seem to indicate crucifixion. The schematic nature of the drawing resembles the style of anthropomorphic figures known from Khazar ceramics. Khazar influences in the Byzantine territories in the Black Sea region are confirmed through the archaeological research of V. A. Florova, among others. The figure in the upper part of the southwest wall shows different characteristics (Table VII). It appears to have been created by another person and may be an image of a fisherman or an orant figure. Horse riders are also important among the anthropomorphic images (Table VIII). The diversity of their styles is probably due to the existence of different cultural traditions in the iconography of the cistern, in which the influences of both the steppe and coastal cultures are intertwined. In both cases the motif of horse riders was an important means of expression. Two images (Table VIII: 1, 2) seem to refer to steppe themes, whereas the remainder refer to the culture of settled life, especially one of them which is pictured in a victorious pose in the background of the symbolic Golgotha (Table VIII: 5). It may be related to the images of holy warriors whose cult was known in Byzantium and the adjacent Chersonese. Similar graffiti-style iconographic groups are present in other areas of the Black Sea region, such as the town of Aliman and Mangalia in the present-day territory of Romania where they are tentatively identified with St. Theodore Tyro, the patron saint of cavalry (T. Papasima, V. Georgescu). Aside from

Christian symbolism, the drawings of Chersonesian riders resemble both the Khazar rock drawings from Majackoje Gorodishte and the graffiti from Pliska (S. A. Pletnjova).

The abundant animal world is also represented in the cistern. The horse motif is one of the most important ones. On the one hand, the horse is an inherent part of nomadic life (see Table IX), on the other, it is present in the traditions and beliefs of the peoples from Thrace through the Caucasus as the incarnation of the spirit. Early Christianity adopted this motif as a symbol of life passing and the striving for eternal salvation. And thus, the galloping horse was often inscribed on tombstones. The drawing on the northwest wall (Table X) seems to reflect these ideas.

Another composition on the same wall depicts a wolf hunting a grazing animal. Thanks to the help of zoologists from the Institute of Biotechnology and Environmental Sciences at the University of Zielona Góra we were able to identify the animal's features as characteristic of the Eurasian Saiga antelope (*Saiga Tatarica*). Other quadrupeds visible in the cistern are the zoomorphic figures considered to be (wild) boars, a dog and probably a sheep (Table XIII).

Images of birds are associated with the cultures of Pontus steppe. Among them, the eagle is the most common. It was preserved in the bottom part of the northwest wall and is pictured in a heraldic pose with the head turned to the left and spread wings (Table XIV). Bulgarian researchers have known similar graffiti from Preslav, Veliko Tynovo and Pliska (D. Ovcharov). The "Chersonesian" eagle is different from the other because of its minute detail (eye, nostrils, tiled neck feathers). According to zoologists, these features are characteristic of three types of eagles: Steppe Eagle, Golden Eagle, and Eastern Imperial Eagle. It also indicates that the creator of the image was not only a skilled engraver but also an astute observer of the surrounding environment. Another image which draws our attention is a depiction of a peacock. Its silhouette with the characteristic crest, majestically prolonged neck and train is found in a few places on the southwest wall (Tables XV, XVI, XVII). Each of these stylized images is part of others with no clear contextual associations. In Greece, Rome and Byzantium the peacock was a domesticated animal, used mostly as a park or garden decoration. It probably also existed in the Byzantine estates of the Chersonese. On the wall of the cistern it seems pulled out of its idyllic "context" of peaceful life and its reminiscence. The motif of two peacocks on both sides of the *kantharos* is known in Christian art. It was usually part of a mosaic and relief decoration and the peacock signified a simplified picture of paradise and the symbol of eternity. The images in the cistern may have been related to this symbolism, even though they lack the above-mentioned configuration. The engravings of both birds, the eagle and the peacock, may have become a seal of the Chersonese people whose identity formation started with the encounter of Greek ethnic groups with non-Greek nomads. Thus, in the cistern, the place of the imprisonment of members of this people, the birds may have been symbols of lost freedom. The group of avian images also includes a vulture (Table XVIII, 1), perhaps an ibis (Table XVIII, 2), and a great bustard or a cock (Table XVIII, 3), as well as other wading birds. The most interesting one is an image of a heron or a cormorant (Photo 9) on the northwest wall. The slim body of the bird and the precision of the drawings are not its only values; it probably portrays a fishing scene which is indicated by the bound neck of the supposed cormorant.

Apart from figurative images, the tradition of engravings encompasses the more primitive expressions of art, such as lines and symbols. The system of graphic signs found in the cistern demonstrates the cultural diversity of the Chersonese and its surroundings, and shows the presence of religious thinking in many aspects of life. The cross is of special importance and its various graphic forms parallel the changing forms of the cross throughout history (Table XX). One is the Greek cross with equal length arms: when it is inscribed in a square, as it is the case on the northeast wall (Table XX, 1), it represents the motif known as *forma quadrata mundi* - an archaic symbol of unity and harmony which was referred to the Cross of Christ in the Middle Ages (another symbol also belongs in this category: Table XX, 4). There are many variations of the Latin cross: Straight - forming the top of a ship's mast (Table XX, 2; IV); Double - also known as Patriarchal, on the symbolic Golgotha (Table XX, 3; see also Table VI, 3) which along with the accompanying inscription becomes a special symbol of victory - *tropaion* or *apotropaion* - which is supposed to drive off evil spirits; Cross potent - with a crossbar at the end of each of its arms, found mostly in Byzantium in the ninth and tenth centuries. In the cistern it is in a group three crosses, one of which also has a slanted suppedaneum (Photo 15). Another form is cross-anchor (Table XX, 5) which combines two Christian symbols known in Byzantium and Kievan Rus'. An identical cross has been found among the graffiti at Sarkel, in a layer dated to the tenth century. Finally, there is a cross with split arm ends (Table XX, 6) as well as the Maltese cross (Table XX, 7) whose presence has been confirmed in Georgian artifacts since the fifth century.

Heterodox beliefs are also represented in the cistern. An example is the cult of the Sun with the main symbol of rays inscribed in a square (Table XXI, 1, 2) which was adopted by Christianity. The pentagram and hexagram are also associated with solar symbolism. Two such images are preserved in the cistern (Photo 16, 17) and both are associated with short inscriptions: one is a Greek prayer formula, while the other is difficult to decipher. In Bulgarian graffiti, the pentagram was often used instead of the cross in the opening lines of Christian inscriptions, both in Greek and Cyrillic. Bars, nets and ladders (Table XXII, Photo 18, 19) also belong to the category of magic signs. In Khazar art these analogies are the main iconographic types. The less commonly found bident also seems to be a reflection of this tradition. It is usually placed at the feet of a horse rider, as if it was his attribute (Photo 20, Table XXIII). It may have been the oldest seal mark of the Rurik dynasty, as well as a stylization of the anchor known in the Pontus.

As one can see, the iconography in the cistern is derived from the multi-ethnic and multi-meaning character of the Chersonese and the Crimea. Regardless of the creators' intentions, the placement of prayer formulas and various

religious symbols in the cistern made its otherwise secular space undergo “sacralization”. With its closeness to tomb and catacomb iconography the images from the cistern produce themes of crossing over to the other world and thus become evidence of the spiritual life of their creators.

Translated by Małgorzata Mahoney

CHAPTER 5. Coins N.A. Alekseyenko

77 copper coins have been found in the territory of the archaeological complex in question. Their absolute majority belong to traditional Byzantine issues of Cherson from the 4th to the 11th c.

The coins thus discovered not only supply valuable information concerning the time of the structure’s existence and destruction, but also shed some light on certain still discussed aspects of medieval Cherson coinage as well as characterize its monetary circulation during this period.

Stratigraphically the coins are distributed in three main layers, situated at various depths.

The upper layer is heavily mixed earth, many times affected by human activities. Its numismatic material is represented by 18 coins from different times, which also confirm its mixed nature: two are ancient, one is early Byzantine, the rest are coins of Byzantine Cherson from the 6th to the 13th c.

The most valuable information is provided by coins which were found in the second layer – the actual fill-up of the cistern, untouched by any later activity. It is here that most of the coins were discovered. There are 46 of them: three ancient, two early Byzantine, and 38 pieces of Byzantine Cherson from the 9th to the 11th c. Three coins in bad condition could not be identified.

The third and the lowest level, directly connected with the final period of the structure’s existence, did not contain so much archaeological material, including coins. Eight coins were found here: two ancient, two medieval (?) unidentified, and four coins of Byzantine Cherson from the 10th and 11th c.

The coins that dominate in the complex can be grouped together into a quite compact cluster, which determines chronological limits of the existence and the time of destruction of the structure under study. The presence of coins of city issues from the late 11th century indicates that the cistern in all its functions ceased to exist and was filled up around the end of the 11th c. or on the verge of the 11th and 12th c.

Coin issues represented in the numismatic complex of the cistern are to a certain extent characteristic of the composition of Cherson’s monetary market, especially in the period when a Byzantine theme existed here.

As it is well known, the mint of Cherson issued coins in the name of practically all ruling Byzantine emperors from the mid-9th to the third quarter of the 11th c. Good illustration for that is also provided by the coins contained in our complex. Although by far not all the series of city emissions are represented here, even this occasional sample gives an idea of the regular work of the local mint, which satisfied the needs of the monetary market of Crimea region.

The contents of the monetary complex from the fill-up of the cistern-jail are quite similar to the majority of coin hoards found in Cherson or to finds of hoard nature, which go back to the time of the sacking of the city by Vladimir Prince of Kiev. The difference is that coins from the 11th c. are also present here.

To a certain extent the complex can also bear testimony to the complicated situation in Cherson after the Korsun’ expedition right to the beginning of the second half of the 11th c. Graffiti preserved on the walls can also be regarded as a reflection of those events, when prisoners of the jail could be the retinue and comrades-in-arms of George Tzoulas (1016), as well as other city nobles who led an uprising half a century later (1066) or zealous defenders of the emperor’s case, imprisoned by the insurgents.

Translated by D.E. Afinogenov

CHAPTER 6. The ceramic assemblage V.A. Nessel

The complex of ceramic finds from the filling of the cistern is numerous and various enough. The found objects belong to various categories: building ceramics, transport vessels, thin-walled ware without glaze and glazed pottery. The majority of the forms from this complex are dated to the Byzantine and Later- Byzantine times; this ceramic is widely known from excavation of Chersonesus and synchronous sites of the Crimea.

Studying of ceramic material found on the floor of the cistern shows that the termination of the functioning of this object as a cistern for storage of water occurred not earlier of the second half of the 10th – first half of the 11th centuries. The use of this cistern as a prison could be made from the first half to the end of the 11th century.

According to lead correlation of ceramic material and coins it is possible to establish that a basic filling of the cistern have been occurred in the period of the end of the 11th- the beginning of the 12th centuries. Fragments of the ceramic vessels of the 12th-13th centuries found in the upper levels of the filling are connected with economic activities on this place in the latest times.

The ceramic assemblage from the filling of the cistern in VII quarter of Chersonesus reflects a picture of an economic life of the city in the Byzantine and Later- Byzantine times. Prevalence of local products in the filling: building ceramics, various types of transport vessels and the majority of thin walled ware is indicative. The high number of fragments of imported amphorae and fine table vessels proves the communications of the city with well-known international trade centers.

The ceramic material is presented to the publications in categories according to functional purpose and method of production. Thin walled ware has leading position in the composition of the complex – about 35 %, tare vessels have 31 % of finds, building ceramics – 30 %, glazed vessels – 4 %. Fragments of ancient and early-medieval vessels constitute a very small part of finds in the filling.

Building ceramics. Fragments of roof tiles were found at all levels of the filling of the cistern; the most of it were in the bottom part. This category of ceramic material consists of the box tiles, ridge tiles, plinths, water pipes. On some fragments of tiles there were building labels.

Transport vessels. This category consists of the pithoi, amphorae (the majority of them of local manufacture), large tare vessels of other forms.

Thin-walled ware. This category consists of finds of kitchen and table unglazed vessels. All products are divided into the groups: jugs, pots, bowls, cups, plates, covers, strainers, lamps, ceramic sinkers, fuses for amphorae, a ceramic stamp, white-clay unglazed ware.

Glazed ware. The majority of vessels represent Byzantine white-clay glazed pottery: dishes, plates, bowls with a relief ornament or a list. There are finds of the Later- Byzantine white-clay glazed pottery with a list, red-clay glazed ware of local and import manufacture.

Translated by V.A. Nessel

CHAPTER 7. Miscellaneous small artifacts

M. Nowak

During the 2002 excavation of the cistern located in *domus urbana* in the VII quarter of the Tauric Chersonese archaeologists recovered 178 small artifacts. They include garments, glass and bronze jewelry, and bone and metal artifacts. Nearly 82% of them were found in the fill of the cistern, 12% - in phase II level, and the remaining – in the upper layer.

Fragments of glass bracelets are the most numerous group of artifacts. Among these, the most common are smooth blue bracelets and bracelets with round, half-round, and flat-convex cross section. The types with triangular and square cross section, as well as spirally twisted bracelets, are also present. They most likely come from local workshops which operated in the city in 9th and 10th centuries. Among garments, the most interesting items are: a bronze heart-shaped belt appliqué decorated with a five-leaf palmetto, a bronze cicada-shaped fibula and a belt tip.

A very interesting artifact, found in the fill of the cistern, is a lead ampoule - a souvenir of a pilgrimage to the Holy Land - which contained relics, oil or holy water.

Household items are also ubiquitous. They include tools, whetstones, polishing stones, knives, bronze vessel fragments and items associated with weaving and fishing.

All artifacts discovered in the cistern were most common in 10th and 11th centuries and are characteristic of the whole of Eastern Europe and the Balkans which were heavily influenced by Byzantine craftsmanship.

Translated by Małgorzata Mahoney

CHAPTER 8. Osteological material

O.P. Zhuravlyov

While examining osteological material from the cistern, which had been used as a jail, a fair quantity of dog and cat bones and skulls attracts attention. The prisoners, who could scarcely have been fed well, could have lured those animals to use them for food.

While examining osteological material from the object #1 of year 2002 predominance of small cattle and absence of domestic horse remains attract attention. However, the smallness of the extracts does not allow us to draw the final conclusions.

Comparison of sizes and proportions of cow bones from the cistern and object #1 did not show any differences between them. It can be evidence of a common breed structure of this species in Chersonesus in 9th –12th centuries AD.

Translated by K.S. Jakimets

CHAPTER 9. Anthropological Material

V. Radochin

In the course of the excavation work in the cistern, a minor amount of anthropological material was collected, in a fragmentary and unsatisfactory condition of preservation. During its investigation, traditional methods of the treatment of paleoanthropological material were applied.

As a result, it was reliably established that the material constituted the remains of at least four persons: a child aged 2.2–3 years, and three adults, one of whom was presumably a man.

The pathological features of the material included a porous hyperostosis of the temporal bone, symptoms of tuberculous spondylitis of the lumbar vertebrae, an O-shaped deformation of the tibia, and symptoms of osteomyelitis of the fibula.

Translated by Przemysław Znaniński

Conclusion

A. B. Biernacki, E. Klenina

In the course of the archaeological work of 2002, the water cistern was discovered and subsequently investigated along with a small section of the adjoining area. It has been established that all the structures constituted parts of the dwelling complex in Quarter VII. The drinking water cistern deserves particular attention due to its unique condition of preservation, the graffiti on its walls and the large corpus of archaeological finds encountered therein. The discovered cistern is located in the court of a big *domus urbana* in the north-western section of the Quarter, and its original application was to supply drinking water to the inhabitants of the house, as well as water for other household purposes in the Quarter. Unfortunately, we have not managed to reconstruct the architectural design of the dwelling in detail because of the untimely termination of the investigation of this part of the city.

Radiocarbon tests have demonstrated that the structure was erected at earliest in the 9th cent., and most likely in the second half of the 9th cent. Based on a thorough perusal of the entire corpus of material acquired in the course of the excavation work, the stratigraphy and the architectural peculiarities, we have identified several stages of the functioning of this structure:

Stage 1 (9th–10th cent.): The cistern was used for the storage of water and constituted a part of the *domus urbana*. Two periods may be further distinguished in the history of its operation: 1. water was supplied by means of a clay pipe located in the center of the upper section of the north-eastern wall, and fitted there during the construction of the cistern; 2. water was supplied by two canals made of stone blocks and with their bottoms laid with *kalyptrai*, entering the cistern in the northern and eastern corner.

Stage 2 (first half of the 11th cent.): The water-supply canals were demolished, and so the cistern apparently ceased to be applied for its original purpose. It was turned into and continued to be used as a prison. Two periods are distinguished within this stage: 1. the bottom of the cistern served as the floor; 2. the level of the floor was raised, as crushed stone was placed on the bottom. It was during this stage that the graffiti appeared on the walls.

Stage 3 (second half of the 11th cent.): The cistern, used as a prison, was gradually filled up.

Stage 4 (late 11th–12/13th cent.): A cellar and a utility pit were constructed and used.

Stage 5 (13th cent.): The dwellings in Quarter VII continued to be inhabited. We have not managed to trace an architectural map of that period, as the surface of the plot was leveled prior to the construction of the cathedral, which substantially damaged the upper layers. Archaeological exploration has discovered small amounts of coins and earthenware of the 13th cent., while the prevailing majority of the material from these strata dates to between the late 9th and the early 10th cent.

The design of the cistern constituted a diminished copy of the enormous water reservoirs which were erected in Constantinople from the 6th cent. onward. Theoretical mathematical calculations indicate that the maximum capacity of the cistern amounted to 85.30–86.00 cu. m of water. The presence of wooden beams suggests that the height of the level of water was no more than 3.40 m, and most likely amounted to 3.00 m. In the northern corner, there was a sediment trap for coarse-grained impurities. In the vault immediately above it, there was an overflow hole.

After the cistern had ceased to be applied for its original purpose, probably following the events of the turn of the 11th cent., it was adapted for the imprisonment of offenders. It was at that time that the graffiti and inscriptions appeared on the walls, principally on the north-western and south-western ones, and markedly fewer on the north-eastern one. Apparently, the interior of the cistern was lit only through the overflow hole in the northern section of the vault, and the south-eastern wall remained in total darkness.

An iconographic study of the graffiti of the first half of the 11th cent. has indicated that at least two groups of representatives of various cultures and traditions were consecutively jailed in the cistern. A. Brzóstkowska has given to them the interim names of “the sea people” and “the steppe people”. The inscriptions in the Greek language testify to the

good education of the prisoners. It is still highly difficult to establish which group was imprisoned earlier and which subsequently. The fact that later graffiti damaged parts of some previous inscriptions and drawings may suggest a mutual hostility between the two groups of inmates. Although written sources provide abundant information on the political developments in Chersonesus, any attempts at referring them to the appearance of the graffiti would be precarious. Still, it may be assumed that during the rebellion of 1016, caused by the oppression of the city by the central authorities of Byzantium, the local aristocrats imprisoned the imperial governors of Chersonesus. The rebellion was brutally quashed in January 1016, and its participants were punished.

In the second half of the 11th cent., the cistern ceased to be used and was gradually filled up. At the turn of the 13th cent., the Quarter was rebuilt; we have not managed to reconstruct its general plan from that time. The only structures of that period extant in the investigated area, are the foundation of "Interior 1" (a cellar, of the floor area of 1.85 x 1.60/1.80 m and of the height of 1.40 m) and a garbage pit.

One can only regret that due to circumstances beyond our control, it has not been possible to study this unique archaeological find along with other structures of the complex.

Translated by Przemysław Znaniecki

Наукове видання

МІНІСТЕРСТВО КУЛЬТУРИ І ТУРИЗМУ УКРАЇНИ
НАЦІОНАЛЬНИЙ ЗАПОВІДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРІЙСЬКИЙ»
НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ

Херсонеський збірник
Supplement I

**Топографія Херсонеса Таврійського
Водозбірна цистерна житлового будинку
у кварталі VII (IX-XI ст.)**

за редакцією Бернацки Анджея та Кленіної Олени Юрїївни

Російською та польською мовами

Редактор О.Ю. Кленіна, А.Б. Бернацки
Технічний редактор, коректор О.А. Денисова
Комп'ютерна верстка М.Э. Арефьев

Здано до набору 10.11. 2006. Підписано до друку 20.12. 2006
Формат видання 60x84/8. Папір офсетний № 1
Гарнітура Times. Друк офсетний
Ум. -друк. арк. 28, 00. Обл.-вид. арк. 28, 56
Наклад 400 прим.

Оригінал-макет виготовлено Видавничим домом «Максим»
99053, Севастополь, вул. Вакуленчука, 31- В
Свідоцтво про реєстрацію СВ № 002 від 26.12. 2001
Тел.: + 38 (0692) 24 01 84
E-mail: maksim@sferos.com

Надруковано у типографії ПП «Інтерсфера»
99053, Севастополь, вул. Вакуленчука, 31- В
Тел.: + 38 (0692) 24 01 84
E-mail: intersfera@sferos.com